

Диакон Андрей Кураев

Неамериканский миссионер

По благословению епископа Саратовского и Вольского Лонгина

© Издательство Саратовской епархии, 2005

Содержание

Материалы к реферату на тему «Религия и наука»
Наша брань не против науки: клонирование и Церковь
Беседа о медицинской этике
В защиту компьютера
Человек и его компьютер или компьютер и его человек?
Разговор в университете
Как говорить с молодыми
Исповедь сверстнику
О пути не монашеском
Закон Божий и «Хроники Нарнии»
Церковь и рокеры
Заключение
Примечания

Материалы к реферату на тему «Религия и наука»

Вопросы, уводящие от стереотипов.— Чего нет в Библии? — Аскетизм и наука.— Доброе слово об инквизиции.— Вера научных революционеров.

Уже века этак полтора светские школы выращивают тараканов для подселения их в головы учеников. Один из самых откормленных тараканищ — это тот, который окапывается где-то в районе левого уха и своими усами раздражает ту нейронную цепочку, с помощью которой вышколенный человек твердит: «Наука и христианская догматика несовместимы!!! Наука рождалась, преодолевая яростное сопротивление церковных мракобесов! И только по мере высвобождения людей от оков средневековой схоластики родилась научная мысль!».

Этот словесный поток настолько привычен (ибо начал он свое журчание еще в дореволюционных школах, тем самым и готовя «великий переворот»), что желания поверить его кажущуюся «гармонию» с помощью «алгебры» (то есть логики и истории) не возникает.

А ведь даже в этих привычных штампах есть доля истины, которая — при серьезном отношении к ней — способна освободить сознание от чар атеистической пропаганды. Эта доля истины в том, что наука и в самом деле рождается по мере выхода человечества из Средневековья.

Ну а теперь — вопросы.

Первый — если наука рождается в некую эпоху, значит, она не всегда сопутствовала человечеству? Человек же ведь всегда интересовался окружающим его миром. Всегда старался познать его. Но научный способ познания мира появился не с рождением человека, а с рождением науки. Значит, наука есть не просто стремление что-то узнать о мире, а познание с помощью определенных методов. Значит, есть несколько методов познания мира человеком, и наука — лишь один из них. Этот метод замечательно эффективен. Но — универсален ли? Подходит ли он для разрешения всех проблем, возникающих при познании человеком своего места в мире?

Второй вопрос — если наука родилась на некотором этапе исторического развития человечества, может ли она находиться лишь в отношении конфликта с тем миром, который ее и породил? Конечно, в определенную минуту ребенок прилагает усилия, чтобы выбраться из лона матери, а мать прилагает усилия к тому, чтобы вытолкнуть ребенка из себя. Но значит ли это, что отношения ребенка и его матери должны быть описываемы только в терминах конфликтологии? Если наука родилась на выходе из мира Средневековья, значит, именно в этом мире она как минимум была зачата и выношена...

Третий вопрос — наука рождается в минуту выхода из Средневековья всего человечества или только некоторой части его? Если только части — то, может, средневековая история именно этой части была в чем-то специфична? Если наука рождается на исходе именно западного мира из своего Средневековья, не значит ли это, что в западном Средневековье (в отличие от индийского или арабского) было что-то, что способствовало рождению науки?

Четвертый вопрос — если наука противоречит именно христианству, то отчего же другие культуры не привели к рождению науки? Отчего только христианство с его якобы глубочайшей антинаучностью создало культуру, в которой и произошла научная революция XVI–XVII веков?

Пятый вопрос — если научная революция происходит на исходе европейской культуры из Средневековья, то на выходе к чему же она именно произошла? Ведь мало сказать, что нечто произошло при выходе из молельной комнаты. Интересно узнать, что за комната начиналась за порогом молельной. Был ли там танцевальный салон или библиотека, ванная или лаборатория? Куда шел выходящий?

Все эти вопросы сводятся к одному: почему Коперник, Галилей, Ньютон и Декарт были христианами? Почему не буддистами? Не мусульманами? Не конфуцианцами?

Наука — не там, где человек просто интересуется природой. Наука — не там, где человек даже верно фиксирует те или иные природные феномены или высказывает гипотезы, которые потом оправдываются. Оленевод едет по тундре и поет песнь, слагая ее по принципу «что вижу — о том пою». Все в этой песне может быть верно: снег и в самом деле белый, а ошкеры и в самом деле быстрые... Но, несмотря на всю правдивость этого текста, назвать его научным нельзя. В науке принято демонстрировать не только пойманную щуку, но и удочку и наживку, на которую рыба была поймана.

Наука есть там, где предлагаются четко осознанные, отрефлексированные методы сбора и проверки информации и суждений. В исследовании природы первыми такими методами стали метод экспериментирования и метод математического моделирования физических процессов. И оба эти метода появляются как раз на стыке XVI–XVII веков.

Так почему — не раньше? Почему — не в другом месте, а именно в Европе? И — в какой Европе? В Европе еще христианской или же в Европе уже светской, «расхристанной»?

Чтобы понять то, что происходило в Европе XVI–XVII веков, надо обратиться ко временам гораздо более древним.

Мы знаем, что культура Средневековья была христианской. Что значит — в ее основе лежала Библия. А вот в основе Библии лежит весть о том, что единственно значимой связью (религией) является связь души и Бога. Бог Библии надмирен, то есть надкосмичен. Он не часть космоса и не олицетворение его стихий. Он — не Солнце, а Создатель Солнца. Он — не Луна, а Творец Луны.

Библейские пророки предостерегают от идолопоклонства, то есть от поклонения тому, что тварно, тому, что не-Бог. Язычник же в каждом природном процессе предполагает душу и действие некоего божка. Чтобы отучить людей от анимизма («все полно богов»), Библия решает в жертву религии принести эстетику. Не любуйся миром, не увлекайся им. Сначала пойми, что мир и Бог — не одно и то же и что твоя первая любовь должна быть ко Творцу. Ни одной пейзажной зарисовки, ни одного портрета нет на страницах Библии. Ее мир создан скорее инженерами, чем художниками: есть

инструкция, как построить Ноев ковчег — но нет его описания; есть инструкция, как построить храм Соломона — но нет импрессионистских заметок о том, как он «смотрелся»; есть описание того, как в шесть дней был построен мир — но нет описания прелестей этого мира.

Нет в Библии астральных мифов, которые столь органичны в мире языческих религий. Нет рассказов о том, куда уходит Солнце на ночь, чья рожица на Луне, о том, кто пролил молоко на Млечный путь, и о том, от кого же у Большой Медведицы появился медвежонок. Так что, «когда христианство приравнивают к самым диким мифам, я не смеюсь, и не ругаюсь, и не выхожу из себя, я вежливо замечая, что тождество нельзя считать полным»¹.

Вот текст с первой страницы Библии: *И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый* (Быт. 1, 14–19).

О чем этот текст? — Ну что за вопрос: конечно, это библейский миф о творении Солнца, Луны и звезд. А вот и не «конечно». Это не миф, а полемика с мифом. В Египте и Вавилоне, Финикии и Ханаане Солнце и Луна — это величайшие боги. А с точки зрения библейского автора, их религиозный статус столь малозначителен, что даже по именам их можно не называть. Так, «два светила». Две шпаргалки для людей, чтобы те знали, когда на какую работу надо выходить и когда праздновать Единому Богу, создавшему эти лампочки. То, что в этом тексте не употребляются слова «Солнце» и «Луна», означает, что это профанирующий текст. То, о чем миф говорил поэтическим языком, о том Библия говорить отказывается вообще, демонстративно переходя на инженерную терминологию: «А еще построил архитектор две системы освещения — одну основную (“в начале дня”), а другую аварийную (“в начале ночи”)». Все! После этого ни малейшего желания поклоняться лампочкам уже не возникает. Светила — для людей, а не человек — для светил.

И более ничего о звездах из Библии узнать нельзя. Что и позволит Галилею напомнить инквизиторам, что в Библии даже не перечислены по именам «семь светил», а посему «Библия учит нас тому, как взойти на небо, а не тому, как устроено небо»².

Итак, именно потому, что Бог Библии надкосмичен, Библия не содержит в себе догматов о природе и ее законах. Что и делает библейскую традицию чрезвычайно пластичной в решении вопросов науки. Ибо ничто так легко не согласуется с чужими и новыми взглядами, как молчание. Библия же о природе именно молчит.

Но хотя религиозный человек может жить, не интересуясь космологией, обычный человек и тем более целая культура долго без таковой обходиться не могут. Средневековая культура также включала в себя набор космологических представлений. Но откуда же она могла их почерпнуть, если в Библии таковых не содержится? Средневековье взяло их из своего второго источника — из античного наследия.

Но ведь это наследие не просто «античное». Оно еще и «языческое». И начался многовековой сеанс экзорцизма — изгнания из космологических представлений языческих пережитков. Одним из наиболее значимых моментов было осуждение авероистов (аристотеликов) 7 марта 1277 года парижским епископом Этьеном Тампье. Среди 219 анафематствованных тезисов особо примечателен для судеб астрономии пункт 92-й. Он осуждает учащих о том, будто «небесные тела движутся внутренним принципом,

¹ Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991. С. 139.

² Вообще-то это слова, которые Галилею сказал кардинал Бароний еще в 1598 году (см.: Фантоли А. Галилей. В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999. С. 145).

каковой есть душа; они движутся подобно живому существу именно душой и ее устремленностью: потому как животное движется, поскольку стремится к чему-то, так движется и небо». У звезд нет души, значит, их движение должно описываться на языке механики, а не психологии.

И все же Средние века на Западе кончились тем, что сама христианская Церковь начала расплзаться в нечто аморфно-всеядное. Эпоха Возрождения — это возрождение язычества. Римские папы, увлекающиеся гороскопами; богословы, в чьих трудах чаще звучит Аристотель, чем апостол Павел... Но XVI век — это век реакции. Здоровой христианской реакции на временную капитуляцию христианской воли и мысли перед приманками языческой плотской и философской вседозволенности. Переход от Возрождения к Новому времени — это переход от карнавала к посту. Это век Реформации (и Контрреформации). Это век величайшего религиозного напряжения за всю историю Западной Европы. Это век, отнюдь не равнодушный к вопросам веры. Наука рождается тогда, когда в Европе запылали религиозные войны... «Секуляризованные», равнодушные к религии народы религиозных войн не ведут.

Призыв лютеран «только Писание» был протестом не столько против церковных преданий, сколько против раболепствования перед авторитетом языческих философов. Это — меч, направленный не против Иоанна Златоуста, а против Аристотеля и Гермеса Трисмегиста. Не христианские догмы разрушала Реформация и рождающаяся наука, а догмы языческой философии. Ссылка на Аристотеля стала недостаточной.

Итак, пафос христианской Реформации — это призыв к дисциплине ума, воли и чувств. Этот призыв чужд ли науке? Английский химик Бойль видел религиозное применение науки в привлечении разума исследователя для борьбы с чувственными страстями: «Кто может заставить малейшие случаи в собственной жизни и даже цветы своего сада читать ему лекции по этике и теологии, тот, мне кажется, вряд ли будет испытывать потребность бежать в таверну»³. Аргументация понятна: с одной стороны, любой росток свидетельствует о Разуме, создавшем его, с другой — исследователь за пестрым многообразием мира научается видеть его внутреннюю стройную законосообразность. Научившийся видеть законы в природе будет почитать и те законы, что вписаны в человеческом сердце, и, следуя им, будет идти путем заповедей и уклоняться от греха.

Общим знаменателем науки и веры в XVI–XVII веках стала идеология аскетизма. Рационализм этой поры — это не триумфализм гуманистов. Сомнение стоит у истоков европейской науки. В это время не только Декарт сомневается в себе, в мире и Боге. Линн Уайт замечает, что начиная с 1300 года и по 1650 год европейцам была свойственна одержимость сюжетами, относящимися к смерти. Развивается символика отчаяния. Некрофилия была столь распространена, что любой протест против жестокости считался аморальным. «Любая из стихий чиста. А наши души с грязью пополам», — написал поэт этого века⁴.

Средние века дорожили словом Августина: «Если бы я только увидел себя, я бы увидел Тебя». Но теперь сложилось убеждение, что человек со своим узким эгоизмом, своеволием и буйством низменных страстей (с особой силой проявившихся в бедствиях войн XVII века: в Тридцатилетней войне Германия потеряла две трети своего населения⁵) служит далеко не лучшим пособием для изучения Божия закона. В человеке действие этих законов замутнено, искажено хаосом его аффектов. Физический же мир являет для пытливого ума естественные законы в чистом виде. Однако для их постижения человек сам должен вначале очиститься от скверны своего своеволия.

³ Цит. по: *Косарева Л. М.* Генезис научной картины мира. М., 1985. С. 44.

⁴ Цит. по: *Современные зарубежные исследования по философии и генезису науки (позднее Средневековье и Возрождение)*. Сб. обзоров. М., 1980.

⁵ См.: *Цветков С. Э.* Карл XII. М., 2000. С. 21.

Собственно, уже в IV веке святитель Иоанн Златоуст приводит в пример человеку движение звезд, которые не отклоняются от своего пути, в отличие от человека: «Небо, и Солнце, и Луна, и хор звезд и все прочие твари находятся в великом порядке, а наши дела в беспорядке» (Беседа 1 о диаволе, 7).

Но в XVI–XVII веках возникает новая форма духовной бдительности и готовности не доверять очевидным утверждениям. Открытие перспективы в живописи и открытие предрассудков в философии суть в равной степени основополагающие события Нового времени: мир, как он кажется, и мир, как он есть,— не одно и то же. И все это требует дисциплины мысли, проверки того, что кажется очевидным. А тут Коперник пояснил, что истину можно найти только вопреки данным человеческих чувств (ибо чувства-то нам твердят, что Земля неподвижна, а по небу ходит именно Солнце).

Итак, «не смех и буйство плоти средневекового карнавала, не ренессансный блеск красоты и стремление к славе, а глубокая внутренняя сосредоточенность, в тишине которой можно расслышать голос личной судьбы и смысла жизни, становится главной жизненной ориентацией. Возникновение механистической философии, становление экспериментального метода в науке и расцвет в XVII веке жанра натюрморта имеют одни и те же социальные корни. В натюрморте, с одной стороны, отказ от мирских радостей, а с другой — пристальный интерес ко всем подробностям мира. Для просто “любования” не нужно было убивать природу. Подобный же настрой на размышления о смерти создавали в XVII веке механические устройства. Если живая природа ассоциировалась с аффектами, свойственными поврежденной человеческой природе, то механические устройства — с полным контролем разума над собой и миром. Образ мира как часового механизма и образ Бога как часовщика воспринимались как душеспасительные. Парадоксально, но образ искусственной вещи, “мертвой природы”, механизма противопоставлялся протестантизмом XVII века явлениям живой природы как выражение высшей духовности в противоположность ветхой “душевности”»⁶.

Именно в силу своей противопоставленности миру человеческих аффектов и страстей мир природной рациональности и неизменности выглядит чем-то нравственно привлекательным.

Мир, в который выходит Европа из Средневековья (точнее, из периода ренессансного кризиса Средневековья),— это мир Реформации. Мир религиозного напряжения.

Реформация в поиске союзников против Рима обратилась к народу. Началась новая волна внутриевропейского миссионерства. И тут оказалось, что обыватель по сути не знаком с христианством. Оказалось, что язычество живет отнюдь не только в кардинальских палатах, но и в крестьянской избе. Оказалось, что крестьяне в католическом священнике видят скорее мага, чем проповедника и учителя. И раз уж протестантизм отверг авторитет священника, то замену ему легче всего оказалось найти в деревенской колдунье, а не в городском профессоре богословия. Интеллектуальная элита Европы открывает для себя мир ночных суеверий народа — мир ведьм. И начинается охота на ведьм. И начинается расцвет инквизиции. И рождается наука.

Ну вот, никак при разговоре о рождении науки не уйти от этого мерзкого слова — «инквизиция». А раз уж речь зашла об инквизиции (а у светских людей всегда речь заходит о ней, стоит лишь упомянуть о Церкви), то задержимся на этой грустной странице церковной истории подольше.

Сразу скажу, что именно чтение современной оккультной литературы заставляет как-то иначе отнестись к инквизиции и охоте на ведьм. Пока люди не верят в ведьм, колдовство и порчу, охота на ведьм кажется несусветной дикостью, сугубо позорной для христиан. Но если это всерьез? Если действительно возможно такое черное воздействие на человека, для которого ни расстояние, ни стены не являются преградой? И если действительно есть люди, готовые приносить самые страшные жертвы ради получения «черной благодати»?

⁶ Косарева Л. М. Генезис научной картины мира. С. 65.

Людей Средневековья постоянно обвиняют в суевериях. Но ведь эти «суеверия» они вычитали не в Библии и не в патристических творениях. Молва распространяла секреты, выползшие за пределы колдовских кухонь. Ведьмы сами уверяли, что их ничто не берет, что они в огне не горят и в воде не тонут и что за некоторую плату они могут на любого порчу навести. Ведьмы убедили народ, а затем и иерархов в своей реальности и в своем могуществе — и последовал ответ, последовала реакция общественной самозащиты.

Прежде чем обвинять тех впечатлительных христиан (или меня) в нетерпимости и человеконенавистничестве, попробуйте сами спрогнозировать свою реакцию. Представьте, что вы поверили сообщению Блаватской о том, что «в древние времена фессалийские колдуньи к крови черного агнца примешивали кровь новорожденного младенца и с помощью этого вызывали тени умерших»⁷? А если при вас ваша соседка заявила о своей решимости возобновить древние колдовские обряды⁸ и сказала, что духи, у которых она находится на выучке, считают ее колдуньей⁹?

Итак, сами ведьмы хвастаются своим искусством, причем нередко даже не маскируют свой антихристианский запал. И если обычные люди им поверят — как тогда им реагировать?

Не только русский бунт «бессмысленен и беспощаден», но любой. Люди искренне боялись нечисти и верили в реальность вреда от общения с ней. «Суд Линча» в таких случаях вспыхивал сам собою. Инквизиторы же вырывали обвиняемого из рук толпы и предлагали хоть какую-то формальную процедуру расследования, в которой можно было и оправдаться. И оправдывались (как оправдалась, например, от обвинения в колдовстве мать астронома Кеплера).

Интересно читать на одной и той же странице современной газеты: «В эпоху Средневековья, когда в Европе полыхали костры инквизиции...»¹⁰ и — сообщение о том, что «молодое поколение одной из кенийских деревушек решило последовать примеру средневековой Европы и устроило облаву на ведьм»¹¹. При чем здесь «пример Европы»? Помимо того, что как раз в средневековой Европе охоты на ведьм не было, стоит знать, что вера в порчу универсальна, а сторонников черной магии преследовали всюду.

«Законы Хаммурапи» древнего Вавилона гласили: «Если человек бросил на человека обвинение в колдовстве и не доказал этого, то тот, на которого было брошено обвинение в колдовстве, должен пойти к Божеству Реки и в Реку погрузиться; если Река схватит его, его обвинитель сможет забрать его дом. Если же Река очистит этого человека и он останется невредим, тогда тот, кто бросил на него обвинение в колдовстве, должен быть убит, а тот, кто погружался в Реку, может забрать дом его обвинителя»¹². Речь идет об ордалии — судебном испытании через погружение в воду. Виновного вода обличала тем, что топила; если же обвиняемый выплывал, то это считалось доказательством его невиновности. К ордалии прибегали, вероятно, лишь в случаях преступлений, угрожающих смертной казнью, особенно же при обвинении в недозволенном волшебстве и прелюбодеянии, если это обвинение фактически не доказано обвинителем и свидетелями: по вавилонским воззрениям, вода как чистая стихия непременно изобличит колдуна и прелюбодейку¹³. «При этом,— пишет А. А. Немировский,— надо учесть, что Законы Хаммурапи не представляют собой исчерпывающего свода юридических норм; например, в них отсутствуют статьи, касающиеся простейших преступлений — обычной

⁷ Блаватская Е. П. Разоблаченная Изиды: В 2 т. Т. 2. Рига, 1937. С. 671.

⁸ «Когда я была в Барри (в Италии), учась у местной колдуньи...» (Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнету. М., 1997. С. 307).

⁹ «Урусвати, люблюсь тобою. Я заглянул в школу. Я увидел чудесную колдунью» (Агни-йога. Высокий путь. Ч. 1: 1920–1928. М., 2002. С. 115).

¹⁰ Привалов Д. Увидеть Дубровник — и остаться // Труд. 1998, 10 июля.

¹¹ Я тебя напоила антиколдовскою водой // Там же.

¹² Законы Хаммурапи, 2 // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (древность и Средние века). М., 2001. С. 10.

¹³ См.: Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914. С. 69.

кражи, убийства, колдовства, хотя присутствуют нормы, связанные с обвинениями в этих преступлениях. Очевидно, нормы, касающиеся таких преступлений, считались общеизвестными»¹⁴.

В Египте в случае мора «в городе Илифии,— пишет Манефон,— живо сжигали людей, которых называли Тифоновыми, и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его» (*Плутарх. Об Исиде и Осирисе*, 73).

Индийские Законы Ману (II век до Р. Х.) предписывали: «За всякие заклинания, за наговоры на кореньях, за колдовство всякого рода — в случае неуспеха — штраф в двести [пан]» (Законы Ману. 9, 290). Наказание было сопоставимо со штрафом за грабеж — около 2 килограммов золота (см.: Архашастра. 3, 17). Однако если результатом колдовства будет смерть, то колдуну — смертная казнь¹⁵. Кроме государственного наказания, браминами налагаются религиозные «епитимьи» за такие равные друг другу грехи, как «чародейство и колдовство посредством кореньев... незажигание священных огней, воровство, неуплата долгов, изучение ошибочных книг и занятие ремеслом танцора и певца» (Законы Ману. 11, 64 и 66).

Японские законы гласили: «Если кто-либо из-за ненависти изготовит колдовское изображение или письменное заклинание или устно проклянет кого-либо и таким путем вознамерится погубить другого человека, то виновного судить как за заговор с целью убийства со снижением наказания на две ступени (в делах, касающихся родственников, наказание не уменьшать). Если в результате колдовства умрет человек, то в любом случае судить как за действительное убийство... Если для колдовства использованы личные вещи государя, то виновного обязательно повесить»¹⁶. Другой японский закон содержал «индекс запрещенных книг»: «Нельзя в частных домах хранить: астрономические приборы, сочинения по астрономии, китайские карты; гадальные карты; китайские военные сочинения; книгу предсказаний; за нарушение этого запрета — 1 год каторги»¹⁷.

Законы Двенадцати таблиц Древнего Рима, составленные в V веке до Р. Х., предполагали, что виновный в сглазе мог быть приговорен к смертной казни¹⁸. Тексты этих законов дошли до нас в неполном виде. В восьмой таблице есть статья (VIII, 8a), начинающаяся с формулировки преступления: «Кто заморозит посевы...»¹⁹, но далее — обрыв текста и формулировка наказания отсутствует. Впрочем, эта лакуна восполняется по цитации этого закона Плинием: «По Двенадцати таблицам, за тайное истребление урожая назначалась смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека» (*Естественная история*. 18, 3. 12. 8–9).

Платон мечтал об обществе, в котором закон об отравлении и ворожбе будет выражен так: «...Если окажется, что человек из-за магических узлов, заговоров или заклинаний уподобился тому, кто наносит другому вред, пусть он умрет, если он прорицатель или гадалщик. Если же он чужд искусства прорицания и все-таки будет уличен в ворожбе, пусть его постигнет та же участь, что и отравителя из числа обычных людей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть» (Законы, 933d). Демосфен «привлек к суду жрицу Теориду и добился этой казни» (*Плутарх. Демосфен*, 14). Теориду обвиняли именно в чародействе, причем казнена она была со всей своей семьей²⁰.

¹⁴ <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>.

¹⁵ См.: Эльманович С. Д. Примечания // Законы Ману. М., 2002. С. 388.

¹⁶ Уголовный закон о мятеже, разбое и грабеже (Дзокуторицу) (702–718 гг.) // Хрестоматия по истории государства и права. С. 548.

¹⁷ Административно-уголовный закон (Сикисэйрицу) (702–718) // Там же. С. 543.

¹⁸ См.: Гольцман Е. Е. Дурной глаз и порча. М., 1996. С. 3.

¹⁹ Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 11.

²⁰ «Вы предали смертной казни колдунью Теориду с Лемноса и ее родственников за то, что они изготовляли магические снадобья» (*Демосфен. Против Аристогитона*. 1, 79).

Так что вполне уместен вопрос Августина: «Может быть, христиане установили эти законы, карающие магические искусства? Разве перед христианскими судьями был обвинен в магии Апулей²¹?» (О Граде Божиим. 8, 19).

Русская «Повесть временных лет» под 1071 годом рассказывает о том, как языческие волхвы в Верхнем Поволжье убивали женщин, обвиняя их в колдовстве. «Явились два волхва из Ярославля, говоря, что “мы знаем, кто урожаем держит”. И отправились по Волге и, куда ни придут, тут же называли знатных женщин, говоря, что та жито удерживает, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку и убивали много женщин...». На допросе они пояснили, что убитые ими женщины «удерживают урожай, и если истребим, перебьем их, будет изобилие». Поскольку речь шла о регионе с финно-угорскими традициями, представляется возможным сопоставить этот рассказ с ритуалами мордвы, бытовавшими еще в XIX веке. «Когда наступало время общественных жертвоприношений языческим богам мордвы, специальные сборщики ходили по дворам и собирали всякую снедь, но непременно брали ее у женщин. Обнаженные по пояс женщины, перебросив мешочки с продуктами через плечи, стояли спиной к двери в ожидании сборщиков. Последние отрезали мешочки, укалывая при этом женщину пятьюкратно в плечо»²².

Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Восточную Европу в середине XII столетия, побывал и в Верхнем Поволжье. Об одном из живущих там племен он поведал следующее: «У них каждые 10 лет становится много колдовства, а вредят им женщины из старух-колдуний. Тогда они хватают старух, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она колдунья, а которая остается поверх воды, — сжигают на огне»²³.

Так что неприязнь людей к колдунам совершенно независима от христианства...

Вот франкская «Салическая правда» VI века. Назвать ее памятником христианского права и христианской культуры затруднительно. Это самое что ни на есть «традиционное право» (хоть уже и смягченное влиянием римской правовой культуры и церковной проповеди). И вполне традиционное, «общечеловеческое» отношение к колдовству стоит за его параграфами: «Если кто причинит порчу другому и тот, кому она причинена, избежит опасности, виновник преступления, относительно которого будет доказано, что он допустил его, присуждается к уплате 63 солидов. Если кто-нибудь найдет на другого порчу или положит на какое-либо место тела навязь, присуждается к уплате 62,5 солидов. Если какая-нибудь женщина испортит другую так, что та не сможет иметь детей, присуждается к уплате 62,5 солидов»²⁴ (Салическая правда, 19). Германское право привнесло в европейскую судебную, уже знакомую нам по вавилонским источникам практику «испытания водою» (*Leges visitgothorum*. 6, 1, 3)¹.

Как сказал Б. Мелиоранский, «языческие понятия об отношениях религии к государству оказались во много раз живучее самого язычества»²⁵.

Полторы тысячи лет понадобилось языческим страхам для того, чтобы пронизать собою церковную этику.

«Народная вера в ведьм и в их способность околдовывать людей вплоть до XII–XIII веков считалась “ложным суеверием”. Составители пособий для исповеди — пенитенциалиев, или “покаянных книг”, распространившихся в Европе с VII века, рассматривали подобные суеверия своих прихожан как “губительную заразу” и

²¹ Об обвинении философа Апулея в магии см. его книгу «Апология, или О магии».

²² Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 172.

²³ Цит. по: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. С. 173

²⁴ Для сравнения: за убийство чужого раба пеня 30 солидов; если римлянин ограбит салического варвара, то штраф 63 солида, а если франк ограбит римлянина, то 35. За покушение на жизнь свободного человека — 63 солида.

²⁵ Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению древней христианской Церкви (I–VIII вв.): В 2 вып. Вып. 1. СПб., 1910. С. 87.

неоспоримое свидетельство утраты “истинной веры”, а замеченным в ней полагалась двухлетняя епитимья... Католическая Церковь никогда не была замечена в склонности к телесным наказаниям или казни за колдовство. Даже за вредоносное (смертоносное) колдовство полагалось самое большее 7 лет покаяния на хлебе и воде. Собственно, осуждались не столько возможные последствия колдовских действий, успех которых в глазах Церкви был сомнительным, сколько сама вера в их эффективность, означавшая все то же идолопоклонство. Иное дело — реакция светских властей. [В их глазах] колдун подлежал наказанию не за отступление от истинной веры, а за причиненный ущерб... Повторю еще раз: до IX века светское законодательство упорно делало акцент не на самом факте колдовства, а на степени вреда, наносимого колдуном... Отношение официальной Церкви к народной вере в силу взгляда в раннем Средневековье остается не совсем ясным, так как из Евангелия непонятно, верил ли в нее Сам Христос, и теологи этот аспект народных представлений никак не комментируют. Но в народе вера в “дурной глаз” сохранялась на протяжении всего Средневековья, что явствует из перечня вопросов, которые приходской священник должен задавать прихожанам на исповеди. “Покаянные книги” ничего не говорят нам о болезнях и несчастьях, происходящих от “сглаза”, зато осуждают веру “некоторых женщин” в возможность взглядом или оговором околдовывать и изводить соседских утят, гусят, цыплят и прочую живность»²⁶. И лишь в XIV веке с возможностью «сглаза» соглашались католические богословы, причем Фома Аквинский при этом ссылается на труды Аристотеля и Авиценны, откуда он выводит, что душа старой женщины чаще бывает исполненной зла, отчего сам взгляд ее становится ядовитым и опасным, особенно для детей (Сумма теологии. 1, 92, 4).

«Первый случай преследования ведьмы произошел в 1498 году»²⁷. «Колдовство до XV века мы совершенно не встречаем»²⁸. «Колдовство и ведьмовство — явление не очень старое. Собственно говоря, о ведьмах до XV столетия было как будто бы и вовсе не слышать»²⁹. «Колдовство было мало распространено в Средние века, да и к концу XV — началу XVI века оно не стало слишком популярным. Церковный собор в Валенсии, проходивший в 1248 году, не отнес колдунов к еретикам и постановил, что дело с ними должны иметь только епископы. В случае нежелания покаяться и при упорстве их приговаривали к тюремному заключению на срок, определяемый епископом. Вернар Гун говорил, что Святая палата должна заниматься еретиками, а потому почти во всех случаях, когда колдуны представляли перед его трибуналом, он попросту передавал их дела в руки епископских судов... Почти до конца XIV века колдовство считалось делом исключительно Церкви. Светская власть не пыталась ни искоренить, ни терпеть его, а дела колдунов передавались светским судам лишь в редких случаях. Но к 1390 году, несмотря на некоторые попытки пап удержать дела колдунов в пределах обычных церковных дел, мы видим, как показывают документы, что светские суды все чаще признают ересь преступлением и что епископы с инквизиторами переставали вести суды над колдунами»³⁰.

Массовая же охота на ведьм была отнюдь не средневековым феноменом, а ренессансным и даже новоевропейским. Печально знаменитая книга «Молот ведьм» появилась на свет лишь в 1485 году. Испанская инквизиция была организована в 1478 году. Португальская — в 1540. Римская — в 1542 году. Конгрегация индекса запрещенных книг начала работу в 1571 году. В Россию инквизиция была завезена Петром Первым. И первый российский закон, повелевающий сжигать за чародейство, — это «Артикул воинский», изданный в 1715 году (причем эта норма была взята из

²⁶ Арнаутова Ю. А. Колдуны и святые. Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004. С. 51–52 и 84.

²⁷ Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914. С. 287.

²⁸ Ли Г. История инквизиции в Средние века: В 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 489.

²⁹ Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом // Амфитеатров А. В. Дьявол. Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом. СПб., 1992. С. 613.

³⁰ Мейкок А. История инквизиции. М., 2002. С. 194–196.

Новошведского военного артикула 1683 года). Как справедливо заметил Юрий Лотман, «через окно в Европу тянуло гарью»³¹.

Разгар же охоты на ведьм — это середина XVI — начало XVII века. По мнению французского историка Мюшамбле, охота на ведьм была частью просветительской программы: «Собственно колдовство в этот период никак не изменилось. Изменился подход к нему со стороны судей и культурной элиты. Отныне колдовство стало символом народных предрассудков, с которыми боролись королевская власть и миссионеры. Чтобы аккультурировать деревню, надо было изгнать магические верования и обряды. Были ли судьи согласны с этим или нет, но аутодафе позволяли динамичной ученой культуре отбросить и ослабить почти неподвижную и очень древнюю народную культуру, которая с огромной силой противодействовала всяческому изменению»³².

А вот сценка из византийской жизни: «В 581 году в Антиохии некто Анатолий-возница с товарищами был уличен в тайном совершении языческих обрядов. Христианская полиция еле спасла обвиненных “служителей беса”, “оскорбителей Христа” и “колдунов” из рук разъяренной толпы. Сам патриарх Григорий едва оправдался от подозрений в соучастии; народ притих, ожидая примерной казни Анатолия. Но лишь стало известно, что обвиненные присуждены только к ссылке, как народные страсти вспыхнули с новой силой. Когда ссылаемых стали сажать на шкуну, толпа сбила полицейские наряды, овладела шкуной и сожгла ее вместе с осужденными; сам Анатолий был еще на берегу и был отведен снова в тюрьму. Для удовлетворения народа его осудили на смерть от звериных когтей в амфитеатре»³³.

Дурно ли происшедшее? — Да. Но нельзя не обратить внимание на распределение ролей в этой трагедии. От церковной ли власти исходит инициатива преследования?³⁴

Инквизиция же хотя бы предоставляла слово самому обвиняемому, а от обвинителя требовала ясных доказательств...

В итоге — ни один другой суд в истории не выносил так много оправдательных приговоров.

«Согласно настойчиво повторяющейся, хотя и непроверенной легенде, инквизиционные трибуналы средиземноморского региона были фанатичными и кровожадными, а испанская инквизиция являлась самой жестокой из всех. Само слово “инквизиция” давно стало синонимом нетерпимости. Однако когда историки наконец стали систематически изучать огромный массив протоколов инквизиций, были получены совершенно иные результаты, и постепенно начало вырабатываться новое представление о них. Сейчас, пожалуй, уже можно говорить о всеобщем признании двух принципиальных выводов, хотя исследования еще не завершены. Во-первых, средиземноморские инквизиции были менее кровожадными, нежели европейские светские суды раннего Нового времени. Между 1550 и 1800 годами перед судом инквизиций предстало около 150 тысяч человек, но лишь 3000 из них были приговорены к смерти: большая часть судов крупных европейских стран имеет гораздо более высокие показатели применительно к XVI и XVII векам. Второй важный вывод состоит в том, что средиземноморские инквизиции, в отличие от светских судов, выглядели более заинтересованными в понимании мотивов, двигавших обвиняемыми, нежели в установлении самого факта преступления. Ранее представлялось, что инквизиторы, тщательно соблюдавшие анонимность своих информаторов, в меньшей степени заботились о правах обвиняемых, чем светские суды. Но последние исследования показывают, что инквизиторы были более проникательными психологами, нежели

³¹ Лотман Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 42. 1983, № 3, май-июнь. С. 269.

³² Muchemblet R. Culture populaire et culture des elites dans la France moderne (XVe – XVIIIe siecles). Paris, 1978. P. 288.

³³ Мелиоранский Б. М. Из лекций... Вып. 1. С. 90.

³⁴ Государственные (а не церковные) законы империи (XI век) предписывали следующее: «Колдуны и знахари, которые к вреду людей обращаются к демонам, подлежат казни мечом» (Эклога 17, 43).

светские судьи, и оказывались вполне способными прийти к корректному — а зачастую и снисходительному — приговору. В целом они, в отличие от светских судей, почти не полагались на пытку, чтобы убедиться в истинности утверждений обвиняемых. Инквизиторы пытались проникнуть в сознание людей, а не определить правовую ответственность за преступление, поэтому протоколы инквизиторских допросов выглядят совсем иначе, чем протоколы светских трибуналов, и предоставляют историкам богатый материал об обычаях и народных верованиях... В отличие от светского судопроизводства того времени, суды инквизиции работали очень медленно и кропотливо. Если одни особенности их деятельности — такие, как анонимность обвинителей,— защищали информаторов, многие другие обычаи работали на благо обвиняемых. Поскольку инквизиторы в меньшей степени заботились о том, чтобы установить факт совершения преступления — ереси, богохульства, магии и так далее,— но, скорее, стремились понять *намерения* людей, сказавших или сделавших подобное, они главным образом различали раскаявшихся и нераскаявшихся грешников, согрешивших случайно или намеренно, мошенников и дураков. В отличие от многих светских уголовных судов раннего Нового времени, инквизиторы мало полагались на пытку как на средство установления истины в сложных и неясных обстоятельствах. Они предпочитали подвергнуть подозреваемого многократному перекрестному допросу, проявляя подчас удивительную психологическую тонкость, чтобы разобраться не только в его словах и действиях, но и в его мотивах. Инквизиторы были вполне способны рекомендовать светским властям, которые только и могли предать смерти нераскаявшегося еретика, применить смертную казнь, и сами вынесли много суровых приговоров. Однако в основном инквизиторы просто предписывали покаяние различной продолжительности и интенсивности. Их культура была культурой стыда, а не насилия»,— пишет американский историк, книга которого в русском переводе увидела свет благодаря Фонду Сороса³⁵.

Из исследования инквизиционных архивов историков из университета Огайо делается вывод, что инквизиция, встречая дела о колдовстве, «расследовала подобные дела неохотно и карала преступников не слишком сурово. Мягкость инквизиторских приговоров по обвинениям в колдовстве составляет разительный контраст с суровостью светских судей Северной Европы в те же столетия. Удивительно, что испанский *Supremo* уже в 1538 году советовал своим отделениям: инквизиторы не должны верить всему, что содержится в “*Молоте ведьм*”, даже если автор “пишет об этом как о чем-то, что он сам видел и расследовал, ибо природа этих дел такова, что он мог ошибаться, как и многие другие”, или что филиал римской инквизиции в Миланском герцогстве противостоял местной панике, приведшей в 1580 году в миланские тюрьмы 17 ведьм. Девять из них были оправданы по всем статьям обвинения, еще пять — освобождены после принесения клятвы, одна из них полностью признала свою вину, а две сделали частичные признания,— но даже и эти три отделались незначительными наказаниями. Принимая во внимание такое отношение, не стоит удивляться тому, что немногие были казнены за ведовство по приговору одной из средиземноморских инквизиций (дюжина басков в 1610 году, причем половина из них умерла в тюрьме), невзирая на все предоставлявшиеся для этого возможности. Странно созерцать огромные папки с собранными инквизиторами бумагами, материалами дел о ведовстве, зная о незначительном реальном ущербе, нанесенном ими людям.

...Поистине настал век Просвещения. Как мы видели, средиземноморские инквизиторы осудили несколько тысяч человек за недозволенную магию, но казнили лишь около дюжины ведьм. Если уж на то пошло, в раннее Новое время они лишали жизни по обвинению в ереси относительно небольшое количество людей. Если сравнить эти данные с числом анабаптистов, убитых в Австрии, Империи и Нидерландах, средиземноморские инквизиции покажутся почти снисходительными. Все двадцать отделений испанской инквизиции в 1540–1700 годах вынесли смертные приговоры всего

³⁵ Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. М., 2003. С. 84–85 и 99.

лишь 775 обвиняемым. Большинство из них по-прежнему составляли иудаизанты, но среди них было и несколько десятков *морисков*, более сотни протестантов (главным образом ино-странцев, особенно французов), около 50 гомосексуалистов и несколько баскских ведьм. Из 50 тысяч обвиняемых доля приговоренных к смерти составляет 16%. В Валенсии в 1484–1530 годах было рассмотрено 2000 дел, и практически все они были связаны с иудаизантами, а смертные приговоры составляли 38%. После 1530 года преступлением, каравшимся с наибольшей (сравнительно) суровостью, было скотоложство, которое подпадало под юрисдикцию инквизиции только в Арагоне: здесь мы обнаруживаем 23 смертные казни на 58 приговоров, причем число казненных достигало 40% (по контрасту, число казненных даже среди обвиняемых-иудаизантов теперь составляло 10%)»³⁶. «Самые тщательные оценки количества еретиков, казненных в Риме на протяжении первого столетия деятельности инквизиции, насчитывают сотню — по большей части протестантов»³⁷.

«В первые полстолетия своей деятельности (XV век) инквизиторы приговаривали к смерти на костре до 40% всех судимых. Впоследствии этот процент снизился до 3–4»³⁸. Только два процента арестованных испанской инквизицией подвергались пыткам, и те не длились более пятнадцати минут.

Более ранние (а значит, менее документированные и более тенденциозные, но все же научные) публикации полагали, что в целом в Европе «Святой трибунал сжег более тридцати тысяч колдуний»³⁹. Тоже чудовищно, конечно. Но все же — не миллионы. На фоне светских репрессий безбожного XX века цифра в 30 000, распределенная по всем странам и нескольким векам, уже не кажется оглушительной. Инквизиция была оболгана сначала протестантскими, а затем масонскими авторами.

Инквизиция функционировала как учреждение, скорее защищающее от преследований, нежели разжигающее их.

Церковные кары для чародеев были мягче того, что могла бы сделать с ними толпа. Это замечание особенно справедливо в отношении России: за те грехи, за которые в Европе в те века сжигали, на Руси лишь налагали епитимьи. По наблюдению историка, «к великой чести нашего духовенства надо сказать, что у него колдуны отделялись куда дешевле, чем у западного. В том самом XVI веке, когда в Европе пылали костры, на которых горели живьем сотни ведьм, наши пастыри заставляли своих грешников только бить покаянные поклоны... Для наших патриархов, митрополитов и прочих представителей высшего духовенства ведун, ведьма были люди заблуждающиеся, суеверы, которых надлежало вразумить и склонить к покаянию, а для западноевропейского папы, прелата, епископа они были прямо адовым исчадием, которое подлежало истреблению»⁴⁰. Обращает на себя внимание мягкость этих епитимий. Так, в патриаршей грамоте 1586 года на основании Львовского братства предписывается за чародейство «епитимья: 40 дней поклонов, по 100 на день»⁴¹. Если бы издатель этой грамоты полагал, что колдовство действительно и может по-настоящему навредить человеку, и даже погубить его жизнь и здоровье, или, что еще хуже, привести ко вселению беса в ни в чем не повинного человека, то епитимья должна была бы быть значительно строже и, как минимум, приравниваться к епитимье за убийство. Здесь же наказание, несомненно, налагается за реальный вред, нанесенный колдуном прежде всего себе самому: ведь у него

³⁶ Монтер У. Ритуал, миф и магия... С. 90–91 и 94.

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ Плавский З. Испанская инквизиция: палачи и жертвы. СПб., 2000. С. 58.

³⁹ Ли Г. История инквизиции в Средние века. Т. 2. С. 528.

⁴⁰ Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом. С. 656–657. Примеры подобных епитимий см.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 295–296.

⁴¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 296.

было намерение причинить зло другому человеку. Вот это намерение и каралось законом — как покушение на убийство (пусть даже и с картонным ножом)⁴².

Кто разжигал охоту на ведьм, а кто ее сдерживал, видно из обстоятельств, сопутствовавших отмене инквизиции. В России «для конца XIX века в нашем распоряжении есть целая статистика самосудов над колдунами. Изучив 75 упоминаний о волшебстве за 1861–1917 годы, относящихся к великорусским и украинским губерниям, К. Воробец пришла к выводу, что в 48 процентах случаев мир реагировал с “гневом или жестокостью”. К числу самых знаменитых случаев относится расправа над вдовой-солдаткой Аграфеной Игнатъевой в деревне Врачевка Тихвинского уезда (1879 г.). Игнатьеву заперли в избе, заколотили окна и подожгли крышу, при чем присутствовало более 300 человек. Как утверждает С. Фрэнк, было трудно обвинить подобных лиц в судебном порядке, поскольку колдовство больше не рассматривалось с правовой точки зрения как преступное деяние, а часто получалось так, что наказывались сами истцы, в то время как колдун оставался на свободе. Как и в случае с конокрадством, крестьяне, столкнувшись с вредоносными чарами и чувствуя, что они не защищены государством, брали дело в свои руки. Следуя этой логике, надо признать, что самосуды возрастали по мере прекращения преследования колдовства сверху... Важно, что, наряду с самосудом, существовали и традиции организованного преследования снизу, когда крестьяне передавали виновного светским властям»⁴². По приговору же суда последнего колдуна в России сожгли за полтора века до этого — в 1736 году (это был симбирский житель Яков Яров, сожженный по приговору Казанской губернской канцелярии. Синод же, не поставленный своевременно в известность, еще четыре года спустя после казни предлагал не казнить Ярова, чтобы не лишать его возможности покаяния⁴³).

Вот только три из немалого числа публикаций современной прессы на эту тему: «В Можайске преступник застрелил сразу двух женщин — 64-летнюю Ларису Старченкову и ее 39-летнюю дочь Надежду Самохину. За что? Когда убийцу поймали, он спокойно объяснил: “Меня они заколдовали”. Вот что рассказал корреспонденту “Труда” супруг Надежды Самохиной Евгений. “Утром, примерно в девять часов, Лариса Тихоновна начала готовить завтрак. А мы с Надей еще спали. И тут раздался звонок. Я проснулся и за окном услышал крик соседа:

— Прекрати этим заниматься!

— А в чем дело? — спросила Лариса Тихоновна.

— Ты соседа заколдовала до смерти, а теперь до нас добираться!..

Затем раздалось несколько хлопков, похожих на выстрелы”.

Позже выяснится, что их сосед — 51-летний профессиональный фотограф Александр Родионов — выстрелил в голову женщины четыре раза. Родионов признался следователю, что, после того как “колдуньи” сюда перебрались, в округе стали, мол, умирать люди. А все его родственники якобы заболели неизвестным недугом. И тогда он обратился к знахарке, которая сказала, что навела на них порчу соседка. Самое удивительное, что весь этот бред повторила и вроде бы здоровая супруга преступника. А Александр все время повторял: “Если бы я не убил этих колдуний, то они убили бы меня”.

Увы, подобные трагедии охоты на ведьм происходят и в других регионах России. До сих пор никто из жителей деревни Знаменки Нижегородской области не может понять, чем 87-летняя старушка не угодила сторожам сельского птичника. Двое парней дважды пытались ее сжечь живьем, решив, что она — колдунья. Женщина чудом избежала гибели, а ее дом сгорел дотла. Дикое преступление было совершено в селе Дравовка Корсунь-Шевченковского района (Черкасская область). В частном доме, принадлежащем 37-летнему местному жителю Михаилу В., возник пожар. Прибывшие на место пожарные обнаружили на веранде обгоревший труп женщины. Позднее ее сожитель признался, что

⁴² Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 368–369.

⁴³ См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России... С. 365.

он сжег женщину потому, что она — “ведьма”. Причем спалил он еще и черную кошку женщины, которую тоже заподозрил в связях с нечистой силой»⁴⁴.

«В Конго в июне 2002 года проводился “месяц, посвященный избавлению от колдунов”. Увы и ах — это не прикол, это слова племенного вождя Ову Судара. Сей глубокоуважаемый муж с нескрываемой гордостью заявил о том, что лично дал указание подданным заняться резней соплеменников. Колдунами и ведьмами, по местным представлениям, являются старики, живущие на окраине селения, как правило — женщины с красными слезящимися глазами. Их выволакивали на улицу, до смерти избивали палками, рубили мачете, забрасывали камнями. Требовали сознаться и назвать имена “подмастерий” и “сообщников”. По приблизительным оценкам, таким образом погибло более тысячи человек, сотни бежали, спасаясь от расправы. Очагом охоты на ведьм стал городок Ару в 30 километрах от Судана на границе с Угандой, после чего волна агрессии захлестнула всю северо-восточную часть страны. “Крестьяне говорят, что некоторые люди насылают порчу на других, отчего те заболевают”, — сообщил главнокомандующий конголезской армией Генри Тумукунде. Он это сказал к тому, что жители страны в основном обвиняют “колдунов” и “ведьм” в порождении заболеваний, характерных для данного региона. В индийском штате Андхра-Прадеш 200 поселян сожгли заживо по подозрению в колдовстве, якобы погубившем двух человек, пятерых своих односельчан — четырех женщин и мужчину. Их просто взяли, притащили на центральную площадь деревни, не дав раскрыть рта, привязали к дереву, облили керосином и подожгли. В штате Бихар (тоже Индия) местные жители, подозревая в ведовстве, казнили двух женщин в возрасте 90 и 60 лет»⁴⁵.

«03.07.2003. В Индии двух женщин, обвиненных в колдовстве, сожгли заживо. Две женщины, обвиненные в колдовстве, были сожжены заживо односельчанами в штате Джаркханд на востоке Индии, сообщает АРР со ссылкой на полицию штата. Представитель полиции заявил агентству, что преступление произошло в одной из деревень, расположенной в 300 км к северу от города Ранчи (столицы штата). В этой деревне, отметил он, преобладающим влиянием пользуется группа — племя годда. Толпа жителей деревни схватила 35-летнюю Бахамаи Киску и 50-летнюю Нанку Хембром. Затем обеих женщин отвели на ближайшее поле, где облили бензином и сожгли заживо. Местные жители обвиняли их колдовстве, из-за которого якобы один из них заболел. Правозащитные ассоциации сделали заявления по поводу жестоких нападений, которым подвергаются женщины в отдаленных деревнях Индии, где колдовская практика широко распространена в племенных общинах. Суеверия, черная магия и вера в злых духов составляют часть традиции племен, живущих в некоторых районах востока и юго-востока Индии. В большинстве случаев семьи жертв и деревенские жители не сообщают об этих нападениях в полицию и племенные лидеры относятся к ним равнодушно. NEWSru.com»⁴⁶.

Христианской инквизиции в этих странах и деревнях не было. А вера в колдунов, страх перед ними и охота на ведьм — есть. По законам логики из этого следует вывод, что инквизиция не может считаться причиной охоты на ведьм.

Нет, я не сторонник введения инквизиции. Но и поддерживать антихристианские мифы не считаю нужным.

А именно эти мифы распространяют теософы. Приведа цитату из Е. Рерих: «Инквизиция была установлена не для преследования только жалких ведьм и колдунов, большей частью — медиумов, но для уничтожения всех инакомыслящих. И среди таких врагов, прежде всего, насчитывались все наиболее просвещенные умы, все служители общего блага и истинные последователи заветов Христа». Нынешний рериховский лидер Л. Шапошникова растолковывает: «“Сущность инквизиции есть преследование

⁴⁴ Золотов О. Инквизитор из Можайска // Труд. 2003, 27 марта.

⁴⁵ Николаева И. Как распознать ведьму? // Аргументы и факты. 2003, 23 марта.

⁴⁶ <http://www.religare.ru/article5678.htm>.

необычного”, — сказано в одной из книг “живой этики”. Итак, инквизиция была нужна Церкви, чтобы бороться, в первую очередь, с инакомыслием самого разного толка, чтобы противостоять всему тому новому, что сформировалось в человеческой мысли. В те страшные времена инквизиторы сжигали десятки, а возможно, и сотни тысяч “ведьм”. Сжигали “во имя свое”, своей монополии на истину, своего “вечно живого”, своего страха перед теми, кто нес народу новые знания, расширяющие его сознание, кто стремился пробиться к нему сквозь плотную завесу его невежества. Неужели действительно можно подумать, как пытается нас убедить диакон, что инквизиция сжигала настоящих ведьм, а не оболганных ею же самой несчастных женщин и “еретиков”, чтобы под их дымовой завесой расправиться с более серьезными врагами — такими, как Жанна д’Арк, Джордано Бруно, Ян Гус и им подобные? Чувствуете, как запахло смрадным дымом нечистоплотности и подмен от вышепроцитированных строк Кураева?»⁴⁷.

На самом деле «нечистоплотны» обвинять целую эпоху в истории человечества, никак не пытаясь понять мотивы действий тех людей. А ведь достаточно для начала поставить хотя бы такие вопросы:

1. Сами ведьмы верили в то, что они ведьмы?
2. Видели ли народные массы в этих женщинах колдуний?
3. Это верование было привнесено в народ церковной проповедью или же оно бытовало еще с дохристианских времен?⁴⁸
4. Существовала ли граница, отделявшая народное ведьмовство от той магии, которой увлекались образованные алхимики и «теурги» эпохи Возрождения и Реформации?
5. Каково среди людей, привлеченных к инквизиционному суду, процентное соотношение тех, кто обвинялся в вероучительных прегрешениях, и тех, кто обвинялся в прямой магии?
6. Воззрения тех людей, что преследовались инквизицией за их взгляды, действительно ли были более «передовые», нежели взгляды самих инквизиторов, или же они были еще более архаичны и представляли собой дохристианские пласты миропредставления?⁴⁹
7. Если окажется верным последнее, то — с точки зрения культурного и научного прогресса — какую же объективную роль сыграла инквизиция в истории Европы? Не окажется ли она подобной роли жестокого реформатора Петра (и, кстати, учредителя русской инквизиции⁵⁰) в истории России?

Без доказательного, основанного на источниковедческой работе ответа на эти вопросы нельзя представлять жертв инквизиции как безусловно прогрессивных людей.

Для современного светского человека колдовство — это «мнимое преступление». И потому понятно, что такой человек будет возмущаться казнью людей за те преступления, которых те на самом деле не совершали. Но с точки зрения теософов, ведьмы были именно ведьмами и маги были магами^{III}, черти — чертями, а порча — порчей^{IV}. «И черта можно заставить плясать. Черти не выносят света и шума. Недаром шаманы бьют в бубны, чтобы избавиться от низких духов»⁵¹. «Невежды смеются над существованием

⁴⁷ Шапошникова Л. В. Подвижничество диакона Кураева // Защитим имя и наследие Рерихов: В 2 т. Т. 1: Документы. Публикации в прессе. Очерки. М., 2001. С. 345 и 405.

⁴⁸ При ответе на этот вопрос стоит обратить внимание на апологию магии у Вергилия (Буколики. 8, 62–108).

⁴⁹ Даже рериховский ученик А. Клизовский считал, что «заслуга инквизиции заключалась в том, что, сжегши на кострах около десяти миллионов ведьм и колдунов, она удержала многие миллионы от повального увлечения черной магией, от ночных оргий в честь сатаны» (цит. по: Рерих Е. И. Письма. Т. 2: 1934. М., 2000. С. 279). Рерих, конечно, не согласна. А цифра Клизовского, конечно, невероятно преувеличена.

⁵⁰ Интересно, что в России нормы преследований колдунов определялись не церковным правом («Духовным регламентом»), а военным («Артикулом воинским», изданным в 1715 году, и «Уставом морским», изданным в 1720 году).

⁵¹ Агни-йога. Откровение. 1920–1941. М., 2002. С. 400.

сатаны и тем подтверждают правильность сказанного одним тонким мыслителем: «Победа дьявола в том, что он сумел внушить людям, что он не существует». Ведь когда мы во что-то не верим или отрицаем, мы перестаем этого остерегаться и тем легче попадаем в тенета, расставленные многочисленными приспешниками тьмы»⁵². «Колдовство недопустимо как преступление против человечества. Не следует понимать колдовство как зло против одной личности. Следствие колдовства гораздо вреднее — оно нарушает явления космические, оно вносит смятение в слои надземные. Если колдун не сумел поразить супротивника, это еще не значит, что его удар не убил нескольких человек где-то, может быть, в разных странах. Может быть, вибрация злой воли нашла себе утверждение в самом неожиданном месте. Нельзя представить себе, сколько смертей и болезней причинено злой волей. По пространству носятся тучи когтей, никто не учтет, где сядет эта ядовитая стая. Сильный дух защитится от злых посылок, но где-то слабый человек получит их заразу. Невозможно учесть такой космический вред. Даже благодать долетит не в полной мере, если она попутно будет расходоваться на рассеяние зла. Можно очень остеречь человечество от всякого колдовства», — говорит рериховский трактат «Аум» (глава 28).

А значит, если ренессансное или новоевропейское общество и совершило преступление, казня этих колдунов, то нужно все же учесть, что это была ответная мера: воздаяние преступлением за преступление, вредом за вред. И кроме того, это было преступление, совершенное в состоянии аффекта. Преступление, совершенное испуганными людьми, которые и в самом деле боялись колдунов, ибо верили в реальность колдовства...

Да, сжигать людей — мерзко. «Еретика убивать не должно», — говорит святитель Иоанн Златоуст (Беседы на Евангелие от Матфея. 46, 1). Но историк тем и отличается от моралиста, что он должен понимать логику событий и мотивы лиц, творивших нашу историю, а не просто выставлять им оценки за поведение.

Если же моралист осуждает одних преступников (инквизиторов) ради того, чтобы безусловно обелить другую группу преступников (колдунов), то здесь возникает вопрос — а есть ли у этого моралиста вообще нравственное право на то, чтобы считаться моралистом...

Так что вовсе не с наукой воевала инквизиция, а с магическим суеверием.

Вот характерные цифры, свидетельствующие о сдвиге интересов инквизиторов и о том, кого они считали своим оппонентом в эпоху научной революции: «Около 80% венецианских инквизиционных процессов, относившихся к периоду до 1580 года, были связаны с обвинениями в лютеранстве и родственных ему формах крипто-протестантизма. 130 приговоров, о которых было сообщено в Рим в 1580–1581 годах из всех районов Северной Италии, показывают постоянное внимание инквизиции к протестантизму. Однако различные ответвления римской инквизиции изменили основное направление своей деятельности незадолго до 1600 года, когда внимание к еретикам было вытеснено одержимостью искоренением магии и других суеверий. Во Фриули до 10% судебных процессов (из 390), состоявшихся до 1595 года, было связано с магией, а в течение последующих пятнадцати лет под эту рубрику подпадала половина дел (558). В других местах этот сдвиг был менее заметным и произошел быстрее; в Неаполе магия стала единственным обвинением, породившим значительное число инквизиционных процессов в 1570-е годы, и оставалась таковой на протяжении десятилетий, вплоть до 1720-х годов. В Венеции переход от ереси к магии был столь же резким, как и во Фриули, но произошел на двенадцать лет раньше. В течение XVII века предметом озабоченности римской инквизиции стали все формы магии, от ведовства до предсказаний: в каждом трибунале около 40% дел, рассматривавшихся на протяжении этого столетия, могли быть отнесены к

⁵² Рерих Е. И., Рерих Н. К., Асеев А. М. Оккультизм и йога. Летопись сотрудничества: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 471.

разряду преследований суеверия и магии»⁵³. Среди других дел, рассматриваемых в инквизиции, до 15% было дел, связанных с обвинениями священников в сексуальных домогательствах плюс двоеженстве, гомосексуализме и тому подобном.

Как ни странно, но у рождающейся науки и инквизиции была общая черта: и там и там требовали доказательств и не слишком верили субъективным свидетельствам, доносам и заявлениям, стараясь найти способы объективной их проверки.

И вовсе нельзя считать случайностью то обстоятельство, что рождение науки пришлось на пору расвета инквизиции...

Понимаю, что человек, воспитанный в советской школе, ответит: «Да, толпа в ту пору была одержима религиозным мракобесием. Но те светлые гении, что создали науку, опередили свое время и уже порвали связь с оковами ортодоксии».

Но здесь свои вопросы будет задавать уже не столько логика, сколько история. Дело в том, что творцы новой картины мира были как раз весьма религиозными людьми.

Так, Николай Коперник был каноником, управляющим хозяйством Вармийской епархии, членом епархиального совета.

Иоганн Кеплер три года учился на богословском факультете Тюбингенского университета, но его, помимо его воли, избрали преподавателем математики в Граце. «Для Кеплера такое решение означало крах всех его многолетних надежд. Он не мог себе представить, что дорога к карьере священника для него отныне закрыта, но тем не менее вынужден был подчиниться. Но глубокая религиозность и стремление “согласовать” науку со своим выстраданным и искренним представлением о Боге остались характерными для всей его жизни»⁵⁴. «Я хотел быть служителем Бога и много трудился для того, чтобы стать им; и вот в конце концов я стал славить Бога моими работами по астрономии... Я показал людям, которые будут читать эту книгу, славу Твоих дел; во всяком случае, в той мере, в какой мой ограниченный разум смог постичь нечто от Твоего безграничного величия» (Иоганн Кеплер)⁵⁵.

Галилей в 14 лет поступил послушником в орден иезуитов, «однако отец Галилея вовсе не желал видеть своего сына монахом и забрал его домой под предлогом того, что тот нуждается в лечении глаз»⁵⁶.

Лейбниц (если кто забыл — это создатель системы дифференциального исчисления) свой главный труд посвятил «теодицее» — «оправданию Бога»⁵⁷.

Ньютон писал толкования на библейские книги пророка Даниила и апостола Иоанна Богослова⁵⁸.

Декарт (если кто опять-таки забыл — это создатель так называемой «Декартовой системы координат») получил образование «в иезуитском колледже, цитадели антиокультизма»⁵⁹. В переписке со шведской королевой Христиной⁶⁰ и богемской принцессой Елизаветой он защищал католичество⁶¹ и наставлял в благочестии: «Первое и главное познание состоит в понимании, что существует Бог, от Которого зависят все вещи: это научит нас принимать как благо все, что с нами случается, ибо все это явно послано нам Богом»⁶². Напомню, что пишет это Декарт тяжело больной женщине, пишет,

⁵³ Монтер У. Ритуал, миф и магия... С. 90–91.

⁵⁴ Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. М., 1987. С. 103.

⁵⁵ Цит. по: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 85.

⁵⁶ Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. С. 150.

⁵⁷ См.: Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1989.

⁵⁸ См.: Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи. СПб., 1999.

⁵⁹ Гайденко П. П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания // Философско-религиозные истоки науки. М., 1997. С. 61.

⁶⁰ В 1654 году государыня лютеранской Швеции заболела и дала обет в случае выздоровления принять католичество. По исцелении она тайно сменила веру, отреклась от престола в пользу своего двоюродного брата Карла X Густава и уехала в Рим (см.: Цветков С. Э. Карл XII. С. 27).

⁶¹ См.: Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 489–541.

⁶² Декарт Р. Сочинения. Т. 2. С. 517.

вспоминая и собственный опыт болезней, и эти его слова нельзя не сопоставить со свидетельством святителя Иоанна Златоуста (также не отличавшегося крепким здоровьем): «Тот, кто научился благодарить Бога за свои болезни, недалек от святости».

И созидают эти люди новую науку не в противостоянии с христианской Церковью. В ту пору Церковь еще достаточно сильна, чтобы «перекрывать кислород» своим врагам. И католики, и протестанты не смущались инквизиционными кострами. Но ученых — не жгли.

Нет, вот Джордано Бруно тут вспоминать совсем неуместно. В науке он следа не оставил. Никто не сможет назвать ни одной «теоремы Бруно», ни одного эксперимента, поставленного им.

«Он питал отвращение к обоим известным ему диалектическим методам — схоластическому и математическому, заменяя их поэтическим выражением своих убеждений... В его диалогах нет ни следа философской ясности, никакого признака внутренней сосредоточенности... Мы не в состоянии, например, установить, что понимал Бруно под субстанцией или атомом... Бруно стремился скорее защитить свою веру, чем логически сформулировать ее. Поэтому научные и дидактические части его диалогов столь редки и столь неясны. Он презирал науку и питал отвращение к логике, так как был одушевлен верой, которую он хотел внушить, а не доказать... Он изгонял силлогистическую и математическую логику, короче говоря, интеллектуальное мышление, из области философии и науки для того, чтобы с тем большей силой ухватиться за псевдонаучные фантомы... Он чувствовал себя принесшим откровение и вел себя, как пророк... Он всю свою жизнь боролся оружием насмешки против своих отъявленных врагов — ученых, математиков и лиц духовного звания. Он никогда не мог высказать свои собственные взгляды, не упомянув о них и не дав проявиться своей ненависти к ним... Бруно смешивает понятия перигея и апогея... Бруно полагает, что Меркурий и Земля одинаково отстоят от Солнца, но находятся на противоположных сторонах его. Вокруг Земли движется Луна. Вокруг Меркурия — Венера... Изложение Бруно учения Коперника обнаруживает, что он едва-едва был знаком с самыми элементарными понятиями и проблемами астрономии. Ценно признание Бруно, что “ему мало дела до Коперника и его комментаторов”... Не костер уничтожил дело Бруно, а упорная работа тех, кто пытался разгадать тайны природы путем измерения, вычисления и взвешивания и на кого наш философ обрушивался с ненавистью и насмешкой. Его гибель и их торжество знаменуют наступление новой эпохи в человеческой истории»⁶³.

Так что фраза «инквизиторы сожгли великого ученого Джордано Бруно» фактически не верна. Ученого по имени Бруно история науки не знает. Это понимал уже Галилей: «Признавая блестящие интеллектуальные способности Бруно, Галилей тем не менее никогда не считал его ученым, и тем более астрономом»⁶⁴. И в самом деле — «собственно научных результатов у Бруно не имелось, а его аргументы в пользу системы Коперника были набором бессмыслиц — беспорядочным нагромождением нелепых ошибок и высокопарных сентенций, демонстрирующих лишь невежество автора»⁶⁵.

«В его руках коперниканство стало частью традиции герметизма. Бруно превратил математический синтез Коперника в религиозное учение»⁶⁶.

«Можно ли назвать Бруно ученым хотя бы по меркам конца XVI века? Бруно был не столько пропагандистом учения Коперника, сколько глашатаем оккультных тайн герметизма, которые он в нем открыл. Бруно не столько популяризировал учение Коперника, сколько компрометировал, вовлекая в контекст магических суеверий, по сравнению с которыми не только система Птолемея, но и схоластический аристотелизм в

⁶³ Ольшевский Л. История научной литературы на новых языках: В 3 т. Т. 3. М.-Л., 1933. С. 13–45.

⁶⁴ Фантоли А. Галилей. С. 38.

⁶⁵ Шрейдер Ю. А. Галилео Галилей и Римско-Католическая Церковь // Вестник истории естествознания и техники. 1993, № 1. С. 57.

⁶⁶ Kearney H. Science and change. 1500–1700. New-York-Toronto, 1971. P. 106.

целом выглядели эталоном научного рационализма. И только Галилей вернул Коперника науке, истолковав его учение в терминах настоящей, экспериментально-математической науки о природе, без всяких “знаков Зодиака” и каббалистической чертовщины»⁶⁷.

Не будучи астрономом, но будучи заурядным магом и шарлатаном, в качестве такового Бруно и был осужден, причем гелиоцентрические убеждения не были поставлены ему в вину. Иезуит Каспар Шоппе, который присутствовал на суде, так передает обвинения против Бруно: «В этих книгах он учил, что миры бесчисленны, что душа переселяется из одного тела в другое и даже в другой мир, что одна душа может находиться в двух телах, что магия — хорошая и дозволенная вещь, что Дух Святой не что иное, как душа мира. Моисей совершал свои чудеса посредством магии и преуспевал в ней больше, чем остальные египтяне, Моисей выдумал свои законы, что Священное Писание есть призрак, диавол будет спасен. От Адама и Евы он выводит родословную только евреев. Остальные люди происходят от тех двоих, кого Бог сотворил днем раньше. Христос — не Бог, был знаменитым магом и за это по заслугам был повешен, а не распят. Пророки и апостолы были негодными людьми, магами, и многие из них повешены»⁶⁸.

Стоит также заметить, что казнен Бруно был в 1600 году, а осуждение инквизицией коперниканства состоялось лишь в 1613 году. Это означает, что ко времени казни Бруно коперниканство еще не расценивалось как ересь и не могло быть поводом к столь суровому наказанию. Зато без магизма Бруно непонятна перемена в отношении папства к гелиоцентризму от вполне терпимого к конфликтному.

Верхи католического духовенства сначала отнеслись к новому учению о системе мира в общем терпимо и даже с некоторым интересом. Специалисты-астрономы и ближайшие друзья Коперника были знакомы с его исследованием еще до выхода в свет его основного труда по составленному им (возможно, около 1515 года) небольшому комментарию — «Комментариолусу». Так как оно получило некоторое распространение в рукописном виде, то уже в 1533 году папа Климент VII (племянник Лоренцо Медичи) собрал кардиналов и приближенных к нему лиц в ватиканском саду, чтобы выслушать сообщение своего ученого секретаря кардинала Видманштадта об учении Коперника о движении Земли. Сообщение это было выслушано довольно благожелательно, причем отношение к Копернику оставалось неплохим и при следующем папе, Павле III. Это видно из письма (от 1536 года) к Копернику главы доминиканского ордена кардинала Шенберга. В этом письме (которое Коперник очень ценил и поместил потом в своей книге) Шенберг очень просил «ученого мужа» ни в коем случае «не скрывать от друзей науки своей новой системы», уверяя Коперника, что он «определенно желает доставить признание его большим заслугам»⁶⁹. И именно коперниканские вычисления были положены в основу «григорианской реформы» календаря: «После объявления папой Львом X реформы календаря на пятом Латеранском соборе (1512–1517) Коперник был включен в число “признанных” астрономов, которые получили официальное приглашение принять участие в разработке проекта реформы»⁷⁰.

И вдруг — после почти ста лет терпимости последовало осуждение коперниканства. Что изменилось? — Да просто Джордано Бруно показал, какие магические выводы можно сделать из математической гипотезы, и тем самым настроил богословов против самой этой гипотезы.

Именно Бруно скомпрометировал математическую гипотезу Коперника, нагрузив ее архаичными оккультными байками. «Коперник — заря, которая должна была предшествовать восходу солнца истинной античной философии» (*Бруно. Пир на пепле*, 1).

⁶⁷ *Киссель М. А.* Христианская метафизика как фактор становления и прогресса науки Нового времени // *Философско-религиозные истоки науки*. М., 1997. С. 275–276.

⁶⁸ Цит. по: *Рожницын В. С.* Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955. С. 369.

⁶⁹ Цит. по: *Гурев Г. А.* Учение Коперника и религия. Из истории борьбы за научную истину в астрономии. М., 1961. С. 56.

⁷⁰ *Фантоли А.* Галилей. С. 30.

Бруно не революционер, а банальный реакционер, который пробовал отбросить две тысячи лет развития культуры и мысли, вернувшись даже не к Платону и Аристотелю, а к досократическим натурфилософам. «Бедного Аристотеля» Бруно жалеет за его неспособность постичь «глубинную магию»⁷¹.

Коперника же Бруно просто презирает (вопрос: а кого сей «гений» не презирал?): «Ноланец ответил, что он не смотрит ни глазами Коперника, ни Птолемея, но своими собственными. Эти математики — как бы посредники, переводящие слова с одного языка на другой; но затем другие вникают в смысл, а не они сами. Они же подобны тем простым людям, которые сообщают отсутствующему полководцу о том, в какой форме протекала битва и каков был результат ее, но сами-то они не понимают дела, причины и искусства, благодаря которым вот эти победили... Коперник недалеко ушел от слепоты» (Бруно. Пир на пепле, 1).

В научной астрономии, в физике, математике от Бруно следа не осталось. Кроме отрицательного — компрометации Коперника.

Единственная «наука», в которой Бруно не был профаном, — это магия. О себе Бруно в обращении к вице-канцлеру Оксфордского университета говорил: «Доктор самой изощренной теологии, профессор самой чистой и безвредной магии... Его гению самые знатные рукоплескали»⁷².

Я не собираюсь оправдывать мерзость сожжения человека — и уж тем более сожжения за его мысли.

Но факт есть факт: сожжен был не Бруно-астроном; приговор выносили Бруно-колдуну. Это был конфликт не религии и науки, а двух религий: католичества и язычества. Его казнь помогла науке одним: стало понятно, что надо быстрее освободиться от античного оккультного наследия.

И даже осуждение коперниканской гипотезы инквизицией в 1613 году не стоит рассматривать как акт антинаучного невежества и террора.

Предположим, что мне предлагают согласиться с некоей экстравагантной гипотезой, которая не имеет под собой никаких доказательств и вдобавок противоречит ряду прямых и косвенных наблюдений. Более того, мне известно, что все попытки доказать ее оканчивались неудачей. Так если я воздержусь от согласия с такой гипотезой — будет ли это свидетельством об антинаучном складе моего мышления?

Но именно так обстояло дело во взаимоотношениях коперниканства и Католической Церкви. Прежде обвинения богословов в ненаучности стоит задать простой вопрос: «Начиная с какой даты гелиоцентризм стал научно обоснованной теорией? Когда из гипотезы он стал доказанной теорией, опирающейся на факты?».

Только в 1851 году маятник Фуко доказал вращение Земли. И только в 1838 году Бессель обнаружил звездный параллакс (угловое смещение звезд при их наблюдении с разных концов земной орбиты)⁷³.

О том, что при годовом движении Земли должна меняться карта видимого звездного неба, знали и во времена Коперника. Тихо Браге в конце XVI века пытался обнаружить параллакс и, не найдя его (что было просто невозможно без весьма развитой оптики), как честный ученый отказался от поддержки коперниканской гипотезы⁷⁴.

Вот вполне типичное и научно честное высказывание академического ученого XVIII столетия: «Гюйгенс предложил способ определять по наблюдению движения Земли относительно неподвижных звезд, достаточно ли близки друг к другу две звезды, не окажется ли небольшого изменения видимого расстояния в разное время года, откуда можно было бы догадаться, что это происходит из-за движения Земли, благодаря

⁷¹ Цит. по: *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 226.

⁷² Там же. С. 187.

⁷³ Впрочем, порой говорят, что еще в 1837 году русский астроном В. Я. Струве определил годовой параллакс для одной звезды (см.: *Гурев Г. А.* Учение Коперника и религия. С. 157).

⁷⁴ См.: *Шрейдер Ю. А.* Галилео Галилей и Римско-Католическая Церковь. С. 58.

которому она находилась бы то ближе, то дальше от этих звезд. Я говорю “догадаться”, потому что всегда надо было бы предполагать, что это происходит не из-за какого-то движения, которое неподвижные звезды имели бы по отношению друг к другу. Но, кроме того, что подобное наблюдение абсолютно не доказывает движения Земли, не видно даже, чтобы это наблюдение было выполнено или, по крайней мере, чтобы оно в совершенстве удалось. Г-н Гюйгенс предложил его, но он не говорит, чтобы проводил его. Патер Риччьоли в своей “Реформированной астрономии” сообщает о наблюдении некоего Пирона, который говорит, что нашел вариацию в несколько секунд в расстоянии двух звезд, очень близких одна к другой, которые находятся во лбу Скорпиона. Но, сравнив измерения, которые он соотносит с теми, что г-н Маральди дал нам относительно расстояния тех же самых двух звезд в “Мемуарах Парижской Академии наук”, становится очевидно, что нет никаких оснований для проведения этого наблюдения Пироном. Кроме того, патер Риччьоли показал, что вариация, которую нашел Пирон в расстоянии этих двух звезд, не соответствует тому, чего требует движение Земли. Я не знаю о других наблюдениях, которые можно было бы поставить в параллель с теми, о которых я только что доложил. Вот почему ничто не мешает мне защищать мое первоначальное положение, что не только еще не доказано движение Земли с помощью наблюдений, но что даже невозможно доказать это с помощью одних лишь астрономических наблюдений, без помощи гипотез и другого»⁷⁵.

Доказательств у гелиоцентристов не было. Галилей неверно видел требуемое доказательство в океанических приливах и отливах, но уже Кеплер доказал, что приливы связаны с гравитационным воздействием Луны, а не с суточным движением самой Земли.

В общем, «изобретение, защита и частичное оправдание коперниканской гипотезы противоречат почти каждому методологическому правилу, о соблюдении которого мы заботимся сегодня»⁷⁶.

Инквизиция же требовала доказательств и четкого различия математической гипотезы и физической модели от утверждений о структуре самой реальности^V. Галилей доказал лишь свою веру в то, что он считал истиной,— но истинность его веры еще не была доказана. И то, что мир не был увлечен его энтузиазмом,— не удивительно. Трезвее был кардинал Беллармин. Его совет вполне соответствует современным стандартам научной доказательности.

Так что даже конфликт с астрономами не столько затормозил развитие науки, сколько помог ему через требование большей строгости и доказательности. Как и в случае охоты на ведьм, инквизиция преследовала не столько неверие, сколько легковерие.

Вновь скажу: Католическая Церковь приняла теорию Коперника (опубликованную в 1542 году, но благосклонно выслушанную папой еще в 1533 году) как математическую модель (и на ее основе разработала новый календарь в 1582 году). Но при этом в 1616 году она призвала воздержаться от ее принятия как физической модели до получения доказательств (которые появились лишь в середине XIX века). А в 1600 году она осудила Бруно, который из коперниканской теории сделал выводы сколь антинаучные, столь и антихристианские, ибо перемешал Коперника с оккультизмом.

Наконец, версия конфликта Церкви и науки не может объяснить самого факта становления науки как социального института.

То, что научное сообщество «институционализировалось», то есть стало уважаемым и финансируемым общественным институтом, означает, что общественное мнение — точнее, мнение элит, в ту пору, несомненно, контролируемое Церковью,— благоприятствовало научному образу мышления^{VI}.

⁷⁵ Речь, прочитанная г. Делилем в публичном собрании Академии наук 2 марта 1728 года на первом диспуте в защиту учения Коперника // Источники по истории астрономии России XVIII века. Т. 1. СПб., 2000. С. 57.

⁷⁶ *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 199.

Механицизм, лежавший в основе первой научной парадигмы, был тем симпатичен христианскому стилю мысли, что он объяснял природные процессы без сомнительных апелляций к желаниям тех или иных духов.

Механицизм дал возможность уйти от аристотелевской объяснялки: «Природа не терпит пустоты». Ведь если природа что-то «терпит», а чего-то «не терпит», то, значит, у нее есть душа. Но это как раз базовый тезис язычества и оккультизма.

Как разнились между собой архаичное и новоевропейское, научное понимание одних и тех же феноменов, можно пояснить на примере школьных сообщающихся сосудов. Почему в сообщающихся сосудах вода переливается из более полного в более пустой? Аристотелевское объяснение (природа боится пустоты) в восприятии Бойля слишком антропоморфно. В самой материи, возражает Бойль, нет ни разумности, ни источника движения. Если природа боится пустоты — значит, у нее есть душа; значит, человек неотличим от природы. Но если человек неотличим от мира, то почему же лишь он на Суде отвечает за себя? Тут одно из двух — или вода должна нести не меньшую, чем человек, ответственность за свои поступки, страхи и предпочтения; или человек должен быть таким же безответственным, как вода. Последнее означает, что нет воздаяния, а значит, нет основания и для нравственности. Поскольку же Бойль убежден в необходимости нравственной ответственности человека — он ищет нетелеологических и неантропоморфных, то есть неаристотелевских объяснений поведению воды. Вывод: вода поднимается не из-за боязни пустоты, а из-за разности давлений. Эту цепочку аргументов Бойля можно выразить кратко в силлогизме: вода в запаянной трубке поднимается из-за разности давления, а не из-за боязни пустоты, следовательно, еретики не могут утверждать, что душа смертна⁷⁷.

Литература

- *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках: В 3 т. Т. 3. М.-Л., 1933.
- *Гурев Г. А.* Коперниканская ересь в прошлом и настоящем. М., 1933.
- *Выгодский М. Я.* Галилей и инквизиция. М.; Л., 1934.
- *Рожницын В. С.* Джордано Бруно и инквизиция М., 1955.
- Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Вып. 1. М., 1950.
- *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки: В 2 т. Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1987.
- *Гайденко П. П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000.
- *Яки С.* Спаситель науки. М., 1992.
- *Яки С.* Бог и космологи. М., 1993.
- *Косарева Л. М.* Коперниканская революция: социокультурные истоки. М., 1991.
- *Косарева Л. М.* Генезис научной картины мира. М., 1985.
- *Косарева Л. М.* Социокультурный генезис науки Нового времени. Философский аспект проблемы. М., 1989.
- Современные зарубежные исследования по философии и генезису науки (позднее Средневековье и Возрождение). Сб. обзоров. М., 1980.
- Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований). Сб. обзоров. М., 1987.
- *Кирсанов В. С.* Научная революция XVII века. М., 1987.
- *Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л.* Наука и религия: историко-культурный очерк. М., 1988.
- *Йейтс Ф. А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000.

⁷⁷ См.: Социокультурные факторы развития науки (по материалам историко-научных исследований). Сб. обзоров. М., 1987. С. 190.

- Философско-религиозные истоки науки. М., 1997.
- *Фантоли А.* Галилей. В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999.
- *Лернер Л., Госселин Э.* Галилей и призрак Джордано Бруно // В мире науки. 1987, № 1. С. 80–88.
- *Шрейдер Ю. А.* Галилео Галилей и Римско-Католическая Церковь // Вестник истории естествознания и техники. 1993, № 1.

Наша брань не против науки: клонирование и Церковь

В дискуссиях по вопросу клонирования одно обстоятельство вызвало у православных искреннее удивление: совершенно нецерковные люди, порой даже открытые и сознательные нехристиане выступили против экспериментов по клонированию. Мы с удивлением заметили, что те группы, с которыми мы чаще всего разногласим, на этот раз оказались по одну линию с нами.

Ну кто из православных мог опознать союзника в лице Американского Конгресса или в президенте Клинтоне? А вот поди ж ты, и они высказались против клонирования людей. Конечно, это радостное удивление. Но удивление есть эмоциональная реакция. В Православии же принято задумываться над своими реакциями, над мотивами своих действий и чувств. Если мы в этом вопросе оказались едины с нехристианами — что это значит?

Партийные рефлексy возмущаются: «Раз ты оказался солидарен со своим недругом — значит, ты ошибся». Но здесь уже дело разума и дело совести сказать этим рефлексам: «Молчать!». Не стоит спорить с таблицей умножения, даже если с ней согласен твой самый заклятый враг. Человеческий мир слишком сложен. И в этом мире у нас нет стопроцентных врагов. Нет таких людей, с которыми мы были бы несогласны абсолютно во всем. Расходясь в чем-то одном, мы высказываем схожие убеждения в других вопросах. Как говорил святитель Иоанн Златоуст, «у нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего»⁷⁸.

Значит, не себя надо осуждать за ту неосмотрительность, в результате которой ты вдруг оказался единомышлен со своими традиционными оппонентами, а радоваться тому, что нечто общечеловеческое оказалось сильнее, чем то, что нас разделяет. И вот здесь встает вопрос: «Являются ли сугубо церковными мотивы, по которым православные христиане остерегаются экспериментов по клонированию? Мы выступаем против клонирования потому, что эта деятельность противоречит тому, что написано в наших катехизисах, или же по каким-то другим мотивам? То, что есть специфического в православном христианстве, то, что отличает наше мировоззрение от мировоззрения всех остальных людей, понуждает нас не соглашаться с клонированием или же наши аргументы, если всерьез над ними задуматься, окажутся такими же, как аргументы людей иных верований и убеждений?».

Мне кажется полезным задуматься над этим именно ради успеха нашего противостояния клонированию. Известно, что как в России, так и в других странах наибольшая пропасть между Церковью и «гражданским обществом» пролегает именно по вопросам, относящимся к сфере человеческого воспроизводства.

Вопросы половой морали, контрацепции, абортoв и тому подобное Церковь трактует очевидно (и для светского сознания даже обидно) иначе, чем это делают стереотипы современного массового сознания. В массовом сознании довольно глубоко укоренен стереотип, согласно которому «Церковь всегда против того, что несет людям радость». Не будем обманывать себя — авторитет Церкви в обществе не настолько велик, чтобы в сознании нецерковных людей мнение, поддерживаемое Церковью, становилось от этого более авторитетно и приемлемо. Напротив, в сознании весьма многих людей вопросы,

⁷⁸ *Свт. Иоанн Златоуст.* Беседы о статуях, 1 // Творения: В 12 т. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1896. С. 25.

связанные со сферой половой жизни, решаются скорее через противопоставление Церкви: «Ну, раз уж даже эти монахи, ничего не понимающие в любви и в наслаждении, предостерегают от этого, то тем более стоит попробовать!».

Значит, мы должны высказывать не только аргументы, которые были бы понятны людям, целиком и полностью приемлющим церковную систему ценностей, но и аргументы, понятные для «внешних». Мне кажется полезным пояснять людям, что у Церкви те же мотивы для отторжения клонирования, что и у вас, у большинства людей.

Во-первых, мы опасаемся вмешательства в ту сферу, о которой мы знаем еще слишком мало. Выигрывая в чем-то одном, не проиграем ли мы нечто большее, но поначалу для нас незаметное? Однажды нас «пронесло». Нам «повезло» в той игре, которую в сороковых годах затеяли физики. По собственному признанию авторов американской атомной бомбы, они не знали, будет ли спровоцированная ими реакция атомного распада носить ограниченно-локальный характер или же, раз начавшись, атомный распад будет вовлекать в себя все новую и новую материю и в конце концов уничтожит все окружающее вещество, уничтожит и Землю, и всю Вселенную... Тогда нам повезло. Под нашей дерзновенной киркой мины не оказалось. Есть ли гарантия того, что и в том месте, где сегодня роют биологи, нет подобной мины?

Одна из этих мин уже выявилась: оказалось, что в каждой клетке есть свои биологические часы. Клетка помнит — сколько лет ей самой и организму, частью которого она является. Поэтому если из соматической клетки вырастить новый организм, то новый организм просто вберет в себя время существования своего донора и свой отсчет начнет не с себя. Клоны-животные поразительно быстро стареют...

Аналогия с атомщиками помогает выявить и обосновать и наш второй страх. Где гарантия, что из клонирования нельзя сделать «биологическую бомбу»? Где гарантия того, что владыки мира не используют эту практику для выведения новой человеческой расы, более соответствующей их представлениям об идеальном избирателе? Не будут ли лаборатории по клонированию растить послушных «ельциноидов» или «зюганидов»?

В-третьих, каковы будут взаимоотношения между людьми разных рас? Все ли согласятся признать клонов людьми? Кем будут они в своем собственном восприятии? Как будем выглядеть мы в их глазах? Впрочем, здесь мы подходим к вопросу, который Церковь давно умоляет обсудить медиков и юристов: что есть человек; когда начинается и когда кончается человеческая жизнь (проблема абортов и эвтаназии); что делает человека человеком (проблема людей с увечной психикой).

В-четвертых, будет ли включаться материнский инстинкт у женщины, если она не пройдет через вынашивание ребеночка и роды? Будет ли любим такой ребенок?

В целом же эти аргументы вращаются вокруг проблемы прав человека: какие права есть у человека и кто именно обладает этими правами.

А есть ли у Церкви такие аргументы против клонирования, которые были бы специфически христианскими? Мне пока такие аргументы не встречались. Эмоциональные вскрики вроде того, что создание человеком человека есть узурпация прав Божественного Творца и потому прямой сатанизм, мне не кажутся убедительными. В конце концов, первоначально и свет возник по воле Божественного: *да будет!*⁷⁹. Теперь же сотворение света доступно и людям, и ничего кощунственного в работе электрика или оператора электростанции мы не видим.

Поспешность подобного рода аргумента видна из замечательной притчи, рассказанной Антуаном де Сент-Экзюпери в романе «Цитадель». «Жил на свете один алхимик, он хотел раскрыть тайну жизни. И случилось так, что при помощи реторт, перегонных кубов, всяческих порошков и растворов ему удалось получить крошечный комочек живого теста. Набежали логики. Они повторили опыт, смешали порошки и растворы, зажгли огонь под ретортой и получили еще один живой комочек. Ушли они, громко крича, что тайна жизни больше не тайна. Что жизнь — естественная

⁷⁹ См.: Быт. 1.— Ред.

последовательность причин и следствий, взаимодействие при нагревании элементов, не обладающих жизнью. Логика, как всегда, великолепно все поняли. Они не поняли, что природа созданного и природа творчества не похожи друг на друга, творческая сила, исчерпавшись, не оставляет следов. Недаром творец всегда покидает свое творение, и творение поступает в распоряжение логики. И я смиренно отправился к своему другу геометру. «Где увидел ты новое? — спросил он.— Жизнь породила жизнь. Новая жизнь возникла благодаря алхимику, а алхимик, насколько я знаю, жив. О нем забыли, так оно и положено: творец растворяется и оставляет нам творение»⁸⁰.

Если ученый своим разумом создает жизнь — это никак не значит, что для возникновения жизни разум не нужен. Если человек может создать жизнь — значит, он поистине несет в себе образ своего собственного Творца. Я убежден, что любые успехи науки лишь прославляют Творца нашего разума, а не хулят Его.

Мне доводилось слышать и такой, специфически «богословский», аргумент против клонирования: «Это будет рождение без страдания, и тем самым будет нарушена заповедь Господа, которая послала страдание при родах как наказание за первородный грех⁸¹». Но ведь наказание за грех было тройко: бесплодие земли, которая будет возвращать *волцы и терния*⁸²; тягостность труда (*в поте лица твоего*⁸³) и мучительность родов. По правде говоря, со всеми этими последствиями первородного греха человеческий труд уже давно и порой весьма успешно борется — и Церковь никогда не осуждала его за это. Если слишком буквально понимать эти ветхозаветные слова, то надо будет осуждать труд мелиораторов (да как они смеют улучшать землю, проклятую Господом!). И тогда надо будет осуждать любой научно-технический прогресс, любые изобретения, облегчающие труд человека (начиная от приручения домашних животных, изобретения колеса, мельницы и плуга). Надо будет анафематствовать анестезиологов, облегчающих страдания женщин при родах.

Главный итог первородного греха совсем не в болезненности прихода человека в мир, а в болезненности его исхода из него. По слову преподобного Марка Подвижника, от нашего праотца «мы наследовали не преступление Адамово, но смерть, от него происшедшую... Ибо нельзя было нам, происшедшим от мертвых, быть живыми»⁸⁴. Если бы плод первородного греха был именно в страдательности рождения, то мы должны были бы принять католический догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Ведь не только католики, но и православные считают, что Рождество Иисуса Марией было безболезненно. Но католики видят в этом свидетельство о том, что Мария была уже изъята из-под действия первородного греха. Православные же не видят необходимости делать такой вывод, по сути отменяющий необходимость Пришествия Господа в мир и уникальную спасительность Его Жертвы, именно потому, что мы не отождествляем частные, земные последствия первородного греха с той главной катастрофой, которую он вызвал в наших отношениях с Жизнью, то есть с Богом.

Вообще, в реакции католического мира на клонирование гораздо больше специфически-конфессионального, чем в реакции мира православного. Перед католиками клонирование ставит серьезную богословскую проблему: будет ли наследоваться первородный грех людьми, появившимися без полового акта, а если будет — то как он (грех) будет им передаваться. Дело в том, что со времен Августина католики считали, что первородный грех передается через акт зачатия потому, что с актом зачатия связано некое «недолжное удовольствие». Брак допустим, и зачатие допустимо. Но, по слову латинского

⁸⁰ Сент-Экзюпери А., де. Цитадель // Согласие. 1993, № 3. С. 210.

⁸¹ См.: Быт. 3, 16.— *Ред.*

⁸² Ср.: Быт. 3, 18.— *Ред.*

⁸³ Быт. 3, 19.— *Ред.*

⁸⁴ *Прп. Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. [Сергиев Посад], 1911. С. 109 и 111.*

древнехристианского писателя Тертуллиана, «брак есть терпимое любоддеяние»⁸⁵. В эротическом наслаждении супруги теряют контроль над собой, наслаждаясь друг другом, забывают о Боге — и через эту лазейку в зачатый ими плод входит некая «порча»⁸⁶...

А где же наслаждение у истоков той жизни, что получена путем операции над обычной, не половой, соматической клеткой? Происхождение этой первичной клетки связано скорее с неприятностями — уколом, разрезом. Так как же здесь будет передаваться первородный грех? Человек, зачатый без наслаждения и без соития, по логике августинизма оказывается не под властью первородного греха.

Православие же не видит здесь вопроса. Биология скорее подтверждает наше давнее убеждение: человек создан для бессмертия. Наши клетки действительно бессмертны. Сами по себе они способны бесконечно делиться и не умирать, если только во внешней среде нет к тому препятствий. Значит, наша жизнь ограничивается не нашей собственной природой, а теми условиями, в которых мы живем (в которые мы себя сбросили грехопадением). Поскольку же клетка, взятая для клонирования, и существо, выращенное из нее, все равно будут жить в нашем падшем мире, то дыхание «первородной» смертности, увы, все равно опалит ее. И не биологи, но лишь Тот, Кто один имеет бессмертие, может защитить нашу жизнь от смерти или вернуть нас к ней... Так что православной интерпретации первородного греха клонирование никак не противоречит. Скорее наоборот — дискуссии о клонировании важны для православной полемики с католичеством и августинизмом.

В частности, возможно обсуждение вопроса о том, через что же именно транслируется «первородный грех»: происходит ли это «по инициативе» родителей, которые, зачиная ребенка, передают ему свою страстность, или же это происходит не через «технику зачатия», а потому, что он просто входит в наш больной мир. Во всяком случае, суждение Карфагенского собора 252 года («Не возбранять Крещения младенцу, который, едва родившись, ни в чем не согрешил, кроме того, что, происшедши от плоти Адама, восприял заразу древней смерти чрез самое рождение») допускает двойное толкование.

Есть и в православной традиции одна антропологическая гипотеза, которая при ее принятии требует отрицания у клонов души. Преподобный Анастасий Синаит говорит, что «тело образовывается из женского брения и крови, а душа передается от мужчины посредством семени» (Слово 3. Против монофелитов, 3)⁸⁷. Это гипотеза традуционизма, согласно которой души детей содержатся в семени отца. Уже в семени Адама были души всех нас. Все мы были в Адаме, когда он грешил, и потому мы тоже совиновны в том грехе. Души всех людей были уже заключены в Адаме и с его семенем передаются во все новые и новые тела.

Вот как эта гипотеза выглядит у одного церковного автора XX века: «Если от Адама произошли все люди, то ясно, что все они как самосознающие личности, особи, еще до рождения находились в Адаме, находились не одной только душой, но и всем существом человека; отрицать это — значит отрицать происхождение всех от Адама и вводить таким образом новый творческий Божественный акт. Допускать же в самосознательном существе, Адаме, присутствие будущих самосознательных существ в их бессознательном состоянии значило бы признать происхождение сознательной личности из бессознательного, что, конечно, недопустимо, ибо из бессознательного не может образоваться личность... Здесь все личности — в одном и одна — во всех. Всеединство... Живущие в Адаме личности, как самосознающие особи, не могут сливаться с личностью праотца и, по простоте личностей, не могут быть в раздельности от нее. Вследствие этого

⁸⁵ Тертуллиан. О целомудрии // Творения: В 4 ч. Ч. 2. СПб., 1849. С. 114. Для сравнения напомним, что восточнохристианский подвижник святой Пафнутий, напротив, «целомудрием называл соитие с законной женой» (*Сократ Схоластик*. Церковная история. 1, 11).

⁸⁶ См.: Августин // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 103.

⁸⁷ Прп. Анастасий Синаит. Избранные творения. М., 2003. С. 154–155.

все личности, сопребывая в праотце, при сознании себя каждой особью обладают всем содержанием самосознающего “я”, кроме только самого “я”»⁸⁸.

Из этой гипотезы, конечно, с неизбежностью следует, что клоны, ведущие происхождение не от семени отца, а от его соматической клетки, не будут обладать душой. Но сама эта гипотеза не может считаться богословски безупречной. Ведь она входит в противоречие с традицией Вселенских Соборов, ясно отвергавшей идею «предсуществования души».

Константинопольский собор 543 года определил: «Кто говорит или думает, что души человеческие предсуществовали, что они были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою божественного созерцания, а затем обратились к худшему и чрез это охладели в любви к Богу, отчего и называются душами, и в наказание посланы в тела, тот да будет анафема»⁸⁹. Собор 553 года подтвердил: «Кто верит в баснословное предсуществование душ, которое влечет еще и к другому уродливому и нечестивому представлению, что все души в конце концов возвратятся в первобытное состояние,— да будет анафема»⁹⁰.

Больше богословской логики все же в той антропологической гипотезе, которая предполагает творение Богом каждой индивидуальной души в минуту человеческого зачатия. Душа человека, его личность творится Богом. Родители дают лишь тело. Поэтому вопрос для богослова здесь лишь в одном: пожелает ли Господь соединить с эмбрионом, полученным в результате клонирования, человеческую душу. Поскольку это вопрос о воле Бога — заранее ответа быть не может. И весьма дерзким является поступок некоего священника, отказавшегося крестить младенца, о котором родители сказали, что он был «зачат в пробирке» (иеромонах Анатолий [Берестов] с неодобрением рассказал об этом случае на Рождественских образовательных чтениях 1998 года). Думаю, что и относительно клонов Церковь будет настаивать на признании их людьми и будет крестить и причащать этих малышей.

Здесь срабатывает логика «от обратного». Ведь именно если Церковь скажет, что клоны — это не люди, то именно этим она по сути даст добро на клонирование. Ведь если клоны — нелюдь, то они находятся вне области нравственности и права. В таком случае это не более чем животные. И как Церковь не возражает против экстрагирования лекарств из органов животных или против пересадки свиной печени человеку, так не будет у нее оснований вмешиваться и в медицинские опыты, ведущие к смерти человекообразных клонированных обезьянок. И тогда вполне допустимо разведение клонов для последующего разъятия их «на запчасти» (клон — идеальный донор: у его органов и тканей будет полная совместимость с организмом «отца»).

Этот вопрос, как это ни покажется странным, в принципе уже решен церковным Преданием. В «Требнике» митрополита Петра Могилы (XVII век) есть чинопоследование «О Крещении дивов и ин чуд родящихся». В нем предписывается: «Аще чудо или див некий от жены родитися приключит и аще образ человеческий имети не будет, да не будет крещен. Аще же в том недоумение будет, да крестится под тою кондициею: “Аще сей есть человек, крещается раб Божий имярек во имя Отца” и прочая».

В апокрифической литературе обращает на себя внимание готовность именовать людьми самые странные существа: «Люди Попадеси живут над морем-окияном, главы у них человекчи, а руки и ноги как конские ноги, а ходят на всех четырех ногах. Люди, завоми Потомия, ходят на руках и ногах, брады у них долги, половина человека, другая конь. А у жен их власов на головах нет, а живут в воде. Много и иных всяких чудных как

⁸⁸ *Митр. Елевферий [Богоявленский]*. Об искуплении // Письма митрополиту Антонию (Храповицкому) в связи с его сочинениями «Догмат искупления» и «Опыт христианского православного катихизиса». Париж, 1937. С. 41–42.

⁸⁹ Слово императора Юстиниана, посланное к патриарху Мине против нечестивого Оригена и непотребных его мнений // Деяния Вселенских Соборов: В 4 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 536.

⁹⁰ Цит. по: *Свящ. Григорий Малеванский*. Догматическая система Оригена // Труды Киевской Духовной Академии. 1870, июль. С. 60.

во Фритских и во Индейских, и в Сирских странах: у иных песьи главы, и иные без глав, а на грудях зубы, а на локтях очи, а иные о двух лицах, а иные о четырех очах, а иные по шести рог на главах носят, а все те люди на вселенную пошли от единого человека, рекше Адама, и за умножение грехов тако ся учиниша»⁹¹. Над такого рода сообщениями сегодня принято улыбаться. Но нельзя не заметить, что доверчивость средневековых книжников сочеталось с полным отсутствием у них духа расизма. Себе подобных людей они готовы были признавать даже в самых странных «дивах».

Вообще для Церкви характерно настаивать на том, чтобы границы класса существ, именуемых людьми, раздвигались. Для светских воззрений бывает, напротив, характерно стремление к сужению пределов человеческого бытия (дети в утробе матери — не люди; коматозные больные — не люди; дети, рожденные без мозга,— не люди; дети, пораженные болезнью Дауна,— тоже...). Так что и в случае с клонированием не стоит идти против церковной традиции и отрицательно решать вопрос о том, люди ли будут сии «дивы» или нет.

Есть еще в церковной письменности предостережения от активизма, перекраивающего Богозданный мир. Нередко их используют как аргумент, поясняющий христианское неприятие клонирования. Но если уж честно использовать этот аргумент, то надо перестать в храмах возжигать свечи из парафина (этого вещества не было в «Богозданном мире» до появления человеческой химии), заправлять лампадки вазелином, носить синтетику, печь просфорки (они ведь не растут на церковном дворе) и вообще жить в мире культуры. Мир «ноосферы» (не в смысле оккультно-каббалистическом, а в смысле чисто культурологическом: ноосфера как мир, которого коснулась человеческая деятельность) есть неизбежная наша среда обитания. И здесь не так уж просто решить: чего мы можем коснуться нашей перестраивающей десницей, а чего — нет. Во всяком случае, запрета на изменение мира и даже человека быть не может (если только мы не хотим запретить медицину как таковую). Обсуждению подлежит лишь вопрос о целях и последствиях нашего вмешательства.

В заключение замечу, что азартный поиск чисто богословских аргументов против клонирования может дать неожиданные результаты. Как ни странно, клонирование — это осуществление одной из схем, которая присутствует в аскетической литературе. У некоторых святых отцов есть предположение о том, что до грехопадения человек был способен к неполовому размножению, к такому умножению своего рода, которое не было связано с половым удовольствием: «И хотя сказанного: *плодитесь и размножайтесь*⁹², по-видимому, и нельзя выполнить иначе, как путем соития мужчины и женщины, однако можно сказать, что в бессмертных телах мог быть иной способ, чтобы дети рождались от одного действия благочестивой любви, помимо всякой врожденной похоти» (Августин. О книге Бытия, буквально. 3, 21)⁹³.

Другое дело, что сторонники клонирования поддерживают эту идею, конечно, не из сочувствия к аскетическим крайностям. Их мечта — не размножение без полового возбуждения, а сексуальные игры без осложнений беременностью и родами. Но это уже опять вопрос возможного социального использования клонирования, а не вопрос об отношении к клонированию как таковому.

Итак, клонирование безусловно является грехом, если оно совершается через микроаборт (когда берется уже оплодотворенная яйцеклетка и из нее изымается ее ядро, несущее уникальную информацию о никогда еще не бывшей жизни, а на место этого ядра вкладывается ядро, взятое из клетки донора). Но сейчас уже есть другие технологии клонирования — не из яйцеклетки, а из так называемых «стволовых клеток». В этом случае наша Церковь считает допустимым клонирование не целого человека, а отдельных органов и тканей («клонирование изолированных клеток и тканей организма не является

⁹¹ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции: В 2 вып. Вып. 2. М., 1866–1869. С. 98–99.

⁹² Быт. 1, 22; 9, 7.— Ред.

⁹³ Августин, еп. Иппонский. Творения: В 11 ч. Ч. 7. Киев, 1912. С. 229.

посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике», — говорят «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые на Соборе в августе 2000 года).

Что же касается попытки воспроизведения искусственным путем целого человека (точной копии кого-то из уже существующих людей или генетически видоизмененного), то церковный взгляд здесь таков: «Осуществленное учеными клонирование (получение генетических копий) животных ставит вопрос о допустимости и возможных последствиях клонирования человека. Реализация этой идеи, встречающей протест со стороны множества людей во всем мире, способна стать разрушительной для общества. Клонирование в еще большей степени, чем иные репродуктивные технологии, открывает возможность манипуляции с генетической составляющей личности и способствует ее дальнейшему обесцениванию. Человек не вправе претендовать на роль творца себе подобных существ или подбирать для них генетические прототипы, определяя их личностные характеристики по своему усмотрению. Замысел клонирования является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности. “Тиражирование” людей с заданными параметрами может представляться желательным лишь для приверженцев тоталитарных идеологий. Клонирование человека способно извратить естественные основы деторождения, кровного родства, материнства и отцовства. Ребенок может стать сестрой своей матери, братом отца или дочерью деда. Крайне опасными являются и психологические последствия клонирования. Человек, появившийся на свет в результате такой процедуры, может ощущать себя не самостоятельной личностью, а всего лишь “копией” кого-то из живущих или ранее живших людей. Необходимо также учитывать, что “побочными результатами” экспериментов с клонированием человека неизбежно стали бы многочисленные несостоявшиеся жизни и, вероятнее всего, рождение большого количества нежизнеспособного потомства».

Как видим, все аргументы, приведенные в социальной концепции нашей Церкви, не являются православно-богословскими, но скорее общерелигиозными или даже светскими. Это означает, что само по себе клонирование не есть грех в смысле нарушения какого-либо собственно церковного правила или верования. Это — грех перед человеком, а не перед Церковью. И, выступая против клонирования, Церковь защищает не свои «традиции» или «права», а просто человеческое достоинство, свободу и уникальность всех людей, независимо от их отношения к вере Церкви.

Этим текстом я хотел бы помочь церковным людям вести дискуссии по поводу клонирования, помочь в подборе тех аргументов, которые не были бы натянуты, которые не были бы криптокатолическими и которые были бы понятны нецерковным людям. Вновь повторю: мы против клонирования. Но против мы не потому, что мы защищаем свой катехизис, а потому, что мы просто люди, и мотивы нашего отторжения клонирования те же, что и у людей нецерковных. Какие-то аргументы окажутся у нас теми же, что и у людей неверующих. Какие-то окажутся в ходу не только у нас, но и у людей иных религиозных традиций. Но серьезных специфически христианских аргументов мне пока встречать не приходилось. Этого не надо стесняться. Напротив, это стоит подчеркнуть — ведь и так немало усилий прилагается нашими оппонентами для того, чтобы придать нам в глазах общественного мнения облик «луддитов», реакционеров, всегдашних врагов науки.

Поэтому и стоит пояснить: наша брань не против науки. Мы просто хотим, чтобы использование достижений науки было либо человеческим, либо — никаким.

Беседа о медицинской этике

Зачем нужна биоэтика? — Зачем врачу знания о религии? — Опиум для народа? — Аборт: чистка или убийство? — Эвтаназия — грех языческих королей. — СПИД — от Бога или дьявола? — Гомеопатия

— Отец Андрей, многие студенты — будущие врачи — не считают серьезными те проблемы, которые затрагиваются в курсе биоэтики. А для чего, по-Вашему, следует изучать биоэтику, обращающую наше внимание на такие категории, как нравственность, совесть и так далее? Разве это важно в профессии врача?

— Если провести опрос на тему «У кого Вы предпочли бы лечиться: у хорошего специалиста-врача, но плохого по своим нравственным качествам человека, или же у врача, являющегося весьма средненьким специалистом, но при этом честным, отзывчивым человеком?», то, пожалуй, большинство людей выберет порядочного доктора, который своей совестью отвечает за то, что советует и делает. Уже поэтому, как мне кажется, преподавание этики необходимо. Вообще, одна из задач культуры — возвышать, воспитывать, тренировать те чувства, которые вроде бы инстинктивно заложены в человеке. Существующее от рождения чувство совести у нас такое хиленькое и, похоже, с каждым годом становится все хилее и хилее. Если совестливые чувства, нравственная интуиция почти атрофированы, то тем паче нужен некий «костыль», на который можно опереться, некая «шпаргалка», которой можно было бы воспользоваться. Я не советовал бы всегда и во всем полагаться на свою совесть. Скажем, я не завидую окружающим меня людям, в отношениях с которыми я буду полагаться только на свою совесть. Не завидую, потому что со своей совестью я всегда договорюсь, и она будет молчать, сидеть на задворках, что-то иногда выкрикивать, зализывая свои раны. Так что не надо сводить нравственную жизнь к шевелениям совести. У человека должна быть осознанная рациональная мотивация. Ведь вы же врачи, вы хотите быть разумными людьми, учеными. А для человека науки очень важно каждое свое действие проверять через разум. Поэтому надо уметь думать над вопросами этики, над вопросами религии...

— А зачем? Разве важно, к какой религиозной традиции принадлежит пациент, тем более врач? При чем здесь религия?

— Ну, хотя бы при том, что врач, в отличие от ветеринара, имеет дело с людьми. У животных нет убеждений, поэтому в ветеринарном деле важны только убеждения врача и не важны «взгляды» четвероногих пациентов. Но когда речь идет об отношениях врача и людей, то здесь убеждения человека очень важны, потому что от того, с каким настроением человек приемлет то или иное лечение, предписываемое ему, во многом зависит и успешность этого лечения.

Ведь у людей разных убеждений неоднаковое отношение к различным методам врачевания. Они по-разному прочерчивают границы допустимых вторжений в тело человека, а тем более в его психику. Для того чтобы здесь не наломать дров, чтобы не превратить своего пациента из союзника во врага, умный врач должен знать, кого он лечит. Знать не только пол и возраст пациента, не только те болезни, которые он перенес в детстве, не только те или иные аллергии, которые у больного есть. Врач должен знать еще и душу этого человека, знать, во что он верит, где для него проходит душевно-болевым порог. В современном мире для этого надо знать историю религий, а в России прежде всего — православную традицию.

Возьмем проблему врачебной тайны. Может быть такая правда, которая кого-то сломает, а кого-то, напротив, укрепит, заставит задуматься о прожитых годах. Я не могу сказать, приветствовал бы я или нет, если бы врач сказал неверующему человеку, что у него рак и что ему осталось жить полгода. Но я бы предпочел, чтобы меня в подобной ситуации предупредили заранее. Религиозный человек не боится смерти, он боится смерти внезапной — смерти, к которой не готов.

С точки зрения христианства, да и с точки зрения просто этики, наверное, нет такой области в жизни человека, которая должна быть лишена нравственного контроля. А если

уж речь идет о такой деятельности человека, которая соприкасается с другими людьми, то здесь этика неустраима. Увы, современная светская врачебная этика зиждется на все еще советских началах, что человек — только кусок мяса... Но для того, чтобы не изобретать велосипед, надо осмотреться вокруг и подумать: а может быть, есть более развитые концепции, нежели та, которой удовлетворялись врачи советской эпохи?

— **Получается, что в идеале врач должен подходить к любой проблеме с позиции христианина. А если врач неверующий?**

— Если врач неверующий, то, во-первых, есть надежда, что это не навсегда. Во-вторых, дело даже не в том, станет ли он христианином или нет. Для меня как преподавателя университета очевидно, что нормальному человеку интересно узнать, какие еще подходы — кроме его собственного — бывают к той проблеме, с которой он работает. Неужели совсем не интересно узнать, что можно увидеть в моей специальности с христианской точки зрения? По-моему, даже ради этого интереса стоит познакомиться с религиозным опытом.

— **Батюшка, а почему нынче опиум для народа?**

— Это Вы цитируете Маркса или Остапа Бендера? Формула Маркса «Религия — опиум народа» совсем не ругательна. Просто ее надо отделить от ее же советской эксплуатации. Ленин, как всегда, все окоmisсарил и сказал: «Религия — дурман для народа». Но у Маркса нет ни «дурмана», ни предлога «для». Это очень важно. Если «для народа» — значит, какая-то ненародная группа вырабатывает, а потом навязывает народу свой продукт. Но «опиум народа» — это скорее то, что вырабатывает сам народ.

Даже в советские времена, когда Маркса цитировали на каждом углу, мало кто помнил, что контекст статьи Маркса, где он говорит про «опиум народа», очень возвышен. «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа»⁹⁴. В следующем абзаце Маркс говорит о религии как о цветах, украшающих цепи, что сковывают трудящееся человечество. И так — цветы, вздох, душа, опиум... Выстраивается довольно высокий образный ряд.

Следует помнить, что выражение «Религия — опиум народа» создано отнюдь не Марксом, еще раньше его употреблял один англиканский епископ. Дело в том, что в Европе XIX века опий — это не наркотик, а анестетик (обезболивающее средство). Поэтому и святитель Феофан Затворник мог интересоваться кокаином — и не грешить: «Меня все подбивают к допущению операции, а я упираюсь. Потому что страшная должна быть боль. Но се слышу, будто есть какие-то капли, которых если несколько пустить в глаз, то он теряет чувствительность. Вот я и встрепенулся — откуда храбрость взялась; сей час готов на операцию. Прошу скорее сказать: есть ли такие капли? Имя им: кокаин»⁹⁵.

Это звучание Марксовой формулы очень точно расслышал замечательный испанский писатель Мигель де Унамуно.

У него есть рассказ с таким сюжетом: служит в селе священник, человек пожилой, отзывчивый, добрый. Народ считает его просто святым. И вот однажды один прихожанин слышит от него страшное признание: «Я сам не обрел веру». Свое пребывание в Церкви он объясняет так: «Дело религии не в том, чтобы разрешать в этом мире экономические и политические тяжбы, которые Бог отдал людским распрям. Какого бы образа мыслей ни держались люди, как бы они ни поступали, главное — чтобы они утешались в том, что родились на свет, чтобы жили, насколько могут, с чувством довольства и в иллюзии, что во всем этом есть какая-то цель. Не мое дело подчинять бедных богатым либо проповедовать бедным, чтобы они подчинялись богатым. Смирение и милосердие — всем и для всех. Ведь богатому тоже нужно смириться и с богатством, и с жизнью, а бедному тоже нужно быть милосердным с богатым. Социальные вопросы? Оставьте их в покое, нас они не касаются. Ну, образуется новое общество, в котором не будет ни богатых, ни

⁹⁴ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. М., 1986. С. 58.

⁹⁵ Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 500.

бедных, в котором богатство будет распределено по справедливости и все будет принадлежать всем,— а что дальше? Тебе не кажется, что общее благоденствие лишь породит в усиленной степени отвращение к жизни? Я знаю, один из вождей социальной революции сказал, что религия — опиум для народа. Опиум, опиум... Опиум и есть. Так дадим же ему опиума»⁹⁶.

Что за всем этим стоит? Во всех культурах общественная функция религии — быть средством для очеловечивания человека. Ее задача — дать смысл существованию человека. И человека, и звезды, и травинки... Дать смысл приходу и уходу человека, рождению, боли, смерти. Потому что жизни может придать смысл только то, что придает смысл также и смерти. В отличие от животного человек живет в двойной реальности: для него открыта вселенная символов, значений. И человек так устроен, что он может вытерпеть любую боль, но только если он сможет ее оправдать. Вот это и есть психологическая задача религии — внести смысловое измерение во вселенную человека.

— На заре христианства аскетов, взявших на себя обет пустынного уединения и молчания, называли ферапевтами. Сегодня есть терапевты и множество других медицинских специальностей. Но кого избрать — ферапевта или терапевта, священника или врача?

— Врач-христианин, который сможет придать некий смысл страданиям больного человека,— сделает доброе дело. Он поможет больному. Любому врач согласится: болеть можно по-разному. Человек, который относится к своей болезни как к какому-то досадному приключению, он раздражается, с нетерпением ждет, считает дни, часы, когда все это кончится, чтобы сорваться с больничной койки, убежать, как из надоевшего купе, и вернуться к обычному образу жизни. Такой человек, скорее всего, будет дольше выздоравливать, чем тот человек, который внутренне спокоен, который в болезни видит не досадную паузу, а условие своего роста. Вот он быстрее исцелится.

Медицина это назовет «психотерапевтическим эффектом». Так что даже с нерелигиозной точки зрения есть смысл во взаимодействии медицины и религии. Терапевт должен быть ферапевтом.

— По моим наблюдениям, наиболее яростные сторонники аборт в большинстве своем — женщины. Почему так получается?

— Есть такой закон человеческой психологии, что человек не может убить человека. Ну не может он этого сделать! Поэтому любое убийство в реальной жизни должно предваряться убийством виртуальным — словесным. Нельзя убить человека, можно убить «черномазого», «жида», «фашиста», «масона», «коммуняку», «еретика», «мироеда», «мракобеса». Их можно убить — «мерзавца», «бандита»... Человека нельзя убить. И поэтому такая самка (женщиной назвать сторонницу аборт трудно) не называет ребенком того, кого она хочет убить. Потому что тогда, признав, сказав, что это «ребенок», она уже не сможет его убить. Поэтому она обзывает его плодом.

Напротив, когда женщина ждет ребеночка, на каком бы сроке она ни находилась, для нее это уже «малыш». Одни женщины понимают, что эмбрион — это уже самостоятельная жизнь. А другие считают, что это лишь опухоль в материнском организме, с которой можно поступить, как, скажем, с грязью под ногтями — взял и вычистил. И в этом для них нет никакого нравственного преступления.

Но вот, например, в Индии празднуют годовщину ребенка через три месяца после его рождения. Считают, что 9 месяцев в утробе матери — это не подготовка к жизни, а это уже жизнь.

С женщиной, сделавшей аборт, происходит очень много плохих вещей. Прежде всего, она грешит против себя самой, против своего организма, который настраивается на выполнение своего высшего призвания — родить новую жизнь,— а тут, как бы на взлете, идет удар молотом по всем системам. Это биологическая катастрофа.

⁹⁶ Мигель де Унамуно. Святой дон Мануэль Добрый, мученик // Избранное: В 2 т. Т. 2. Л., 1981. С. 116–117.

Во-вторых, это огромная психологическая травма.

В-третьих, этот поступок бросает очень серьезную тень на отношения души с Богом.

Из Патриархии уже давно был сделан запрос на биологический факультет МГУ с просьбой сказать, что считается минутой начала новой жизни: выход младенчика из лона матери, перерезание пуповины, первый вздох, начало формирования нервной системы эмбриона, первое деление яйцеклетки или же просто оплодотворение? Нам ответили: с точки зрения науки началом новой жизни считается оплодотворение яйцеклетки. Здесь начинается самостоятельная жизнь, ибо возник уникальнейший, никогда не встречавшийся доселе набор хромосом. И это уже новая жизнь.

Так что и с точки зрения науки, и с точки зрения религии (любой религии) аборт — это убийство.

Дискуссия сторонников и противников абортосводится к одному вопросу. Сторонники считают, что плод в утробе матери — часть ее организма, поэтому женщина вправе со своим организмом делать все, что хочет. Например, захотела короткие волосы — пошла и подстриглась, захотела ресницы нарастить — нарастила. Захотела матку свою почистить — пошла и почистила.

Противники аборта говорят, что зародыш — это уже больше, чем часть организма. Это уже самостоятельная жизнь. Да, он не может жить вне организма матери. Но ведь отдельно от матери и людей не может жить не только четырехмесячный зародыш, но и четырехмесячный новорожденный. Тем не менее убийство новорожденного младенца считается убийством самостоятельной жизни. А ликвидация этой же жизни на несколько месяцев раньше отчего-то считается нравственно безупречным поступком.

Самое страшное то, что большинство абортосделаются не по медицинским показаниям, а по социальным. Люди не хотят иметь ребенка. Почему? — «Мы не сможем прокормить его, достойно воспитать», — говорят они. Конечно, жить сегодня тяжело. Но предположим, что у меня четверо детей. После обвала рубля в 1998 году уровень моей зарплаты резко снизился. И вот я собираю своих детей и говорю: «Вы знаете, у нас проблема. Я стал получать намного меньше, чем раньше, и не смогу дать вам все, что собирался. Поэтому одно из двух: или мы все будем жить гораздо беднее, и тогда Ваня откажется от уроков тенниса, Маша — от уроков японского языка, а Петя перестанет ходить на уроки музыки. Или же мы сохраним прежний уровень жизни, но убьем младшую Танечку, тем более что она еще маленькая и ничего не поймет. На этом мы с вами сэкономим, и деньги, которые пошли бы на Танечку, пойдут на сохранение прежнего уровня жизни».

Дикость? Но почему же считается вполне нормальным сэкономить на жизни ребенка, находящегося в утробе матери? А какая разница между уже родившимся ребенком и еще не родившимся? Он уже чувствует. Японские врачи сняли фильм «Беззвучный крик», который у нас даже запрещают показывать в школах старшеклассникам. Японские медики ввели световод в матку беременной женщины, дали подсветку, а затем снимали, что испытывает малыш в утробе матери во время аборта. А он — кричит, когда щипцами откусывают ему ручки, ножки. Ведь из тела матери его вынимают по частям. Малыш чувствует все, что с ним делают: как травят табаком и наркотиками, алкоголем. Как убивают...

— **Замолить этот грех можно?**

— Может быть. Недавно я вспомнил слова одного преподавателя семинарии, когда в начале 80-х годов мы обсуждали с ним очередное убийство — то, что называлось «свинцовой мерзостью советской жизни». Он сказал: «На самом деле, я греховный человек, потому что порой радуюсь, когда слышу о коррупции, взяточничестве чиновников, воровстве. Если бы этого не было, правыми оказались бы коммунисты, утверждавшие, что можно на земле без Бога построить рай или воспитать нового человека. Тогда Христос был бы не нужен на Земле. А когда я вижу, что на самом деле

люди страдают даже в самом “совершенном” обществе, значит, все же правы христиане, утверждающие, что без Бога ни до порога».

Моя позиция очень похожа. Я думаю, было бы очень странно, если бы Россия сейчас была счастливой, процветающей страной. Россия не может быть счастливой — страна, в которой на одного родившегося ребеночка приходится три вычищенных, занимающая первое место в мире по количеству абортот. Если бы мы, граждане страны, затопленной кровью неродившихся младенцев, жили богато и счастливо, тогда можно было бы сказать: «Боже, да есть ли Ты?».

— Говорят, что аборт — это плохо, но в то же время лучше, чем детдом, лучше, чем измученная болезнями душа ребенка...

— На самом деле, взрослый человек обычно предпочитает смерти любые условия жизни. Иногда готов сдаться в плен, столкнуться с тяжелейшими условиями существования, чтобы только сохранить жизнь... Поэтому лучше не решать за ребенка — жить ему или нет. Давайте дадим ему шанс.

А вообще, главный вопрос, который возникает при разговоре о биоэтике,— это вопрос о границах человеческой жизни. Так обсудим его! А для этого необходим учебный курс, который смог бы стать площадкой для подобного обсуждения. Студенчество — это замечательное время, когда еще есть право на ошибку. Когда вы станете врачами, то такого права у вас уже не будет. А сейчас мы еще можем «щенячиться».

Давайте ошибаться, давайте вместе думать, давайте выдвигать экстравагантные гипотезы! И пусть даже христианство будет для вас экстравагантной гипотезой. Давайте ее обсудим хотя бы в таком качестве, а потом, может, выяснится, что она не такая дикая, как казалась сначала.

— А как Церковь смотрит на проблему контрацепции? Это необходимость или все-таки зло?

— Церковь без всякого восторга смотрит на контрацепцию. Но в то же время в нашей социальной концепции очень взвешенный, осторожный подход. Церковь категорически против тех методов контрацепции, которые носят абортотивный характер — то есть убивают уже зачатого ребеночка. Что касается контрацептивов предохраняющего действия, то здесь отношение более сложное — все зависит от мотива человека. Если они используются просто ради того, чтобы не брать на себя ответственность, чтобы обеспечить комфортность своей жизни, то это просто извращение самого смысла супружеского единения. А другое дело — когда, скажем, родители обеспокоены тем, что у них есть уже, например, четыре ребенка, и если еще один малыш появится, то они не смогут своим старшим детям дать надлежащую заботу, образование. И поэтому откладывают рождение своего будущего ребенка. И тем более — если контрацептивы используются по медицинским соображениям. В этом случае отношение Церкви более мягкое^{VII}.

— Но в подобных обсуждениях всегда будут разногласия, причем и по основным принципам тоже. Возможно ли найти общий знаменатель?

— Главное расхождение между христианским и светским подходами к биоэтике — в ответе на вопрос о том, что такое человек. Телесный организм или нечто большее? Когда начинается существование человека: с минуты зачатия или с момента исхода из лона матери? Когда прекращается жизнь человека: с остановки функционирования мозга или же с того момента, когда надоело жить? Когда человек становится человеком и когда он перестает им быть?

Но в чем тут трудность: как только вы пришли к ясной формулировке того, что есть человек, вы подали заявку на создание концлагеря. Ведь с помощью этой вашей формулы вы теперь можете человекообразных существ разделить на два типа: одним вы разрешите считаться людьми, а другие, с вашей точки зрения, будут нелюдями; они окажутся вне этики, вне закона. Их тогда можно будет уничтожать... Я не понимаю, почему ребенок в

состоянии от минуты родов плюс одна неделя — человек, а минус одна неделя — недочеловек...

Поэтому я и говорю, что такие предметы, как биоэтика, нужны — просто для того, чтобы мы научились смотреть на человека не только через прицел микроскопа.

С точки зрения христианства у человека кроме сердца, печени, селезенки и прочего есть еще и душа. И ей нужен повод к жизни, повод к росту. А размышления над нравственными проблемами и есть повод к тому, чтобы найти в себе ту самую душу и вывести ее из полуатрофированного состояния.

— Но почему врач должен думать о душе, когда это личное дело пациента? И вообще — душой занимаются «врачи в рясах», то есть священники. Это их прямая обязанность, но не врачей. Врач лечит тело...

— Мы уже потому должны думать о душе, что она — одно из условий исцеления тела. Через душу больного, как и через душу врача, можно ускорять или же тормозить процесс излечения даже чисто физических болезней и травм.

Не стоит забывать, что помимо школ западной новоевропейской медицины существуют и другие школы, скажем, восточные, мода на которые в наши дни крайне велика. Они как раз исходят из того, что человек — это целостное существо и, значит, путь к его лечению лежит через душу.

Православие с этим согласно. Поэтому, прежде чем улетать на Дальний Восток в поисках лекарств и экзотических методик исцеления, давайте попробуем посмотреть, а что есть в нашей европейской христианской традиции.

— А что Вы думаете о суррогатном материнстве?

— Это традиционная для нашего постмодернистского времени попытка растворения человека в машинных технологиях, когда попирается сама суть великого таинства любви. Соглашаясь вынашивать ребенка по заказу, многие женщины даже не понимают, какая боль ожидает их впереди, боль от разрезания тех уз, которые устанавливаются за время беременности у матери с будущим, пусть и генетически ей чужим, ребенком. Эта боль подсознательно будет преследовать ее всю жизнь, и никакие деньги этого не компенсируют.

Недавно одна только что родившая женщина рассказала мне о той разительной смене чувств, которую она пережила в день родов. «Я никогда больше не соглашусь рожать!» — крикнула она поначалу. Но уже через несколько часов после родов воскликнула: «Хочу еще!». Бог (или, если хотите, природа) построил в женский организм своего рода «наркотическую» фабрику: после родов она начинает работать и насыщать мать эндорфинами, рождающими радостно-эйфорическое настроение. И именно в этой радости зачинается материнское чувство. Кстати, та упомянутая мной роженица сказала, что первую девочку она рожала под наркозом: «Я просто уснула, а когда проснулась, дочка лежала рядом со мной». По ее признанию, ей затем понадобилось немалое время, чтобы ощутить эту малышку по-настоящему своей. Но после вторых родов — без наркоза и с болью — она сразу ощутила всю меру своей любовной жизненной соединенности с доченькой. Женщина, не прошедшая через роды, получит на руки своего младенца без боли, но и без радости. Пробудится ли в ней материнское чувство?

Есть здесь и другой риск. В ряде случаев эта репродуктивная технология будет использована «семьями», которые не могут иметь детей в принципе. Речь о гомосексуальных парах. Стоит задуматься над тем, надо ли малыша с самого начала его жизни погружать в такую среду, в которой он гарантированно будет лишен радости обычной любви, обычного материнства и отцовства.

— Эвтаназия — это самоубийство?

— Если человек скажет: «Убейте меня, потому что мне невоготу, потому что мне жизнь не доставляет радости и наслаждения, и поэтому я не хочу жить», то он просто получит родовую травму. Ведь смерть — это новые роды, новое рождение. Родовая травма будет сказываться всю жизнь. На этот раз — вечную.

Вспомним слова Гэндальфа, сказанные им наместнику Гондора Дэнетору, решившему сжечь себя. «Ты не вправе назначить час своей кончины, наместник Гондора,— сурово напомнил волшебник.— Так поступали только языческие короли, над которыми безраздельно властвовали темные силы»⁹⁷.

Человек, добровольно собирающийся уйти из жизни, вряд ли делает это в радужном настроении. Но это именно уход, переход, а не исчезновение. Вполне умереть самоубийце не удастся. Состояние души, с которым человек переступает границу, состояние отчаяния и ужаса он заберет с собой в вечность. Господь сказал об этом переходе: *В чем застану, в том и сужу*⁹⁸.

Смерть от отчаяния — это путь к такому ужасу, о котором ничего не знают люди неверующие и трезвые. В пятом томе «Гарри Поттера» Дамблдор говорит, что худшее из всех заблуждений Темного Лорда — это мнение, будто нет ничего хуже смерти. И именно это неверие Дамблдор считает самым слабым местом своего врага...

Не считаете серьезным соглашаться с детской сказкой? Что ж — прислушайтесь тогда к великому Данте: «Я утверждаю, что из всех видов человеческого скотства самое глупое, самое подлое и самое вредное — верить, что после этой жизни не будет другой»⁹⁹.

Тело можно разрушить навсегда, а душу — нельзя. В полуразрушенном состоянии душа будет влачиться из вечности в вечность, и ни одна из них не будет ее радовать. Когда человек убегает от собственной боли, не видя смысла в продолжении жизни, то это означает власть сумрака в его душе. С религиозной точки зрения небезопасно помогать человеку переходить границу времени и вечности в такую погоду.

Церковь не отпевает самоубийц не потому, что желает им отомстить или наказать их. Своим отказом она просто предупреждает еще живых: «Это не выход!».

...У одного священника были добрые отношения с офицерами из близлежащей воинской части. Но однажды они в неурочно поздний час стучатся к нему в дом:

— Батюшка, беда! У нас Алешка застрелился! Надо отпеть его!

Священник решительно отклоняет эту просьбу:

— Не могу. Алексей стал самоубийцей, по нашим канонам отпевать его нельзя!

Следует понятная реакция офицеров:

— Да что же ты каноны и бумажки ставишь выше человека! Мы и не думали, что ты такой формалист! Ты отказался помочь нам в нашей беде! Мы и знать тебя теперь не знаем!

С той поры двери этой воинской части для священника оказываются закрыты... Проходит полгода. Священник служит в своем городском храме. И вдруг после службы подходит к нему тот офицер, что яростнее всего кричал на него в день смерти своего сослуживца, бухается на колени и говорит:

— Спасибо тебе, батюшка!

— Да за что же спасибо-то?

— Ты меня от смерти спас!

— Когда это мне такое довелось?

— Вчера!

— Да как я мог тебя вчера от смерти спасти, если я тебя полгода вообще в глаза не видел?

— Вот именно этим ты меня и спас!.. Просто вчера у меня такая хмарь на душе была. Я уж к пистолету потянулся, хотел точку поставить... А тут вспомнил, что Алешку-то ты

⁹⁷ Толкиен Дж. Властелин колец. СПб., 2002. С. 804. «Это единственное место в трилогии, где Толкиен употребляет слово “языческий” (heathen), которое, в отличие от слова “pagan”, используется в английском языке только в христианском контексте... Сначала Толкиен считал это оговоркой, но позже изменил свое мнение. За словом “heathen” стоит сам автор-христианин, не удержавшийся от того, чтобы не высказаться устами своих героев» (Каменкович М., Каррик В. Комментарии // Толкиен Дж. Властелин колец. С. 1208).

⁹⁸ Ср.: Иез. 33, 13, 16.— Ред.

⁹⁹ Данте. Пир. 2, 8 // Данте. Малые произведения. М., 1968. С. 149.

отпевать за это не стал. И остановился. Лег спать, а наутро уже все прошло... Спасибо тебе!

И еще стоит помнить, что каждый из нас здесь живет не один и не только для себя. С нами связана жизнь других людей. Одна женщина сказала мне: «Вы знаете, отец Андрей, я сама была в подобной ситуации, у меня мать очень долго и страшно умирала, для нас это был очень тяжелый год. И слава Богу, что он у нас был. Я не знаю, что этот год дал моей матери, но нам он дал очень много». Бывает так, что страдания другого человека есть повод для проявления силы других. Поэтому нельзя решить проблему эвтаназии, только замыкаясь на том, что испытывает или не испытывает сам больной.

Что касается просьбы человека об уходе из жизни, я думаю, что позиция Церкви отрицательная, но с одной оговоркой. Представьте, что человек, который знает, что он не может жить без аппарата искусственной почки, узнаёт, что в больницу поступил ребенок с ожогами и его жизнь зависит от наличия этой самой «искусственной почки». А она одна на весь город... И тогда он просит: «Отключите этот аппарат от меня. Отдайте ребенку». В этом случае это будет не самоубийство, а самопожертвование, то есть — подвиг... Дело не в поступке, а в мотивации.

К тому же к самоубийству в Церкви есть более сложное отношение. В святцах описана не одна история о том, как некие девицы-христианки предпочли покончить с собой, но не быть оскверненными варварами. Теперь они почитаются как святые.

В «Церковной истории» начала IV века читаем: «Была в Антиохии некая святая и дивная по своей душевной добродетели женщина, известная своей красотой, богатством, родовитостью и доброй о себе славой. Двух своих дочерей воспитала она в правилах истинной веры; были они в расцвете юности и красоты. Злобные завистники всеми силами старались выследить, где они скрываются. Узнав, что они живут в другой стране, их хитростью вызвали в Антиохию, и они попались в ловушку, расставленную воинами. Мать, видя в безвыходном положении себя и детей, изобразила дочерям все те ужасы, какие готовят им люди; самой страшной и непереносимой была угроза непотребным домом. Она сказала дочерям, что ни они, ни она и краем уха не должны слышать об этом, сказала, что предать свою душу в рабство демонам страшнее всякой смерти и хуже всякой гибели, и предложила единственный выход — бегство к Господу. Дочери утвердились в этой мысли, пристойно окутались своими плащами, на полпути попросили у стражи разрешения отойти немного в сторону и бросились в реку, протекавшую рядом» (*Евсевий. Церковная история*, 8)

Речь идет о святых мученицах Домнине, Веронике и Просдокии. Память их праздновалась (по мартирологу блаженного Иеронима) 15 марта. «Помню я еще одну историю, которую полезно пересказать. Говорят, что гонитель Магнентин, имея преступные связи со многими язычниками, старался завести такие же с христианками. Но последние желали лучше умереть, чем продать свое целомудрие. Когда Магнентин прибыл в один город, ему понравилась жена одного советника при градоначальнике. Устрашенный муж ее сказал Магнентину: “Пошли, возьми ее”. За нею присланы были солдаты, но она сказала им: “Погодите немного, пока я займусь обычными своими нарядами”. Она пошла в спальню, взяла меч и пронзила им свое чрево. Слушайте и устыдитесь, девы, признающие себя невестами Христовыми и изменяющие Ему своими нечистыми вожделениями. Да дарует Господь каждому из нас хранить целомудрие» (*Лавсаик*, 131)¹⁰⁰.

В житиях святых повествуется о мученице Дросиде, которая сама вошла в печь (память 22 марта / 4 апреля). Мученица Пелагия бросилась со второго этажа, спасаясь от воинов, пришедших арестовать ее (память 8 / 21 октября).

¹⁰⁰ Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., 1992. С. 180–181.

Говоря о монахинях-самоубийцах, блаженный Августин восклицает: «Какое человеческое чувство откажется извинить тех, которые убивали себя, чтобы не потерпеть чего-либо в этом роде?» (О Граде Божиим. 1, 17).

Самоубийство без осуждения описывается в одном библейском эпизоде: *Никанору же указали на некоего Разиса из Иерусалимских старейшин как на друга граждан, имевшего весьма добрую славу и за свое доброжелательство прозванного отцом Иудеев. Он в предшествовавшие смутные времена стоял на стороне Иудейства и со всем усердием отдавал за Иудейство и тело и душу. Никанор, желая показать, какую он имеет ненависть против Иудеев, послал более пятисот воинов, чтобы схватить его, ибо думал, что, взяв его, причинит им несчастье. Когда же толпа хотела овладеть башнею и врывалась в ворота двора, и уже приказано было принести огня, чтобы зажечь ворота, тогда он, в неизбежной опасности быть захваченным, пронзил себя мечом, желая лучше доблестно умереть, нежели попасться в руки беззаконников и недостойно обесчестить свое благородство. Но как удар оказался от поспешности неверен, а толпы уже вторгались в двери, то он, отважно вбежав на стену, мужественно бросился с нее на толпу народа. Когда же стоявшие поспешно расступились, и осталось пустое пространство, то он упал в средину на чрево. Дыша еще и сгорая негодованием, несмотря на лившуюся ручьем кровь и тяжелые раны, встал и, пробежав сквозь толпу народа, остановился на одной крутой скале. Совершенно уже истекая кровью, он вырвал у себя внутренности и, взяв их обеими руками, бросил в толпу и, моля Господа жизни и духа опять дать ему жизнь и дыхание, кончил таким образом жизнь* (2 Мак. 14, 37–46). Впрочем, блаженный Августин считал, что «дело Разиса можно назвать великим, но не добрым»¹⁰¹. Так же Августин высказался и о Клеомброте, который покончил с собой, прочитав диалог Платона о бессмертии души: «Поступок его был скорее великим, чем добрым» (О Граде Божиим. 1, 22).

У самого Августина при обсуждении этой темы появляется чисто религиозный, «заэтический» мотив:

«Но, говорят, многие святые женщины, избегая во время гонения преследователей своего целомудрия, бросались в реку с тем, чтобы она унесла и потопила их; а хотя они умирали таким образом, их мученичество, однако же, весьма чтится Кафолическою Церковью.— Не осмеливаюсь судить об этом необдуманно. Повелевал ли Божественный авторитет какими-нибудь заслуживающими доверия свидетельствами, чтобы Церковь чтילה подобным образом их память,— не знаю; может быть — и так. Что, если женщины эти поступили таким образом не по свойственной человеку ошибке, а в исполнение Божественного повеления, не заблуждаясь, а повинувшись, подобно тому как должны мы думать о Сампсоне? А когда повелевает Бог и не оставляет никаких недоразумений относительно того, что повелевает Он,— кто сочтет послушание преступлением? Кто обвинит благочестивую покорность? Но отсюда не следует, чтобы всякий, кто решился бы принести своего сына в жертву Богу, не совершил бы преступления потому, что похвально поступил подобным образом Авраам. Ибо и солдат, когда убивает человека, повинувшись поставленной над ним законной власти, не делается по законам своего государства повинным в человекоубийстве; напротив, если бы не сделал того, был бы повинен в ослушании и пренебрежении власти. Но если бы он сделал это самовольно, то совершил бы преступление. Итак, кто слышит, что убивать себя непозволительно, пусть убивает, коль скоро ему повелел Тот, приказаний Которого нельзя не исполнять; пусть смотрит только, действительно ли он имеет на это несомненно Божественное повеление» (О Граде Божиим. 1, 26).

Так что не укладывается христианство в ясные компьютерные инструкции. Да, мы знаем заповедь, знаем, что нужно жить по ней, но знаем и то, что иногда принципы любви и духовная нужда бывают выше заповедей.

¹⁰¹ Цит. по: *Кутепов Н.* Раскол донатистов. Казань, 1884. С. 271.

И все же после описания ярких исключений из правила вновь напомним само правило: «Совершать приношение и литургию за самоубийцу не должно, а милостыня пусть будет, ибо она приносит пользу и неверному, как говорит Златоуст; притом и по удавлению Иуды сребреники были отданы на погребение странников. Пусть поставят животворный Крест на том месте, где он удавился»¹⁰².

В вопросе же об эвтаназии мы различаем пассивную и активную эвтаназию. У христианина есть право на отказ от усилий по продлению своей жизни. Но нет права на усилие, ведущее к прекращению жизни.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» об эвтаназии говорится так: «Предсмертные физические страдания не всегда эффективно устраняются применением обезболивающих средств. Зная это, Церковь в таких случаях обращает к Богу молитву: “Разреши раба Твоего нестерпимыя сея болезни и содержащая его горькия немощи и упокой его, идеже праведных души” (Требник. Молитва о долгострадающем). Один Господь является Владыкой жизни и смерти (см.: 1 Цар. 2, 6). *В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти* (Иов. 12, 10). Поэтому Церковь, оставаясь верной соблюдению заповеди Божией: *Не убивай* (Исх. 20, 13), не может признать нравственно приемлемыми распространенные ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию). Просьба больного об ускорении смерти подчас обусловлена состоянием депрессии, лишаящим его возможности правильно оценивать свое положение. Признание законности эвтаназии привело бы к умалению достоинства и извращению профессионального долга врача, призванного к сохранению, а не к пресечению жизни. “Право на смерть” легко может обернуться угрозой для жизни пациентов, на лечение которых недостает денежных средств. Таким образом, эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент».

Тем не менее есть в православном мире и более мягкая позиция — ее придерживается зарубежная Церковь: «Как христиане, мы естественно почитаем жизнь священным даром от Творца Господа и признаем, что только Он обладает властью ее прекратить. Вместе с тем мы не усматриваем Божией воли в том, чтобы с помощью современной медицинской техники искусственно поддерживать жизнь, когда совершенно очевидно, что без такого радикального медицинского вмешательства жизнь человека не только не может продолжаться, но невозможно и выздоровление. Считаем целесообразным после сердечной молитвы, беседы с духовником и медицинским персоналом прекратить искусственное поддержание жизни, предварительно напутствовав умирающего»¹⁰³.

И еще, разрешение эвтаназии — это верный способ окончательной деконструкции родственных связей и чувств. Если родственники неизлечимо больного человека будут знать о допустимости ускоренного исхода, то они будут подталкивать больного именно к такому выбору. И это будет корыстная просьба. Корысть родственников — это их стремление вернуться к нормальному режиму жизни, в центре которого не будет постель больного. Намеками, интонациями и даже прямыми уговорами родные будут подталкивать умирающего к тому, чтобы он скорее убрался из их жизни и жилплощади. Из поколения в поколение эвтаназия будет становиться привычнее. И в конце концов начнет стремиться к тому, чтобы отождествиться с пенсионной чертой.

— **Есть ли официальная позиция Церкви в отношении крионики?**

¹⁰² *Прп. Феодор Студит*. Письмо 24. К Лаврентию сыну // *Прп. Феодор Студит*. Послания: В 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 51.

¹⁰³ Пастырское совещание Восточно-Американской епархии в Лейквуде, Нью-Джерси, в октябре 1998 года // *Русь Православная*. 1999, № 1. Совещание прошло с участием первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Виталия.

— Официальной позиции нет. Если замораживается тело уже умершего человека — это или медицинский эксперимент (что неплохо), или бизнес — что уже нехорошо. Если же замораживается тело больного, но еще не умершего человека, — это эвтаназия, и тут Церковь против «мягкого убийства».

Это — что касается оценки действий врачей. Что же касается пациента, то согласием на свою заморозку он расписывается в своей неверии в жизнь души вне тела, в жизнь после смерти, равно как и в неверии в воскресение мертвых. Конечно, если священник будет знать, что его приглашают отпевать человека, чье тело из храма последует в холодильник, ибо усопший надеялся не на жизнь будущего века со Христом, а на успехи науки, — такого человека священник отпевать не будет. Зачем напутствовать человека в вечность, если он именно туда и не хотел?

— Как Вы воспринимаете СПИД с духовных позиций: как Божию кару или дьявольское изобретение?

— В «Журнале Московской Патриархии» за 85-й год обретается, наверное, первое упоминание об этой болезни в советской прессе. Речь шла о какой-то экуменической встрече на Западе, и среди прочего автор писал: «А еще участники встречи были проинформированы, что появилась некая новая болезнь, называемая ЭЙДС, которая поражает грешников». Автор этой статьи явно писал об этом с недоверием. Я также, когда впервые об этом услышал, пережил всплеск недоверия: ну, не может быть такой болезни, поражающей только гомосексуалистов, проституток и наркоманов! Это было бы слишком очевидным чудом! Когда оказалось, что это действительно так, то первая реакция была шоковая: наверное, это действительно некая Божия кара. Причем независимо от происхождения — даже если следовать версии, что болезнь эта не естественным путем возникла, а была создана в лаборатории. Но в христианстве любая болезнь, входящая в мою жизнь, — именно от Бога.

От Бога — значит, прежде всего, что не от дьявола. Самая глупая и примитивная реакция — считать, будто боль, вошедшая в мою жизнь, — от дьявола. От этого начинаются поиски: кто порчу навел, кто проклял. Начинаются витки ненависти: самооправдание, осуждение других, фатальная подозрительность. Духовенство этого никогда не приветствовало. Если пришло несчастье, то имей мужество сказать, что это Господь тебя ставит в такие условия, и ты должен через эту боль вырасти.

Причем не стоит говорить, что всякая болезнь есть именно наказание, посланное от Бога за грехи. Все сложнее в мире нашей веры.

Да, бывает, что болезнь оказывается следствием греха. Я не говорю о вульгарном смысле — скажем, следствием пьяной ночи оказался сифилис. Речь идет о чем-то более сокрытом и потому более серьезном. Как сказал английский писатель Клайв Льюис (обращенный в христианство проповедью Толкиена): «Бог шепчет нам голосом любви, говорит с нами в полный голос через голос совести и кричит нам через мегафон страданий». Бывает, что болезнь, боль приходят в жизнь человека потому, что он раньше причинял такую же боль другим людям.

Но все же это не «закон кармы». Следствие тут не есть копия причины. Любой грех, уж тем более грех устоявшийся, закоренелый, — это отпадение от Бога. А куда можно отпасть от Бога, Который есть Источник жизни, Источник смысла? — Это отпадение в мир умирания, в мир агонии. Болезнь — это и есть первая судорога агонии.

И все же нельзя считать, что любая болезнь — это наказание за грех и следствие греха. Церковное поучение (Синаксарь), традиционно произносимое в четвертое воскресенье после Пасхи (в «неделю о расслабленном») говорит: «Не убо же всякая болезнь от грех, но и от естественна недуга, и от объядения и бесполезства и иных многих находит».

В Киеве недавно митрополит Владимир так осаживал некоторых слишком «духовитых» священников: «В Киеве есть некоторые священнослужители, которые практикуют вычитку без всякого благословения на то правящего архиерея или

епархиального духовника. Это серьезные вещи, играть с этим нельзя. Они усугубляют заблуждения нашего верующего, скорее даже неверующего народа, что всякая болезнь — это уже одержимость бесовская. К этому все приравнивается: удачи или неудачи, зачесалось левое ухо или правое, даже плохое или хорошее настроение — уже от дьявола. Таким образом, происходит извращение церковного сознания. Да, действительно, бес — реальная сила, бес — разумная сила, темная сила, существующая реально и действующая в рамках попущения Господнего. Но бес — это еще не главное руководство всем церковным народом. И приписывать бесам такие широкие возможности, какие дают им иные священники, не стоит. Что бы ни случилось — все от беса, давай вычитку. Потому что это нравится людям, это доходно... Такое отношение недопустимо как для молодых, так и для пожилых священников. Недопустимо, потому что провоцирует народ и уводит в сторону заблуждения. Это уж воистину — наваждение бесовское. Вычитку нужно делать очень осторожно. Да, есть молитвы Василия Великого, есть молитвы в Требнике на изгнание нечистой силы, но, повторяю, приписывать все без разбора от начала до конца бесу — это очень зловредное заблуждение, которое распространяется, главным образом, среди молодого духовенства. Вот это и называется младостарчеством»¹⁰⁴.

Многое в нашу жизнь приходит не из нашего прошлого, а из нашего будущего. Господь может дать болезнь ради того, чтобы те люди, которые рядом с тобою, могли в опыте ухода за больным человеком, в опыте сострадания исцелить свои души. А может, Господь прикасается к боли для того, чтобы твоя душа изменилась в этом опыте. Чтобы ты потом, по ту сторону болезни, стал бы способен вместить в себя большее, нежели был способен вместить до болезни. Так что очень важно для христианина не поддаваться на провокацию увязывания чужих болезней с чужими грехами. Если я, заболев, скажу: «Да, Господи, я достойное по делам моим приемлю»¹⁰⁵, то это будет нормальная формула, нравственная. Но если я подойду к другому нездоровому человеку и скажу: «Ты болеешь. Значит, в твоей жизни были грехи и ты за них расплачиваешься», — то это будет пошлость. Здоровый не имеет права осуждать больного, какая бы у него ни была болезнь.

Христианство — это этика с двойным дном: я не имею права поступать с другими так, как я должен поступить по отношению к себе. По словам академика Аверинцева, христианство создало поистине виртуозную культуру усмотрения собственной виновности. Я должен прощать другим, но не имею права прощать себе. Не должен искать грехи у другого человека, даже если он оказался в несчастье, но если со мной случилось несчастье — о своих грехах должен задуматься.

Поэтому я не смог пройти мимо одной заметки в «Аргументах и фактах». В 1998 году архимандрит Сергей (Стуров) на страницах этого издания так объяснил, почему в декабре 1997 года совпали несколько катастроф: «И священнослужители, и верующие предупреждали телевидение, что показывать фильм “Последнее искушение Христа” нельзя, что Бог поругаем не бывает»¹⁰⁶. Увы, нашему голосу никто не внял, и мы видим, как после показа фильма на Россию обрушились страшные катастрофы на шахте под Новокузнецком, в Иркутске, в Нарьян-Маре»¹⁰⁷.

Звучит благочестиво. Архимандрит Сергей постарался выглядеть в глазах читателей глубоко верующим человеком. Но — в кого? В какого Бога верит он? В евангельского Бога любви и человеколюбия или в сумасбродного олимпийского божка? Не выглядит ли Господь в его изображении безумным садистом? НТВ действительно совершило кощунство, показав этот фильм. Но на каком основании можно полагать, будто за грех московских телеполитиков Бог карает новокузнецких шахтеров? Как связана с этим фильмом беременная женщина, сгоревшая в вертолете под Нарьян-Маром? Неужели

¹⁰⁴ Из выступления Предстоятеля УПЦ, Блаженнейшего Митрополита Владимира на собрании духовенства Киевской епархии // Кириллица. Киев, 2002, № 5 (29).

¹⁰⁵ См.: Лк. 23, 41.— *Ред.*

¹⁰⁶ См.: Гал. 6, 7.— *Ред.*

¹⁰⁷ Аргументы и факты. 1998, № 51.

Промысл не умеет действовать точно, воздавая конкретным виновникам зла, но слепо крушит все направо и налево, не разбирая лиц? Если Бог любовью Своею терпит непосредственных инициаторов греха, не посещая их ни болезнью, ни даже печалью, — то зачем же полагать, будто так решительно и страшно за их грех Он карает посторонних людей?

С точки зрения богословски-теоретической опасное это дело — так поспешно (и вдобавок с такой короткой исторической дистанции) оценивать пути Промысла. С точки зрения богословски-практической, прежде всего действительно необходимо признать, что нравственное достоинство человека определяется тем, насколько он готов находить смысл в своих собственных страданиях. Как говорил святитель Иоанн Златоуст, «тот, кто научился благодарить Бога за свои болезни, недалек от святости». О себе человек может думать словами больного из пастернаковского стихотворения «В больнице»: «О Господи, как совершенны дела Твои, — думал больной... — Кончаясь в больничной постели, я чувствую рук Твоих жар...». Но отнюдь не благочестием, а просто нравственным идиотизмом было бы зайти к соседке и авторитетно объявить ей смысл ее бед: «Ты, Марья, потому вчера ногу сломала, что позавчера со мною в церкву не пошла!»...

А с точки зрения просто нравственной — нехорошо боль других людей использовать в качестве повода для того, чтобы продекларировать: «Ну, я же предупреждал! Вы поняли теперь, насколько я был прав?!»^{VIII}.

У Промысла свои тайны. Но это — тайны, а не секреты, и к ним не может быть быстродействующих отмычек.

— Между болезнью и человеческими возможностями существуют некие сокровенные отношения. Я имею в виду мудрость и болезнь, творчество и болезнь. Раскрытие творческих возможностей у болящего происходит благодаря или вопреки болезни?

— И то и другое может быть. Напомню слова Булата Окуджавы: «А душа — уж это точно, — ежели обожжена, справедливой, милосердной и праведной она». В христианской же традиции традиционный образ — это лен. Для того чтобы из жесткого льна получить мягкую, замечательную ткань, из которой можно шить распашоночку для малыша, этот лен надо долго мять. И Господь, бывает, долго мнет неудачами человеческую душу, чтобы она стала мягче.

— «Лучше нам умереть, чем к врагам Бога идти, какая польза тело исцелить, а душу губить...». Это высказывание Иоанна Златоуста можно применить по отношению к народным целителям?

— Можно, но не ко всем. Если этот целитель лечит травками, мануальной терапией, то ничего страшного в этом нет. А вот если на все это налагается какое-то религиозное осмысление типа «эта травка хороша, потому что была собрана, когда Луна была в третьей четверти» и «это произошло ровно в полночь, потому что духи слетелись к этой ромашке» — вот в таком случае это магия. Тогда к этому прибегать нельзя.

— Насколько неприемлемы с точки зрения Церкви нетрадиционные методы лечения — гомеопатия, иглоукалывание, гипноз?

— Я думаю, что во всех трех случаях нет безусловного неприятия.

Недавно в Москве после лекции одна женщина обратилась ко мне с вопросом: «Я врач-гомеопат и православная христианка. Скажите, можно гомеопатией заниматься или нет?». Я ответил, что гомеопатия — практика, в принципе, языческая, но если какое-то открытие сделали не христиане, это не означает, что оно само по себе является нехристианским. Например, гомеопатией пользовались святые Феофан Затворник¹⁰⁸, Иоанн Кронштадтский, Игнатий Брянчанинов¹⁰⁹. Однако женщина говорит: «Я это знаю, но мне все равно неспокойно, потому что я не знаю, как я лечу».

¹⁰⁸ См.: *Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного.* С. 519.

¹⁰⁹ См.: *Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова).* М., 2002. С. 447.

Сложилась поразительная ситуация: она, врач-гомеопат, чувствует, что это нехорошо, а я, богослов, уговариваю ее, что этим, кажется, можно заниматься. Но проблема-то здесь действительно серьезнейшая: ни один гомеопат не в состоянии объяснить механизм гомеопатического метода лечения. Это напоминает собачек Павлова. Возможно, собачка осознаёт: «Если гавкнуть сюда и носом нажать эту кнопку, тебе дадут кусок мяса», но как эта кнопка связана с упавшим в миску мясом, она не знает.

Честно сказать, я всегда боюсь оказаться в положении собачек Павлова: когда мы что-то делаем, эффект происходит, но непонятно, откуда он пришел. Точно ли здесь присутствуют материальные механизмы взаимодействия или есть какая-то психотерапия, которая, возможно, граничит с каким-то духовным и религиозным взаимодействием (вполне вероятно, нехристианским)? Что за «черный ящик» там спрятан? Именно наличие этого «черного ящика» гомеопатии не позволяет сказать, что здесь все ясно и безопасно. Тем более сегодня видно, насколько легко гомеопатия интерпретируется в рамках модного оккультного жаргона, включающего все те же «энерго-информационные носители», «мыслеформы» и так далее. Да и сами гомеопаты слишком часто прибегают к оккультному истолкованию своих методов...

Ситуацию с иглорефлексотерапией я бы уподобил городу, захваченному варварами. Представьте, что какой-нибудь город захватили совершеннейшие варвары, не знающие, что такое электрический свет. А в этом городе работает автономная атомная станция, которая сто лет проработает без контроля. Свет кое-где есть, не все провода оборваны. И вот эти варвары со временем замечают, что если нажать вон ту кнопку, то вот здесь зажигается лампочка. Они четко понимают, что какая-то связь здесь есть, но они не знают, как связаны кнопка и лампочка. И тогда они разрабатывают свою мифологию: «Дух этой двери влияет на дух Солнца, и если, плюнув через левое плечо и на правой ноге проскакав комнату по диагонали, поднести к окну связку жертвенных бананов, вот тогда можно нажать вот эту кнопку — и бог Солнца пошлет свою частичку вот в тот светильник под потолком». В основе мифа могут лежать вполне реальные наблюдения, на которые наслоились объясняющие потуги мифологии. Мне кажется, с иглотерапией похожая вещь. Со временем, наверно, возникнут вполне материалистические объяснения связей между внешними покровами и внутренними органами (в конце концов, они развились из одной и той же изначальной клеточки эмбриона). Поэтому если врач использует иглотерапию без использования китайской философии, я думаю, что он не согрешает.

Во всяком случае, святитель Николай Японский не видел в акупунктуре ничего колдовского, хотя и относился к ней отрицательно: «Стефан Кондо несколько раз служил катехизатором и несколько раз оставлял службу, чтобы акупунктурой добывать себе хлеб. Искусство это — что-то вроде шарлатанства... Кондо хотел на хребте Церкви пробраться в новое, весьма многолюдное место шарлатанить своей акупунктурой»¹¹⁰.

Относительно гипноза — опять все зависит от того, кто и с какой целью его использует. Одно дело — чисто медицинский гипноз, когда задача — избавить человека от какого-то навязчивого воспоминания о некоей травме... Но в целом у Церкви негативное отношение к любым ситуациям, когда тыходишь в состояние, которое ты сам не контролируешь. Надо быть чрезвычайно разборчивым, и уж тем более, когда тебя пробуют гипнотизировать люди типа Алана Чумака или Кашпиоровского, то уж здесь ни в коем случае открываться перед ними нельзя.

В защиту компьютера

Понятно настроенное отношение православных христиан к компьютерным играм. Незнакомое всегда требует осмотрительности. «Мы росли без этих игр, так может, лучше и наших детей уберечь от этого нового непонятного влияния?».

¹¹⁰ Дневники святого Николая Японского. Хоккайдо, 1994. С. 273. Запись от 10 июля 1903 года.

Ну, а если попробовать не пугаться неведомого, а спокойно присмотреться к нему и попытаться найти ему доброе применение? Самая опасная «сцепка» из компьютерного мира: компьютер — компьютерные игры — дети... Не крадут ли компьютеры наших детей? Дети уже и говорят на непонятном для нас языке (чаты — сайты — чипы)... Возвращать их в реальный мир приходится чуть ли не силком. Может, защитить их от странного и, скорее всего, вредного влияния?

Но подождите. А разве впервые дети уходят в свои миры, непохожие на наш? Разве тот, кто в детстве зачитывался Жюлем Верном, Дюма и Конаном Дойлем, не уходил в миры, созданные этими писателями? И что же — неужто в итоге вырос стал неспособным к слышанию евангельских слов? Не торопитесь осуждать: авантюрные романы и детективы только что перечисленных авторов Государь Николай Александрович в заточении читал своим детям...

А те дети, что превращали соседнюю рощу в свое тайное и сказочное место, — разве они не жили в своей «виртуальной реальности»? Разве любая детская игра не есть уже тем самым «придумка»? И легко ли отвлечь ребенка от игры?

Но если мальчишки все равно играют в войну, так может, будет лучше, если малец будет целиться из палки или из игрушечного автомата не в своего живого сверстника, а в «виртуальную» мишень?

Сколько говорилось о необходимости избавить детей от «влияния улицы». Компьютер это и делает. Мне этого немного даже жаль. Мне жаль, что уже который год весной я не вижу мальчишек, пускающих кораблики по ручьям. А зимой не видно снежных крепостей и их «взятий». И даже снежные бабы стали редкостью во дворах. Компьютеры и игровые видеоприставки увели детей с улиц. Они вернули детей в наши дома. Но разве вина детей или компьютеров, что дома детям становится скучно без электроники? Если мы скучны самим себе, если мы не можем быть детям интереснее цветных пятен на экране — это наша вина, а не вина техники или «западной цивилизации».

Да, компьютер увлекает и отвлекает. Интернетовские знакомства, игры, поиск информации — интересной, но далеко не всегда нужной... Однако разве это повод для того, чтобы анафематствовать компьютеры и держать своего ребенка подальше от их мира? Увлечься сверх меры можно чем угодно. И тут важно определить: а какова, собственно, сама мера?

Порицатели компьютера и компьютерных игр, кажется, исходят из убеждения, что человек призван к непрерывному пребыванию в молитве, а потому любое действие (которое занимает человека чем-либо иным) отвлекает его от молитвы и, следовательно, является антихристианским.

Верно — схимник, который отложил бы четки и начал искать новости в Интернете, был бы странен. Но разве все христиане схимники? И разве схимнический подвиг — единственный образ служения Богу и людям? И разве помимо компьютера нас ничто не отвлекает от молитвенной сосредоточенности? А если наша жизнь и жизнь наших детей не вся наполнена молитвой, надо ли немедленно призывать к тому, чтобы этот «немолитвенный» остаток сократился, исчез и был «покрыт» приумноженным молитвенным правилом?

Мне представляется, что книжные призывы к непрестанной молитве сегодня гораздо опаснее, чем любые компьютерные игры. Дело в том, что если православный человек всерьез воспримет такой призыв (напечатанный в благочестивой книге или произнесенный приходским проповедником) и встанет на путь непрерывной молитвы, то он весьма и весьма рискует. Прежде чем христианин очистит себя от страстей и увидит нетварный свет, он, скорее всего, приобретет букет болезней психических и духовных, впадет в глубочайшую прелесть. Ибо при отсутствии опытного духовника, который сам не один год практикует «умную молитву», без постоянного советования и направления человек, решившийся освоить высший образ молитвы по книгам, окажется почти что

беззащитным перед лицом прелестных наваждений. А много ли у нас сегодня духовников, могущих вести людей по высшему и прямому пути?^{IX}

Поэтому вполне трезвы общецерковные требования благочестия. Читай ежедневные утренние и вечерние молитвы по молитвослову. Каждое дело начинай с обращения к Богу за благословением и помощью. Почаще бывай в храме. Если есть силы, время и усердие — читай также по евангельской главке в день, по кафизме и по канону... Но все, что сверх обычного правила,— лишь по особому благословению духовника.

Итак, в жизни человека есть место и иным занятиям, прямо не совмещенным с молитвой. Есть место и для игры, и для общения, и для переписки, и для потребления новой информации (в том числе и нецерковной). Если человек занят чем-то таким, что не связано прямо с молитвой, нельзя сразу расценивать это как грех. Человек может играть, гулять, беседовать с друзьями на светские темы — и это не будет грехом.

Игра — это необходимая и неизбежная часть жизни практически любого человека, отнюдь не только ребенка. Игра — это умение быть иным. Это растожествление человека с той социальной ролью, к которой он «прикипел» и в которой его привыкли видеть окружающие.

Бывают игры, в которых человек оказывается более человечен, чем в своем официальном мундире. Человек понимает свою несводимость к своему привычному общественному положению. В этом смысле игра — это слабая светская тень покаяния. Ибо покаяние — это жажда быть другим...

С точки зрения философов-антропологов и психологов, игра — это такое действие человека, которое не направлено к извлечению выгоды. В игре не ставятся цели, выходящие за рамки происходящего. Она замкнута в себе. И в этом смысле бескорытна¹¹¹. Поэтому не следует всякий раз настораживаться, услышав слово «игра». Просто всему должно быть свое место: делу — время, потехе — час. Или, строже,— словами святителя Феофана Затворника: «Дело одно, остальное — приделок»¹¹². И конечно, тут самое место вспомнить слова блаженного Августина, полагавшего, что все беды человечества происходят из-за нарушения подлинной иерархии, когда мы пользуемся тем, чем надлежит наслаждаться, а наслаждаемся тем, чем надлежит лишь пользоваться (*De diversis quaestionibus*, 30)^X.

Но если и мир взрослых не лишен игровых моментов, то тем более к жизни ребенка нельзя подходить с требованиями, предъявляемыми к житию схимника.

Если мы будем говорить детям, что компьютер их враг, то в итоге они будут прятаться в мир компьютера от нас. Так может, просто надо контролировать содержимое этого «ящика», качество тех игр, что хранятся в нем?

Я знаю православные семьи, которые покупают видеомagnитофоны и телевизоры^{XI}, но не подключают их к общим телеантеннам. Такой телевизор не показывает то, что вещают из Останкино, но на нем можно показывать детям видеофильмы, покупаемые родителями. Православная видеотека в таких домах состоит не только из церковных фильмов. В ней есть советские мультяшки и — опять же советская — киноклассика: «наше старое доброе кино». Ребенок не может жить без сказки, без «мульти-пульти». Нынешние американские мультфильмы чудовищны. Многие из этих сериалов насквозь пронизаны оккультно-языческими идеями и «чудесами» («Приди ко мне, дух огня!», «Сила моя, не оставь меня!»). А видеомagnитофон дает семье определенную меру независимости от государственного телевидения. Как магнитофон давал возможность слушать не только ту музыку и не только те песни, которыми советские радиостанции вдохновляли советский народ на строительство коммунизма, но и «очеловечивающие» песни Окуджавы, Высоцкого, Галича, Никитиных, Городницкого,— так и

¹¹¹ Поэтому, кстати, профессиональный спорт, в том числе и шахматы и танцы,— это уже не игра. Равно как и детские вроде бы игры, ведущие на самом деле к установлению иерархии в детской «стае».

¹¹² *Свт. Феофан Затворник*. Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1914. С. 86.

видеомагнитофон может стать пособием к созданию в доме климата, отличного от того, который царит в стране в целом.

Без игры ребенок расти не может. Он познаёт себя и мир в игре. Надо просто правильно подбирать игры. Если они учат безжалостности и насилию — то их следует избегать. Если же они развивают смекалку, реакцию, учат предвидеть отдаленные последствия своих шагов — то пусть такие игры придут к детям. И не надо ссылаться на то, что на компьютерном рынке преобладают игры с насилием. Какое нам дело до того, что там преобладает? На книжном рынке тоже большая часть изданий бездумна и бесчеловечна. Но это же не повод для того, чтобы закрыть все библиотеки и сжечь наши, церковные, книги. Также и на компьютерном рынке. Он разнообразен. И умные и добрые игры — пусть и в ограниченном количестве — подобрать на нем можно.

Если мы запретим православным детям компьютерные игры — мы потеряем Россию. Да, именно такова цена нашего брюзжания по поводу компьютерной цивилизации.

Если ребенок с детства не приучен к работе с компьютером, он так и будет держаться от компьютерного мира на почтительном расстоянии и никогда вполне не овладеет всеми возможностями компьютерной цивилизации. А ведь цивилизация будет именно такой — компьютерной — в наступающем веке. Дети из православных семей, которым не покупали компьютеры и прочую бытовую электронику, вырастут компьютерно безграмотными. Они будут значительно уступать своим сверстникам в возможности адаптироваться к университетским системам. Затем они будут значительно проигрывать своим светским ровесникам при поиске работы. Без знания компьютера наши дети будут обречены на роль чернорабочих. Мы что — действительно хотим, чтобы наши дети были просто шабес-гоями^{XII}, прислугой? Ведь без знания компьютера путь в элиты XXI века будет закрыт. Из элит мы уйдем — и поделом нам, потому что луддитам там не место. Убегая от одного искушения, причем, скорее, предполагаемого, гипотетического, мы можем ввергнуть себя в пропасть совершенно реальную.

Люди, боящиеся компьютеров и при этом переводящие духовный смысл Священного Писания на язык компьютерных технологий (мол, электронная кредитная карточка или паспорт и есть «печать антихриста»), выносят приговор России: она, по их мнению, никогда уже не станет православной. Они вещают: «Пора расстаться с надеждами сохранить верность Христу и при этом выжить в крупных городах. Человек вскоре окажется на распутье трех дорог: ИНН, гибель от отсутствия средств к существованию и исход в отдаленные земли»¹¹³. По сути, это призыв к православным стать маргиналами, стать изгоями, которые никак не смогут влиять на судьбы страны. Не о том ли мечтают и радикальные «демократы»?! Эй, г-н Сенин, издающий «Русский вестник», не забыли ли Вы Вашу совесть по месту прежней работы — в ЦК КПСС? Как смеете Вы, живя в Москве, приняв ИНН для своего издания (и полагаю, и для себя лично), других людей выгонять из их жилищ и обрекать их на страдания?! «Русский вестник», сладострастно повторяющий лжепророчества лжестарицы «Пелагии Рязанской» о гибели величайших русских городов^{XIII}, — не стал ли уже антирусским?!

Действительно ли православные ревнители желают, чтобы Россия в следующем столетии управлялась без всякого участия православных людей? Они всерьез желают, чтобы наука, бизнес, журналистика, культура, политика обошлись без православных? Но если именно их мнение возобладает в Церкви, то по какому же праву горстка необразованных и озлобленных маргиналов будет тогда твердить, что «Россия была, есть и будет православной»?^{XIV} Напротив — ради своего выживания Россия должна будет просто зашвырнуть их куда подальше.

Уже несколько столетий мы живем в мире соревнующихся технологий. Позиция хулителей компьютеров ставит нас перед выбором: если они победят и навяжут свое мнение и свои страхи всей стране, то Россия, окончательно лишенная научной, технологической, экономической и военной мощи, будет поделена между турками,

¹¹³ Можно ли избежать ИНН. Кого слушать и кому верить // Русский вестник. 2000, № 43–45.

китайцами, японцами и поляками. Или (если победа компьютерофобов ограничится лишь рамками Церкви) православные навсегда потеряют право мечтать о какой бы то ни было «симфонии» с обществом и государством.

Так уже было на исходе XVII века. Тогда реформы Патриарха Никона — при всей их малообоснованности, непродуманности, спешке и жестокости — промыслительно спасли Россию и Православие. Реформы Никона вызвали раскол в Церкви. Из патриаршей, реформированной Церкви в итоге вышли не только многие люди, по своей простоте отождествлявшие подробности обряда с сутью христианства, но и люди, которые в дореформенную эпоху во многом определяли интеллектуальный «климат» в Церкви. Протопоп Аввакум отнюдь не «неграмотный сельский батюшка». Настоятель кремлевского собора, человек, собиравший вокруг себя лучшие богословствующие умы своего времени, он мог — при ином ходе событий — свое мироощущение передать всей Церкви и всему Кремлю. Что было бы в этом случае с Россией и с Церковью? Если бы Аввакуму удалось победить Никона, то — по естественным законам психологии — для нескольких поколений была бы табуирована сама мысль о любых реформах в укладе жизни православной России. Упал бы «кадильный занавес» между Россией и Европой.

Самоизоляция России была бы не слишком страшна, если бы речь шла о XIII или XIV веках. Но на пороге XVIII века она стала бы губительной. Начиналась эра состязания технологий. Теперь судьбу сражений и стран решали уже не число сабель и не толщина крепостных стен. Качество пороха и пушек, маневренность кораблей и точность инженерно-саперных расчетов предопределяли исход войн. Овладеть военными технологиями без заимствования технологий промышленных нельзя. Овладеть промышленными технологиями без овладения технологиями научными невозможно. Научные же технологии требуют принятия очень многих особенностей мышления, поведения, ценностных ориентаций, в том числе и таких, которые были довольно-таки непривычны для уклада Московской Руси.

И были бы они встречены Аввакумовыми причитаниями: «Ох, ох, бедная Русь, чево тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»¹¹⁴. И следовала бы эта «бедная Русь» примеру своего верховного нравоучителя, и похвалялась бы своей интеллектуальной нетронутостью: «Да вси святии нас научают, яко риторство и философство — внешняя б... свойствена огню негасимому... Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакальства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения»¹¹⁵. Напомню, что в те времена слово «философия» вбирало в себя все небогословские науки, в том числе и естествознание.

Встал бы затем царь Петр на путь реформ — и ему пришлось бы встретиться с дружным сопротивлением всей Русской Церкви, «воспитанной» на Аввакуме. И тут одно из двух: или Петр сломал бы хребет Русской Церкви (а у него были планы введения лютеранства на Руси), или церковная оппозиция сломала бы шею Петру и его реформам. И тогда через несколько десятилетий пришлось бы выбирать, какой колонией — шведской, польской или турецкой — стать Московии к исходу XVIII столетия. И соответствующая вера была бы насаждена вместо Православия в этой колонии.

Но раскол привел к тому, что из Церкви «вытек» аввакумовский дух. Приехали киевские риторы и философы и «заменяли» Аввакума. Они привезли с собой дух Запада, дух схоластики и светскости. Интеллектуальная жизнь Русской Церкви стала разнообразнее и даже противоречивее (в столкновениях западного духа и духа святоотеческого). Но в итоге петровские реформы в самой Церкви нашли себе сторонников (святителей Митрофана Воронежского и Димитрия Ростовского, митрополита Рязанского и Муромского Стефана [Яворского], архиепископа Новгородского Феофана [Прокоповича]). Война Петра с церковным укладом не оказалась

¹¹⁴ *Аввакум Петров. Об иконном писании // Аввакум Петров. Послания и челобитные. СПб., 1995. С. 21.*

¹¹⁵ *Аввакум Петров. Нравоучение // Там же. С. 48–49.*

тотальной. В Церкви нашлись силы, поддержавшие и его реформы, и преобразование Руси в новую, имперскую Россию. Россия выжила в катаклизмах XVIII века, не разорвав свою связь с Православием. И уже в XIX веке она исцелила большую часть тех ран, что были нанесены ее церковной жизни петровскими реформами.

Сегодня вновь «дух старообрядчества» сгущается в Церкви. По поводу Интернета зубоскалят: «Интер-тенета». При слове «компьютер» сразу ассоциации: «зверь», построенный в Брюсселе, и «метка антихриста». И опять та же готовность принести в жертву сплетням и предрассудкам будущее своей страны, своих детей, своей Церкви^{XV}.

К Интернету я сам относился с предубеждением — как это «принято» в церковном обиходе. Но вот однажды в беседе со мною один православный человек, который профессионально работает в мире компьютеров, упомянул об Интернете. Я выдал парочку дежурных «благочестивых» фраз по поводу связи Интернета и антихриста. А мой собеседник спокойно заметил, что если уж и ставить Интернет в связь с перспективой воцарения антихриста, то как раз с обратным знаком. Интернет может стать для православных отдушиной и средством борьбы против антихристовой пропаганды. Ведь Интернет по сути своей не подвержен цензуре. С этим связаны и его проблемы (бесконтрольное распространение электронного порно, а также сектантских идей, причем с самой глубокой и беспардонно-кощунственной, нередко открыто сатанинской критикой в адрес христианства), но эта же его неподцензурность и анонимность может дать возможность православным разъяснять свои взгляды на происходящее в условиях, когда телеканалы, школы, типографии и газеты жестко контролируются недругами Церкви. В США Интернет уже стал одним из самых эффективных способов проповеди Православия и, в частности, полемики с протестантизмом¹¹⁶.

Дело не в той грязи, которая есть в Интернете. Дело в том «климате», который сам человек поддерживает в своей душе. Биологи знают так называемый закон Кеннона: постоянство внутренней среды есть условие свободной жизни. Теплокровное животное более независимо от перепадов температур во внешней среде. Но так же как и в аскетике, так и при контактах в Интернете: чистому все чисто, а свинья везде грязь найдет — хоть в виртуальной реальности, хоть в обычной. В виртуальную реальность надо заходить, но не оставаться в ней. Надо ею пользоваться, но не жить в ней.

Только что упомянутая виртуальная реальность — еще один иероглиф-страшилка для некоторых православных листовок. Что это такое? Человек погружается в мир, моделируемый компьютером, его мысли и чувства работают с теми образами, которые подсказывает ему машина. Опасно? Да, тут можно заиграться! Может оказаться так, что ощущения, приобретенные в виртуальном мире, покажутся более острыми, более реальными и более желанными, чем те, которые человек испытывает в повседневном быту. Но вновь скажу: извратить можно что угодно. Хирургическим инструментом делают аборт. Но это же не основание для того, чтобы осудить вообще всю хирургию и потребовать перековать скальпели на кадила.

Без виртуальных миров сегодня невозможно обучение людей многих профессий. Летчики, космонавты, подводники проходят обучение на сложных компьютерных тренажерах. Сегодня у русской авиации нет денег на топливо. У ракетчиков нет денег на реальные стрельбы. И что же будет, если Отдел Московской Патриархии по взаимодействию с армией вдруг послушается «ультраправославных» борцов с компьютерами^{XVI}, а Генштаб прислушается к советам своих церковных собеседников? Стараниями православных радикалов будет окончательно загублена русская военная мощь...

¹¹⁶ Во время войны в Югославии именно США предпочли разрубить интернетовские связи Югославии. Ее телефонные линии были отключены от американских спутников. По этому поводу даже западные журналисты недоумевали: по их предположениям, именно «диктаторский режим Милошевича» должен был ввести цензуру и отрезать югославов от бесцензурного общения с внешним миром, но вместо Милошевича это сделали американцы...

Вообще, любая культура — это виртуальная игра с искусственными образами¹¹⁷. Чтение любой книги перемещает человека из мира повседневности в мир иных имен, иных сюжетов, иных проблем, тревог и радостей. Даже наше богослужение (которое отнюдь не сводится к своей «культурно-символической» стороне, но, несомненно, эту сторону все же имеет) включает в себя этот момент отстранения человека от его обычных мыслей и чувств и перенесения его в тот мир, где «днесь Иисус грядет во Иерусалим»¹¹⁸.

И существует опасность заиграться во вторичной реальности культуры, забыть, что она, эта реальность, не первична. Существует опасность увлечься собиранием и сопоставлением оттенков палитры, особенностей композиции — и через поглощенность эстетическим забыть об этическом. Протоиерей Георгий Флоровский еще до изобретения компьютера назвал эту опасность «ересь эстетизма».

Человек всегда переоценивал создание своих собственных рук — творил идолов. В виртуальном мире нет новых грехов. Все — старое. Человек не хочет выходить из виртуальной реальности в реальный мир? Но что же в этой страстной плененности нового? Да разве мечта об «Анне на шее» не была той же самой страстью, той же самой чрезмерной поглощенностью человека совершенно измышленным миром? Разве не в виртуальной реальности живет карьерист (даже карьерист церковный, мечтающий о «кресте с украшениями»)?

Это проявление самого банального язычества: поклонение твари вместо Творца. И не важно, что будет этой тварью: идол, орден, деньги, людская слава или же иная «виртуальная реальность»... Но ведь из того, что тварь может нас прельстить, никак не следует, что творение Божие надо возненавидеть или уничтожить. Надо просто научиться правильно им пользоваться. Из того факта, что идола можно сотворить из чего угодно, никак не следует, что мы должны создавать вокруг себя пустыню, уничтожая все, что может гипотетически стать идиолом. В конце концов борьба с идолами сама может стать «идолом», когда человек борьбу «против» делает смыслом своей жизни.

Но если человек не научился плакать в виртуальной реальности — над книгой или над фильмом — он может так и не научиться сострадать живым людям. Ведь максимум, чего от тебя требует книжный персонаж, — это чувства сострадания. Он не требует реальных дел, реальной помощи (будь то помощь молитвенная или благотворительная), не требует никакой жертвенности. И все же, как сказал один поэт, «почему от слова “плачет” перехватывает дух? Разве это что-то значит — на бумаге, а не вслух?». Так вот, если виртуальный плач вымышленного персонажа оставил человека равнодушным, не вызвал ни малейшего ответного отклика в его душе — заметит ли такой человек боль реального ближнего, тем более если она не будет выписана так художественно и открыто, а будет скрытой или же проявленной совсем не «эстетично»?

После «чатов» может оказаться сложнее общаться с живыми людьми. И это бегство от реальности, от сложности. Но тому, для кого слишком сложно говорить с другими людьми лицом к лицу, интернетовские знакомства могут быть ступенькой для разрыва кольца самоизоляции.

Виртуальные миры компьютеров многим людям помогают преодолеть барьер отчуждения, восполняют нехватку общения, помогают найти единомышленников (по тем же самым интернетовским сетям и по электронным почтам), учат слушать другого, слышать свои слова, учат отстаивать свои мнения и убеждения. Электронная компьютерная почта и Интернет могут помочь найти собеседников, которые в силу своей

¹¹⁷ Подробнее см. в главе «Культура как жемчужина» моей книги «Школьное богословие» (2-е изд., испр. и доп. М., 1999).

¹¹⁸ Перифраз стихир самогласных из Великой вечерни в субботу Ваий: «Собезначальный и соприносущный, Сын и Слово Отчее, на жребяти безсловесном седа, прииде днесь во град Иерусалим» и «Прииде Спас днесь во град Иерусалим исполнити Писание». — *Ред.*

верности Православию и человечности одиноки в своем реально-бытовом окружении. Но могут встретиться между собой в виртуальном пространстве.

Конечно, в Интернете есть и свои опасности. Они связаны прежде всего с анонимностью. Человек в нем зачастую безыменен. К электронному миру можно приложить то, что однажды Александр Галич сказал о советской стране: «Над блочно-панельной Россией, как лагерный номер,— луна». Номер — вместо имени. Пользователь Интернета — это человек-невидимка. Он видит все — о его присутствии может никто не знать.

Интернет — это реальность, перед которой у тебя нет чувства долга. Анонимность позволяет относиться к Интернету как к реальности, лишенной нравственного измерения. В этом опять же нет никакой новизны. Люди и в прошлом часто стремились к утрате имени, к обретению анонимности. Они — хотя бы на время — «терялись» в чужих больших городах и там «оттягивались». Вспомните поведение советских «командировочных» или «новорусских» туристов в Европе. Так что Интернет опять тут сам по себе не виноват. Надо просто помнить, что даже в виртуальной реальности надо быть человеком и надо быть христианином.

Задача религии во все времена была в том, чтобы придавать человеческое, нравственно-осмысленное, ценностное измерение миру, в который человек погружен. Важно не бороться с виртуальной реальностью и компьютерным миром, а придать им вертикаль — человеческое, нравственно-иерархическое измерение, нужно этизировать эту сферу.

Если православные уйдут из Интернета — его мир станет плоским. Там останутся секты. Так не лучше ли вместо того, чтобы проклинать их активность, проявить активность собственную? Не осуждать типографии за то, что они печатают «развратные» издания, а создать свои типографии, где те же самые технологии воспроизведения текстов будут размножать тексты церковные¹¹⁹. Не осуждать демонизм телевидения, а все-таки вложить церковные деньги в создание собственного телеканала. Да, в Интернете есть гадкие страницы. Но тем важнее создать там наши островки света, чтобы человек, бродящий по интернетовскому морю, мог бы отдышаться на них. Именно если мы откуда-то уходим — эта сфера становится окончательно враждебной по отношению к нам.

Компьютер и его сети — это просто техника, помогающая людям передавать и получать информацию. А что это за информация — зависит от нас. Если кому-то из православных нечего сказать людям глаза в глаза — тем более они не смогут сделать это дистанционно, с помощью компьютера. Как известно, есть люди, которые, «если промолчат — за умных сойдут». Но средства современной информатики и журналистики делают наш мир прозрачным. Они требуют от человека слов и аргументов. Если у кого-то нет ни того, ни другого — что ж делать. Мир компьютеров и ТВ просто обнажает бесталанность человека¹²⁰. И не к чему тут дуться и обижаться на машины! По прекрасному слову М. Маркиша, через Интернет «людям дается лишь возможность употребить технику во благо. Мы не можем управлять поведением других; мы можем сами использовать эту возможность»¹²¹.

Да, компьютер создан не нами, не православными. Но есть в Евангелии притча о неверном домоправителе, который украл вверенное ему имущество и, раздав его своим друзьям, получил в итоге похвалу Христа (см.: Лк. 16). И есть толкование этой притчи

¹¹⁹ В ноябре 1998 года на Московском подворье Троице-Сергиевой Лавры была освящена икона «Святитель Макарий Московский с житием». В житийных клеймах была очень неожиданная подробность: в сцене благословления святителем Макарием московского первопечатника диакона Ивана Федорова изображен типографский станок. Пожалуй, впервые машина вошла в мир православной иконы...

¹²⁰ Вспомним главный итог скандального проекта ТВ-6 «За стеклом». Он состоял в ответе на вопрос — кто же именно живет в застеколье. Ответ оказался: телепузики... Кошмар этой передачи состоял в том, что была показана реальная молодежь, хозяйка XXI века. И этим людям, как оказалось, просто не о чем ни говорить, ни думать.

¹²¹ *Маркиш М.* Вещание во всю землю // Радонеж. 1998, № 17.

святителем Феофилом Антиохийским: Павел, некогда учившийся у ног иудея Гамалиила и поставленный управлять в доме еврейских законов, затем обратился ко Христу и использовал знания, данные ему, для проповеди Христа и полемики против иудеев¹²²... Христианин, использующий даже языческие изобретения для того, чтобы поставить их на службу Церкви, действует праведно.

Только в одном случае компьютер действительно сможет по-настоящему навредить Церкви. Если сейчас псевдоправославные страшилки и пужалки о «сатанинской печати, излучаемой компьютером», станут широко известны и будут восприниматься в качестве общецерковной позиции,— то тогда еще многие поколения на Православии будут лежать позорная тень. Как столетиями, услышав слово «католик», говорят: «Это те, кто судили Галилея», так и о нас будут говорить: «Православные — это те, кто боялись компьютеров».

Человек и его компьютер или компьютер и его человек? ¹²³

Проблемы церковного Интернета.— Можно ли скрывать свое имя? — Компьютер и идол.— Реален ли электронный концлагерь? — Молитва для компьютера

— Для читателей журнала, может быть, очень необычно, что православный священник, и не просто священник — богослов, имеет свой сайт в Интернете. Как Вам пришла в голову идея открыть сайт?

— Ну, моя голова не так устроена, чтобы в нее приходили такие идеи... Просто сначала пришел человек, а вот в его голове как раз плавала именно такая идея. Поскольку к тому времени на моем счету не было ни одного погружения в Интернет, я сначала отмахнулся. Когда же такого рода предложения стали приходиться регулярно — слова перешли в попытки. Наконец нашелся провайдер (группа Vinchi), который смог это сделать профессионально. Возможно, сначала у него был какой-то свой, нерелигиозный, интерес к раскрутке моего сайта, но в итоге получилось, что мне работа в Интернете ничего не стоит.

— То есть сам провайдер Вам и сайт создал?

— Да, провайдер и создал мне сайт www.kuraev.ru, и оплатил мою работу в Интернете.

— А как давно Ваш сайт существует?

— Года с 1998-го...

— А как Ваше начальство — у Вас ведь есть начальники,— как Ваши начальники отнеслись к появлению этого сайта в Интернете?

— Просто ни у кого никаких недоуменных вопросов не возникало, а потому эта тема никогда с моим церковным начальством не обсуждалась.

— Ваш форум существует уже несколько лет, сейчас это разветвленная система общения, одна из самых ярких тематических площадок Рунета. Вы с самого начала появлялись на форуме значительно реже завсегдатаев. Нравится ли Вам, что форум носит Ваше имя, насколько своим Вы считаете то, что там происходит?

— Я не испытываю никаких собственнических чувств по отношению к этому форуму. Свое участие в нем я ограничиваю по многим мотивам. Там такой огромный объем информации, такое количество веток и дискуссий, что для того, чтобы адекватно в нем работать, надо посвятить этому всю свою жизнь. В некотором смысле я пустил форум на самотек, предлагая православным самоорганизоваться. Я готов любому православному, богословски образованному человеку предоставить право модераторства. Но сам я этим правом не злоупотребляю: если Вы посмотрите в дневник модерирования, который есть на форуме, Вы увидите, что практически нет тем, которые я бы удалил. Когда форум

¹²² См.: *Блж. Иероним Стридонский*. Письмо 97 (121). Алгзии, 11 // Творения: В 7 т. Т. 3. Киев, 1903. С. 190–191.

¹²³ Интервью журналу «Upgrade». 2000, август.

работал первый год, я понял, что либо я читаю все эти сообщения, большая часть которых не заслуживает того, чтобы их читать, либо я продолжаю читать те книги, которые меня окружают, в том числе святых отцов. И я предпочел остаться в традиционном режиме работы и не становиться интернет-пастырем.

— **С чем связана необходимость введения системы модерирования? Многие пользователи остались этим крайне недовольны.**

— Интернет — что твой трамвай, где один сумасшедший переорет и разгонит всех остальных. Пришлось вводить ограничения. Скажем, один человек не может открыть больше трех тем подряд, потому что не в меру активные сектанты начали пользоваться моим форумом, чтобы вести свою пропаганду, а это не входило в мои планы.

— **Вникаете ли Вы в жизнь так называемой «форумской тусовки», которая проводит регулярные встречи в реальной жизни, совместные чаепития, походы, паломничества?**

— Нет. Я, конечно, не могу запретить другим людям общаться. Но сам я был только на первой из таких встреч и больше не приходил, прежде всего потому, что не хочу давать повод для сплетен на тему о том, что Кураев создал свою собственную интернет-секту. Недавно у меня состоялась своеобразная «встреча» с одним из участников форума. Ночью под Рождество я служил в храме в Адлере. И, выходя из храма, я увидел, что какой-то парень пытается туда войти, но его не пускают казаки. Парень был, наверное, не очень трезв и норовил пройти в храм в шутовском колпаке. И вот он видит меня и начинает кричать: «Отец Андрей, ну Вы, ну хотя бы Вы скажите, почему меня не пускают? Как же, ну я же с Вами по Интернету переписываюсь!».

— **С какой целью Вы обычно пользуетесь Интернетом, что чаще всего ищете?**

— Кроме поиска новостей, у меня есть несколько своеобразных поводов для обращения к ресурсам Интернета.

Во-первых, я считаю, что Интернет — это незаменимое «оружие инквизитора». Когда нужно получить информацию о каком-либо человеке, издании, центре, то с помощью Интернета можно обнаружить очень интересные вещи.

Например, два года назад очень многие газеты и журналы, в том числе и некоторые церковные провинциальные издания, опубликовали информацию о том, что в городе Приозерске местные прихожане подали иск на налоговую инспекцию по поводу введения налоговых номеров. Судом была заказана независимая научная экспертиза, заявившая, что в штрих-коде есть число зверя. Меня с самого начала смутило то, что «независимый светский эксперт» Алексей Ипатов был представлен как «заведующий лабораторией энерго-информационных воздействий». Сразу было понятно, что речь идет о банальном экстрасенсе, но я обратился к помощи Интернета, стал искать, кто же это такой. И выяснилось, что лаборатория Ипатова, в частности, занималась тестированием рук Алана Чумака и даже установила, что кончики его пальцев «испускают энергии, неизвестные науке». Дивный вывод для научной лаборатории!

Второй мотив моего погружения в Интернет — это когда есть необходимость опровергнуть ложь о Церкви, возникающую время от времени на каких-либо форумах или сайтах. Скажем, сейчас я веду полемику на нормальном научном астрономическом сайте по Копернику, Джордано Бруно и Галилею.

И, наконец, третий повод обращения к Интернету — это поиск обратной реакции. Через Интернет легко выяснить, какое эхо в местной прессе, на местных форумах осталось после моего приезда в какой-либо город, работы в нем. Иногда даже есть необходимость и возможность что-то откорректировать, прояснить.

Да и потихоньку я начинаю привыкать к электронным библиотекам. Ими я, как правило, пользуюсь не для чтения, а в целях поиска и копирования уже известной мне цитаты из книги, прочитанной ранее в бумажном виде.

— **А каково вообще отношение Патриархии к Интернету и к развитию информационных технологий?**

— Ну, отношение очень своеобразное. Дело в том, что когда Интернет вошел в нашу жизнь, лет восемь назад,— это слово в церковной среде было ругательным. И даже в некоторых околоправославных газетках появлялись статьи с названиями типа «Интертенета».

С одной стороны, это была некоторая вполне разумная осторожность перед лицом всего нового, а с другой — реакция на то, что Интернет постигла судьба любой новинки: обычно во все новые щели быстрее проникают различные юркие дельцы и жулики. И именно с плодами их деятельности быстрее всего сталкиваешься в Интернете. При первой попытке выхода в Интернет новичок попадал на наиболее рекламируемые, раскрученные, навязчивые сайты, то есть — на порностраницы. Затем он рассказывал об этом своим одноклассникам или однокурсникам; в конце концов информация доходила до приходов — и там складывалось впечатление, что Интернет есть просто свалка, на которой ничего, кроме мусора, и быть не может.

Интернет — это всемирная сплетница. Но, в конце концов, сплетни были всегда. Интернет же хорош тем, что он их фиксирует и хранит. Вот на днях нашел сплетню обо мне из Израйля:

«Как известно, ЕБН (Ельцин) недавно был тут у нас, в Иерусалиме и Бейт-Лехеме с визитом. Несколько раз повторялся по ТВ кадр такой. ЕБН ставит в храме свечку, рядом жена его, а за спиной маячит некое духовное лицо, дородное такое, как положено. Когда у ЕБН свечка никак не ставилась, это самое лицо высунулось вперед, оттеснило Наину, взяло у ЕБН свечку и помогло ее приспособить, чтобы держалась. Ну, лицо и лицо, скользнуло и пропало, и только с третьего-четвертого повтора (а это повторялось и по Израйлю, и по России по нескольку раз, он ведь недолго был в церкви-то, и съемок вообще немного в этот визит) я наконец понял, что это за человек там за спиной ЕБН его опекал от лица РПЦ. Диакон Кураев. Не к ночи будь помянут. Если я не ошибаюсь, конечно. Вам, господа, говорит что-нибудь эта фамилия? Ну, вот у Рея Бредбери были такие пожарные. В старину пожарные тушили, а эти поджигали да раздували. Вот и христианин Кураев таков. Сайт его, говорят, с паролем, для своих, куда круче РНЕ. После пожара не забудьте его, россияне! А по ТВ — это знак и послание, как и с книжкой Макиавелли, без сомнения. Риторические вопросы. Кто его в делегацию поставил и под камеру подсунул? И для кого это послание? Знал ли дедушка (вопрос неважен)? Знают ли уважаемые господа, что сей диакон по слухам является платным политконсультантом Зюганова? А как понимать, что Абрамович и БАБ (Березовский) в день думского альянса ходили в обнимку и голосовали за альянец? А БАБа так вообще еще задолго заметили в челночных контактах с Зю? Что же получается — БАБ, Абрамович, Зюганов, Путин, Ельцин, Кураев, а? Особенно хорошо смотрятся БАБ с Кураевым, напечатанные рядом, вы не находите, эстетически очень свежо! Еще чуть продлим цепочку, БАБ — Баркашов, еще пикантнее! Угощайтесь!»¹²⁴.

Круто! Я не был в Израиле в день приезда туда отставного Ельцина. Никогда не встречался с Зюгановым и не консультировал КПРФ, не веду никакого секретного сайта... Но это все проза. А зачем ею рушить столь дивный полет фантазирующей сплетни?

Так что первичная негативная реакция церковных людей на Интернет объяснима. Малообъяснимо другое. Ведь само духовенство неоднородно — в нем есть люди разных стилей мысли и жизни: есть люди, ориентированные более традиционалистски, консервативно, а есть священники, которые декларируют открытость к современному миру, которые настроены на реформы и на сближение с западным миром. И в этих условиях казалось совершенно естественным, что именно эти священники (скажем так — наследники отца Александра Меня) не будут испытывать аллергии перед Интернетом, и поэтому в Интернете Православие будет представлено сайтами именно таких проповедников, а не проповедников консервативного лагеря.

¹²⁴ <http://ip.elections.ru/ip/messages/941/2547.html?3020000024>. 2000, 23 января.

Так вот, парадокс состоит в том, что все произошло ровно наоборот ожиданиям. За последние два года стало ясно, что наиболее профессионально созданные и наиболее посещаемые религиозные сайты в русскоязычном Интернете — это сайты консервативных богословов, консервативных церковных институций и монастырей. А вот сайты, которые были созданы священниками «недогматического» направления, и появились позже, и оказались более малочисленны, и, кроме того, они чрезвычайно замкнуты на себе самих, на своих внутренних проблемах: кто что написал об этих кружках, как обозвал, как критиковал и «как мы на это ответили». И при этом отсутствие как раз того, чем жив Интернет, то есть «форумности».

И в этом парадокс: те, кто декларировал свою приверженность демократии, избрали самую консервативную форму присутствия в Интернете, которая не допускает диалога. Напротив, те богословы, проповедники, священники, которые декларируют свою приверженность традиции, а зачастую и просто монархическим взглядам, они как раз оказались способны создать сайты, на которых могут присутствовать любые люди (кроме сатанистов — у нас такое правило есть: сатанистов мы сразу «замораживаем») — и вести дискуссию, не соглашаться, отстаивать любую неправославную позицию, начиная от атеизма и вплоть до новых сект типа мормонов или теософов. В этом я и вижу некоторый парадокс в отношениях Церкви и Интернета.

Что же касается отношения церковного возглавления, то здесь нашей Церкви повезло. Осенью 1999 года на миссионерском съезде прозвучало очень важное суждение Патриарха Алексия: «Мы должны активнее осваивать миссионерское пространство Интернета».

— **А много сейчас в Интернете консервативных православных сайтов?**

— Да, много. Из тех, на которых существуют форумы, — я чаще туда заглядываю, — около десяти. А тех, на которых просто выкладывается информация, — их на порядок больше.

— **Уже проявились какие-то проблемы церковного Интернета?**

— На сегодняшний день в Интернете чувствуется острая нехватка позитивной церковной публицистики, которая неофициозно объясняла бы официальную позицию Церкви. В очередной раз произошло отставание в темпе. В интернет-пространство ринулись люди со «своей идеей», с «сумасшедшинкой». Они создают свои активные сайты, лезут во все форумы, навязывают свою точку зрения. А голос стабильного, консервативного церковного большинства и иерархии почти не слышен.

Прежде всего, не существует ни одного живого форума, на котором задачей модераторов было бы отражение официальной церковной позиции. Информация о решениях Синода, заявлениях Патриарха стала хотя бы оперативно появляться. Но после этого возникает пауза, на разных форумах вокруг этой информации начинаются различные сплетни и перетолкования, и хорошо, если где-то ее все-таки комментируют здравомыслящие священники, но они на это не уполномочены. Патриархии не хватает нормальной здоровой полемичности, отстаивающей церковную позицию по тем вопросам, по которым идет атака на Церковь.

— **Какими должны быть интернет-ресурсы, чтобы они реально работали и помогали решать те задачи, которые стоят перед Церковью?**

— Я уже сказал, что необходим интерактив, необходима ответная реакция. Для этого нужно искать людей, которые корректно и с серьезным богословским багажом могут обосновывать позицию нашей Церкви. Здесь стоит вопрос о том, чтобы привлечь преподавательские силы наших духовных академий. Должна быть своя аналитика. Чем хорош портал «Кредо», сайт Сретенского монастыря или «Радонежа»? Тем, что там есть своя авторская аналитика. О качестве ее мы сейчас не будем говорить, у этих сайтов разная ориентация, разные акценты, но важно, чтобы были самостоятельные материалы с анализом прессы и церковных событий. Должен быть возрожден жанр эссеистики.

— Существует ли какая-нибудь специальная миссионерская тактика, учитывающая специфику интернет-пространства?

— Интернет нужен Церкви как средство нашего собственного воспитания. Интернет — это замечательная форма аскетического взросления. Дело в том, что иногда нам бывает трудно защищать наши святыни именно потому, что мы любим нашу веру и нашу Церковь. Поэтому и отвечаем слишком эмоционально, взбалмошно. И это идет во вред той самой вере, которую мы пробуем защитить. Интернет же дает возможность взять паузу для того, чтобы погасить свои эмоции, найти нужную информацию, продумать форму своей реакции и содержание своего ответа.

Я считаю, что открытые интернет-форумы — это социологическая модель нашего современного общества. Так что неча на зеркало пенять...

Как в реальной жизни православные мечтают о гетто, так и в Интернете. Всюду пароли, явки, стерильная атмосфера, чтобы никого не пускать, чтобы никаких сектантов, а только люди нашего круга. И всех морозить, анафематствовать, «шаг влево, шаг вправо — побег». Почему-то мечта современного нормативного православного человека — залезть в консервную банку и запаять себя изнутри. Гетто своими руками. Даже в Интернете желают гетто создать: чужие здесь не ходят.

Как в реальной жизни православные оказываются слишком часто беспомощно-агрессивны, так и на форуме. Как в реальной жизни православный каждую минуту должен (должен — не значит может) быть готов дать ответ, так и на форуме. И сектанты равны самим себе — как на форуме, так и за его пределами. Тот, кому условия форума кажутся нетепличными, тем самым признаётся, что он просто не умеет жить в мире людей. Ему хочется избежать реального колючего прикосновения с разнствующими людьми и спрятаться в виртуальном мирке приходских сплетен. Те, кто осуждают мой форум за его открытость, могут говорить о Православии, только если заранее знают, что оппоненты лишены права на ответ. Но если вам есть что сказать в защиту Православия — так говорите. Кто же вам мешает? И если на этих площадках, в тепличных условиях, мы не научимся защищать Православие, если православные люди будут убегать с форумов при виде любого сектанта, это будет значить, что для нас и в реальной России нет места.

Почему я считаю, что форум — это тепличные условия? Да, там могут обозвать, оскорбить, но и в реальной электричке так могут сделать. Только в электричке при встрече с сектантами и воинствующими атеистами не будет возможности выбрать опцию «звонок другу», выверить цитату по Библии или Иоанну Златоусту. В Интернете никто не обязывает писать ответ через пять секунд после появления сообщения, привлечшего твое внимание. Ты можешь ответить через неделю, а за это время собраться с мыслями и привести чувства в порядок. Очень много здесь зависит от стиля, от умения не переступать границы агрессии.

— Каковы же отличительные черты интернет-общения?

— Прежде всего, здесь невозможно суггестивное, «духовное» воздействие на собеседника. Ни интонация, ни глаза здесь не повлияют. Значит, остается голый рацио. И это очень важно для церковных людей. Потому что усиленная нагрузка на разум, которая дается в Интернете, как раз способствует развитию тех мышц, которые оказались сильнее всего атрофированы в церковной жизни в XX веке, — мышц богословия.

— Многие интернет-персонажи пользуются так называемыми «виртуалами» — выдуманными личностями для общения на форумах и в чатах. Может ли православный человек становиться «виртуалом» на время присутствия в сети?

— Только сегодня я читал письма преподобного Феодора Студита. Он инициировал так называемую «михианскую схизму», то есть порвал общение сначала с Константинопольским Патриархом святителем Тарасием (784–806), а затем со святителем Никифором (806–815). Надо отметить, что в том споре преподобный Феодор с точки зрения Церкви оказался не прав, но тем не менее Церковь с великим уважением относится к его трудам и чтит его как великого подвижника и богослова. Так вот, в одном из писем к

своим собратьям преподобный Феодор предлагает — ввиду неизбежной перлюстрации писем — обозначить действующих лиц буквами греческого алфавита. Сам Феодор подписывался последней буквой алфавита — «омега», а его духовника, игумена Платона, обозначала буква «альфа»¹²⁵. Для всех 24 букв греческого алфавита (и для трех дополнительных) нашлись обозначаемые ими персонажи. Так что это не были первые буквы имен. Мы видим, что святой считал возможным не подписываться своим именем, а других людей упоминал под некими, как сейчас сказали бы, «никами».

Тот раскол, «михианская схизма», возник из того, что были расхождения между святыми Патриархами (Тарасием и Никифором) и святым Феодором по вопросу о том, где граница возможных компромиссов. Патриархи говорили о принципе икономии, о том, что если речь идет о власти, то на какие-то грехи императора можно закрыть глаза, а преподобный Феодор говорил о том, что так делать нельзя, потому что Евангелие одно для всех, в том числе и для властей. Как видите, он был противником растяжимой икономии, но тем не менее он допускал возможность сокрытия христианских имен.

— Пожар Останкинской башни, отключив телевидение, как бы выдвинул на первый план другие, альтернативные электронные средства информации, в частности — Интернет. На следующий день после пожара в Интернет было довольно сложно войти — настолько был увеличен трафик. Может быть, действительно Патриархии стоит подумать о том, чтобы участвовать в процессе с самого начала: создавать свое Web-радио, Web-телевидение?

— Во-первых, Вы либо оптимист, либо живете в совсем виртуальном мире. На мой взгляд, последствия пожара в Останкино выразились не столько в трафиках в Интернете, сколько в росте водочного оборота. Потому что народ, отключившись от одного наркотика, перешел на другой... Эти темные вечера с пустыми экранами провоцируют к тому, чтобы перейти к личностному общению, а посредником личностного общения в нашей стране, к сожалению, все время является бутылка с прозрачной жидкостью.

Об этом пожаре тяжело говорить, потому что первым чувством, конечно, была искренняя радость у всех церковных людей.

Но по здравом размышлении, конечно, понимаешь, что это скорее тяжелый удар по национальной культуре. Я это говорю не потому, что я ценю передачи РТР и ОРТ, а просто потому, что эти дни стали прекрасной рекламой для спутникового ТВ. А этот рынок в России представлен прежде всего продукцией НТВ-плюс, и, значит, именно НТВ, то есть самый антихристианский и самый антирусский канал, вдобавок в ту пору развернувший откровенную травлю Президента моей страны, получил великолепную возможность расширить спрос на себя. Кроме того, все это телевизионное безобразие теперь будет восстанавливаться на государственные деньги и будет работать еще более эффективно, потому что закупленная техника будет более современной.

Так что по некотором размышлении первая радостная реакция угасает. Но ведь она была — и тут есть очень серьезный повод для размышлений. Ни в Интернете, ни в частных разговорах я не видел воплей ужаса и отчаяния. Общая реакция — облегчение: «Наконец-то!..». На одном оккультном, антихристианском сайте — рериховском — даже появилась заметка: «Всенародная ненависть к телевидению наконец-то материализовалась».

Тут уж телевизионщикам впору задуматься: а почему вдруг они стали предметом народной ненависти? Действительно ли они демократы, действительно ли отражают чаяния, интересы народа? Или познеры — это такое агрессивное меньшинство, которое навязывает свою систему ценностей народу — народу, который до сих пор, несмотря на пятнадцать лет промывки мозгов, сопротивляется этой системе их ценностей?

А что касается присутствия Церкви в Интернете, то история наша — и церковная, и гражданская — учит, что наиболее эффективная методика — это «не мешать». Не

¹²⁵ См.: *Прп. Феодор Студит*. Послание 41. К Силуану и Еврепиану // *Послания*. Кн. 1. С. 140–141.

создавать какие-то суперпрограммы, суперфинансирование, а просто не мешать тем, кто желает и умеет работать.

— В своей книге «О нашем поражении»¹²⁶ Вы говорите достаточно мрачные вещи о том, что Россия сегодня является скорее языческой страной, нежели православной. Может быть, с этой точки зрения, компьютер для кого-то выступает как объект некоего языческого культа? Не впрямую, конечно,— компьютеру никто не поклоняется, но религиозные чувства замещаются: общение в Интернете и тому подобное.

— Компьютер ничем не отличается от любого другого «творения рук человеческих» (артефакта). Здесь можно сказать так: «Чистому все чисто, а свинья везде грязь найдет». Да что говорить об искушении компьютером! Вот православная икона. Казалось бы, что может быть для православного человека святее, чем икона,— и тем не менее в восприятии некоторых людей икона становится тем, что мешает идти к Богу, а не помогает. Например, когда в VII–VIII веках в Византии возникли иконоборческие споры, многие люди стали отвергать иконы, потому что они видели, что в сознании некоторых их единоверцев почитание икон доходило до неприличных степеней. К примеру, считалось, что для того, чтобы Причастие стало «святее», необходимо соскоблить в чашу с Причастием немного краски с иконы. Или брали икону и при Крещении объявляли: «Вот эта икона будет твоим крестным отцом»¹²⁷. К сожалению, все что угодно человек может извратить. Человек может гадать на Библии — но это не повод для того, чтобы сжигать Библию. Человек может использовать компьютер для гадости, да,— но это не повод для того, чтобы объявлять войну всем компьютерам. Это повод для того, чтобы осознать: человеком надо оставаться везде, в том числе и в Интернете.

Есть хороший церковный принцип: «Ты можешь владеть всем, лишь бы ничто не владело тобою». Не стал ли я приставкой к моему компьютеру? Ответ на этот вопрос получить легко: надо вспомнить свою реакцию, когда какие-то человеческие обязательства заставляют отвлечься от мира компьютера. То же — и с телевизором. Представьте, что уже взрослые дети звонят своей пожилой маме и просят ее завтра провести хотя бы три часа с малышом-внуком. Бабушка же отвечает: «Хорошо. Но я сейчас посмотрю свои планы...». И открывает программу телепередач. И лишь выяснив, что между ее любимой мыльной оперой и не менее любимым ток-шоу в этот раз есть трехчасовой интервал, она соглашается в это время заняться внуком. Все — это уже не бабушка, а телеприставка.

Вот так и подросток свободен от компьютера, только если у него хватает сил нажать кнопку «Esc» тогда, когда нужно вернуться в мир людей.

— Кстати, о «войне с компьютером». Вы не могли бы немного осветить историю вопроса: почему неким православным людям (или считающим себя таковыми) не нравится компьютер и откуда эта повышенная фобия к Интернету?

— Да нет здесь никакой особой истории вопроса. С одной стороны, тут просто чисто психологическая мера защиты человеком своего мира от того, что слишком поздно вошло в его жизнь, уже после того, как его жизненный уклад сформировался. Я и про себя могу сказать, что я не чувствую себя своим в мире компьютеров. Если мой РС начинает капризничать — я с ним в диалог не вступаю. Я просто снимаю телефонную трубку и зову своего крестника-подростка. Вот для него, как и для других мальчишек 90-х, компьютер — что родной дом. Я же просто с ужасом смотрю, как он разбрасывает детали самой дорогой (в денежном отношении) вещи в моем доме...

Я просто хочу сказать, что неприятие компьютера многими церковными людьми не есть проявление некоей сугубой нашей «мракобесности». Просто, с одной стороны, это

¹²⁶ Значительно расширенное переиздание ее в 2003 году носит название «Христианство на пределе истории».

¹²⁷ Последнее, увы, одобрял все тот же преподобный Феодор Студит. Но тут стоит заметить, что младенец, в восприемники которому была дана икона, все же не дожил и до года.

понятное (и отчасти возрастное) психологическое отторжение того, что «не мое». С другой стороны, я уже объяснял, эта реакция обусловлена тем, что первоначально эта зона была занята как раз нецерковными людьми и религиозное присутствие в Интернете было скорее сектантским, а иногда и прямо сатанинским. Оттого первая реакция была — просто отшатнуться. Самоизолироваться. И лишь потом пришла реакция более здравая: войти в этот новый дом, чтобы повлиять на его погоду, сделать хотя бы часть его потеплее и посветлее.

Когда читаешь в некоторых церковных газетах нападки на Интернет, поражаешься прежде всего этой заведомой настроенности на капитуляцию. Так ведь именно этот настрой и приводит к поражению. Если православные публицисты уйдут из Интернета — там действительно будут задавать тон растлители и сектанты. Не потому, что Интернет был создан специально для них, а потому, что православные не пожелали жить в этом общем доме. Так, может, вместо того, чтобы проклинать Интернет, лучше просто самим почаще заходить туда и создавать в этом море островки Православия?

— Интернет и всеобщая глобализация — опасны ли они духовно с точки зрения Православия? Это от Бога или от...

— От Билла Гейтса. Не стоит делить мир по радикальному черно-белому принципу. Есть то, что входит в наш мир от Бога; есть то, что провоцируется сатаной. А есть то, что творит сам человек, — и в добром, и в плохом.

А если насчет опасности — опасен не один отдельно стоящий компьютер. Опасна повальная компьютеризация. Она создает новые возможности тотального контроля — я имею в виду электронные карты, ИНН и так далее. Но все же надо отличать социальную опасность от опасности духовной. Я как христианин не обязан «уходить от слежки». Скорее наоборот: постоянные разговоры о ней и память о ней способны в конце концов растравить душу. В советские времена мы все были «под колпаком у Мюллера», но это не мешало нам верить, что на самом деле мы — под покровом Божией Матери. Не будь в нас этой нашей веры — и из-под «колпака» мы бы вышли не Церковью, а вывалились, как стая испуганных и озлобленных крыс (ибо в подполье можно встретить только крыс).

— Я извиняюсь за некоторые вопросы, но то, что Вам кажется вполне понятным, так как есть внутриправославная дискуссия, для людей вне этой дискуссии не совсем понятно. Допустим, человек, который работает с компьютером, развивает интернет-сайт — и его вдруг начинают проклинать люди, называющие себя православными. Человек начинает испытывать дискомфорт и готов свое негативное чувство перенести вообще на Православие...

— Проблема вот в чем: в современной цивилизации иногда не очень ясно, где та грань, которая отделяет момент, когда человек играет в компьютер, от того момента, когда компьютер начинает играть человеком.

Дело в том, что компьютеры, компьютерные сети и технологии делают частную жизнь человека, его внутренний мир гораздо более прозрачным и, соответственно, уязвимым. Например, компьютер позволяет очень оперативно находить информацию и долго ее хранить; причем такую информацию, которая прежде не подлежала контролю: информацию о состоянии здоровья, о передвижении личных денег, о том, в каком магазине, когда, какие деньги я потратил на приобретение какого товара и какой книги.

Электронные деньги — это серьезное покушение на права личности в обществе. Они делают прозрачной твою частную жизнь. По твоим счетам можно определить каждый твой звонок, купленную газету, книжку. Они таким образом позволяют выявить мир твоих убеждений. По тому, какие книги и газеты я покупаю, можно составить представление о том, чем я живу.

В принципе, несложно составить такие программы, которые позволят фиксировать мои выходы в Интернет: на какие страницы я захожу, что я смотрю, что я «скачиваю». И это означает, что человек, полагая, будто он пребывает в ситуации анонимности, закачивает к себе какую-то информацию с какого-то интересного для него сайта, но некто

другой (имеющий спецтехнику и допуски спецслужб) получает возможность контроля: он знает, чем этот человек живет.

Помните, как в советские времена прятали Солженицына: западные книжки, самиздат оборачивали в другие обложки, в тайные места клали, никогда не читали при посторонних. Или как списывали друг у друга кассеты: Высоцкого или Галича — то, что нельзя было найти в продаже.

Так вот, если однажды у государства снова появится обязательная идеология и снова появится деление граждан на «черных» и «белых» («белые» должны мыслить так-то и так-то), то с помощью Интернета, у которого государственных границ как раз нет (это его хорошая черта), очень легко выяснить, а кто, собственно, думает «неправильно».

Пока речь идет о мире, который достаточно терпим к различным убеждениям, — в этом нет ничего страшного. Но если вдруг у государства проявятся идеологические приоритеты — официальные или не официальные, — это может серьезно сказаться на судьбе гражданина. Что, кстати, очень хорошо заметно в США и в Европе. Там есть правила политической корректности, запретные темы для обсуждения. Например, тот, кто попытается поставить вопрос о преимуществах христианства перед иудаизмом или займется критикой иудейской мистики, сразу лишится работы. На это работает огромная машина — «Антидиффамационная лига» называется, которая отслеживает «некорректные высказывания».

В одной из своих книг, посвященных проблеме антисемитизма в русской литературе, они обозвали всех русских классиков антисемитами. Даже Пушкина. Это меня удивило. Прочитал и выяснил, что антисемитизм Пушкина (и Гоголя) проявился в том, что он не создал ни одного крупного положительного образа еврея: «Досадно отсутствие положительного образа еврея в творчестве великих писателей»¹²⁸. В США сейчас еврейская диаспора занимает роль КПСС в Советском Союзе.

— **Во всяком случае, в США Вас не бросят в ГУЛАГ.**

— В Советах тоже не всегда надевали наручники. Но если ты не подписался на газету «Правда» во время всеобщей подписки, тебе потом объясняли, что ты поступил некорректно. Потом начиналось — разряд тебе не повышали, путевка в санаторий сгорала, очередь на квартиру отодвигалась, статью твою в газете зарубали. Подобное давление четко чувствуется и определяется теми людьми, которые пробуют идти против течения, ибо сила течения определяется сопротивлением ему и не заметна тому бревну, которое плывет по течению вместе со всеми. И в Штатах это течение есть. Это уже не лужа, где каждый плавает в каком хочет направлении. Совершенствование техники социального контроля и идеологического зомбирования сделает тоталитаризм XXI века гораздо опаснее тоталитаризма XX века. Точно так же, как диктатуры Гитлера и Сталина были опаснее наполеоновской диктатуры.

— **Ну хорошо, это вопрос государства, условно говоря: возможен или невозможен тоталитаризм, но при чем тут вопросы религии?**

— Понимаете, в течение предыдущих полутора тысяч лет — от императора Константина Великого до императора Николая Второго — любые перемены, усовершенствования в технике государственного контроля Церковь скорее приветствовала, потому что полагала: «Ведь это на нашу защиту, еретиков будут преследовать, не нас. Ведь мы-то с властью, государь наш православный, поэтому проблем у нас не будет...». В середине XIX века святитель Игнатий Брянчанинов в ходе дискуссий о судьбе крепостного права даже написал трактат с изложением «точного учения Православной Церкви о рабстве и рабовладении»¹²⁹, смысл которого был в утверждении, что «между свободой духовной и свободой гражданской нет никаких отношений»¹³⁰. Сегодняшнее церковное мнение с этим уже не согласно: гражданская

¹²⁸ Дудаков С. История одного мифа. М., 1993. С. 69.

¹²⁹ Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова). С. 324.

¹³⁰ Там же. С. 335.

свобода воспринимается как условие свободы религиозной, а потому — как ценность, которую верующим людям надо защищать. Отсюда и массовое недовольство православных людей присвоением электронных номеров (ИНН).

Так что для меня в словосочетании «новый мировой порядок» ударение стоит на слове *Ordnung*.

Опыт XX века показал, что укрепление репрессивных и фискальных мышц государства может создать проблемы не только для еретиков и преступников, но и для нас. Поэтому сейчас Церковь смотрит на все это с точки зрения потенциальных жертв, потенциальных диссидентов.

Не забывайте — Православная Церковь на собственном опыте испытала в XX веке, что такое быть гонимым. И поэтому, когда мы призываем с крайней осторожностью относиться к созданию компьютерных глобальных систем,— это значит, что Церковь впервые за полторы тысячи лет своей истории отождествляет себя с гонимыми.

Может показаться, что мы отдали свои умы во власть необоснованных «фобий» и нам мерещатся преследования там, где на самом деле расцветает полная свобода. Что ж, вспомните о пресловутых «грех шестерках». Безо всякой политики, представьте, что в классе есть мальчик с такой довольно странной привычкой: он всюду ставит три шестерки — в своих тетрадах, дневнике, тетрадах одноклассников, на классной доске, на партах и так далее. Скажете ли Вы, что у этого мальчика все нормально, или скажете, что у него есть проблемы?

— **Ну конечно, проблемы какие-то есть...**

— А наша проблема в том, что сегодня эти мальчики правят миром.

— **Недоумение...**

— Вы вряд ли будете оспаривать мое предположение, что символическую наполненность долларовой купюры определяют люди, обладающие властными полномочиями... А при всех реформах внешнего облика доллара неизменной остается ширина банкнот — 66,6 миллиметра...

Конечно, из того, что создатели этой системы играют с тремя шестерками, не следует, что они сатанисты или что они сознательно бросают вызов христианам. Дело в том, что это число в Библии встречается дважды и имеет разный смысл. Первый раз оно встречается в книгах Ветхого Завета, и там число 666 — это число, символизирующее мировое богатство: 666 талантов золотом платили покоренные племена царю Соломону. А второй раз это число встречается в Новом Завете, в Апокалипсисе,— и там оно уже оказывается печатью сатаны.

Так вот, может быть, те люди, которые насыщают наш мир навязчивыми встроенными шестерками,— это люди, для которых Новый Завет не авторитетен. Им дороги книги Ветхого Завета: царь Соломон — часть их личной, национальной религиозной традиции, и поэтому для них это добрый символ, символ богатства, символ успеха, поэтому этим символом они сопровождают все свои товары и документы. Может быть и так, но представьте, если я скажу: «Знаете, в моем понимании свастика — это добрый символ», и поясню, что он задолго до Гитлера встречался у индусов и у славян, и начну эту свастику всюду рисовать. А возмущающимся людям — ветеранам Второй мировой войны или евреям — буду говорить: «Да вы не смущайтесь, в моем понимании это не знак фашизма, это — древний знак солнцеворота». Не назовете ли Вы мое поведение лукавым и циничным?

— **Ну, безусловно, люди, которые делают подобные записи, не могут не знать, что в одной из самых мощных в мире религий это число воспринимается негативно.**

— И это означает, что в сознании этих людей сидит мысль: «Как бы поддеть чувства миллионов христиан?». Для них это мелочь, такое мелкое развлечение. А в таком мире, в котором у таких «развлекающихся мальчиков» громадная власть, у христиан появляется ощущение, что от таких шуточек — пока только шуточек — со временем может дойти до

чего-то более серьезного. В конце концов, гонения на Церковь начинались с анекдотов Вольтера.

— **Понятно, а сатанизм с точки зрения Церкви — это прямое поклонение сатане или что-то другое?**

— «Сатанизм» — это строгий термин. Это или поклонение сатане, или апология сатаны, или же, как минимум, такое перетолкование библейских сюжетов, где упоминается сатана, что он становится положительным персонажем. Нельзя думать, будто любое несогласие с Православием в наших глазах сразу же становится сатанизмом.

— **Вы полагаете, что в современном мире сбываются пророчества Апокалипсиса?**

— Пророчества Библии сознательно составлены таким образом, чтобы каждое поколение могло их приложить к себе. Скажем, если общество живет в состоянии раздора, войны, тогда вспоминаются слова Евангелия: *и восстанет народ на народ, царство на царство, и тогда настанет конец*¹³¹. А если у общества стабильный период, тогда приходят на ум слова апостола Павла о том, что конец станет близок, когда *будут говорить: «мир и безопасность»*¹³².

Так что сама по себе такая эсхатологическая обеспокоенность — это естественная нотка христианского умонастроения. Вопрос в том, чтобы эта нотка не стала сольной, господствующей, не стала слишком агрессивно подминать под себя все многообразие жизни, переводя все газетные новости на язык Апокалипсиса. Не надо уверять себя самих, будто мы точно знаем, что нашему поколению суждено быть последним. Не случайно, что в церковной православной традиции Апокалипсис — единственная из книг Нового Завета, которая никогда не читается в храме за богослужением. Для того, чтобы не выносить ее на рынки и базары, в мир сплетен.

Да, мы знаем, что есть тревожные тенденции в нынешней «глобализации».

Царство антихриста — такое, каким оно рисуется в Апокалипсисе, — это авторитарно-тоталитарное царство. Авторитарность его состоит в том, что оно контролирует всю жизнь экономики. Граждане, которые не согласны с политикой государства, обречены на бойкот. Когда нельзя ни покупать, ни продавать без соответствующей символики на себе¹³³.

Оно тоталитарно потому, что стремится контролировать души людей, восприятие ими тех или иных событий, в том числе и религиозных. На наших глазах складывается глобальное авторитарное царство, в котором под предлогом борьбы с терроризмом провозглашается необходимость ограничения личной свободы граждан.

Это с одной стороны. А с другой стороны, переводение всей документально-номенклатурной и даже финансовой жизни на язык компьютеров, электронной документации означает, что наша жизнь становится абсолютно прозрачной, каждый человек оказывается просто голым. И появление по всему миру шоу типа «За стеклом» в этом контексте кажется отнюдь не безобидным: это приучение человека к мысли о том, что жить под глазом видеокамер наблюдения очень даже приятно...

Поэтому не всякая новизна достойна радости. Когда я слышу «новости глобализации», я вспоминаю надпись на проклятом «кольце всевластия» из «Властелина колец» Толкиена: «Чтобы всех отыскать, воедино созвать и единою черною волей сковать».

Так что не во всех реформах христиане хотят участвовать, и не всеми переменами мы хотим быть затронуты.

— **В основе Интернета, вернее, его основного сегмента — www, лежит понятие ссылки в гипертексте. Не все знают, что идею гипертекста описал в 1945 году директор Фонда науки США Вэннивер Буш. Но почти никто не знает, что Буш —**

¹³¹ Ср.: Мф. 24, 7, 14.— *Ред.*

¹³² 1 Фес. 5, 3.— *Ред.*

¹³³ См.: Откр. 13, 17.— *Ред.*

религиозный человек, идею ссылки взял из Библии, которая изначально является как бы гипертекстом: все тексты разбиты на главы, все абзацы пронумерованы, очень часто в тексте стоят точные нумерованные ссылки на другие фрагменты и так далее. А для чего появились ссылки в Библии, зачем такая изошренная нумерация?

— Это, скорее, некое обнажение ее скрытой гипертекстуальности. Библия при всем многообразии своих авторов (Библия — это сборник книг, которые писались на протяжении почти полутора тысяч лет многими десятками людей) — это книга об одном. Единство этой книге придает единство ее центрального персонажа — Христа. Книги Ветхого Завета предсказывают, пророчествуют о Христе. Новый Завет описывает, что произошло со Христом. Апокалипсис пророчествует о том, что будет с Церковью Христа.

Нумерация стихов появилась гораздо позже, в более поздние века просто для удобства пользования и отсылок — удобства школяров. Причем далеко не всегда это разбиение на стихи и главы было удачным. Среди богословов даже ходит шутка, что тот человек, который делал разбиение на стихи, делал это, галопируя верхом на лошади. Тем не менее эта система ссылок — попытка помочь читателю осознать глубинное единство библейского текста. Он по сути своей — гипертекст, и в каждой фразе Библии содержится вся она, как в каждой капельке океана содержится химический состав всего океана.

— Библия для простого человека — это набор поучительных мифов, исторических рассказов и легенд. Скажите, что она для Вас? Вам известен некий ее изначальный смысл, недоступный непосвященному?

— Человек, прочитавший Библию, не может воспринимать ее как набор мифов, хотя бы потому, что Ветхий Завет — подчеркнуто историческая книга, исторические хроники. А Новый Завет — это вообще история одного Человека, поэтому тут мифы ни при чем.

— У католиков есть святой — покровитель Интернета, Исидор Севильский. Нужен ли Православной Церкви святой защитник информационных технологий?

— Я думаю, было бы очень здорово, если бы апостола Иоанна Богослова сочли покровителем православного Интернета. Апостола Иоанна не как автора Евангелия, а как старца, который последние годы своей жизни повторял только одну фразу: «Дети, любите друг друга».

Появление «сетевых святых» не вызывает у меня никакого раздражения. Я считаю, что Церковь призвана к тому, чтобы о-свя-тить своим светом все сферы человеческой жизни. Не может человек сказать так: «Я два часа в день в Церкви христианин, а все остальное время действую, как обычный человек». То есть не важно, где я: на работе, дома, в транспорте, — я всюду должен помнить о том, что есть некая система ценностей — этических, религиозных, которым я все время должен следовать. И работа в Интернете не должна быть исключением.

Может быть, люди опытным путем найдут, какой святой помогает работающим в Интернете. Честно говоря, моя мечта другая: мне бы очень хотелось, чтобы в XXI веке появились специальные молитвы для работы на компьютере. В наших церковных требниках есть молитвы для крестьян: молитва на выпас скота, молитва на освящение колодца, есть молитва на освящение колесницы. Сейчас появились молитвы на освящение автомобилей, самолетов — замечательно. А я бы очень хотел, чтобы вот так же, как у нас есть молитва на избавление от саранчи, точно так же появилась молитва на избавление от компьютерных вирусов.

— Недоумение...

— Честно скажу, я знаю о такой ситуации. Московский священник Олег Стеняев написал книжку о кришнаитах, причем эта книга была написана очень интересным путем — она была написана на основе диалогов, которые он вел с лидерами кришнаитов. И вот, когда книжка уже была написана, один из кришнаитских браминов пришел к нему в гости. Они посидели, часа два поговорили. И когда затем священник попытался включить компьютер, на котором он набирал книжку, тот не заработал. Он включил запасной

компьютер, где была копия,— тот же эффект, а на дискетах копий не было. Компьютеры «грохнулись», и в течение двух недель никто не мог с ними ничего сделать.

По истечении двух недель приходит к нему в гости Белгородский архиепископ Иоанн, и отец Олег жалуется: «Вот, Вы меня благословили написать книгу о кришнаитах, но после того, как один из них побывал у меня в гостях, то ли в результате совпадения, то ли еще почему-то, но компьютеры, на которых хранится эта книга, не включаются». Архиепископ просто произнес: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», перекрестил компьютер один, другой — и они заработали...

— Да, честно говоря, если бы я меньше знал компьютеры, то я, возможно, скептически отнесся бы к этой истории. Но любой программист, очень долго проработавший с компьютерами, знает, что подчас эти устройства могут вести себя иррационально, то есть вне логики программы — какая-то компьютерная мистика... Например, иногда бывает, что пользователь заявляет: «Ваша программа не работает». Приходишь, запускаешь на выполнение — все работает без сбоев, проверяешь все режимы — полный порядок... Я это называю: «программа чувствует хозяина». А как вообще создаются молитвы?

— Естественно, молитвы пишет тот, кому они нужнее всего. Не следует думать, что соберется какой-то кружок монахов, который вынесет решение: «Давайте осчастливим компьютерщиков такой молитвой». Вероятнее всего, такие молитвы составят сами компьютерщики (может, уже принявшие монашество). Затем — уже по совету с филологами — этот текст будет славянизирован, воцерковлен, а затем уже утвержден на Синодальной богословской комиссии.

— А каков Ваш прогноз о развитии компьютеров и информационных технологий через пять лет? Как Вам видятся через пять лет отношения: компьютер — информационное общество — Церковь?

— Ну, поскольку через пять лет я стану совсем старым и больным, мне очень бы хотелось, чтобы я мог читать лекции в Интернет-университете, чтобы не нужно было ездить в метро до университета, а чтобы можно было сидеть здесь, дома, а в виртуальном зале перед экранами мониторов собиралась бы аудитория студентов, заинтересованных в этом курсе, и мы бы в режиме on-line с ними спокойно общались. Но через пять лет, я думаю, этого в России еще не будет (хотя в Америке такие университеты уже есть). Поймите, я человек, на вашем жаргоне — «чайник», для меня компьютер — это лишь большая пишущая машинка. Так что увольте меня от прогнозов в этой области, лежащей слишком далеко за пределами моей компетенции.

— Кстати, а возможна ли интернет-служба?

— Я полагаю, что со временем компьютер покончит с одной из самых уважаемых православных профессий — это то, что называется «уставщик». Церковь живет по двум календарям. Есть календарь солнечный — это праздники Рождества, Благовещения, Преображения, которые всегда празднуются в один и тот же день. А есть календарь лунный — от него зависит начало Великого поста, масленица, Пасха, Троица. И всегда возникает проблема согласования этих двух календарей. Поэтому в нашем Уставе (Типиконе) специально расписывается, что делать, если такой-то день придется на воскресенье или на среду, плюс поправки для каждого храма в зависимости от того, кому он посвящен. Есть костяк службы — песнопения, которые повторяются каждый день, есть песнопения, которые повторяются раз в два месяца, а есть те, которые поются только раз в году. Довольно сложно все это между собой согласовать, надо знать специальную технологию...

— Алгоритм...

— ...да, по которому это все надо размещать. Так вот, люди, которые это умеют — «уставщики», — всегда пользовались большим уважением в приходах. Но в ближайшие годы, я думаю, появится компьютерная программа, которая великолепно будет с этим справляться.

Что касается интернет-службы... Я думаю, это будет. Ведь есть же телевизионные трансляции служб, и это нормально. Но надо помнить — это для тех, кто не может идти в церковь: из-за детей, собственной болезни, или ухода за больным, или же из-за удаленности храма. Для таких людей, безусловно, телетрансляция, радиотрансляция, интернетовские службы нужны. Но для человека все равно важно самому участвовать, а не просто со стороны смотреть. На литургии мы причащаемся Плоти и Крови Христа, и это не может быть сделано в виртуальной реальности.

Скажем так, через Интернет мы можем сделать все, что мы могли бы сделать для Бога: мы можем послать пожертвования в храм, послушать проповедь, можно передать записку о здравии. Но через сеть не передается то, что Бог дает человеку лично,— Его благодать, Причастие Его Плоти и Крови.

— **Значит, можно сказать так: православный человек должен воспринимать компьютер очень спокойно, как некий прибор, вносящий в его жизнь дополнительное удобство, а неправославные должны спокойнее воспринимать выходки некоторых людей, которые, называя себя православными, считают возможным всех клеймить за несоответствие их представлениям?**

— Я думаю, что все немножко сложнее. Да, компьютер вносит определенное удобство, но Интернет — это нечто большее, это не только некое удобство, но это еще и зона опасности, потому что там, где мы не будем зажигать свечи, там будет распространяться тьма. И потому Интернет — это пространство работы и ответственности для христианина. Как и любое иное место, в которое приходят люди.

Разговор в университете

Богословие в университете? — Как избежать конфликтов? — Грех слепой веры.— Христос, догматы и Лев Толстой

— **Мы в университете. Какие у Православия отношения с наукой? На Западе сейчас имеет место быть воинствующий католицизм, который пытается опровергнуть каждое открытие...**

— Нет-нет, это не в Европе и не у католиков. Это чисто сектантский феномен так называемых фундаменталистов-неопротестантов (баптисты, адвентисты, пятидесятники...). Это не католики и не православные, это узкая сектантская идеология, распространенная, прежде всего, в южных штатах США. Это отнюдь не весь Запад и отнюдь не весь христианский мир.

— **Присутствие Церкви в университете Вы считаете нормальным?**

— Есть в нашей жизни то, в чем Россия не по-хорошему уникальна: ни в досоветские годы, ни в послесоветские в наших университетах не создавали богословских факультетов.

Это плохо и для Церкви, и для науки. Студенты-богословы лишаются возможности повседневного общения со своими светскими сверстниками и тем самым не впитывают ту культуру, в которой им и предстоит работать в будущем. А светские студенты оказываются до позорного беззащитны перед лицом самых диких мифов, касающихся веры и истории Церкви. Они не обретают навыка мысли на религиозные темы, а значит, остаются заложниками безмыслия.

А уж как полезно для лектора-богослова выносить свои тезисы на суд университетской аудитории! Тут уж точно нельзя действовать по принципу «из нашего теста лапша для всяких ушей хороша». Как стыдно бывает сидеть на церковно-научных конференциях, когда командированный из епархии батюшка косноязычно и голословно что-то пробует «проповедовать» смиренно сидящим в зале и тяжело вздыхающим университетским профессорам...

В светском вузе к лектору-богослову относятся заведомо критически, в зале сидят студенты с разных факультетов, а значит, каждый на свой зубок будет пробовать каждое его слово. И это хорошая проверка. Кстати, курсы богословия, которые читались в

дореволюционных университетах (я имею в виду прежде всего Б. Мелиоранского в Петербургском университете и П. Светлова в Киевском), поразительно интересны и сильно отличаются от аналогичных академических курсов.

Мне бы хотелось, чтобы в этом отношении наши университеты стали похожи на университеты Европы. Мне хотелось бы, чтобы исчез ненужный налет «сенсационности» с богословских лекций. В конце концов, лектор-богослов, показывая на христианскую почву, на которой выросла европейская культура, просто говорит: «Эта земля была нашей, пока мы не увязли в войне... Пора вернуть эту землю себе», пора перестать быть иностранцами в своей собственной стране.

Впрочем, это я сказал бы и в интервью десятилетней давности. А сегодня я замечаю, как новая тень легла на порог моей аудитории. Церковь начинают воспринимать как часть официоза и, соответственно, сторониться ее. Понимаете, обиднее всего расплачиваться за удовольствие, которого не получал. Церковь не обладает никакой властью в светском обществе, и прежде всего, не обладает властью цензурной (оно, может, и к лучшему, ибо христианину трудновато пришлось бы быть цензором в языческом обществе). И хотя госвласть (в том числе и минобраз) с нами совершенно не считается — о нас все равно сплетничают как о государственной Церкви. И это сказывается и на отношении части академических кругов к преподаванию богословия в университете. Нам бросают упрек, что мы навязываем теологию светской системе образования.

Странное дело: если философскому факультету предложат спецкурс по философии Платона — его с радостью примут. Если историкам предложат курс по истории доколумбовых цивилизаций Америки — и его примут без звука. А вот о христианской мысли и истории рассказывать носители этой мысли права не имеют!

Но здесь, правда, уже многое зависит от нас: сможем ли мы сами провести грань между изложением и анализом и зазыванием и пропагандой.

Что касается меня, то я не ставлю перед собой задачу привести моих МГУшных студентов в Церковь (хотя несколько моих бывших слушателей уже несут священническое служение). Я понимаю, что к вере придут единицы. Но я надеюсь, что у большинства из тех, которые прослушали курс, будет воспитан вкус к богословской мысли, по крайней мере в такой степени, что сектантские изделия им покажутся просто безвкусными. Сохранить человека для науки, спасти его от бегства в секту — разве это мало с точки зрения университетского образования?

— Отец Андрей, были времена, когда наука воинственно доказывала, что «никаких следов» Бога ни на облаках, ни в космосе, ни под землей нет. Теперь, наоборот, появляются серьезные научные публикации со «спектральным анализом» в доказательство историчности существования Христа...

— Вечный коммунальный вопрос — вопрос соседства науки и религии... Принцип мира между нами ясен: чем выше забор, тем крепче дружба. Истинный профессионал — физик ли, богослов ли — точно знает границы своей компетенции, своих возможностей. И свой инструментарий. И не путает сферы, описуемые разными языками и средствами. Наука уже давно (со времен Канта или уж по меньшей мере с теоремы Гёделя или «принципа неопределенности» Гейзенберга) умеет собственными методами определять свои принципиальные границы, доказывать свою неполноту. Наука не может найти Бога. Она может найти лишь повод к своему собственному смирению: в мире и в нас есть нечто, что нельзя описать на языке математики... А от смирения до понимания Евангелия уже один шаг. Шаг воли, желающей обрести новый опыт.

В конце XX века было осознано то, с чем так яростно не соглашался век Просвещения: естественно-научная модель рациональности не есть единственная форма рациональности. Знание может быть не математическим и не физическим. Оно может быть гуманитарным. Рациональность же определяется тем, как человек обрабатывает ту или иную информацию, поступающую к нему, а не тем, из какого именно источника (научной лаборатории, инстропекции, библиотеки, храмовой проповеди или из уличного

разговора) поступает эта информация (анализ уличных разговоров и базарных пересудов может быть вполне научным — это будет отрасль науки по имени «социология»).

Получилось, что миф более рационален, чем казалось прежде. А наука более мифологична, нежели думал о ней XIX век. Православие прилагает рациональные процедуры к анализу своих преданий. А светская наука, как оказалось, не может жить без догм. Доказательство Куртом Гёделем в 1931 году знаменитых теорем «о неполноте формальных систем» и «о невозможности доказательства непротиворечивости формальной системы средствами самой системы» показало, что интеллектуальные процедуры всюду работают одинаково: любая теория зиждется на некоем наборе догм (которые в светской науке стыдливо именуется аксиомами).

Аксиома христианства — это доверие к опыту **присутствия**. Аксиома атеизма — доверие к опыту пустоты. В принципе, рационально можно прокладывать логические цепочки и от одной аксиомы, и от другой. Другое дело, что эти логические цепочки приводят к расширению изначального опыта. Путь религии идет от опыта **присутствия** предмета веры к опыту **преображения** в предмет веры. Путь атеизма ведет от опыта пустоты к опыту тошноты (см. «Тошноту» Сартра) и к самоубийству (см. «Бесов» Достоевского).

Законы рациональности едины — и для верующих людей, и для неверующих. Различие лишь в том, что предпочитается в качестве «момента истины», в качестве точки доверия и опоры. Откуда идти и к чему — вот где наши различия. А техника интеллектуальной «ходьбы» одинакова у математиков и богословов.

— **Неужели знаменитый «конфликт религии и науки» исчерпан?**

— Да, мы перешли от конфликта к сосуществованию. В науке и культуре — как в коммунальной квартире: чтобы не было конфликтов, каждый должен четко знать свои права и обязанности, пределы своей жизненной территории. Помните, как у Булгакова: «Люди-то они хорошие, вот только квартирный вопрос их испортил», — потому что в коммуналке было непонятно, кто ответственен за свет в туалете, ванной и так далее. А когда люди разъезжаются по разным блокам, значительная часть источников конфликта исчезает. Так вот, что касается отношений Церкви и науки — конфликт растворяется по мере того, как каждый из нас осознает, где граница нашей компетенции.

Повторюсь: в науке признаком профессионализма считается умение четко осознавать пределы своей компетентности. Как токарь знает, каким сверлом какой материал на какой скорости надо обрабатывать, так и ученый знает границы своего метода: вот этот круг проблем моя теория, моя модель могут разрешить, а для других проблем нужны другие методы^{XVII}.

Конфликт возникает оттого, что нам кажется, будто в чужой речи мы услышали ответ на наш вопрос. Представьте, я спрашиваю попугайчика:

— Мы успеем проскочить на зеленый свет?

А он отвечает:

— Думаю, что в следующем году удастся!

Случай свел меня с идиотом или с шутником? Нет, все проще: я просто не заметил, что в ухе у моего собеседника наушник от мобильного телефона, и он вел разговор не со мною, а с кем-то другим.

А вот иное видение: представьте, что жена посылает меня в магазин и, вручая мне 50 рублей, настойчиво твердит: «Купи два пакета молока!.. Нет, ты понял? Два пакета молока! Повтори: два пакета молока! Посмотри мне в глаза и скажи еще раз! Ты понял? Два пакета молока, а не два номера “Богословского вестника”, как ты в прошлый раз притащил!». Получив эту инструкцию, я иду в магазин и по дороге повторяю как мантру: «Два пакета молока... два пакета молока...». И вот, уже на подходе к кассе я слышу, как стоящий передо мною покупатель говорит кассиру: «А мне два батона хлеба, пожалуйста!». Имею ли я право в эту минуту сказать: «Ну что за недоумок этот мужик!

Все передовое человечество покупает два пакета молока, а этот пень покупает зачем-то два батона хлеба!!!»?

Так вот, прежде чем обвинять Библию в антинаучности и глупости, неплохо было бы поинтересоваться: а на какие вопросы Библия намерена дать ответы. Те ли это вопросы, какие изучают на геологическом или биологическом факультетах, или же это ответы совсем другим людям на совсем другие вопросы. Если мы научимся понимать вопросы, которые люди задавали Моисею, мы поймем (и примем) и его ответы... Мы поймем — за чем он был послан.

Как-то Вернер Гейзенберг так пояснял своему коллеге физики-ядерщику Вольфгангу Паули свое видение отношения религии и науки: «“Когда мы видим в небе самолет, то можем с известной степенью достоверности заранее рассчитать, где он будет через секунду. Сначала мы просто продлим его траекторию по прямой линии; или же, если мы успели заметить, что самолет описывает кривую, то мы учтем и кривизну. Таким образом, в большинстве случаев мы успешно справимся с задачей. Однако траекторию мы все же еще не поняли. Лишь когда мы сначала поговорим с пилотом и получим от него объяснение относительно намечаемого полета, мы действительно поймем траекторию...”. Разговор ненадолго прервался, потому что на расстоянии нескольких сот метров мимо нас проплыл большой пассажирский пароход, который со своими многочисленными огнями выглядел в светло-синих сумерках сказочным и почти нереальным. Мне пригрезились в этот миг человеческие судьбы, которые, вероятно, разыгрывались за освещенными окнами кают, и в моем воображении вопрос Вольфганга превратился в вопрос о пароходе. Что такое в действительности этот пароход? Масса железа с машинным отделением, системой электропроводки и лампочками? Или же выражение целеустремленности человеческого намерения, структура, образовавшаяся как результат отношений между людьми? А может быть, он просто следствие биологических природных законов, которые в качестве объекта своей формирующей силы использовали на этот раз не только молекулы белка, но и сталь, и электрический ток? Тогда слово “намерение” в человеческом сознании представляет просто отражение этой формирующей силы или природных законов? И что означает в этой связи слово “просто”?»¹³⁴.

Движение того корабля, входившего в копенгагенский порт, и в самом деле можно было описать двояко. Можно сказать, что на нем установлен такой-то двигатель, в нем сгорает такое-то топливо, газы при сгорании давят на поршень, движение которого по системе трансмиссий передается на винт, и в результате корабль плывет. А можно сказать, что этот корабль движется здесь потому, что он был зафрахтован такой-то фирмой для того, чтобы перевезти груз хлопка из Америки в Европу. Первое описание будет научным. Второе — религиозным.

Наука отвечает на вопросы «почему» и «как». Религия — на вопрос «зачем».

Если я хочу куда-то поехать, я должен подойти к расписанию поездов. Расписание поездов составлено на научной основе, но, сколько бы я ни изучал расписание, я из него никогда не узнаю, куда нужно ехать мне самому. Вот это и есть пример соотношения этики, религии и науки. Религия дает ценности: ради чего человек живет, каких целей добивается, куда идет, а наука говорит, какими путями можно добраться до намеченной станции.

Есть вопросы, которые не ставит перед собой религия. Есть вопросы, которые не ставит перед собой наука. А потому не стоит искать у нас ответы на вопросы, которые мы не исследуем. И наши вопросы не следует переводить на язык «не наших» ответов.

Когда Библия говорит: *И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так* (Быт. 1, 9), то она описывает не геологический катаклизм. Она говорит о той воде, о которой ничего не знают современные химики (но о которой еще знают моряки). Вода, море на языке архаики — это **океан**. Это та мощь,

¹³⁴ Гейзенберг В. Часть и целое // Проблема объекта в современной науке. Реферативный сборник. М., 1980. С. 128 и 136–137.

которая живет своей жизнью, абсолютно несоразмерной с человеком и с его силами. Но та мощь, что лишь одним своим дыханием может стереть город или разломить корабль,— эта мощь абсолютно послушна воле библейского Бога. Раз Он сказал — то вода послушно течет туда, куда надо Ему. Верховному правителю шумерских богов Мардуку для одоления водной мощи (которую символизировала богиня Тиамат) понадобилось крайнее напряжение всех его сил (и сил союзных ему богов). Но для Ягве даже нет проблемы покорения водного хаоса. Все Им создано, и все Ему послушно. Ты понял теперь, человек, почему и ты должен молиться не Океану и не Нептуну, а Богу? Ты понял теперь — Кто желает союза с тобой, Кто просит тебя: *сыне, дай Мне сердце твое*¹³⁵?!

Понимание наших различий поможет избежать не только ненужных конфликтов, но и ненужных союзов. Ведь сегодня нам приходится обороняться от ученых, которые хотят задушить нас в своих объятиях. Дня не проходит, чтобы в Патриархию не пришло письмо или не постучался какой-нибудь человек и не сказал, что изобрел очередной харизмометр, замерил энергетику Святого Духа, вывел компьютерную формулу Троицы и так далее... Но опять же — не надо устраивать коммунальную квартиру. Пусть религиозное и естественно-научное мышление живут в разных плоскостях.

Когда некоторые ученые забывают об этом и позволяют себе вторгаться со своими методами и формулами в мир религии — это пошло. Это псевдонаука, и конфликт происходит не между Церковью и наукой, а между наукой и псевдонаукой.

В диалоге с учеными наша задача — не дать людям конкретных наук оказаться в плену у каких-то ненаучных идеологий, избежать слишком поспешных отождествлений результатов собственно научной работы с некоторыми модными идеологическими догмами. Например, не торопиться делать атеистические выводы из наблюдения факта эволюции.

Мы говорим ученым: ваша наука не побуждает вас к неверию. Но она и не тождественна нашей вере. Между нами есть дистанция. Если вы хотите — вы можете преодолеть ее усилием своей воли. Это и будет подвигом веры. Но — если захотите. Если увидите, что у нас есть что-то, чего не синтезировать в ваших лабораториях. Ведь, в отличие от таблицы умножения, Бог Себя не навязывает. Он умеет быть незаметным.

Нормальная светская наука помогает богословию оттачивать его методы размышления над тем, что Бог сказал нам о Себе и Своем замысле о нас (речь идет, понятно, не о физике, а о текстологии, источниковедении, лингвистике, археологии, истории и так далее). Религия же напоминает людям науки, что они тоже — люди. И значит, им тоже свойственно ставить вопрос «зачем». Если вопрос поставлен правильно, а способы поиска ответа честны — ответ однажды прояснится.

— Насколько традиционен Ваш тезис о партнерских отношениях науки и ортодоксии?

— Мой тезис о том, что христианство и наука не враждебны друг другу,— это не просто «противоатеистическая контрпропаганда». Именно христианство создало предпосылки для рождения научной картины мира, а потому оно не может быть враждебным по отношению к науке. Как говорил святитель Филарет Московский, «вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством»¹³⁶.

Да, люди впервые переступают церковный порог, как правило, по соображениям вполне суеверным. Они ждут «чуда», и по большей части им совершенно все равно — из какого источника требуемое ими «чудо» поступит. Но Церкви-то не все равно — «какую веру верует» человек. И потому, разочаровывая поклонников «неведомой магической

¹³⁵ Ср.: Притч. 23, 26.— *Ред.*

¹³⁶ *Митр. Филарет (Дроздов)*. Собрание мнений и отзывов: В 6 т. Т. 5. Ч. 1. М., 1887. С. 48. Эти слова московского святителя очень схожи с позицией Эразма Роттердамского, вопрошавшего слишком радикальных протестантских критиков античной философии: «Вы спрашиваете, зачем нужна философия для изучения Писания? — Отвечаю: а зачем нужно для этого невежество?» (*Эразм Роттердамский*. Философские произведения. М., 1986. С. 227).

энергии», Церковь требует расти от суеверия к осознанной вере, требует труда мысли и отчетливости, требует, чтобы человек совершил труд рефлексии над содержанием своей веры.

В Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры на фреске с изображением Страшного Суда есть мытарство с надписанием: «Невежество». Никогда Православие не воспевало «слепую веру».

Во-первых, потому, что «слепая вера», не знающая ни своего предмета, ни своих оснований, не заметит и границы между христианством и язычеством, между Православием и ересью.

Во-вторых, потому, что «слепым» может быть только неверие. Опыт неверия может рождаться из опыта слепоты. Неведение естественно следует за невидением.

В-третьих, потому, что та вера, которая считается нормативной в церковной традиции, как раз должна быть зрячей. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Со времен святителя Кирилла Иерусалимского (IV в.) в Православии различаются «вера догматическая» и «вера созерцательная» («Есть два вида веры: один — вера догматическая, соглашение души на что-либо... Другой же вид веры есть дарование благодати. Эта вера... созерцает Бога»¹³⁷).

Итак, богословие созерцательное, мистическое не является слепым потому, что оно то как раз видит. Богословие же догматическое также не слепотствует потому, что оно думает. Теология есть модус присутствия логики в иррациональном мире религии.

Есть интересная новизна евангельского текста в сравнении с ветхозаветным. В Евангелии сказано: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37). Вроде бы это цитата из ветхозаветного Писания: *и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими* (Втор. 6, 5). Но есть нюанс: там, где Ветхий Завет говорит о силе, Евангелие говорит о разуме.

— **Значит, настала пора диалога с наукой? Может, помимо диалога Церковь сможет даже материально поддержать какие-то отрасли науки, которые находятся в заблуждении у государства?**

— Что касается каких-то инвестиций, сразу скажу — нет. И не потому, что не хотим, а потому, что не можем. Наши собственные семинарии живут впроголодь. Профессора наших духовных академий получают меньше, чем профессора светских университетов. Например, моя месячная зарплата — 1200 рублей. Церковь содержит семинаристов: она дает им питание, одежду и так далее. Но даже на пополнение семинарских библиотек не хватает средств. Поэтому Вы озвучили хотя и распространенное, но слишком идеалистическое представление о том, будто у Церкви есть какие-то несметные богатства, которыми она может распоряжаться по своему усмотрению. Такое было когда-то, во времена, когда у Церкви была своя экономическая база: земли у монастырей были, доходные дома. Сейчас же ничего этого нет, и нам приходится выступать в роли всероссийской попрошайки. Что, кстати, для Церкви и ново, и неприятно: в былые времена Церковь сама немало давала людям (вспомните, как Троице-Сергиева Лавра неоднократно раздавала свои хлебные запасы в голодные годы), а сегодня мы чаще обращаемся к людям не с тем, чтобы дать, а с тем, чтобы попросить...

В этих условиях мы можем лишь сказать зажиточным людям: «Есть много нуждающихся, вкладывайте деньги не в шоу-бизнес, не в роскошь, не в туристические круизы, а в помощь реальным людям».

Что же касается диалога Церкви и интеллигенции, то его время уже позади. На наших глазах проблема русской истории «Церковь и интеллигенция» оказалась исчерпанной. Этой проблемы уже нет. Такой вопрос («Церковь и интеллигенция») социологически не верен: в Церкви много интеллигентов, среди интеллигенции немало церковных людей. В одной Москве уже около ста священников, окончивших МГУ.

¹³⁷ Свт. Кирилл Иерусалимский. Творения. М., 1855. С. 79–80.

Проблема становится более прозаичной: в самой интеллигенции возникает вопрос о взаимоотношениях ее церковной и нецерковной частей. Диалог сегодня ведется не между образованными умниками и бескнижными монахами-простецами, а между верующей интеллигенцией и интеллигенцией еще-не-верующей.

Да и вообще — возможен ли диалог с Евангелием? Если человек интеллигентен и честен — при знакомстве с миром Православия он, некоторое время продержавшись на дистанции «диалога», просто войдет в мир Евангелия. Ведь диалог предполагает понимание, а при знакомстве с Православием рано или поздно приходит понимание того, что чего-то тут не понять, если смотришь издали. «Диалог» можно вести с книжками. А тут всё тебе кричит о том, что книжки — это еще не все. Однажды умный человек это поймет. И прекратит свой диалог с Православием. И станет просто «рабом Божиим». Унизительно? — Но, по-моему, рабство Богу — это большая мера свободы, нежели рабство своим собственным стереотипам и страстям.

Не с интеллигенцией сегодня конфликт у Церкви, а с образованцами, которые изменили своему ученому долгу — долгу критической мысли. Наш конфликт с той частью интеллигенции, которая варит наше национальное блюдо — кашу в голове.

Нынешнее всеверие нельзя считать простительной и милой доверчивостью. Наивными детьми людей можно было назвать 200–300 лет назад. Но люди, воспитанные в самой научной цивилизации в истории человечества (то есть в СССР), воспитанные в преклонении перед разумом и наукой, и к тому же воспитанные в недоверчивости как официальной пропагандой, так и диссидентской,— эти люди в нашей космической державе летают в астрал, вертят тарелочки, верят в порчу и всерьез воспринимают то, что им «предсказамус настрадал». И это уже национальный позор.

Увы, почти не слышно сегодня голоса академической науки, протестующего против тотальной пропаганды суеверий и оккультизма. Из нашей жизни уходит такая добродетель, как «дисциплина ума», «дисциплина мысли».

— Так все же партнерские отношения Церкви и науки — это традиция или нечто новое, порожденное именно современной ситуацией?

— Новое — это хорошо забытое старое. Богословие всегда напоминало, что думать надо и в мире религии. Мысль же есть различение. Различение предполагает умение выбирать. Выбор предполагает решимость сказать «нет» тому, что несовместимо с тем, чему уже сказано «да».

В первые же дни моей учебы в семинарии в нашем классе произошел весьма знаменательный разговор. При нашем знакомстве друг с другом, уясняя, «кто как дошел до жизни такой», мы вдруг обнаружили, что один из нас был комсомольцем... Нет, комсомольцами были мы все. И в моем классе практически все шли одним и тем же путем: в 14 лет вступали в комсомол, в 17 — в институт, лет в 20 крестились, а после института шли в семинарию. Но один из бывших комсомольцев, как оказалось, был поповичем. Это значит, что, будучи, в отличие от нас, с детства церковным человеком, он тем не менее вступил в организацию, мягко говоря, нецерковную. Но в ответ на мой возмущенный возглас:

— Да как же ты посмел вступить в атеистическую организацию! — он спокойно ответил:

— А с чего это ты взял, что это атеистическая организация?

Я, конечно, тут же цитирую пункт 1 Устава ВЛКСМ: «Член ВЛКСМ обязан вести борьбу с религиозными предрассудками». И что же я слышу в ответ?

— Правильно. Но ведь в этом же и состоит моя первейшая обязанность в качестве христианина!

И, по сути, это глубоко верно: вера всегда включает в себя элемент борьбы с суевериями. Богословский разум всегда осаживает религиозно-фольклорные, магические и языческие «предрассудки».

И чем больше суеверий в обществе, тем больше нужда в богословском рационализме и в научной трезвости. К началу XXI века вновь сложились условия для стратегического союза Церкви и науки. Ведь самый простой путь к соединению — это обретение общего врага. Таким общим врагом ученых и священников является оккультизм (трудно подсчитать, кому достается больше бранных слов из уст Е. П. Блаватской — первым или вторым)¹³⁸.

К моему сожалению, из нашего обихода ушло словечко, столь пугавшее меня в студенческие годы. Представляете, выступает студент-второкурсник на семинаре. При подготовке к докладу он прочитал полторы статьи на заданную тему, дополнил их всем невероятным запасом своей эрудиции — и заливается соловьем, и открывает новые закономерности вселенной и истории, и идеи выдвигает столь ошеломляюще новые, что даже Нильс Бор (с его афоризмом «Эта идея недостаточно безумна, чтобы быть истинной») не усомнился бы в их двухсотпроцентной истинности. Если бы студенту предоставили еще две минутки — он бы, несомненно, открыл «всеобщую теорию всего»... И тут этот лысый доцент скучно смотрит на тебя поверх очков и унылым голосом говорит: «Обоснуйте, коллега».

Какое там «обоснуйте!» — «А я так ощущаю!», «А мне вчера был голос!», «Да ведь так сказал сам Учитель!», «Хотите проверить? Как выйдете в астрал, так сразу направо!».

В мире, для которого характерно всеверие, проповедь веры только христианской — это призыв к различению, ограничению, дисциплине. То есть — призыв к ответственности и интеллектуальной работе. Во времена, в которые судьба разума выражается присловьем: «Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша», схоластичность, строгость и логичность теологии — это контрфорс, укрепляющий стену рациональной традиции. Без этого контрфорса, снесенного еще в начале XX века, и всё здание европейского рационализма начало расползаться.

Не «свободомыслие» приходит в массовом сознании на смену христианской догматике, а банальнейшее безмыслие. Если оставить свой религиозный инстинкт беспризорным, если кормить его чем попало и позволять ему питаться обрывками мод, сплетен и «эзотерик», то вырастет он в нечто странное, бессвязное и языческое. От неверия мода бросается во всеверие, минуя трезвую середину традиции.

Эстетический вкус в человеке воспитывают. К логически последовательному и взвешенному мышлению — приучают. Навыкам научного мышления — обучают. Так почему же религиозное чувство современные интеллигенты оставляют без присмотра, без систематического образования и воспитания? Тот, кто не прилагает усилий к изучению православной мысли (мне, мол, не нужны догмы), оказывается в плену у безмыслия. Он подчиняет себя неуловимо-туманным и логически бессвязным собственным «ощущениям» и общепринятым «мнениям». Отказавшись от изучения многовековой традиции христианской мысли, он со своими хилыми познаниями из области «научного атеизма» оказывается один против легионов неоязыческих и сектантских проповедников.

И как прикажете вести научный диалог с людьми, которые не слушают твои аргументы, а попросту занимаются «диагностикой кармы»: «Когда Вы выступали, то отчетливо можно было проследить по Вашей ауре следующее: когда Вы в своем выступлении говорили об Истине, то она у Вас вспыхивала яркими огнями, но когда говорили о догмах, аура была, что говорится, на нуле»¹³⁹?

Ушли в прошлое те времена, когда христианину надо было с опаской всматриваться в научные сферы. Сегодня и Церковь, и науку теснит общий недуг нашего национального бытия: воинствующий оккультизм. Так мы оказались объединены неприязнью популярного оккультного проповедника В. Налимова: «Итак, наша задача — открыть путь

¹³⁸ Ученые, не согласные с оккультными доктринами, величаются однозначно: «академическое тряпье» (Письма махатм. Самара, 1993. С. 96).

¹³⁹ Новокузнецкий духовно-этический клуб «Роза мира». Открытое письмо «отцу» Андрею Кураеву от 25.12.97.

космическому сознанию. Этому мешает наша культура, в частности, такие ее составляющие, как устаревшая догматизированность религии, излишняя логизированность (а потому и механистичность) науки... В других работах я уже писал об ожидании космического вмешательства в земные дела. В нынешней планетарной ситуации можно надеяться на вмешательство космических сил... Марксистско-ленинское Православие не изменит социальную ситуацию»¹⁴⁰.

Символом того, что произошло с нами, для меня стал район Страстной площади. Когда-то здесь стоял Страстной монастырь. Его как «цитадель мракобесия и невежества» взорвали. Религию заменили культурой. Площадь вместо Страстной стала Пушкинской. Вместо монастыря поставили кинотеатр «Россия». Напротив него открыли крупнейший магазин научной литературы в Москве — «Академкнигу».

Но начались демократические 90-е годы. Поскольку культура элитарна — она была изгнана с этих площадей. Привокзальная (по сути своей) забегаловка «Макдональдс» стала главной точкой притяжения всего района. Кинотеатр стал ночным клубом со стрип-шоу. У памятника Пушкину встала равновеликая ему рекламная пивная бутылка. А еще раньше книжный магазин закрылся на перестройку.

Когда же я зашел в него по окончании ремонта, то был сражен запахом, встретившим меня у дверей. Нет, это не был запах свежей краски. Это был запах горящего коровьего помета (из которого делают «ароматические палочки» индийских культов). «Академкнига» превратилась в центр торговли амулетами, книжками по магии, колдовству и «эзотерике»...

Так что даже нерелигиозные люди должны уважать богословие как представителя разумного начала в чужом для них мире религиозных верований.

— Отец Андрей, многие люди не могут переступить какой-то внутренний барьер, чтобы открыть свою душу Богу. Не является ли такой преградой боязнь очередной раз обмануться — разочароваться рано или поздно в вере так же, как, например, в коммунистической идее светлого будущего?

— Не думаю, что кто-то удерживается вдали от Церкви именно из боязни разочарования. В обществе не ощущается недостатка в людях, готовых откликнуться и довериться. Напротив, в самых разных областях жизни мы ежедневно натываемся на свидетельства того, что доверчивость людей выше всякого разумного уровня — люди приходят в энтузиазм от финансовых пирамид, от очередных спасителей России, от мировой демократии и от новых таблеток. Что уж говорить о религии! Потому сегодня важнее проповедовать недоверие как добродетель: «Погодите, остановитесь, охладите энтузиазм, вдумайтесь!». Даже когда речь идет о собственно церковной жизни — и тут приходится порой осаживать: «Полноте, Вы уверены, что избранный Вами духовный советчик духовно и психически здоров?». А когда речь идет о нецерковных мистических кружках, то тут уж тем более уместно спросить: «С чего Вы взяли, что голос, который услышал вчера Ваш знакомый, является свидетельством высоких духовных дарований проповедника, а не расстройства рассудка?».

В людях сегодня надо воспитывать умение выработать интонацию участкового милиционера. При знакомстве с новым надо спрашивать строго, но справедливо: «Гражданин, предъявите Ваши аргументики!».

— Среди читателей нашей газеты много людей творческих профессий. Расскажите об отношении Церкви к творческому акту.

— Все, что связано с областью творчества, неважно — богословского, художественного, писательского или театрального, — это все область повышенного духовного риска. Церковь не запрещает людям заниматься творчеством и даже благословляет их, но просит внимательней относиться к себе самому, к своему состоянию.

¹⁴⁰ *Налимов В. В.* Критика исторической эпохи: неизбежность смены культуры в XXI веке // Вопросы философии. 1996, № 11. С. 73. Кстати, моя книга «Соблазн неоязычества» В. Налимову показалась полной «вызывающих высказываний» (Там же. С. 67).

Быть предельно трезвым, не позволять себе тщеславия, самовлюбленности, опьянения собой и успехами^{XVIII}. Избегать медитативности, которая может привести к одержимости.

Даже талантливый человек может оказаться во власти весьма недоброкачественных настроений и одержаний. Творец жаждет «вдохновений» и «наитий». Но качество этих «вдохновений» может оказаться совсем не добрым. Человек, раскрывающий свою душу в ожидании «озарений», равно как и человек, стремящийся спровоцировать в себе прилив «страстей» с тем, чтобы потом их достовернее описать, может отвыкнуть регулировать свои страсти и чувства и, что еще хуже, может и просто стать одержимым...

К сожалению, история культуры показывает, как много очень одаренных и талантливых людей становились игрушками в руках темных сил. Уходили в наркотики, кончали жизнь самоубийством, становились злыми гениями для всех, кто их окружал. Вспомним Льва Толстого, о котором Александра Андреевна Толстая свидетельствовала, что он порой бывал бесноватым и сумасшедшим^{XIX}.

Кстати говоря, наш известный кинорежиссер Сергей Бондарчук был воспитан на Толстом и буквально влюблен в него. Всю жизнь он прожил со Львом Толстым, то есть — без Церкви. Вся его квартира была увешана портретами Толстого. Но когда его душа начала расставаться с телом и обострились духовные чувства, он начал воочую видеть, что есть нематериальный, духовный мир и что этот мир без Христа — страшен. Попросту говоря — он начал видеть бесов. Он понял, что портреты Толстого его от этого не спасут. И он позвал священника. Исповедовался и причастился (священник, исповедовавший Бондарчука, и рассказал мне об этом случае — не раскрывая, естественно, того, о чем шла речь на самой исповеди).

— Скажите, пожалуйста: о жизни Иисуса Христа до 33 лет практически ничего не известно, Вы можете что-нибудь прояснить по этому поводу?

— Что прояснять? Жил, рос. А зачем еще что-то прояснять? В античной литературе просто отсутствует такой жанр, как биография. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» ничье детство не описывает. Время такого рода эпических повествований — это время шахматных часов: когда моя очередь делать ход, тогда мои часы идут, когда я ничего не делаю — мои часы стоят. Нет такого изоморфного времени, которое течет независимо от событий. Поэтому для евангелистов значимо время, когда Христос что-то делал. И это не умно, это глупо, это насилие над исторической реальностью, когда начинают выдумывать, что, знаете ли, в это время Он в Индию ходил, или в Египет, или еще куда-то. Эти вещи очень легко проверяются — Христос проповедовал не на греческом языке, он проповедовал на арамейском (это разговорный язык Палестины). Современная лингвистика умеет понимать и доказывать, где перевод, где оригинал. В переводе определенная фраза может быть просто интересной, но на языке оригинала она будет потрясающе яркой — это игра смыслов, оттенков. Сейчас, когда стали переводить слова Христа с греческого на арамейский, то выяснилось, что многие Его изречения стали поразительно поэтичными и афористичными. Так вот, ни в речевых оборотах Христа, ни в Его мысли нет ничего, что было бы калькой с санскрита или с буддийской философии¹⁴¹.

— А что могут добавить современные богословы к тому, что было сказано о Христе в эпоху Вселенских Соборов с IV по VIII век?

— Интереснейшая черта из истории христианства: богословские споры первых веков христианства были спорами о личности Христа. Не об учении Христа, не о толковании тех или иных Его притч, а о том, кто такой Сам Христос. Главные дискуссии были вокруг уяснения меры Его причастности Богу и миру людей.

И все же отцы Вселенских Соборов сознательно устранились от решения некоторых проблем. Например, Халкидонский догмат Четвертого Собора (451 год) говорит, что во Христе Божественная и человеческая природы соединились неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно. Это ведь не столько ответ, сколько уход от ответа — четыре

¹⁴¹ Подробнее см. главу «Был ли Иисус в Индии?» в моей книге «Дары и анафемы» (М., 2003).

«не». Как на самом деле соединились Божество и человечество во Христе, мы не знаем. Отклонены четыре слишком поспешные попытки ответа. Пространство истины ограждено, но не ословесено, не сформулировано.

Ведь Бог стал Человеком, а не мы. Именно поэтому здесь надо четко поставить предел своей конструктивной любознательности. Человек по-настоящему может знать только то, что он сделал сам. То, что не нами сделано, не нами изготовлено, не с нами было, остается для нас тайной. Поскольку не мы сделали Бога Человеком, а Он Сам пожелал стать Человеком, то положительного ответа на вопрос о том, как абсолютное, вечное и нетленное соединилось с ограниченным, временным и тленным, быть не может, по крайней мере до тех пор, пока мы сами не достигнем цели, про которую Афанасий Александрийский сказал так: «Бог стал Человеком, чтобы человек смог стать богом».

Что остается на долю современных богословов? Проблема состоит еще и в том, что ряд определений Вселенских Соборов сформулирован на языке античной философии. Точнее говоря, на языке позднеантичной школы. Но, во-первых, это язык все-таки изначально нехристианский, языческий. Во-вторых, сегодня он сохраняется только в церковных школах и непонятен вне стен семинарий. Впрочем, и в семинариях понятным делается не столько сам этот язык, сами термины, сколько правила употребления этих терминов в профессионально-богословских текстах. Например, мы говорим, что у Христа одна Ипостась. В Троице — три Ипостаси. Что означает слово «ипостась»? Даже у святых отцов в разные века за этим словом скрывался довольно разный смысл.

В дореволюционной Петербургской Духовной Академии профессор Б. Мелиоранский поднял этот вопрос. К тому времени все богословы уже согласились, что слово «ипостась» точнее всего соответствует такому термину новейшей философии, как «личность». Но такое содержание впервые в это слово вложил святитель Филарет Московский в начале XIX века. Мелиоранский же спросил: можем ли мы, сохраняя верность терминам и формулам древних Соборов, нагружать эти термины другим содержанием — содержанием, которое мы берем из современной философии? Ведь отцы Вселенских Соборов брали его из современной им позднеантичной философии, а можем ли мы, сохраняя верность их догматическим формулам, наполнять эти формулы содержанием современной философской культуры? Отцы утверждали теснейшую связь антропологии и теологии: «Итак, если ты понял смысл различия сущности и ипостаси по отношению к человеку, примени его к Божественным догматам — и не ошибешься»¹⁴². Но сегодня антропология, философские представления о человеке решительно изменились. Разве могут эти перемены не повлиять на теологию? Вопрос до сих пор остается открытым. Реально это и происходит, хотя и под недовольные причитания богословов^{XX}.

— Для далекого от богословских дискуссий человека споры о природе Иисуса Христа, о соотношении в Нем Божественного и человеческого нередко кажутся внутренними «разборками» между конфессиями, между течениями в христианстве. Неужели вся эта догматика так важна для человека, который хочет просто любить Его?

— Да, это действительно наши внутренние «разборки», но я не вижу в них ничего плохого и противоестественного. Разве не могут богословы серьезно говорить на своем языке? Почему, например, у физиков есть возможность обсуждать свои проблемы в кругу ученых, а как только богословы пытаются всерьез говорить на интересующие их темы на понятном для соответствующих специалистов языке, они тут же обвиняются в схоластике?

Жителям Бирюлево может быть абсолютно все равно, что происходит с электронами и какому закону они подчиняются, но каждому из них важно, будет ли в его доме гореть лампочка или работать телевизор. А ведь появление и работа этих приборов — прямое следствие дискуссий среди ученых-физиков. То же самое можно сказать и о богословии,

¹⁴² Свт. Василий Великий. Письмо 38 // Историко-философский ежегодник '95. М., 1996. С. 273.

потому что последствия споров ученых-богословов очень важны не только для тех, кто в них участвует, но и для всей человеческой цивилизации.

Наша культура очень целостна. Когда стоит красивое здание, то мы видим только то, что находится снаружи: стены, облицовку, рамы и так далее. Но держат все это мощные внутренние опоры, каркас, не видимый нами. Здание нашей цивилизации тоже зиждется на определенных столпах и опорах, создававшихся, в том числе, и в богословских дискуссиях, и если хоть одна опора выходит из строя, то все здание начинает коситься, а сломай их две или три — и здание вообще рухнет.

Я приведу пример подобного, некогда почти состоявшегося, «просчета архитектора». Один из первых споров в богословии был спор о том, считать ли Христа подобным Богу или единым с Ним. Люди, получившие название ариан, утверждали, что Христос Богом не является, что Он не единосущен Богу Отцу. В греческом языке спор шел из-за одной-единственной буквы: единый — «омо», а подобный — «оми». Причем этот последний звук передавался двумя буквами — oi. Так вот, если бы только Церковь вставила в догмат эту самую маленькую, незаметную букву греческого алфавита — йоту (i), то эта новизна опустошила бы все музеи будущей Европы.

Логика была бы следующей: если Христос не Бог, то, значит, Бог к людям не приходил. Он остался по-ветхозаветному непостижим, трансцендентен и невидим. В этом случае мир христианства стал бы миром безликого Бога, и, как в исламе или иудаизме, запрет на Его изображение обрел бы полную силу. Не было бы ни Андрея Рублева, ни Микеланджело, ни Рембрандта; не было бы живописи ни сакральной (иконы), ни светской, как нет ее, например, в Саудовской Аравии или Ираке. Так что все «ненужные» богословские споры, как оказалось, напрямую влияют на жизнь каждого из нас.

Вообще, что такое догмат? Это честная констатация евангельских фактов. Догмат стоит на страже Евангелия, чтобы ничего оттуда не пропало. Одни люди, читая Евангелие, видят во Христе только Бога и не замечают Его человечества, другие люди, читая то же Евангелие, видят во Христе только Сына Человеческого и не замечают в Нем Бога. А догмат говорит: «Нет. Давайте брать Евангелие целиком: Иисус Христос — и Бог, и Человек одновременно. Каким образом? Мы не знаем, а просто констатируем факт, ведь не мы же писали Евангелие».

Многие люди боятся слова «догмат», но с тем же успехом можно испугаться и слова «мощи». Напомню, что с церковнославянского языка это слово переводится как «кости», «скелет». Кстати, Честертон говорил, что призыв освободить христианство от догматики сродни призыву освободить меня от моих костей^{XXI}.

— Если утверждать, что Христос — Бог, что Он безгрешен, а человеческая природа — грешна, то как же Он мог воплотиться, разве это было возможно?

— Человек грешен не изначально. Человек и грех — не синонимы. Да, Божий мир люди переделали в знакомый нам мир-катастрофу. Но все же мир, плоть, человечность сами по себе не есть нечто злое. А полнота любви в том, чтобы прийти не к тому, кому хорошо, а к тому, кому плохо. Полагать, что воплощение осквернит Бога, — все равно что сказать: «Вот грязный барак, там болезнь, зараза, язвы; как же врач рискует туда зайти, он же может заразиться?!». Христос — Врач, Который пришел в больной мир.

Святые отцы приводили и другой пример: когда солнышко освещает землю, оно освещает не только прекрасные розы и цветущие луга, но и лужи и нечистоты. Но ведь солнце не сквернится оттого, что его луч упал на что-то грязное и неприглядное. Так и Господь не стал менее чистым, менее Божественным оттого, что прикоснулся к человеку на земле, облекся в его плоть.

— Как же мог умереть безгрешный Бог?

— Смерть Бога — это действительно противоречие. «Сын Божий умер — это немыслимо, и потому достойно веры», — писал Тертуллиан в III веке, и именно это изречение впоследствии послужило основой тезиса «Верую, ибо абсурдно». Христианство — это действительно мир противоречий, но они возникают как след от прикосновения

Божественной руки. Если бы христианство было создано людьми, оно было бы вполне прямолинейным, рассудочным, рациональным. Потому что когда умные и талантливые люди что-то создают, их продукт получается довольно непротиворечивым, логически качественным.

У истоков христианства стояли, несомненно, очень талантливые и умные люди. Столь же несомненно и то, что христианская вера получилась все же исполненной противоречий (антиномий) и парадоксов. Как это совместить? Для меня это — «сертификат качества», знак того, что христианство нерукотворно, что это — творение Бога.

С богословской же точки зрения Христос как Бог не умирал. Через смерть прошла человеческая часть Его «состава». Смерть произошла «с» Богом (с тем, что Он воспринял при земном Рождестве), но не «в» Боге, не в Его Божественном естестве.

— Многие люди легко соглашаются с идеей существования единого Бога, Всевышнего, Абсолюта, Высшего Разума, но категорически отвергают поклонение Христу как Богу, считая это своеобразным языческим пережитком, поклонением полуязыческому антропоморфному, то есть человекоподобному, божеству. Разве они не правы?

— Для меня слово «антропоморфизм» — это вовсе не ругательное слово. Когда я слышу обвинение вроде «ваш христианский Бог — антропоморфен», я прошу перевести «обвинение» на понятный, русский язык. Тогда все сразу встает на свои места. Я говорю: «Простите, в чем вы нас обвиняете? В том, что наше представление о Боге — человекообразно, человекоподобно? А вы можете создать себе какое-то иное представление о Боге? Какое? Жирафообразное, амёбообразное, марсианообразное?».

Мы — люди. И поэтому, о чем бы мы ни думали — о травинке, о космосе, об атоме или о Божестве — мы мыслим об этом по-человечески, исходя из наших собственных представлений. Так или иначе, мы всё наделяем человеческими качествами.

Другое дело, что антропоморфизм бывает разным. Он может быть примитивным: когда человек просто переносит все свои чувства, страсти на природу и на Бога, не понимая этого своего поступка. Тогда получается языческий миф.

Но христианский антропоморфизм знает о самом себе, он замечен христианами, продуман и осознан. И при этом он переживается не как неизбежность, а как **дар**. Да, я, человек, не имею права думать о Непостижимом Боге, я не могу претендовать на Его познание, а уж тем более выражать это моим ужасным куцым языком. Но Господь по любви Своей снисходит до того, что Сам облакает Себя в образы человеческой речи. Бог говорит словами, которые понятны кочевникам-номадам II тысячелетия до нашей эры (каковыми и были древнееврейские праотцы Моисей, Авраам...). И в конце концов Бог даже Сам становится Человеком.

Христианская мысль начинается с признания непостижимости Бога. Но если на этом остановиться, то религия, как союз с Ним, просто невозможна. Она сведется к отчаянному молчанию. Религия обретает право на существование, только если это право дает ей Сам Непостижимый. Если Он Сам заявляет о Своем желании быть все же найденным. Только тогда, когда Господь Сам выходит за границы Своей непостижимости, когда Он приходит к людям, — только тогда планета людей может обрести религию с неотъемлемым от нее антропоморфизмом. Только Любовь может переступить через все границы апофатического приличия.

Есть Любовь — значит, есть Откровение, излияние этой Любви. Это Откровение дается в мир людей, существ довольно агрессивных и непонятливых. Значит, надо защитить права Бога в мире человеческого своеволия. Для этого и нужны догматы. Догмат — стена, но не тюремная, а крепостная. Она хранит **дар** от набегов варваров. Со временем и варвары станут хранителями этого **дара**. Но для начала **дар** приходится от них защищать.

И значит, все догматы христианства возможны только потому, что Бог есть Любовь¹⁴³.

— Христианство утверждает, что главой Церкви является Сам Христос. Он присутствует в Церкви и руководит ею. Откуда такая уверенность и может ли Церковь это доказать?

— Лучшим доказательством является то, что Церковь до сих пор жива. В «Декамероне» Боккаччо есть это доказательство (на русскую культурную почву оно было пересажено в известной работе Николая Бердяева «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан»). Сюжет, напомним, там следующий.

Некий француз-христианин дружил с евреем. У них были добрые человеческие отношения, но при этом христианин никак не мог примириться с тем, что его друг не принимает Евангелия, и он провел с ним много вечеров в дискуссиях на религиозные темы. В конце концов иудей поддался его проповеди и выразил желание креститься, но прежде Крещения пожелал посетить Рим, чтобы посмотреть на римского папу.

Француз прекрасно представлял себе, что такое Рим эпохи Возрождения, и всячески противился отъезду туда своего друга, но тот тем не менее поехал. Француз встречал его безо всякой надежды, понимая, что ни один здравомыслящий человек, увидев папский двор, не пожелает стать христианином.

Но, встретившись со своим другом, еврей сам вдруг завел разговор о том, что ему надо поскорее креститься. Француз не поверил своим ушам и спросил у него:

— Ты был в Риме?

— Да, был,— отвечает еврей.

— Папу видел?

— Видел.

— Ты видел, как живут папа и кардиналы?

— Конечно, видел.

— И после этого ты хочешь креститься? — спрашивает еще больше удивленный француз.

— Да,— отвечает еврей,— вот как раз после всего увиденного я и хочу креститься. Ведь эти люди делают все от них зависящее, чтобы разрушить Церковь, но если тем не менее она живет, получается, что Церковь все-таки не от людей, она от Бога.

Вообще, знаете, каждый христианин может рассказать, как Господь управляет его жизнью. Каждый из нас может привести массу примеров того, как незримо Бог ведет его по этой жизни, а уж тем более это очевидно в управлении жизнью Церкви. Впрочем, здесь мы подходим уже к проблеме Промысла Божиего. На эту тему существует хорошее художественное произведение, называется оно — «Властелин колец». Это произведение рассказывает о том, как незримый Господь (конечно, Он находится за рамками сюжета) весь ход событий выстраивает так, что они оборачиваются к торжеству добра и поражению Саурана, олицетворяющего зло. Сам Толкиен это четко прописывал в комментариях к книге^{XXII}.

— **Какое самое любимое Вами место в Библии?**

— Слова Христа: *Я с вами днес и до скончания века* (ср.: Мф. 28, 20). Я всегда вспоминаю эти слова, когда в очередной раз слышу разговоры о том, как всё плохо в нашей церковной жизни. В такие моменты радостно сознавать, что Церковь держится не нашими делами, а верностью Христовой. Христианство — это не договор, в котором неверность одной стороны предполагает расторжение договора и освобождает от обязанностей другую сторону. Евангелие — это Завет, Завещание. А завещание, в отличие от договора, основывается не на двух, а на одной-единственной воле — воле завещателя. Поэтому неверность человека Богу не может уничтожить верность Бога человеку.

— **В своей книге «Сатанизм для интеллигенции» Вы сказали: «Все слова Христа вторичны»...**

¹⁴³ См.: 1 Ин. 4, 8, 16.— *Ред.*

— Да, все слова Христа вторичны — по отношению к Нему Самому. Ну что дороже для православного христианина — притча Христа или Сам Христос? Скажем, я — первичен по отношению к своим книгам, мои книги — вторичны по отношению ко мне. Вот так и Христос первичен по отношению к Своим словам.

— **Вы говорите, что Христос научает большему, чем можно научить словами. То есть подчеркиваете значение примера жизни в святости. А есть ли в сегодняшней Православной Церкви примеры для подражания?**

— Примеров становится больше, потому что становится все больше людей в Церкви. Да, теперь меньше старцев, которые прошли огонь и воду. Но появляется молодежь, и молодежь удивительная. Вот вчера — говорю молодому человеку из вашей (Якутской) епархии, только что закончившему духовную семинарию: «Андрей, пойдешь ко мне на лекцию?». А он не может, потому что день его заранее расписан едва ли не по минутам: он заранее подарен тем больным, которых он должен навестить...

— **Кого из ныне живущих Вы могли бы назвать крупным православным мыслителем?**

— Совсем недавно еще был с нами митрополит Антоний Сурожский, хотя и жил он в стране Честертона и Толкиена. В России мы можем радоваться тому, что продолжается активная творческая деятельность Сергея Сергеевича Хоружего. Традиция православной мысли не прервалась, не прервалась даже в такой своей поразительной черте, как то, что в России наиболее яркие имена церковных проповедников и защитников — вне официальных церковных институций и учреждений. Начиная от Гоголя и Хомякова через Достоевского, Трубецкого, Бердяева, Лосева, Бахтина, Карсавина, Лосского, русская христианская мысль осуществляла себя не столько в духовных академиях, сколько в мирянах, — то есть не столько в людях, мобилизованных Церковью, сколько в добровольцах. В других православных странах феномена светской христианской мысли не было и нет до сих пор. Подобный феномен можно встретить только во французской культуре, когда появились светские люди, которые защищали христианство перед лицом господствующих агрессивных светских идеологий: Безансон, Экзюпери, Марсель, Мориак, Мунье. И у англичан — к названным мною именам можно добавить еще Клайва Льюиса и Чарлза Вильямса.

— **Ваше отношение к Владимиру Соловьеву?**

— В целом — очень симпатичное и хорошее. Это один из очень редких философов в России. Не журналистов типа Бердяева, а людей, которые действительно показывают, как они думают, именно логически проводят некую мысль от А до Я. Это прекрасная школа техники философской и научной мысли.

Но его труды, посвященные воссоединению Православия и католичества, написаны слишком энтузиастически. Да и его «София» — дама не из моего романа.

— **Чем Вы обычно заканчиваете свои беседы?**

— Самый мой любимый и самый простой призыв — помнить, что, входя в храм, надо снимать шляпу, а не голову. Голова может еще пригодиться.

Как говорить с молодыми

«Господь Сам приведет»? — В защиту непростоты. — Как остаться в Церкви? — Почему не любят миссионеров? — О языке церковно-китайском. — Искушения миссионера. — О сказках. — С чего начать изучение богословия? — Святыня в грязи — всегда ли плохо? — О Православии для китайцев. — О церковных бабушках

— **Как объяснять неверующим одноклассникам, почему мы ходим в церковь?**

— Когда меня начинают спрашивать: «Где твой Бог, кто вашего Бога видел?» и так далее, я говорю:

— Так, ребята, быстро внимательно посмотрели на меня. Что вы сейчас видите?

Они начинают шушукаться:

— Вас видим.

Я говорю:

— Ничего подобного, меня вы не видите. Сейчас вы видите только частички моего будущего трупа. Что удивляетесь? Вы можете видеть только мой эпителий — верхний слой моих кожных покровов. Откройте любой учебник анатомии, и вы там прочитаете, что этот слой кожи мертв. Я со временем весь такой буду. Так что пока вы имеете сомнительное удовольствие созерцать частички моего будущего трупа, но при этом вы отчего-то фанатично верите, что за этим трупом еще что-то есть. Так вот, вы меня не видите, но верите, что я существую. Точно так же мы не видим самого главного в нашей жизни. Не видим друг друга, не видим себя, не видим Бога. И, однако, ради этих незримых реалий мы и живем, и действуем. Вот ради незримого Бога мы и идем в видимый храм. Мы Его и там не увидим. Но, может быть, Он проявит Себя в шевелении того, что есть под нашей кожей,— в душе. Душа хочет этого прикосновения и идет просить именно о нем¹⁴⁴.

— **Какое место в жизни молодого христианина занимает аскетика?**

— А вы думаете, что аскетика — для старцев? Как раз молодому человеку аскетика нужна больше, чем старику.

— **А есть какие-то особенности в современной аскетике?**

— Мне всегда странно видеть книжки с названием «Грех и покаяние последних времен». В этом я вижу какое-то позерство. Чем наше время в духовном смысле отличается от предыдущего? Ведь Православие обращается к той глубине человека, которая не имеет отношения ко времени и к культурам. Мы все грешим одинаково. Люди не научились грешить иначе, чем в I или X веке. Даже интернет-грехи не исключение. В XVI веке Интернета не было, а «порносайты» были. Подростками всех веков правят гормоны. И если парень сексуально озабочен, что он делал в XVI веке? Матрицу его поведения описал Николай Гумилев:

Как мальчик, игры позабыв свои,
Порой следит за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем.

Пацаны знали, когда и в какую баню пошли девки, и занимали наблюдательную позицию за ближайшим сугробом. В этом смысле ничего не меняется.

Когда говорят, что мы в особые времена живем, это некая форма оправдания. И у человека, который считает, что грешит иначе, чем другие, это уже тонкая форма гордыни — я хоть в чем-то, да другой.

— **Как Вы относитесь к тем, кто говорит: «Зачем ходить в церковь, если Бог у меня в душе»?**

— Для таких людей у меня есть встречный вопрос: «А как Он туда попал?».

Если бы слова «Бог у меня внутри» сказал преподобный Серафим Саровский — они стали бы честным свидетельством о плоде его подвига. Если бы подвижник сказал, что он приучил себя к непрестанной внутренней молитве и потому отдаленность храма для него уже нечувствительна,— в его устах слова о «Боге в душе» были бы оправданны.

Но когда я слышу такие слова от обывателей, я побуждаю хвастунишку осознать, что же именно он сказал. И тогда я интересуюсь: в результате каких же именно духовных подвигов вы достигли такого успеха? Бог у вас в душе? А вы Его туда звали? Поясните, каким же был путь вашей молитвы? Что?.. Вы плохо помните даже «Отче наш»? Хорошо, а какие же плоды даров Духа вы в себе ощущаете? Вот вам подсказка: *плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Есть в вас эти чувства? Вы хоть заметили момент, когда Творец пришел к вам с этими дарами? Не можете? Но разве можно такое не заметить? Так

¹⁴⁴ Подробнее см. главу «Зачем ходить в храм, если Бог у меня в душе» в моей книге «Дары и анафемы» (М., 2003).

может, Он и не входил? Может, вы спутали — и отождествили вашу веру-в-существование-вашей-веры-в-Бога с присутствием Самого Бога?

Вера в Бога — по христианскому переживанию — это то же самое, что и любовь к Богу. Разве можно любить, не проявляя своей любви во внешних действиях? Хорошо сказал когда-то по этому поводу отец Александр Мень, который на вопрос, можно ли считать христианином человека, не посещающего церковь, ответил так: «Можно, конечно. Как может называться филантропом человек, любящий все человечество, но не сделавший ни одного доброго дела».

Если Чашу с причастием Своей Крови Христос подает нам через царские врата храма — стоит ли нам отворачивать нос и твердить: «Бог у меня и так в душе»? Это значит отвернуться от Христа. А значит, и тот «бог», что в такой душе,— не Христос, а кто-то иной... Мы же, христиане, «имеем ядомого Бога»¹⁴⁵.

— **Что такое для Вас православная молодежь?**

— Я не встречался с нею. Я знаю конкретно Таню, Васю, Диму. Они все разные. А вот с мисс Православная Молодежь я не знаком.

А если всерьез, то, наверное, это трудно — быть православным и молодым. Потому что это значит — идти против двойного течения.

Быть православным — значит идти против моды своей светской компании. А чтобы быть молодежью на приходе, нужно идти против приходских суеверий. В одном случае господствующее течение антиправославное, в другом — антимолодежное.

У нас на приходах в основном господствует психология бабушек. А ведь у каждого возраста свое переживание веры. Свое переживание у младенцев, которые Боженку целуют. Свое переживание у детей, свое у подростков, у взрослых и стариков. Старик ищет смысл своей смерти, а молодой — смысл своей жизни.

Для юноши самое главное — радость молитвы. Я и сам, может быть, не дожил до такого возраста, когда всерьез и каждый день думают о смерти и спасении. Для молодости вообще характерно глубокое и беспроблемное убеждение в своем собственном бессмертии. Поэтому молодой человек идет в храм не из страха смерти и не из желания избежать ада. Он ищет смысл. Он ищет избавиться от своего одиночества. Он уже знает свое тело. Теперь ему хотелось бы узнать получше свою же душу.

Но поскольку в наших храмах больше стариков, их переживание Православия оказывается единственным, нормативным, навязываемым, а потому — калечащим молодых людей.

Так что православной молодежью быть сложно. Но именно потому, что разнятся переживания Евангелия в разном возрасте, важно сказать молодому человеку: если ты сейчас проживешь мимо Церкви, то окрадешь самого себя, обеднишь свою жизнь. Знаю, вам, молодым, не нравится старушечье Православие. Но если вы сейчас живете мимо Православия, то обрекаете себя на то, что именно в старушечье Православие вольетесь на старости лет. А попробуйте пережить его иначе, но для этого нужно туда войти сейчас. Чтобы у старика светились глаза, у юноши они должны гореть...

— **А в чем различие молодежной и бабушкиной «атмосфер»?**

— Новизна радует молодого человека и пугает пожилого. Молодой человек всюду видит возможности, а взрослый — опасности. Молодой ставит вопрос:

— Что я могу сделать?

Пожилой спрашивает:

— А что со мной могут сделать, что оттуда может угрожать мне и моему привычному укладу жизни?

Человек идет по городу, неожиданно ему попадается подворотня. Реакция молодого человека более активная:

¹⁴⁵ Прп. Феодор Студит. Послание 36. К Навкратию, сыну // Прп. Феодор Студит. Послания. Кн. 1. С. 285.

— Интересно, что там, пойду посмотрю, для меня открылось новое пространство, которое я могу исследовать и подчинить себе.

Реакция пожилого человека:

— Я лучше перейду на другую сторону улицы, мало ли что тут может на меня обрушиться.

Молодой человек перед каждым новым поворотом думает: «А не войти ли мне?», взрослый же остерегается: «А что оттуда может вылететь на меня?»... Так и в церковной среде. Вместо молодого миссионерского дерзновения — старушечьи страхи: «Ничего нельзя!!!». Вот в этом смысле у меня, наверное, «невзрослое» мироощущение.

Увы, у слишком многих церковных людей какое-то безнадежно-взрослое восприятие христианства. Мера церковности определяется мерой испуганности. Боятся Гарри Поттера и ИНН, Интернета и собак (они, мол, изгоняют благодать из дома).

А ведь наш страх перед новизной (скажем, перед глобализационными процессами) означает нашу заведомую готовность капитулировать, отказаться от созидательной деятельности, перестать быть активными соучастниками и даже творцами истории, превратившись лишь в ее жертв^{XXIII}.

Если в моем городке построили аэродром — это может означать, что теперь мои сограждане могут стать доступнее для «глобалистской» деятельности иностранных миссионеров. Раз появился аэродром — на него может приземлиться Билли Грэм. Чтобы этого не допустить, я могу все свободное время проводить в саперных работах — время от времени взрывая взлетно-посадочную полосу этого аэродрома.

Но возможна и иная реакция православного человека на «глобализационную» новость: «Раз теперь у меня под боком аэродром, то стану срочно учить английский язык с тем, чтобы улететь в Америку и нанести там Билли Грэму ответный миссионерский удар!».

Открытие границ, сближение людей — это улица с двусторонним движением. Мы можем двигаться по нашей стороне, в избранном нами направлении. А можем тратить свои силы на то, чтобы перекапывать противоположную сторону улицы. Я отказываюсь пугаться при слове «глобализация» потому, что средства современной коммуникации и передвижения помогают мне в миссионерской работе. Телевидение и Интернет я воспринимаю как средства для того, чтобы мое обращение, несущее весть о Христе и Православии, донести до людей. Для тех же, кто не может проповедовать, не может убеждать, остается лишь позиция потребителя информации. Своим изложением Православия они не могут заинтересовать даже своих соседей, тем более нет у них никаких надежд и на то, что глобальная империя, распаивающая национальные границы и сокращающая пространства, сможет помочь православной проповеди.

Так что во многом именно от личного опыта миссионерских удач или неудач зависит оценка глобализационных процессов и новых культурных явлений. А надо ли идти на поводу у неудачников?

Апостолы могли бы осудить современную им глобализацию, поскольку языческие бредни, родившиеся в одном уголке мира, запросто разносились по всем остальным краям экумены. По дорогам, которыми Римская империя соединяла свои пестро-национальные провинции, были пронесены статуи всех языческих богов (от окраин к римскому Пантеону). Но вместо того, чтобы проклинать римскую глобализацию, раскрывшую Палестину для всех ветров, апостолы сами пошли по римским дорогам с проповедью о Христе, Который родился в Палестине, но принес весть, предназначенную для всего мира.

Вот два примера такой реакции самозапуганных неудачников. Первый — из газеты «Мир Православия» (2003, № 12)¹⁴⁶. Статья «Современная рок- и поп-музыка с точки зрения Православия» начинается с утверждения: «Нам уже никуда не уйти от океана этой музыки: дома, на работе, на улице, в транспорте, в магазине, по телевидению, радио —

¹⁴⁶ Автор статьи — В. Хорецкая; адрес в Интернете — <http://www.baltwillinfo.com/mp12-03/mp-11p.html>.

она повсюду. От нее не скрыться нигде, кроме храма. Церковный порог ей не переступить. Тем яростнее звуковые волны бьются в него, оставляя свои меты: вот известный богослов и православный публицист выступает со “вступительным словом” на рок-фестивале, вот прекрасно ориентирующиеся в современных рок- и поп-течениях батюшки, вот музыканты рок- и поп-групп, по совместительству поющие на клиросе или прислуживающие в алтаре, и так далее... Как к этому относиться и как это оценивать?».

Казалось бы, надо радоваться, если музыканты приходят в Церковь. А журналистка видит в них источник инфекции, от которой ей хочется увернуться. Этакая «старшая дочь» из притчи о блудном сыне... Ей кажется, что она сама уже вся в Православии, и потому пора сжигать переходные мостки между миром и Церковью. Как же — я-то уже в Церкви, а значит, двери можно закрывать и объявлять конец света!

Увы, это не более чем иллюзия журналистки, которая себе кажется воплощением церковной строгости и принципиальности. На деле же она еще не может отличить оккультизм от христианства. А потому в список рекомендуемой ею литературы она ставит творение оккультных шарлатанов — «Начало начал» (авторы — Тихоплавы В.Ю. и Т.С.). И с полным своим согласием цитирует «академика РАН эколога Ф. Я. Шипунова», не подозревая, что Шипунов никогда не был ни академиком, ни член-корреспондентом Академии наук. И приводимый ею текст из Шипунова — это типичное оккультное псевдобогословие: «В пределах биосферы существует созданная Творцом звукофера, которую человек с некоторых пор преобразовал в шумосферу, хаос. Звук целителен для всякой живой клетки, а шум ее разрушает, поэтому в шумосфере человеку не выжить». Чем «созданное Творцом» пение павлина лучше рок-металла, мне понять не дано...

Вторым символом нашей нынешней предельно болезненной миссионерской беспомощности для меня стала ситуация, поведенная мне одним предпринимателем. К нему на работу устроился армейский друг, который за годы, прожитые ими порознь, стал сектантом. Православный начальник пошел за советом к своему духовнику, а тот посоветовал расстаться с бывшим другом... Наверно, конкретно в этой ситуации совет духовника был вполне верен. Зная миссионерскую немощь своего чада, он предложил ему не погружаться в глубины богословия... Но разве так повели бы себя в подобном случае те же баптисты? Они-то восприняли бы появление в их среде инаковерующего человека как миссионерский вызов, который Господь обращает к ним: «Вот перед вами религиозный человек; вас большинство; он зависим от вас. Неужели даже при таких начальных условиях вы не сможете обратить его в свою веру?».

В общем, сегодня большинство православных людей при встрече с «другим» следуют лишь трем моделям поведения: а) уйти самим, б) выгнать иноверца, г) сделать вид, что разногласия не важны, и вообще опустить религиозную тему в общении. На этом фоне нормально-миссионерская реакция выглядит как отклоняющееся («девиативное») поведение.

— **А какая реакция считается миссионерски «нормальной»?**

— Встретиться. Улыбнуться. Сесть рядом. Признать друг в друге людей. Заметить доброе, что есть в жизни и вере другого человека. Показать, что это доброе есть и в Церкви. Пояснить, что по крайней мере часть этого доброго — родом из Евангелия, а не из комсомола. Объяснить, что доброе, родившееся в лоне христианства, не покинуло его, но продолжало в нем развиваться. В общем, как говорил митрополит Антоний Сурожский, задача миссионера состоит не в том, чтобы аргументами загнать оппонента в угол и клещами доказательств вытащить из него согласие, а в том, чтобы разобрать слишком низкий потолок, который этот человек сам навесил над собой, и им заслонил от себя Небо. Надо так свидетельствовать о Православии, чтобы неверующий человек сказал бы: «Так оказывается, то, что было светом в моей жизни,— это отблеск того Света, которым живет Церковь...». Тупиковый, антимиссионерский путь — это путь огульного обличения и поставления себя в превознесенную учительно-брезгливую позицию.

— **Но Вы же именно так критикуете рериховцев!**

— Но я при этом обращаюсь не к самим рериховцам, а к тем людям, которые со стороны смотрят на нашу дискуссию. У них были открыточные, рекламно-поверхностные представления о Рерихах: «друзья Индии, певцы загадочной Шамбалы, зна-токи Востока». Эти люди не знают собственно «учения» Рерихов. Рерихи для них не «святыня», а «общее место», что-то из школьного набора. Поэтому тут уместны и сатира, и жесткие оценки (которые, конечно, должны быть аргументированны). С самими рериховцами и наедине я говорю в другой интонации.

— **Многие сегодня живут ощущением, что мир развращен донельзя, что вся молодежь только и делает, что курит, пьет пиво и употребляет наркотики...**

— Ну зачем же сразу — и обо всех? Кроме того, если у человека банка пива в руке, или сигарета в зубах, или диск с рок-музыкой в плэйере, — из этого еще не следует, что у него уже мертвая душа.

— **Какие Церковь может предложить методы противодействия наркомании?**

— Как-то я поехал с этим вопросом к одному замечательному священнику в Санкт-Петербург. Этот удивительный человек оставил приход, квартиру в Питере^{XXIV} и уехал в глухой лес, где создал общину наркоманов, следуя основному принципу лечения наркомании — изолировать их от привычной среды. Шаг очень серьезный, если учесть, что он семейный человек, не монах. Одно дело, когда ты только свою судьбу решаешь, и другое — когда семья. Так вот, я спросил у него:

— Какие у вас методы борьбы с наркоманией?

А он улыбнулся, развел руками и ответил:

— Ну какие методы... Любить их, молиться с ними, работать с ними, жить с ними. Вот и все.

Так что нет какой-то особой церковной технологии кодирования, промывки мозгов. Православная Церковь вообще боязливо относится к душе человека и не вторгается в нее со всякими гипнотическими методами.

Одно нужно: вера. Чтобы человек оторвался от наркотиков, ему нужна сверхмотивация. Именно поэтому светские методики реабилитации недостаточно эффективны. Мотивы, которые они предлагают, слишком слабы. Вылечиться — чтобы жить. А жить зачем и как? — Чтобы каждое утро на работу ездить, а по вечерам с семьей собачиться? Снова окунуться в мир «попсы»? Но это слишком недостаточный стимул, чтобы покинуть пределы той феерической матрицы, в которой живет наркоман.

У Церкви же есть свой мотив, который очень убедителен для многих людей. Оказывается, «напиться до чертиков» — это больше, чем идиома. Тысячи наркоманов напиваются и накалываются до «видиков», в которых все чаще начинают видеть чертиков. Я помню, музыкант Александр Барыкин мне рассказывал, что сам прошел через это: популярность, головокружение от успеха, наркотики, модная йога. А однажды просто понял, что нирвана — это реальность, черное небытие. И бросился к Православию в поисках защиты.

А однажды в Подмоскowie подошел ко мне мальчишка лет пятнадцати и поразил меня своим вопросом: «Скажите, отец Андрей, Господь сможет меня спасти, если я умру как самоубийца? Нет, я не буду себя как-то специально убивать, я ведь себя уже убил наркотиками. Мне недолго осталось. И я каюсь. Может ли Господь меня помиловать?»

Многие люди сначала видят черную подоснову духовного мира — то, с чем боролся Христос. И после этого понимают: дурь надо победить не для того, чтобы затем «добиться успехов в труде и личной жизни». А потому, что смерть под дурью — это путь к такому ужасу, о котором ничего не знают люди неверующие и трезвые. В пятом томе «Гарри Поттера» Дамблдор говорит, что худшее из всех заблуждений Темного Лорда — это мнение, будто нет ничего хуже смерти. И именно это неверие Дамблдор считает самым слабым местом своего врага...

Если же человек понимает, что навсегда разрушить тело можно, а душу — нельзя, что в полуразрушенном состоянии душа будет влачиться из вечности в вечность,— вот тогда у него и возникает та самая сверхмотивация в борьбе за душу.

— **Так что, выход все-таки возможен?**

— Выход возможен. Но я очень боюсь выступать в качестве рекламного агента и говорить: «Приходите к нам, фирма гарантирует излечение». Какие могут быть гарантии, когда речь идет о человеке, в которого уже вцепились бесы? Кстати, тот же питерский священник мне сказал: «Обычно человек несколько месяцев живет в общине. Потом уходит в мир. Я предупреждаю, что этого мало, что можно сорваться. Так и происходит. Но я этому радуюсь — потому, что когда он опять к нам вернется, у него уже не будет излишней самоуверенности. В нем появится нормальное чувство христианского смирения, а значит, он будет ждать и звать Божию помощь. И тогда лечение продолжится».

— **А как бы Вы поступили, если бы узнали, что в одной из школ пошла волна самоубийств?**

— Я бы ответил, что надо внимательно разобраться с мировоззрением учителей, проанализировать, не притаились ли там оккультные и сатанинские секты. Я бы посоветовал поскорее ввести в этой школе «Основы православной культуры», причем не формально, а так, чтобы предмет вел грамотный, воцерковленный человек. И шепотом добавил бы, что надо бы освятить школу.

— **На какие группы Вы условно делите молодых?**

— Ни на какие. Свое общество я молодежи не навязываю. Они сами ко мне приходят. И та молодежь, с которой я общаюсь, довольно своеобразна. Я думаю, что это лучшие люди. У тех, кого я вижу, добрые лица. Мы живем в парадоксальной стране, где старики — безбожники, а молодежь — религиозна. Я всюду хожу в облачении священнослужителя, и не было случая, чтобы даже спяну какой-то подросток или юноша меня бы обругал. А вот старики, ветераны КПСС,— бывает, и с палками набрасываются.

— **Почему Вы работаете в основном с подростками?**

— Ну, не с подростками, а со студентами. Просто потому, что это моя профессия: я университетский преподаватель.

И еще потому, что у них еще есть радость от встречи с новым. Когда на твоих глазах разбиваются твои былые стереотипы — можно реагировать по-разному. Раздраженно-озабоченно (это «взрослая» реакция). А можно — радостно: «Потолок-то, оказывается, был фальшивый, навесной. А там, выше — не чердак, а купол!». Студенты (не все, но всё же многие, и именно студенты настоящих университетов, а не тех ПТУ, которые сами себя возвели в ранг университета) еще способны испытывать радость открытия.

— **В чем смысл миссионерства вообще и Вашего в частности?**

— Высшая задача миссионера общеизвестна: обратить людей в Православие. Но высшее не означает единственное. Бывают тактические победы и небольшие радости. Например, если у твоего собеседника просто ожили глаза. Если он перестал бояться Православия. Если он сократил число своих антицерковных предрассудков.

Так что задача миссионера может быть сформулирована более конкретно и достижимо, нежели «спасти заблудшую душу».

Первый смысл миссионерства — это нарушить покой человека. Бросить камень в трясину, чтобы ряска хоть чуть-чуть разошлась. Обеспокоить, чтобы душа зашевелилась. Чтобы хотя бы знак вопроса нарисовался.

Вторая задача — разрушить карикатурные представления о Православии.

Почему, например, моден сатанизм у молодежи? Рок-музыка виновата? — Нет. Просто если не проповедуются Евангелие, то постепенно весть о Боге, Который есть Любовь, вытесняется ветхозаветным образом карающего Бога, а то и чисто языческим «кармизмом». У сатанистов есть свое представление о Боге христиан. И православные мало что делают для того, чтобы этот образ заменить евангельским. И вот один парень говорит другому: «Слушай, ты знаешь, что Бог есть? А ты знаешь, что Он будет судить

нас после смерти? А ты знаешь, что Он будет судить по Своим заповедям? А ты уверен, что сможешь прожить жизнь, не нарушив ни одной из них? А ты понимаешь, что нарушитель будет осужден? А ты понимаешь, что если ты будешь осужден, то отправишься к сатане в ад? Так если мы по христианскому закону все равно окажемся в аду, то давай хоть заранее найдем там себе покровителя. И здесь проживем в свое удовольствие, и там, глядишь, сатана нас на теплое (точнее, прохладное) местечко устроит».

Известно, что сатана до греха рисует Бога милосердным («ну, разок-то можно, Он простит»), а после греха — справедливо-неумолимо-воздающим («ну все, парень, тебе теперь ничего не поможет, твой грех сам знаешь как будет наказан, так что брось ты свои потуги христианской жизни»). И вот человек, наслушавшись такого шепотка, возьмет в руки книжицу, в которой православный святой обещает уморить голодом миллионный город лишь за то, что его могилу потревожили, и скажет: «Да, тут и в самом деле мне с моими грешками надеяться не на что». И молодой человек уходит в сатанизм, а люди постарше — в оккультизм.

И так во множестве других случаев: если Церковь не разъясняет людям свое богословие, то есть свой опыт богообщения, то в обществе распространяются иные, ложные образы христианства.

Эти мифы о Православии могут быть светского, сектантского и даже церковного происхождения... Пару лет назад архиепископ Херсонский Ионафан рассказывал мне одну историю. Сидим мы вечером, беседуем, чай пьем, и он говорит: «Я знаю, что молодые монахи порой мечтают о епископстве... Но если бы они знали, чем только ни приходится заниматься епископу!». Достает папочку: «Смотри. На днях получил донос: прихожане жалуются на своего настоятеля, обвиняют батюшку в самом жутком грехе, какой только может быть... Пишут, что их батюшка душу в рай не пустил. Создали комиссию, послали разбираться. Выяснилось, что на этом приходе до той поры служил священник с Западной Украины, довольно ремесленно относившийся к своему делу. При нем там сформировалась такая традиция: после отпевания покойника выносят из храма, ставят в церковном дворе, запирают ворота, ведущие с территории храма на улицу, выносят стакан с водкой, и батюшка должен эту водку выпить, а затем бросить стакан в железные ворота со словами: “Эх, понеслась душа в рай!”. После этого ворота распахиваются и гроб уносят на кладбище. А новый батюшка, молодой, после семинарии, шибко грамотный оказался — и не стал это делать. Прихожане обиделись и написали донос...».

В этих условиях мне приходится работать демифологизатором. Существует Православие, а есть мифы о нем, созданные атеистической пропагандой, сектами, а зачастую имеющие даже церковное происхождение. И с этими мифами приходится бороться.

Я прекрасно понимаю, что за те два-три часа, что я проведу в каждой из аудиторий, я не смогу что-то построить. У Православия нет технологий перекройки душ людей. И поэтому за эти три дня не столько можно что-то построить, сколько разрушить. Разрушить суеверия, стереотипы, шаблоны, которые занимают сознание людей.

Моя цель — разрушение тех карикатурных представлений о Православии, которые люди вобрали в свои души и с которыми им очень удобно жить.

Но, объясняя людям, что всё на самом деле не так, как им казалось, ты порой создаешь дискомфорт в их жизни. Реакция, конечно, бывает разная. И все же, несмотря на то что моя работа носит разрушительный характер, я полагаю, что она способна принести людям радость. Бывает, нужно снимать навесные потолки, которыми люди загородили от себя высоту, полагая, что выше уже ничего нет. Работа вроде бы разрушительная, а на самом деле расширяющая мир человека.

Нормальному человеку приятно узнать, что реальность лучше, чем про нее думали. Ведь это должно быть радостно — узнавать, что Православие не похоже на ту карикатуру, с которой ты раньше его отождествлял.

Третья тактическая задача миссии — разъяснить людям логику православной позиции по тем или иным вопросам, чтобы они поняли, что наша вера не есть нагромождение каких-то абсурдов. Пусть человек с вами пока не согласен, но он уже понимает: «В этом что-то есть. Вашу позицию я не принимаю, но вашу логику я понял; я понял, как и почему из вот этого для вас следует то-то и то-то».

Четвертая задача — подвести собеседника к тому, чтобы он себя, свои проблемы, боли, тревоги и радости узнал в Православии. Пусть он воспримет мир Церкви хотя бы как один из возможных для себя миров.

Миссионер должен уметь ориентировать себя на такие частные, маленькие успехи, а не на блицкриг.

Ведь когда батюшка строит храм, он же не ставит перед собой такой задачи, чтобы уже через неделю на месте пустыря стоял собор с позолоченным иконостасом. Батюшка каждый месяц решает локальные задачи, каждый день он на стройплощадке следит за тем, чтобы цементик здесь вот залили... Чтобы рабочие не запили... Чтобы кирпичная кладочка тут вот ровно шла...

И отец ежедневно занимается не «воспитанием будущего поколения», а решением сиюминутных задач: сопли вытереть, подзатыльник дать, велосипед поддержать, в зоопарк сходить, дурных приятелей от дома отвадить... А через двадцать лет сквозь все эти частности отец сможет сказать: «А ведь хорошего мужика я воспитал!».

Так же и в работе миссионера.

Еще работу миссионера я бы вот с чем сравнил.

Стоит человек на дорожке, в конце которой виднеется храм. Стоит. Видит. Но не идет. Вот тут я и спрашиваю его:

— Слушай, а почему ты не идешь?

Он говорит:

— Да как я пойду? Два-три шага сделать можно, а дальше, я слышал, дороги уже давно нет. Здесь, говорят, сильная буря пронеслась, дорогу где-то размыло, где-то завалило... Там, за поворотом, говорят, такие огромные бревна поперек лежат — не перелезешь!

Я заверяю его, что еще сегодня утром прошел по всему пути и никаких непреодолимых завалов не встретил. Он настаивает:

— Да нет же, вот смотри, видишь — бревно лежит, огромное — не переступишь. Я даже вижу, что на нем написано: «Дарвинизм». Дарвин доказал, что мы от обезьяны произошли... А в церковь обезьянам нельзя!

Я в ответ:

— Пойдем, милый мой, что ты испугался? Подойдем к этому бревну поближе.

Подходим. Я его только коснулся — бревно развалилось.

— Идем дальше?

— Нет, не пойду.

— Почему не пойдешь?

— А вот там еще бревно... На нем Глеб Якунин написал, что вы все гэбисты.

— Что ж, давай и к этому бревну подойдем ближе, посмотрим... Видишь, бревнышко стало короче.

Спокойно обошли его, пошли дальше. Через пару шагов опять «тпру!»:

— Нет, не пойду дальше!

— Почему?

— А вот «Московский комсомолец» пишет, что вы все гомосексуалисты.

— Слушай, ну что про всех говорить? У нас, между прочим, 90 процентов духовенства — семейные, женатые люди. Да и монахов не стоит всех одним дерьмом мазать...

Вот так, бревнышко за бревнышком, разбирать и идти вперед — в этом задача миссионера. На этом пути миссионер должен помочь человеку остаться один на один с его

собственной совестью. Пояснить: «Пойми: не твой разум, не твои дипломы мешают тебе пойти в Церковь, а что-то совсем другое. Подумай сам: может быть, ты в Церковь не идешь просто потому, что боишься жить по совести? Может быть, ты не хочешь жить в чистоте? Может быть, ты заповедей наших боишься? Не догм — а заповедей?..».

Помочь человеку познать правду о себе — тоже задача миссионера.

А вот дальше — я уже бессилён. Дальше — это уже тайна совести человека и тайна Божиего Промысла. Мое дело — дать человеку некоторое представление о Православии. А уж когда его душа откликнется — не в моей власти эти времена и сроки. Может, не сейчас, может, через двадцать лет. А может, лишь когда он полезет в петлю, то лишь тогда вспомнит: «Подожди, ведь была же возможность жить иначе, открывалась дверка, туда, в мир Церкви, а я не вошел. А может быть, все-таки попробовать? Отложить эту петлю до завтра, а сейчас — в храм идти?».

Дело миссионера — бросить семя. А когда оно взойдет — дело Господина жатвы.

— **Как Вы думаете, почему миссионеру иногда не удается достучаться до сердец? Есть ли, вообще, некая «техника миссионерской безопасности»?**

— Давайте обойдемся без техники. У нас нет технологии обращения. Человек приходит сам. Он — прихожанин, а не привожанин (как в секте).

Мы можем о чем-то говорить человеку, что-то пояснять, но где именно и когда в нем произойдет смысловое замыкание, я не знаю. Приведу два примера.

Как-то в городе Ноябрьске (это в Ямало-Ненецком округе) после лекции подходит ко мне юноша и задает вопрос:

— Скажите, а как мне стать православным?

Я растерялся. Если бы он меня спросил, скажем, как нужно относиться к творчеству Даниила Андреева, я бы ответил. Если бы он меня спросил — что почитать, я бы посоветовал... Но он, как евангельский юноша у Христа, спросил: *Что мне делать, чтоб наследовать жизнь вечную?* Это Христос мог сказать: *Иди за Мной*¹⁴⁷. А мне что сказать? Да и времени, чтобы поговорить с ним по душам, не было. Я спросил, сможет ли он прийти на другие лекции. Он сказал, что у него есть время — он только что закончил университет и приехал искать работу.

— Цепляйся за мою рясу,— говорю ему,— и ходи за мной на все лекции, которые будут в ближайшее время, потому что за все эти дни у нас не будет даже и получаса, чтобы поговорить. Ты просто ходи за мной, может, что-то и услышишь.

И вот он ходил за мной на все лекции в течение трех дней, но даже по дороге у меня не было возможности поговорить с ним лично. А затем, когда я уже уезжаю, машина уже у ворот стоит, он подходит ко мне прощаться и... плачет. Представляете: стоит такая здоровенная детина и плачет. Что-то, значит, сдвинулось в его душе, что-то свое он расслышал. А что — я и до сих пор не знаю.

Или другой пример. В годы учебы в семинарии я познакомился с юношей, который собирался поступать в католическую семинарию и даже документы уже в нее подал. Мы полгода с ним общались, в итоге он из католической семинарии документы забрал, перешел в Православие. Где-то через год после того, как он в Православии утвердился, я его спросил:

— Слушай, а теперь-то ты можешь сказать, в какой именно момент ты понял, что истина — в Православии?

Задаю ему этот вопрос, а про себя тщеславно думаю, что он мне сейчас скажет: «А помнишь, ты мне такой аргумент привел» или: «такую-то книжку дал мне почитать»... Ничего подобного:

— Я как-то приехал к тебе в гости в семинарию,— говорит он мне,— мы гуляли по семинарскому садику, и навстречу нам идут твои однокурсники. В тот день выпал свежий снег, и ты вдруг наклоняешься, лепишь снежок и запуляешь его в лицо своему

¹⁴⁷ Ср.: Мк. 10, 17, 21; Лк. 10, 25.— *Ред.*

однокурснику. Он отвечает тебе тем же самым. В этот момент все во мне перевернулось, и я подумал: «Вот она, настоящая свобода! Вот она, настоящая любовь!».

— **Но без массовых методик и технологий до всех вы, пожалуй, никогда и не достигнете!**

— А достигаться до всех сердец не удастся, я думаю, никогда. Вспомним, что Самый Лучший Миссионер на нашей планете, Иисус из Галилеи, смог в миллионной Палестине найти всего семьдесят благодарных слушателей. Это результат, который, прямо скажем, разочаровал бы любого современного пиарщика.

Неудачей окончилась миссия равноапостольных Кирилла и Мефодия у хазар: вскоре после их поездки туда Хазария приняла иудаизм в качестве государственной религии.

Так что за количеством гнаться не стоит, надо честно признать, что у Господа есть Свой Промысл о каждом человеке, и надо уметь терпеть свои миссионерские неудачи. Надо уметь радоваться небольшим частным победам. Если ты пришел в класс, и двое ребятшек тебя послушали — это уже здорово.

Слышит меньшинство, но зато — лучшее. Даже в самой сложной и шумной аудитории можно и нужно заметить десяток хороших глаз. И работать ради них. В этом мое отличие от школьного преподавателя. Я помню разговор с одной школьной учительницей. Год я работал в ее школе (то есть — заходил иногда почитать лекции). Четверо ребят из того моего класса сейчас уже священники... И вот я спросил ту учительницу: «Знаете, в чем различие между мною и Вами? Если после того, как Вы год поработали в одном классе и у Вас на второй год остался хоть один ученик — это провал. А если у меня после лекции хотя бы один человек пошел и покрестился, то я буду счастливым».

Очень важно научиться радоваться малым победам, потому что немало молодых миссионеров ломаются именно на этом: начинают свою работу, потом следует какой-то облом, неудача, после которой они говорят так: «Ах, последние времена настали; молодежь слушать ничего не хочет, поэтому надо от них уходить, сидеть у себя в храме; кого надо — Господь Сам приведет»... Или же в более мягком варианте: «Да, увы... Я старался, но у меня ничего не получается, это не мое дело, я ошибся в своих возможностях, миссионерство — не мое призвание, и мне надо искать для себя другую колею в церковной жизни».

Так вот, надо уметь терпеть неудачи. Надо уметь поставить перед собой вопрос: «Подожди, а ты уверен, что этому человеку необходимо именно через тебя прийти в храм? Может быть, он вообще не сейчас должен туда прийти». То есть надо уметь терпеть свободу Бога, разрешить Ему Самому определять судьбы других людей независимо от моих миссионерских капризов и планов.

Иначе в своей необходимой активности легко забыть о Том, ради Кого ты активничаешь.

После своих первых, семинарских, дискуссионных опытов я заметил, что во мне остается какой-то неприятный осадок. Осадком этим было полусознательное раздражение по поводу человека, с которым и ради которого я и вел минувший диспут: «Как же он посмел со мною не согласиться!». Мне тогда казалось, что моих знаний более чем достаточно, а мои аргументы более чем убедительны. Мне казалось, что стоит со мною на сутки запереть какого-нибудь атеиста — и он от меня прямо «во объятия Отча» поползет, схимником станет... Ну, а раз он все же не согласился, не «перековался», то это уж точно не моя вина, а признак его бессмысленного упрямства... И растет разочарование в людях, легко переходящее в презрение к ним и в отказ от миссионерской работы — не стоит, дескать, «метать бисер перед свиньями»...

Об этом искушении еще в седьмом веке предупреждал преподобный Исаак Сириянин. По его формуле, знание рождает ненависть. Вот человек что-то делает, надеясь только на свое знание предмета и на свои силы. Но его замечательно продуманный бизнес-план рухнул. Человек начинает искать причины неудачи. Промысл Божий такой «сциентист»

отвергает. В свою собственную непогрешимость он верует вполне фанатично. Дьявола считает средневековой фантазией. Где же искать ему причину своей неудачи? Только в других людях, в их злокозненности: «Враги виноваты!». И когда он «не усматривает таинственного Промысла, тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся этому»¹⁴⁸.

Чтобы избежать такого искушения, миссионер прежде всего должен знать, что постоянного и стопроцентного успеха ему никто не гарантирует. Напротив, Истинный Евангелист предупреждает Своих учеников о неизбежности миссионерских неудач: *входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших... Когда же будут знать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 12–14, 23).

Частные и первые неудачи не должны истолковываться как признак того, что проповедовать больше невозможно или не должно. Частные и первые неудачи еще не есть ни доказательство личной несостоятельности миссионера, ни свидетельство наступления апокалиптических времен, закрытых для евангельской проповеди... Вспомним относительно недавний опыт великого русского миссионера: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии, она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится! Приехал, смотрю — а моя невеста спит себе самым прозаическим образом и даже не думает обо мне» (святитель Николай Японский)¹⁴⁹. Так что отсутствие бурных аплодисментов при начале встречи и даже при ее завершении не всегда является признаком неудачи.

Следует также миссионеру избегать излишней настойчивости в своей проповеди. Ведь если человек меня не слушает — это может означать просто то, что Промысл Божий об этом человеке иной, чем мои миссионерские планы. Может быть, не сейчас этот человек должен войти в Церковь. Или не через меня.

Если в миссионере не будет этой терпеливой уступчивости перед неисповедимыми путями Божия Промысла, если в миссионере не будет терпения по отношению к человеческой инаковости, неподатливости и даже по отношению к своим собственным частным неудачам — такой миссионер впадет в горделивое разочарование.

Надо уметь терпеть не только неудачи — надо просто уметь терпеть. Не всякая проповедь приносит свой плод сразу и очевидно. Бог может действовать через нас даже скрыто от нас самих. Евангельские притчи уподобляют Царство Божие семечку и закваске¹⁵⁰. Семя не сразу приносит плод; тесто, в которое брошены дрожжи, не сразу взлетает к потолку. Бог Библии, то есть Тот Бог, Которого и от имени Которого мы проповедуем, — это Бог терпения. Святитель Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Бог, столь скорый в созидании, создавший мир в шесть дней, говорит воинам Израиля: «Семь дней обходите Иерихон»¹⁵¹. Как, восклицает Златоуст, «Ты созидашь мир в шесть дней, и один город разрушаешь в семь дней?»¹⁵².

Еще у Златоуста есть сравнение Бога с земледельцем. «Что скажет незнающий человек, увидев земледельца, бросающего зерна на землю? Он бросает готовые вещи, с таким трудом собранные, да еще и молится, чтобы пошел дождь и все это быстрее

¹⁴⁸ Прп. Исаак Сирий. Творения. Сергиев Посад, 1911. С. 184.

¹⁴⁹ Цит. по: Прот. Иоанн Восторгов. Православие в Японии. Чтение, предложенное в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III 26 февраля 1904 года // Правда веры и жизни. Житие и труды священномученика протоиерея Иоанна Восторгова. М., 2004. С. 210.

¹⁵⁰ См.: Мф. 13, 3–8, 33.— Ред.

¹⁵¹ См.: Нав. 6, 2–3.— Ред.

¹⁵² Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии, 7 // Творения: Т. 2. Кн. 1. С. 365.

сгнило!»¹⁵³. Когда сеятель раздаст зерна, он может лишь терпеливо ждать урожая. Христос запрещает апостолам прежде времени производить жатву¹⁵⁴. Даже ереси нельзя вырезать серпом.

Труд земледельца учит терпению. «Не получали ли мы иногда детьми семян, чтобы их посеять? Не бегали ли мы потом через каждый час посмотреть, не показались ли из земли ростки? В конце концов мы часто раскапывали землю, чтобы убедиться в том, что семена прорастают, и добивались того, что семена не всходили. Не случилось ли нам жать или даже раскрывать руками бутон, чтобы он скорее расцвел, и не бывали ли мы очень огорчены, когда он потом увядал, испорченный нами? Мы не знали, как нужно обходиться с живым. У нас не было терпения. То, что Бог хотел создать жизнь на земле,— это откровение Его терпения»¹⁵⁵.

Вот подходит ко мне женщина и говорит вдруг:

— А знаете, отец Андрей, мы с дочкой неделю назад крестились.

Я говорю:

— Прекрасно, но я-то тут при чем?

— Да Вы, наверное, забыли, Вы десять лет назад водили нас на экскурсию по Лавре. Я еще с Вами так горячо спорила! Вот с тех пор я начала искать веру.

Память о том, что не миссионер приводит к вере, а Господь, очень важна для самого миссионера — ибо она избавляет его от азарта идеолога. И еще это важно для того, чтобы научиться не ненавидеть тех людей, которые не послушались тебя. Вера в Промысл Божий нужна миссионеру для того, чтобы научиться спокойно воспринимать то, что кажется сегодняшним поражением, не злиться, не раздражаться.

Надо пройти мимо двух крайностей. Первая из них — утопический энтузиазм: «Я, наконец, познал истину и сейчас всех вас припру аргументами к стенке, и вы все как миленькие строим в мой храм пойдете!». Вторая — псевдоблагочестивое оправдывание своей лености и бесталанности тем, что, кого надо, Господь, мол, Сам приведет в храм.

— Так все же — работать надо, проявлять свою активность или молиться, чтобы Господь привел людей к вере?

— Есть евангельский эпизод, очень многое говорящий о соотношении действия Божия и усилий человеческих. Это концовка Евангелия от Иоанна¹⁵⁶. Апостолы безуспешно ловят рыбу на Тивериадском море, а воскресший Иисус является им и спрашивает: *есть ли у вас что съедное?* Апостолы признаются в неудаче: *нет*. И тогда с берега Христос говорит апостолам, которые были метрах в шестидесяти от берега: *закиньте сеть*. Они бросают и вытаскивают полные сети. И вот лодка, перегруженная этими рыбами, плывет к берегу... И что же — достигнув берега, они начинают чистить рыбу и жарить ее? Нет — оказывается, ужин уже готов. Вот что удивительно в этом евангельском рассказе. С одной стороны, Господь сотворил чудо. Он Сам дал апостолам рыбу, как некогда Он Сам умножал хлеба. Но Он не просто накормил апостолов без их труда. Он сказал: «Вы сначала пойдите и потрудитесь»...

Итак, человеческое усилие, стремящееся добиться понимания, должно быть у миссионеров (хотя на него и не стоит чрезмерно полагаться).

Есть такая странная вещь — конфессиональная слепота. У каждой конфессии есть свои бельма на глазах — места в Библии, которые эта конфессия не замечает и не вдохновляется ими.

Протестанты, например, полагают, что достаточно Библии, а церковные традиции излишни. И потому оказываются слепы к словам апостола Павла о преданиях, которым мы научены (см.: 2 Фес. 2, 15). Протестанты отрицают иконы, а потому не замечают в

¹⁵³ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях, 4 // Там же. С. 58.

¹⁵⁴ См.: Мф. 13, 24–30.— Ред.

¹⁵⁵ Гвардини Р. Познание веры. Брюссель, 1955. С. 16.

¹⁵⁶ См.: Ин. 21, 3–9.— Ред.

Библии же рассказ о том, что Господь повелел Моисею сделать из золота двух херувимов (см.: Исх. 25, 18).

Католики не замечают, что слова апостола о том, что на нем лежит забота о всех Церквах (см.: 2 Кор. 11, 28), сказаны Павлом, а не Петром, и потому глобалистские претензии «Петровой», Римской, Церкви не обоснованы¹⁵⁷.

А православные не помнят слов Христа: *убеди прийти* (Лк. 14, 23)^{XXV}. Это в притче о званых на царский пир¹⁵⁸ господин говорит слуге: «Вот собери бомжей с улиц и понуди их внити сюда».

Ну как это совместить с модной ныне церковной присказкой: «Кого надо — Господь Сам приведет»?^{XXVI}

Выходит, Господь Сам должен пойти на улицу. Мы же подождем во дворце, когда Царь подведет к нам тех, кого Он найдет снаружи. И в самом деле — не пачкать же нам свои рясы уличной грязью, а наши благоуветливые уста уличным языком!

И вот такого сорта апология собственной бездарности и лени считается благочестивым рассуждением. Как хорошо, что апостолы не были похожи на нынешних отцов благочинных! Если бы апостолы жили по этому благочинному принципу («Кого надо — Господь Сам приведет»), то они ограничили бы свою проповедь узким кружком спонсоров, наладили бы добрые кумовские отношения с местной администрацией, построили бы два десятка храмов с золотыми куполами. И сидели бы, ждали, когда придет кто-нибудь, желающий совершить требу.

На этом история христианства и кончилась бы. Ибо христианство несовместимо с язычеством не на уровне треб, а на уровне проповеди, философии. Наши требы нравятся всем. Все колдуньи приходят за крещенской водичкой. Даже атеисты приходят венчаться. Язычникам не нравится наша философия. Язычников царапала апостольская проповедь. А если бы проповеди не было — не было бы и конфликта Церкви и империи. И всё вместе мирно стухло бы в общеязыческом болоте.

Христос завершает Свою земную проповедь призывом: *идите и учите все народы*¹⁵⁹. Он не сказал: «Сидите на приходе в ожидании дохода!».

В праве есть упоминание о таком деянии, как «оставление в опасности». Законодательство это деяние квалифицирует как преступное. Могут ли те люди, которые замораживают миссионерские инициативы по принципу: «Кого надо — Господь Сам к вере приведет», быть уверены, что на Божием Суде они не услышат об этом своем «благочестии» осуждающий приговор?

Ну как можно сложить с себя миссионерскую заботу? Святитель Иоанн Златоуст, рассуждая о православных и сектантах, говорил: «И не говори мне таких бессердечных слов: “Что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего”. У нас нет ничего общего только с диаволом, со всеми людьми мы имеем очень много общего. Они имеют одну с нами природу, населяют одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имеют Одного и Того же Владыку, получили одни и те же законы, призываются к тому же самому добру, как и мы. Не будем поэтому говорить, что у нас нет с ними ничего общего, потому что это голос сатанинский, дьявольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого и покажем подобающую братьям заботливость. А я обещаю со всей уверенностью и ручаюсь всем вам, что если все вы захотите разделить между собою заботу о спасении обитающих в городе, то последний скоро исправится весь... Разделим между собою заботу о спасении наших братьев. Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. И когда на лицо не один, не два и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по

¹⁵⁷ Уже папа Иннокентий I (401–417) воспользовался для обоснования папского примата формулой «забота о всех Церквах» (Послание 30 [Epistola XXX. Innocentii papae ad concilium milevitanum // PL XX, 590a]).

¹⁵⁸ См.: Мф. 22, 9; Лк. 14, 21.— *Ред.*

¹⁵⁹ Ср.: Мф. 28, 19.— *Ред.*

нашей лишь беспечности, а отнюдь не по слабости, многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, на самом деле, что если мы увидим драку на площади, то бежим и мирим дерущихся,— да что я говорю — драку? Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку, чтобы поднять его на ноги; а о гибнущих братьях не заботимся? Хулящий святую веру — тот же упавший осел; подойди же, подними его и словом, и делом, и кротостью, и силою; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы устроим так свои дела, будем искать спасения и ближним, то вскоре станем желанными и любимыми и для самих тех, кто получает исправление»¹⁶⁰.

Или: «Если двенадцать человек “заквасили” всю вселенную, подумай, сколь велика наша никчемность, если мы, пребывая в таком количестве, не в состоянии исправить оставшихся — а ведь в нас должно было хватить закваски на тысячи миров... Но то, скажешь, были апостолы. Что же из этого? Разве они Ангелы были? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения?..» (*Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. 46, 2–3*).

А великий средневековый книжник Алкуин, живший в VIII веке, говорил, что «труды священников, занимающихся евангельским благовестием, должны оцениваться выше, чем любые чудеса»¹⁶¹.

К сожалению, в Византии чудеса апостолов переживались как нечто более важное, чем их проповеднический труд. Считалось, что подражать апостолам нельзя: ведь это Господь их вел, Господь обращал сердца язычников. Человеческое усилие по достижению понимания на столь Божественном фоне меркло, становилось чем-то неважным и неинтересным. Миссия считалась делом прежде всего чудесным. А чудотворению научиться нельзя... Так что создание в современном Тихоновском богословском институте миссионерского факультета, а в Белгороде — миссионеркой семинарии, согласитесь, надо признать шагами столь же необходимыми, сколь и модернистскими.

Надо честно заметить зазор между нуждами современного миссионерства и тем образом апостольства, который был в византийской церковной памяти. В тысячестраничном дневнике равноапостольного (!) святителя Николая Японского постоянно говорится о проповедях и беседах, проводимых им. Но нет рассказа о чудесах, которые он творил для уверения японцев в истине Православия. Значит, Господь может помогать апостолу не через внешние чудеса, а через помощь в его речи. Чудо будет в подборе слов и аргументов, в выборе верной интонации, в достижении понимания.

Миссионерство не есть нечто второстепенное в жизни Церкви. Миссионерство есть образ существования Церкви как таковой.

Христианство — религия социальная. Оно не просто провозглашает целью восхождение человека на Небо. Оно говорит, что у человека еще есть определенные обязанности и дела на земле. Не одна заповедь дается людям, а две. Любовь к Богу и любовь к человеку¹⁶². *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Бог, Который Сам есть Троица, дарует Свою любовь не одинокому беглецу, вдали от людей совершающему свою мистическую авантюру, а собранию, сообществу, людям. Подобное познается подобным. Бог есть любовь¹⁶³. И то, что Он есть любовь, может быть познано только тем, у кого уже есть опыт любви. *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4, 20).

Важнейшее же пожелание любви — пожелание вечного события, вечного нерасставания, то есть пожелание спасения. Христианство — миссионерская религия. Ни один христианин не имеет права считать себя последним христианином на земле. Никто

¹⁶⁰ *Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях, 1 // Творения. Т. 2. Кн. 1. С. 25–26.*

¹⁶¹ Vita Willibrordi, Merov, 7. Цит. по: *Прот. Александр Шабанов. «Голубь Церкви». Святой Коламба Айонский, просветитель Шотландии. Тверь, 2004. С. 191.*

¹⁶² См.: Мф. 22, 36–40.— *Ред.*

¹⁶³ См.: 1 Ин. 4, 8, 16.— *Ред.*

не может полагать, что Евангелие прошло сквозь века и сотни поколений лишь для того, чтобы достигнуть его ушей — и на этом замереть. Не надо захлопывать дверь в Церковь за своей спиной. Истина, поведенная нам, обжигает руки и требует, чтобы ее передали дальше.

Не Ангелы разносят Евангелие по земле. В «Луге духовном» рассказывается о святом старце, который совершал литургию с употреблением еретического Символа веры, но в сослужении Ангелов. Встретив возражение со стороны православного, старец спросил Ангелов — почему они сами не предупредили его об опасности. «Бог так устроил, чтобы люди были исправляемы людьми же», — был ему ответ¹⁶⁴. И поистине — *как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего?* (Рим. 10, 14).

Проповедовать же надо словами и аргументами. А для этого и то и другое необходимо носить с собою. Причем и слова, и аргументы должны быть понятны не только однокурсникам по Духовной Академии, но и тем еще внецерковным людям, ради которых и ведется христианская проповедь.

— **А не опасно ли делать христианство понятным? Разве оно может быть понятным, ведь оно несет тайну Божия спасения...**

— Да, христианство в глубине своей непостижимо. Да, христианство по сути своей таково, что оно не может стать религией, приятной во всех отношениях. *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк. 6, 26).

Но как бы не спутать здесь: где есть нечто, непостижимое само по себе, а где есть нечто, просто непонятное мне самому. Некоторая грань церковной жизни и веры сама по себе вполне может быть обоснована и объяснена, и эти ее изъяснения есть в традиции церковной мысли. Но просто я поленился найти нужные книги — и потому из своего собственного невежества сделал «апофатическую тайну».

И еще очень легко спутать: где моя собственная несимпатичность, а где «скандальность» самого христианства. На кого испытывает аллергию мой собеседник: на меня, на стиль моей речи и моего обращения с ним или на то Евангелие, которое я ему возвещаю? Вот вопрос, который должен быть перед глазами миссионера. В христианстве есть много такого, что не совместимо с модами века сего. Но было бы легкомысленным сделать отсюда вывод, что звание христианина дает человеку повод просто так, ради «ортодоксального» имиджа выступать против всего того, чем живет светская культура. Сегодня немало встречается неопитов ортодоксии, которые горделиво шокируют людей радикализмом своей «веры». Что мне, мол, за дело до науки, если я твердо верю, что мир создан за шесть суток по 24 часа?! И я настолько консервативен, что Солнце считаю спутником Земли. И ношу сапоги с поддевкой. И в парикмахерскую не хожу.

Но человек, говорящий другим о Православии, должен устранять недоумения, а не порождать их. В одном сибирском городке мне как-то пожаловалась православная прихожанка, торгующая иконками и книгами (по нынешним временам это — миссионерская должность: именно женщине у свечного ящика приходится больше отвечать на вопросы, чем священнику): «Ко мне часто подходят протестанты и начинают нападать на иконы. А я им говорю: “Ну как вы можете не признавать икон, если Спаситель Сам создал Нерукотворный образ, приложив к Своему лику плат и отослав его царю Авгарю?!”». Но они почему-то меня не понимают...». Конечно, не понимают, ибо рассказ об Авгаре — это внебиблейское предание (впервые фиксированное в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в начале IV столетия¹⁶⁵). И для протестантов, признающих авторитет только Библии, этот рассказ не более авторитетен, чем сон, увиденный на прошлой неделе Марьей Ивановой из пятого подъезда. Странно не то, что протестанты не принимают аргумента этой православной миссионерки. Странно, что она сама, неоднократно попадая в подобную ситуацию, так и не попробовала найти другие

¹⁶⁴ Блж. Иоанн Мосх. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 247.

¹⁶⁵ Подробнее см.: Мещерская Е. Н. Легенда об Авгаре. М., 1984.

аргументы. Смотрите: это ведь, несомненно, одна из самых сознательных и грамотных прихожанок — раз она приставлена к книжкам. Эти вопросы она слышит неоднократно. И она понимает, что от ее ответов зависят судьбы многих людей. И книжки-то нужные у нее под рукой. Но ей и в голову не пришло самой поискать нужную книгу, раскрыть ее и выучить оттуда несколько действительно библейских аргументов в защиту иконопочитания и Православия. Даже ради многих людей, которые к ней обращаются, она не соизволила потрудиться.

Вот эта наша лень-матушка, что прежде нас родилась, вот она-то нас и похоронит в конце концов.

— **А кто должен быть главным адресатом современной церковной миссии?**

— У Церкви сегодня немного сил. Поэтому прилагать усилия надо к точкам потенциального роста. Надо идти к людям, которые, во-первых, готовы нас слушать и понимать и, во-вторых, готовы обретенное ими самими понимание нести дальше. Значит, наше первое слово — к интеллигенции.

А на кого сегодня опираться священнику, если не на интеллигенцию? В сельском храме, допустим? Что, работяги к нему пойдут? Да нет — все начнется с учителя, с врача... и ими, может быть, ограничится...

На сегодняшний день социологи отмечают: в 90-х годах XX столетия впервые исчезла корреляция между уровнем образования человека и его отношением к религии. В течение двухсот лет была четкая тенденция: чем выше образование человека, тем более прохладно его отношение к религии. Сегодня этого нет, то есть подтвердилось то, что Бердяев еще в 30-х годах видел в среде русской эмиграции: тезис о Православии как религии неграмотных крестьян — это миф. Сегодня для того, чтобы быть православным, нужно знать больше, чем для того, чтобы быть атеистом^{xxvii}. Если в XIX веке Православие было религией христианской от слова «крестьянин», то сегодня оно становится городской религией, даже более того — религией мегаполисов.

Зайдите в любой храм в Москве, попробуйте найти там рабочих — и, к сожалению, вы их почти не увидите. Присмотритесь к лицам той молодежи или людей среднего возраста, которые там стоят (а их число уже сопоставимо с «бабушками»), — это преимущественно интеллигенция. В московских храмах либо люди с минимумом образования — традиционные бабушки, либо с максимумом — те, у кого есть вкус к высокой культуре, серьезной мысли, к сложности, а не примитиву, который предлагают всевозможные секты¹⁶⁶.

В России для нашей проповеди открыта разве что студенческая молодежь. Вообще Православие сегодня превращается в секту интеллигентов.

Эта картина до того привычна в крупных городах России, что в марте один священник из Западной Белоруссии потряс меня своим сообщением. Как-то, после тяжелого лекционного дня, когда мы всюду ездили вместе, он говорит мне:

— Ой, скорее бы Троица.

Я удивляюсь:

— Батюшка, а что так-то? Почему Вы Троицу ждете?

— Ну как, после Троицы начнутся полевые работы, люди в поля пойдут, и значит, в храме народу уже не будет. А это значит, что можно будет, с одной стороны, ремонтом храма заняться, а с другой — поехать самому отдохнуть.

Я слушаю его — и поражаюсь. Потому что вокруг Москвы, в Центральной России ситуация ровно обратная: сельские приходы оживают только после Троицы — дачники приехали. Вот несколько лет назад в поселке Нерль Тверской епархии собрали сход, на повестке дня — судьба местного недоразрушенного храма, в котором размещается Дом культуры. Голоса разделились пополам: половина — за храм, половина — за дискотеку. Но за храм были дачники, москвичи, а за дискотеку — аборигены: «А где мы танцевать

¹⁶⁶ Подробнее — в главе «Попытка быть оптимистом» в моей книге «О нашем поражении. Христианство на пределе истории» (М., 2003).

будем, где мы кино смотреть будем? Вы что?! Если надо кого покрестить или отпеть, то в соседнее село свозим, ладно. А в повседневной жизни нам киношка нужна!».

Сегодняшнее Православие — это урбанистическая религия. В деревнях — пустые храмы и спивающиеся крестьяне, которым совершенно наплевать, что в этом храме: клуб, танцплощадка или зернохранилище. Сто лет назад Православие было крестьянской религией, а города жили Вольтером, Марксом и Дарвином. Но сегодня все не так.

И вот пробую я представить себя на месте юного батюшки, который окончил семинарию, и его отправили на село служить, строить или восстанавливать храм. С чего начать? С кем наладить первые связи? По моему ощущению, единственная группа жителей сел или небольших городов, с которой у священника может наладиться контакт, это местная интеллигенция: учителя да врачи.

А значит, надо наложить запрет на воспроизведение церковно-публицистических штампов столетней давности. Один из таких штампов полагает, будто слова *положу вражду между семенем твоим и семенем жены* (ср.: Быт. 3, 15) относятся к взаимоотношениям Церкви и интеллигенции. Сто лет назад в некоторых изданиях через запятую писалось «жиды, студенты, интеллигенты»^{xxviii}. Но если мы будем воспроизводить это сегодня, мы обречем себя на очередные сто лет одиночества.

Как-то в Московской Духовной Академии проходил «круглый стол» на тему «Церковь и молодежь». Наиболее здравым там было выступление одного провинциального батюшки, протоиерея Бориса Нечипорова — выпускника психологического факультета МГУ, избравшего полем своего служения не Москву, а районный городок Конаково в тверской глубинке. И вот отец Борис говорит: «По тому, что я вижу в своем городе, есть только одна группа молодежи, в отношении которой у нас есть надежда, что мы сможем о чем-то говорить, понять друг друга. Это боевики: те, кто занимается в клубе боевых искусств. Все остальные — или “в бутылке”, или “на игле”. Беседовать о душе, вечности, смысле жизни, Боге можно только с трезвым человеком. Да, и пьяница с радостью “поболтает”, но ничего не поймет, не запомнит и выводов не сделает. Трезвыми же бывают только ребята, которые занимаются спортом; а спорт для них — это в основном боевые искусства. Конечно, у них там насаждается скорее оккультная философия. Тем не менее есть какое-то общее проблемное поле...»

А мое выступление было следующим, и я говорю: по моим наблюдениям и опыту — как столичного жителя — есть еще и другая группа. Кроме «боевиков», есть еще шанс найти общий язык с «карьеристами». По той же причине: они хотя бы трезвы. Это те ребята, которые хотят чего-то добиться в жизни, сделать самих себя, создать семью, построить дом, сделать карьеру. И ради этого они держат себя в форме, без водки и наркоты. Они поступают в престижные университеты, учатся думать. Круг их интересов не сводится к тому, как наиболее кайфово провести наступающий вечер. Их головы также относительно трезвы, а значит, с ними еще можно спорить, можно работать. Вот у кого мысль может перейти в веру.

Но чтобы мы смогли работать хотя бы с ними, в наших семинариях и приходских пересудах надо преодолеть дурацкий стереотип, что, дескать, у нас на приходах бабушки, а для бабушек «этой философии» не нужно. Отмазка ленивых семинаристов — «бабушкам это не нужно» — теперь уже не срабатывает. Соответственно, надо из нашего церковного обихода убрать стереотип, гласящий: «Интеллигент — значит, еретик». Все остальное — необразованное, кичащееся своей необразованной кондовостью и пролетарскостью, — еще опаснее¹⁶⁷.

Да, сто лет назад можно было сказать словами преподобного Амвросия Оптинского: «Где просто, там Ангелов со сто».

Вокруг был православный мир, православная школа, государство, семья. У каждого под рукой был добротный хлеб — жизнь своего прихода. Захотел большего — поезжай в

¹⁶⁷ Тут ситуация, в чем-то похожая на евангельскую притчу о мытаре и фарисее. Ныне появился новый тип: мытарь, гордый тем, что он не фарисей.

ближайший монастырь. А богословие было таким интеллектуальным пирожным, излишним и не связанным с реальной жизнью и ее проблемами.

Но сегодняшний мир ежедневно обращает к христианам тысячи вызовов. И человек, который не воспитан в традиции религиозной мысли, оказывается беззащитен. Он не сможет отличить подлинное от подделки и, даже имея подлинное, не сможет передать его своим детям. Так что сегодня где просто — там ересей со сто^{XXIX}. Так и в самой церковной среде, а уж тем более в светской.

Православие становится интересным, привлекательным для тех людей, у которых есть вкус к сложности, вкус к мысли, вкус к самостоятельности, умение плыть против течения. Поэтому давайте перестанем воспроизводить на уровне приходских пересудов и в церковных изданиях все эти привычные хулы из позапрошлого века по поводу интеллигенции, которая Россию продала. Любому, кто от имени Церкви начнет мусолить тезис о том, что от учености и книжности всякие, мол, следуют духовные беды, стоит жестко напомнить, что он цитирует апостольского врага. Именно: *Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия* (Деян. 26, 24).

Тут, впрочем, надо сказать о вкладе русских переводчиков Библии в волну гносеомахии (гносеомахия — ересь, состоящая в войне против познавательных усилий человека)^{XXX}.

В нашем синодальном переводе, выполненном в XIX веке, мы читаем сегодня слова апостола Павла: *боюсь, чтобы умы ваши не повредились, уклонившись от простоты во Христе* (ср.: 2 Кор. 11, 3). И делаем вывод: простота — это хорошо, а всякая умственная сложность и критичность — плохо...

Но ведь слово «уклонившись» набрано курсивом. Это означает, что его просто нет в греческом оригинале (кстати, его действительно нет ни в одной из греческих рукописей) и его вставили переводчики для уяснения смысла. Увы, в данном случае они своей вставкой смысл затемнили...

Церковнославянский перевод несет противоположный смысл: *Боюся же, да не истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе*. Противоположный перевод оказывается возможен из-за двусмысленности греческого предлога *πό* — «от». «От» может быть указанием на причину некоего события («я от него научился»), а может быть указанием на точку отсчета («пошел от»). Святитель Феофилакт Болгарский понимал *πό* как указание на причину: «Чтобы не прельстились вследствие своей простоты»¹⁶⁸. Такое же толкование встречается в древности у Экумения, а ближе к нашим дням — у святителя Феофана Затворника: «*Боюся, да не истлеют разумы ваши от простоты* — по причине простоты, которую стяжевает душа во Христе Иисусе. Ибо видя все во Христе истинным, она забывает об обмане и прельщении и, преисполняясь в Нем добротой, забывает о лукавстве и злохитрости — и чрез то приобщается некоторым образом того неведения зла, которое характеризовало в невинном состоянии. Этим вашим настроением, говорит, может воспользоваться враг и увлечь вас чрез свои орудия»¹⁶⁹. Иоанн же Златоуст говорит, что, «хотя Ева была проста, это не спасло ее от обвинения»¹⁷⁰. «От простоты говорю, а не от лукавства; не от злонамеренности, не от неверия вашего, но от простоты. Впрочем, и в этом случае не заслуживают извинения обольщаемые, как показал пример Евы»¹⁷¹.

Да и по контексту своей речи Павел предупреждает коринфян, что их простота может довести их до беды: если они будут доверять всякому, кто будет к ним обращаться от

¹⁶⁸ Толкования на Новый Завет блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб., 1911. С. 568.

¹⁶⁹ *Свт. Феофан Затворник*. Толкования посланий апостола Павла. Второе Послание к Коринфянам. М., 1894. С. 353.

¹⁷⁰ Там же. С. 353–354.

¹⁷¹ *Свт. Иоанн Златоуст*. Толкование на Второе послание к Коринфянам, 23, 2 // Творения. Т. 10. Кн. 2. СПб., 1905. С. 664.

имени Христова¹⁷². Впрочем, есть и обратный пример — когда именно церковнославянский перевод Библии воспеваает не книжность, а русский синодальный перевод такого смысла не несет.

Речь идет о переводе Пс. 70, 15. По-славянски: *Уста моя возвестят правду Твою, весь день спасение Твое, яко не познах книжная. По-русски: Уста мои будут возвещать правду Твою, всякий день благодеяния Твои; ибо я не знаю им числа.* Церковнославянский перевод был сделан с той версии греческого перевода Библии, в которой вместо читаемого в современных научных изданиях *pragmateias*¹⁷³ стояло *grammateias*¹⁷⁴. Греческое *pragmateias* имеет два основных смысла: 1) дела, 2) литературный труд. В понимании славянских переводчиков второй смысл вышел на первое место. Отсюда и странность русского издания толкования на это место святителя Афанасия Великого: он понимал это слово по его основному значению, а русские издатели решили вставить в его текст знакомый им церковнославянский перевод. И получилось: «Яко не познах книжная. Под словом “книжная” разумеет или суетные и многоухищренные житейские развлечения, или многообразные жертвы, какие повелено было приносить законом. И говорит: поелику отверг я все сии жертвы, то войду в горние обители, если Господь подаст мне на это силы»¹⁷⁵.

Русский же перевод был сделан с еврейского текста Писания: «я не знаю [им] числа», «не могу перечислить по пальцам».

В раннем христианстве, действительно, вера простых христиан противопоставлялась изощренности языческих философов. Но сегодня отчего-то эту схему стали прилагать к отношениям внутри Церкви — превознося христиан-простецов над христианами же, приложившими усилия для познания своей веры... Такой перенос столь же недобросовестен, как перенос ветхозаветных осуждений идолопоклонства на христианское иконопочитание: из того обстоятельства, что Библия не одобряет поклонение статуе Изиды, еще не следует, что с Библией несовместимо почитание лика Христа. Точно так же и апостольское осуждение языческих эрудитов, которые за коллекционированием чужих мнений забывали составить свое собственное, не стоит переносить на церковных людей, изучающих Писание и историю Церкви Христовой.

В сегодняшней церковной жизни отчего-то считается хорошим тоном воспевать не книжную простоту. Но не такова православная традиция. Это в католической культуре воспевается «вера угольщика» и вызывают восхищение слова Паскаля: «Я много думал и изучал, и поэтому моя вера стала столь же искренней, как вера бретонского крестьянина. Но если бы я изучал и думал еще больше, то моя вера стала бы такой же, как у бретонской крестьянки». За этими замечательными словами проглядывает не естественность, а кризис и болезнь, интеллигентский надрыв, когда вера перестала быть чем-то органичным.

На русской же почве первым льстецом невежеству был расколоучитель Аввакум. Поначалу старообрядческие апологеты держались за книги и критически отзывались о народном благочестии. И было, было за что критиковать «народную веру». Крупнейший церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) пишет с нехарактерной для него эмоциональностью: «И суеверие, самое грубое суеверие во всех возможных видах господствовало в массах русского духовенства и народа и потемняло, подавляло в

¹⁷² *Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе. Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали,— то вы были бы очень снисходительны к тому. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов (ср.: 2 Кор. 11, 2–5).*

¹⁷³ См.: *Septuagint with Apokrypha: Greek and English.* London, 1851. P. 739.

¹⁷⁴ См.: *Юнгеров П.* Псалтирь в русском переводе с греческого текста 70-ти. Троице-Сергиева Лавра, 1997. С. 106.

¹⁷⁵ *Свт. Афанасий Великий.* Толкование на псалмы // Творения: В 4 т. Т. 4. М., 1903. С. 239.

сознании как пастырей, так и пасомых те немногие истинные и здравые понятия, какие могли они иметь о догматах своей православной веры»¹⁷⁶. И староверческие писатели поначалу горевали об этом. Но поскольку лидеры никоновской партии Паисий Лигарид и Симеон Полоцкий не жалели эпитетов для своих оппонентов, называя их «безумными невеждами» и «неучеными людьми», то тем самым они готовили обратную реакцию Аввакума — идеализацию мужичьей веры, не испорченной ухищрениями искушенных в риторике богословов. «Неудивительно, что идеализация того, что просветители позднее назовут “верой молочницы”, появится уже у Аввакума. В своей полемике с диаконом Федором Ивановым Аввакум советовал ему спросить мнения о Троице у простой поселянки: “Федка, а Федка... Коли не знаешь в книгах силы, и ты вопроси бабы-поселянки: заблудил-де от гордости, государыня-матушка. Помоги-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую. Скажи-де, государыня, о Святой Троице, Троица-де что есть? Так она тебе скажет и отвечает”. Искусственность этого образа — поселянки, готовой растолковать один из сложнейших богословских догматов,— бросается в глаза. Особый смысл приняло восхваление мужицкой веры как единственно правильной в сектантстве. В одном из “новейших” хлыстовских духовных стихов поется: “Дураки вы, дураки, Деревенски мужики, Как и эти дураки, Словно с медом бураки; Как и в этих дураках Сам Господь Бог пребывает”. Это уже было не искренним заблуждением, как у Аввакума, а намеренной лестью. Лестя чувствам необразованных верующих, сектанты пополняли свои ряды»¹⁷⁷.

Нельзя льстить толпе. Это опасно для простецов (ибо становится оправданием их собственного невежества). Это опасно для льстецов (как опасна любая ложь). И это опасно для Церкви в целом: ведь за этой лестью на самом деле стоит попытка льстеца стать вождем толпы, которая пойдет сметать епископские престолы.

Конечно, бывает и искренняя пропаганда бескнижия: люди, сами не учившиеся богословию и убежденные при этом в доброкачественности своего неотрефлексированного Православия, вполне естественно считают, что науки в вере излишни. Жизнь в церковно-народных традициях им кажется гарантом воспроизведения Православия. И они почти правы. Почти — потому что их рецепт стихийной церковности дает сбой в случае кризиса самих церковно-народных традиций. В условиях культурных революций, когда появляются новые вопросы и новые ситуации, такие «простецы» способны лишь на апокалиптически-раскольнические реакции.

И напротив, люди, получившие богословское образование, знают, сколько усилий и дисциплины нужно приложить к его обретению. А потому и стихийности такие люди доверять не склонны. Их опыт говорит, что вере надо учиться, что понимание важнее подражания¹⁷⁸.

Святоотеческая же традиция просто не ставила проблемы соотношения веры и знания, ибо для отцов это не было проблемой. Энциклопедические знания (некоторых из них) естественно уживались с живой верой.

«Разум! Разум! И клянут его и хвалят, но и те, кои клянут его, знают, что без разума ничего не поделаешь... И вере тоже без разума нельзя. Разум верный в область веры ничего не пустит такого, что может портить ее тенор,— например, суеверия»¹⁷⁹.

Только *благочестие на все полезно* (1 Тим. 4, 8), а вот простота — нет.

Бывает простота естественная. Человек просто не прошел искус серьезным образованием, мыслью, жизненными сложностями. Такая простота безоценочна: она ни хороша, ни плоха. Точнее, она бывает полезна во времена нормального воспроизводства

¹⁷⁶ Митр. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви: В 7 кн. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 151.

¹⁷⁷ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. С. 76–77.

¹⁷⁸¹⁷⁸ Тут есть повод признать, что есть своя правда в известной формуле Макса Вебера, согласно которой «простецы» прибегают к религии для избавления от внешних тягот, а «интеллектуалы» — для решения своих внутренних проблем.

¹⁷⁹ Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 159.

традиционного уклада жизни. Но в периоды кризиса эта простота может обернуться предательством. Например, вполне простым и очевидным кажется принять веру победителя... Свидетель агонии Византии Димитрий Кидони говорит: «Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству»¹⁸⁰.

Бывает простота благодатная, например простота последних лет жизни Иоанна Богослова, когда он только одну фразу говорил: «Дети, любите друг друга». Благодатная простота как цельность души, знающей только Христа и всюду видящей только Предмет своей единственной любви,— добра.

Но бывает простота, которая хуже воровства. Это искусная стилизация, когда человек, прошедший огонь, воду и медные трубы, с кучей всяких дипломов за плечами, вдруг начинает стилизовать себя: «Ай, надо по-простому, надо без всякой мысли, критики, размышления». Искусственная стилизация, игра в упрощение — это разновидность лицедейства и косметики. Это плохо.

В Церкви есть такое неписаное правило: в созвездии наших святых избери себе для подражания того, кто наиболее похож на тебя по обстоятельствам своей жизни. Это означает, что:

1. лучше прилагать к себе советы подвижников, живших в недавнее время, а не советы древних. Ведь обстоятельства жизни и культура, в которой жили святые XIX века или новомученики века XX, более похожи на те проблемы, которые обступают нас;
2. попробуйте выбрать такого святого себе в учителя, который по своей социальной ситуации был похож на нас. А в некоторых отношениях нам ближе сегодня святые III–IV столетия, но не XIX. Тогда христианство тоже было меньшинством, иногда гонимым, иногда терпимым, но все же меньшинством. Оно не было имперской религией, религией большинства. Но это и не была совсем маленькая горстка, как в I и II веках. Христианам III века надо было свидетельствовать и объяснять, а не повелевать. Приходило ли в голову святому Киприану Карфагенскому призывать своих прихожан пикетировать римский сенат с лозунгами: «Мы протестуем против агрессивной внешней политики! Требуем закрыть термы! Долой театр!». Нет, своим прихожанам он говорил: «Вы в баню не ходите» (бани тогда были общие). И пояснял: «Даже если ты при виде чужой наготы не будешь разжигаться блудными мечтами, то другому дашь повод к таким мечтаниям». Но при этом не было призывов к сожжению бань и не было попыток цензуры театрального репертуара;
3. выбери святого, наиболее близкого к тебе не только по времени, но и по его служению, по обстоятельствам его жизни. Если ты многодетный семьянин, то тебе полезнее будет ознакомиться с документами из жизни Царской Семьи. А уж если на твоём носу очки, а твоя «карма» помечена университетским дипломом, то лучше ориентиры для себя искать среди церковной святой интеллигенции, а не среди отшельников. Святые книжники Церкви — это апостол Павел и Григорий Богослов, Василий Великий и патриарх Цареградский Фотий, митрополиты Филарет (Дроздов) и Серафим (Чичагов)... У них нужно учиться тому, как талант интеллектуальной сложности и светского образования приносить на служение Христу, а не ампутировать его^{XXXI}. И от этих же отцов стоит расслышать предупреждение: «Не должно

¹⁸⁰ Цит. по: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. XI–XV века. М., 1997. С. 581–582. От себя историк добавляет: «Греческое крестьянство большей частью перешло в ислам» (Там же. С. 558). Замечу, речь идет о событиях XIV века — до окончательного падения Византии оставалось еще столетие.

предписывать на основании обычая там, где следует доказать рассуждением»¹⁸¹.

Христос пришел для всех. Значит — и для образованных людей тоже, а не только для «простецов» (которые вдобавок начинают совершенно некстати гордиться своей «простотой»).

— **Не могли бы Вы привести пример, когда простота оказывается бесполезной?**

— Для самого «простеца» его «простота» может быть полезной всегда. А вот для тех, кто будет слушать его «простецкое богословие», она может оказаться губительной.

Например, церковный человек не почувствует трудности в том, чтобы согласиться с библейским повествованием, говорящим, что растения появились в третий день истории мироздания, а солнце — днем позже. Но как нецерковным людям пояснить эту странность, которая обрушивается на них на первой же библейской странице?

На последующих страницах Писания число недоумений будет все возрастать. В конце концов, самое главное в нашей вере — тайна Бога, ставшего распятой плотью, — есть безумие¹⁸². Но если мы знаем, что со временем должны будем предложить нашим слушателям сделать выбор и пожертвовать некоторыми интеллектуальными привычками ради того, чтобы быть со Христом, — тем более нам следует быть осторожными. Потому что если мы еще не получили у наших собеседников надлежащего кредита доверия, если христианство еще не показалось им чем-то значимым, то требовать от них жертвы бессмысленно. Они ее не принесут, потому что еще не понимают, ради чего она нужна. Для них христианство так и останется набором глупостей. Поэтому момент жесткого выбора лучше по возможности отодвинуть: «Посмотрите: многие недоумения лишь кажущиеся, многие противоречия лишь поверхностные, а вот это место Писания имеет гораздо более глубокий и неожиданный смысл, нежели вам казалось».

А если с самого начала задираешь собеседников и требовать от них «жертвы интеллектом», то они соблазняются. Причем причина соблазна будет не в Писании, а в нашей «принципиальности». Сколько душ сегодня нашими проповедниками приносится в жертву «правому» имиджу самих проповедников! Слишком часто проповедь, как будто адресованная нецерковному человеку, на самом деле произносится так, чтобы церковные собратья похвалили ревность и твердость проповедника: «У, как он! Спуску не дает! Все сказал строго канонически! Наш человек!».

И все же — если сомневающийся человек уже на первой странице Библии видит повод к тому, чтобы ее отвергнуть, то стоит присмотреться: а нет ли в миссионерской традиции уже некоторых наработок, позволяющих устранить это первое недоумение? Мои размышления на эту тему можно найти в Интернете: <http://www.kuraev.ru/evoluti.html> и <http://www.kuraev.ru/evolution.html>.

— **В этих статьях только Ваши личные гипотезы или же их можно принять как мнение Церкви?**

— Скажем так: это мнение высших духовных школ нашей Церкви. Я привожу суждения профессоров духовных академий, которые пробуют согласовать данные биологии с библейским повествованием. Я видел, как на конференциях, проводимых Тихоновским богословским институтом, Издательским советом Московской Патриархии, Синодальной богословской комиссией, именно организаторы этих конференций давали отпор агрессивным попыткам буквалистского прочтения библейского текста. Увы, и в этом отношении богословие и наука похожи: и у вас и у нас есть свои «фоменки»...

— **Неужели в самой Церкви есть люди, которые сторонятся высокого академического богословия?**

— Смотрите, вот у меня книжная полка, на которой стоят творения святителя Иоанна Златоуста. Двенадцать томов. Первый из них вышел в 1991 году, двенадцатый — в 2004-

¹⁸¹ *Симч. Киприан Карфагенский. Письмо 58. К Квинту о крещении еретиков // Отцы и учителя Церкви III века: Антология: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 367.*

¹⁸² См.: 1 Кор. 1, 23.— *Ред.*

м. Тираж первого тома — 75 тысяч. Тираж 12-го тома — 3 тысячи. Падение тиража — в двадцать пять раз! Параллельных изданий творений Златоуста, вошедших в его последние тома, за эти годы не было. Вывод вполне ясный: за 15 лет половодье дешевых брошюр о «знамениях последних времен», о «пророчествах блаженных стариц» и о том, «как вести себя на кладбище», перебило вкус у церковного народа. Величайший из отцов, говорящий великолепным языком, сочетающий постоянную обращенность к нравственным коллизиям жизни обычного человека с высочайшим богословием, оказался не по зубам, и в итоге — вытеснен с церковного «книжного рынка». В России более 16 тысяч храмов. Около 20 тысяч священников и диаконов. И если Златоуста издают тиражом в три тысячи, значит, лишь один священник из десяти¹⁸³ считает для себя интересным и нужным впустить святителя Иоанна Златоуста в свою домашнюю или приходскую библиотеку! Вот вам и итог воспевания «простоты в вере».

И если такова судьба Златоустова слова, то что же говорить о трудах академических богословов!

В России довольно традиционно труд богослова воспринимается как нечто ненужное и опасное. Уже многие века в российской церковной среде принято хвалиться собственной необразованностью: «Платона не читаю, борзостей еллинских не текох...». Зачем думать — надо «стоять и хранить». Как горько заметил профессор Н. Глубоковский, еще в XIX столетии «всякий мнил себя богословом по самому праву воспринятой им христианской веры и не только не давал труда строгой систематической подготовки, но пренебрегал ею, унижал богословскую науку и немногих ее адептов и взывал о принижении до своего примитивного уровня»¹⁸⁴.

Владыке Антонию (Храповицкому) пришлось даже писать статью со скандальным названием «В защиту наших академий»: «Нам грустно слышать несправедливые фразы о том, что академия священнику не нужна; говорящий такие фразы подобен или петуху перед зерном жемчужным, или свинье под дубом вековым»¹⁸⁵. А священномученик архиепископ Иларион напоминал слова Сильвестра Коссова: «Латинские науки нашему народу нужно изучать прежде всего для того, чтобы нашей Руси бедной не звали Русью глупой»¹⁸⁶.

Великий русский богослов XX века отец Георгий Флоровский с болью писал о том же (вот тут уж я, простите, приведу длинную выписку).

«В истории русского богословия чувствуется творческое замешательство. И всего болезненнее был этот странный разрыв между богословием и благочестием, между богословской ученостью и молитвенным богомыслием, между богословской школой и церковной жизнью. Это был разрыв и раскол между “интеллигенцией” и “народом” в самой Церкви... У многих верующих создавалась опасная привычка обходиться без всякого богословия вообще, заменяя его кто чем: Книгой правил, или Типиконом, или преданием старины, бытовым обрядом, или лирикой души. Рождалось какое-то темное воздержание или уклонение от знания, своего рода богословская афазия, неожиданный адогматизм и даже агностицизм, мнимого благочестия ради,— ересь новых гносимахов... Эта гносимахия угрожала и самому духовному здоровью. В самом духовном делании, и в келейной молитве, и в литургической соборности, всегда остается соблазн и опасность психологизма, соблазн принять и выдать душевное за духовное. Этот соблазн может

¹⁸³ Ведь какую-то часть этого трехтысячного тиража разбирают Украина, Белоруссия, Молдова... Что-то раскупают миряне.

¹⁸⁴ *Глубоковский Н.* Вера и богословие. Юбилейное исповедание // Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 94.

¹⁸⁵ *Еп. Антоний (Храповицкий).* В защиту наших академий // Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Казань, 1900. С. 452.

¹⁸⁶ *Архиеп. Иларион (Троицкий).* Богословие и свобода Церкви // *Архиеп. Иларион (Троицкий).* Без Церкви нет спасения. М., 1998. С. 308.

обернуться обрядовым или каноническим формализмом или ласкательной чувствительностью. Всегда это прелесть. И от такого прельщения ограждает только богословский искус, зоркость, четкость и смирение богословствующего ума. Бытом или канонами от прелести не загородиться. Душа вовлекается в игру мнимостей и настроений... В таком психологическом контексте недоверие к богословию становилось вдвойне злополучным... Верхи очень рано заразились и отравились неверием или вольнодумством. Веру сохраняли на низах, чаще в суеверно-бытовом обрамлении. Православие осталось верою только “простого народа”: купцов, мещан и крестьян. И многим стало казаться, что вновь войти в Церковь можно только через опрощение, через слияние с народом, через национально-историческую оседлость, через возвращение к земле. Возвращение в Церковь слишком часто смешивалось с хождением в народ. Этот опасный предрассудок одинаково распространяли и несмысленные ревнители, и кающиеся интеллигенты, простецы и снобы. Уже славянофилы были в этом повинны. Ибо в славянофильском истолковании сама народная жизнь есть некая естественная соборность и община, или есть точно зародышевая Церковь. Потому именно через народ только и можно вернуться в Церковь. И до сих пор слишком многим некое народничество представляется необходимым стилем истового Православия. “Вера угольщика”, или старой нянюшки, или неграмотной богомолки принимается и выдается за самый надежный образец или мерило. О существовании Православия казалось более правильным и надежным допрашивать “людей народа”, чем древних отцов. И потому богословие почти что вовсе вычиталось из состава “русского Православия”. Ради благочестия принято даже теперь говорить о вере каким-то поддельным, мнимо народным, неестественным, жалостным языком. Это самый опасный вид обскурантизма, в него часто впадают кающиеся интеллигенты. Православие в таком истолковании часто обращается почти что в назидательный фольклор... “Что сказал бы царь Алексей Михайлович, если бы ему сообщили, что истинное Православие, вне монастырских стен, хранится лишь в среде крестьянства и что оно утратилось в среде бояр, дворян, именитого столичного купечества, среди приказных и даже среди многочисленных представителей мещанства? В его время оплотом Церкви были лучшие люди государства, а не темная масса деревенского люда, в которой хранилось и хранится еще столько языческого двоеверия и в которой раскол пустил вскоре столь глубокие корни” (С. Н. Трубецкой)... Часто говорят о русском “обскурантизме”. Но редко кто чувствует его действительную роковую и трагическую глубину. Это движение очень сложное. И именно движение — не сонливость, не вялость мыслительной воли — не страдательная, но очень деятельная поза или установка. Очень разнородные мотивы сплетаются в единый безнадежный клубок... В последнем счете, так называемый обскурантизм есть недоверие к культуре. Упрямое недоверие многих к богословской науке есть только частный случай того общего недоверия, которым отравлено и все русское творчество»¹⁸⁷.

Но ведь богословие — это одна из форм хранения себя в трезвости (именно трезвость, трезвение как умение сдержанно оценивать себя, свое положение, свои помыслы и мотивы своих действий назвал важнейшей христианской добродетелью преподобный Антоний Великий). Отстрани богословски-трезвенную цензуру от своего сердца — и что-то еще оттуда изольется!

Как пример приведу текст, написанный архимандритом Иоанном (Шаховским) в июне 1941 года: «Новая страница в русской истории открылась 22 июня 1941 года в день празднования Церковью памяти “Всех святых, в земле Русской просиявших”. Не ясное ли это, даже для слепых, знамение того, что событиями руководит высшая воля?... Скоро, скоро русское пламя взорвется над огромными кладами безбожной литературы. Откроются оскверненные храмы и освятятся молитвой. Это будет та “Пасха среди лета”, о которой сто лет тому назад пророчествовал преподобный Серафим. Лето пришло, близка

¹⁸⁷ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. С. 502–505. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. С. 502–505.

русская Пасха!»¹⁸⁸. Это не из листовки «катакомбной церкви». Это из берлинской газеты «Новое слово»...

Осуществление предсказания преподобного Серафима о «Пасхе среди лета» архимандрит увидел во вторжении немецкой армии в Россию: «Промысл избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземную силу исполнить свое предназначение. Кровавая операция свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен,— не зорно... Понадобилась профессионально-военная, испытанная в ответственных боях, железоточивая рука германской армии. Ей ныне поручено сбить красные звезды со стен русского Кремля».

Так что от непроверенного движения сердца до постыдного кощунства — очень близко...

Но почему-то «схоластическое богословие» противопоставляют только «жизни в Духе». Увы, гораздо чаще отсутствие богословской воспитанности восполняется не жизнью в Духе, а банальным человеческим невежеством и мелкими склоками.

К сожалению, в сегодняшней Церкви богословие не нужно ни «левым», ни «правым».

Левые нападают на богословие за его «догматичность» (нет, мол, творчески-открытого пересмотра средневековых доктрин), «схоластичность» (надо, мол, экологией заниматься и филантропией, а не цитаты заучивать), «нетерпимость» (ибо ясно выраженная мысль очевидно же показывает свое отличие и даже несовместимость с иными ясно же выраженными суждениями по тому же поводу). И вообще — недостаточно быстро идет замена средневековых «отцов» гениальными прозрениями современного Бердяева^{xxxii}.

А правые видят в богословском рационализме «источник ересей». Мол, достаточно «духом пламенеть». Такие ревнители забывают, что спектр возможностей не сводится лишь к двум альтернативам: или молитвенная собранность, дарующая благодатное вразумление, или же книжная рациональная начитанность.

Есть еще и третья, самая широкая дорога — никакая. По ней не несут ни тех, ни иных даров. Ответы на этом пути выдаются «от ветра главы своей».

Так что в мир книг стоит погрузиться, убегая не от молитвы, а от собственной глупости. Если я не могу быть уверен, что всегда в нужную минуту Господь будет управлять моим умом и языком, то лучше тогда не доверяться своим ощущениям, а смиренно ответить цитатой. А вот для того, чтобы ее привести, надо ее найти, надо ее помнить, надо понять, что именно эта цитата уместна именно в этом случае (а вот для этого нужен некий опыт и вкус).

Слишком часто я видел в семинарии, как именно те студенты, что не баловали библиотеку своим посещением, твердили о «духе». Бывало, заходишь в комнату в тот час, когда по расписанию студенты должны работать с книгами, и думаешь, что не застанешь в ней не книжного подвижника — он наверняка в храме акафист читает... Ан нет — глядишь, соседка уже исполнил свое молитвенное правило (один великий поклон вдоль всея постели) и третий сон досматривает...

Но пока в обществе, в церковном народе и в церковной иерархии не будет уважения к богословию и к богословам, пока не будет кафедр православного богословия в университетах России — общество будет метаться от одной мифологии к другой. Россия была единственной страной в Европе, где богословие было отделено от университетов. И вместо теологических факультетов в них пришли кафедры научного атеизма, а теперь и «духовного целительства» и валеологии.

Не надо бояться рациональности. Многие церковные люди, воспитанные на репринтных книгах прошлого столетия, усвоили от них убеждение в том, что рационализм есть отец ересей. Это правда, что рационализм может выступать в таком качестве. Правда,

¹⁸⁸ *Архим. Иоанн (Шаховской)*. Близок час // Церковно-исторический вестник. 1998, № 1. С. 81–82.

что безблагодатный разум может противоречить благодатному сердечному опыту, отторгаться от него и порождать конфликты и ошибки. Но ведь безблагодатным может быть и сердце. Безблагодатной может быть и вера (становящаяся тогда суеверием). Всегда ли благодатны сердца церковных проповедников и служителей? Всегда ли именно евангельский дух любви живет в них? Кто дерзнет о себе самом сказать: «Да, у меня чистое сердце, и потому я верю всему, что Бог мне на сердце положит!»? Но если нет гарантий чистоты сердца, тогда стоит особое внимание уделить проверке своих сердечных влечений и рефлексов с помощью разума, особенно того разума, который просветлен и очищен церковным Преданием и святоотеческим учением.

Так что не все ереси и не все ошибки рождаются рационализмом. Рационалистические ереси были наиболее активны в позапрошлом веке, и вполне разумно выступали против них ученики Хомякова и Якоби, указывая на рационалистическое усечение полноты человеческого опыта как на источник еретических заблуждений¹⁸⁹. Но сегодня погода на улице совсем другая. Солнце разума скрылось за оккультными тучами. Повторять сегодня расхожие аргументы позапрошлого столетия — все равно что рекламировать средства от загара в середине дождливого сезона. Рационализм и академическая наука сегодня — очевиднейшие союзники Церкви. Ибо не от обилия мысли и учености рождаются сегодня секты и ереси, а от вполне обыденного невежества и неумения мыслить логически и ответственно.

Сегодня рационализм никак не может быть отцом ересей. Сегодня это средство защиты Православия. Ясность убеждений, их аргументированность и осознанность — необходимое условие для того, чтобы быть православным в век расплывчатого и туманно-удушливого «плюрализма».

Богословие, которое было чем-то отвлеченно-дидактическим и неактуальным в позапрошлом веке, сегодня оказалось жизненно необходимым. Вдвойне презрительно-снисходительное отношение к богословию (со стороны светской интеллигенции^{xxxiii} и со стороны немалого числа монашествующих) сегодня слишком устарело и слишком рискованно. В спокойные века богословие необходимо для того, чтобы не забыть накопленное прежде. Тогда богословие становится, по словам отца Сергия Булгакова, «бухгалтерией религиозного опыта», и, как всякая бухгалтерия, богословие, сведенное к катехизису, — скучно. Пока все спокойно — пассажирам нет дела до того, как устроен их корабль и какие силы обеспечивают его выживание и движение. Пассажиры, «удобно расположившись в салонах, за пределами которых их ничего не интересует, проводят там досуг. Им неведома тяжкая работа шпангоутов, сдерживающих вечный напор воды. Вправе ли они жаловаться, если буря разнесет их корабль в щепы?» (А. де Сент-Экзюпери)¹⁹⁰. В бурю подробности об устройстве корабля и его жизнеобеспечивающих систем полезно знать всем. В век начинающейся войны возрожденного неоязычества против Евангелия знание богословия становится не излишеством, но самым необходимым, ибо богословие — боевое оружие. Когда на христианство идет наступление, то все христиане должны четко представлять — что они защищают и во имя чего.

И потому ясна уловка наших недругов, понятно, почему столь настойчиво твердят нам нецерковные «гуманисты»: «Да оставьте вы ваше богословие, ваши старые догмы, перестаньте спорить, займитесь экологией, благотворительностью, активной социальной работой... Но только не думайте над источниками вашей ортодоксии, только не изучайте вы своих древних отцов!». Когда нас призывают быть «открытыми», на самом деле имеют в виду именно закрытость: «Закройте вы этих старых учителей вашей Церкви. Заслоните себя от фундаменталистского влияния вашей традиции. Откройтесь новому, современному, общечеловеческому». Открытым нужно быть ко всему чужому, чтобы

¹⁸⁹ «В кругу переученных усиливается мнение, что совсем и бесов нет» (*Прп. Амвросий Оптинский. Собрание писем к мирским особам: В 3 ч. Ч. 1. Сергиев Посад, 1906. С. 211*).

¹⁹⁰ *Сент-Экзюпери А., де. Сочинения. М., 1964. С. 403.*

закрыться от своего. Изучай модерновое и иностранное, чтобы ты вдруг не принялся за восстановление своего — почти разрушенного, почти украденного и от начала до конца оболганного...^{XXXIV}

Так вот, протест против пошлости масс-медиа — и в изучении серьезной мысли. Протестовать против пошленьких «общечеловеческих ценностей» «новых русских»¹⁹¹ можно не только с наркотиками и не только в контр-культуре. Самый радикальный протест против нынешней пошлости — это возврат к традиции. Не отчасти быть русским — а полностью. Не отчасти быть православным — а всецело. Когда вокруг навязывают оккультизм — протестом будет не материализм, а богословский рационализм Православия. Пресса норовит отобрать у тебя право на собственное мнение (уверяя, что, мол, все мнения равны и настаивать на своей правоте нехорошо)? — Что ж, проявить самостоятельность и остаться в самом немодном, самом обвиняемом лагере — в христианстве — будет достойным и вопиющим непослушанием. Когда полно призывов «голосуй сердцем»¹⁹² — самое время спокойно и трезво подумать. В том числе — на богословские темы.

В былые годы церковный народ — «белые платочки» — спасли Православие. Низкий поклон им за это. Но нельзя все время укреплять только одну стену. Нельзя все работы исполнять одним и тем же инструментом. Нельзя сегодняшние проблемы решать с помощью позавчерашних рецептов. Поэтому нельзя сводить разговор об отношениях народа и богословия только к бесконечному повторению формулы «народ — хранитель Православия». Церковная мысль должна отличаться от демографической констатации или этнографического описания. Она должна противостоять язычеству фольклору.

Может быть, некоторые тезисы я здесь прочертил слишком резко. Но это меня не страшит: я не единственный писатель в нашей Церкви. В оркестре есть музыкант, который создает звуки реже всех остальных; да они, пожалуй, и менее мелодичны, чем все остальные. Он только то и делает, что время от времени бьет в медные тарелки. Если бы он был один — слушать его было бы невозможно. Но поскольку он в многоголосом оркестре, то к звучанию скрипок или духовых инструментов он добавляет новый привкус. Вот и свои книги я воспринимаю как «вкусовую добавку». Жить этой «добавкой» нельзя. Считать ее за полноту жизни или истины — тоже не следует. Но уж больно заметен народопоклоннический, антииерархический и антибогословский крен в нашей церковной публицистике. Чтобы его выправить, я и налег на противоположный борт...

— **Значит, и священник должен быть хорошо образован...**

— По слову священника Александра Ельчанинова, чем духовнее священник, тем меньше значит его образованность. Это верно. К отцу Иоанну Кронштадтскому привлекала отнюдь не его эрудиция.

Но верно и обратное: чем менее духовен пастырь, тем больше значит его образование. В присутствии святого немислимы дискуссии; старец — это человек, в присутствии которого умирают вопросы: вот, он **есть**, и правда его жизни настолько очевидна, что не о чем дискутировать или сплетничать... Но если мы не похожи на святого отца Иоанна Кронштадтского, а люди все же обращаются к нам с вопросами и через нас вступают в дискуссию с Церковью? Хорошо бы сотворить явное чудо (сокрушить своим перстом языческого идола или сжать кирпич так, чтобы из него исшел огонь и истекла вода¹⁹³) или своей внутренней молитвой повернуть сердце спорщика. Но

¹⁹¹ На одном из «круглых столов», посвященных выработке «новой национальной идеологии России», Чубайс пояснил, что новая национальная идея России должна быть такой же, как у западноевропейцев: семейное благополучие и рост благосостояния, и ничего больше не нужно...

¹⁹² Если кто-то забыл — напомним, что это была агитка на президентских выборах лета 1996 года. Поскольку разумных оснований для того, чтобы переизбрать Б. Ельцина, явно не было, предвыборная реклама обратилась к эмоциям.

¹⁹³ Святитель Спиридон Тримифунтский так доказывал троичность Бога тем, кто сомневался, что Три могут равняться Одному: сжал кирпич, и из руки потекла вода, на которой была замешана глина, в руке осталась сама глина, а вверх взвился огонь, которым глина была обожжена.

если это нам не под силу — должны ли мы просто сдаться и замолкнуть с осознанием своего недостойнства? — Нет. Нemoщь сердца в этом случае должна быть подкреплена усилием мысли и речи. Бог благодатно помогает людям, но не заменяет наш труд, в том числе и труд интеллектуальный, труд проповеднический.

Гносеомахам (то есть церковным людям, которые твердят о ненужности знания и образования, надеясь на свои духовные способности) еще в IV веке отвечал святитель Григорий Богослов: «Поэтому-то и должны быть тобой избираемы лучшие люди: ведь едва ли кому-нибудь из людей средних способностей, даже если бы он и ревностно поборолся, довелось бы одолеть лучших людей. Но мне предстанут мытари и рыбаки, бывшие евангелистами. Ведь они, немощные в красноречии, весь мир словно сетью уловили своим простым словом и даже мудрецов поймали в свои рыбацкие сети, чтобы таким образом чудо Слова стало еще более [очевидным]. Причем этого мнения придерживаются многие, против которых обращена моя краткая, но предельно ясная речь. Дай мне веру одного из апостолов, [дай силу] не иметь денег, дорожной суммы и посоха; быть полураздетым, не иметь сандалий, жить одним днем, быть богатым только надеждой; быть неискусным в словесном мастерстве; быть тем, о ком нельзя подумать, что он скорее льстит [чем говорит правду]; [дай силу] не углубляться в исследование чуждых учений. Пусть явится кто-нибудь, обладающий такими достоинствами, и я приму все: не имеющего дара слова, позорного, незнатного, волопаса. Ведь [праведный] образ жизни покрывает [внешние] недостатки. Будь ты одним из таковых, и, хотя бы ты был ловцом лягушек, тогда мы вознесем тебя к ангельским хорам! Так покажи мне хотя бы что-нибудь одно! Но разве ты очищаешь от демонов? изгоняешь прокажу? мертвого воскрешаешь из гроба? разве ты сможешь прекратить паралич? Подай руку страждущему и прекрати болезнь! Только так ты сможешь убедить меня пренебречь знанием. Если же нечто состоит из двух частей — похвального и достойного порицания, а ты берешь в расчет только первое, тогда как другое охотно обходишь молчанием, то ты весьма коварно искажаешь истинный образ вещи» (О себе самом и о епископах, 189–215)¹⁹⁴.

Те же мысли встречаем у святителя Иоанна Златоуста: «Если бы кто мог бы посредством чудес заграждать уста бесстыдным, то не имел бы нужды в помощи слова; или, лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо... Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов и чтобы лучше нам поражать их... Для всего этого нам не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова; и если кто не имеет этой силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии несколько не лучше обуреваемых кораблей. Почему же Павел не старался приобрести эту силу, но прямо признает себя невеждою? — От этого самого многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, положим, что Павел был невеждою в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова, и при молчании своем он был страшен для демонов. А нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы... Как же кто-нибудь, оставаясь невеждою, может обличать противящихся? Все это вымыслы и предлоги и прикрытие беспечности и лени... Одних дел недостаточно для научения»¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Публикацию русского перевода, выполненного епископом Иларионом (Алфеевым), см.: Церковь и время. М., 2003, № 1 (22).

¹⁹⁵ *Свт. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Слово 4 // Творения. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1898. С. 453–460.*

Апостолам не нужно было знание иностранных языков ради проповеди Евангелия. Но наши миссионеры и богословы должны учить языки, а не выжидать вторую Пятидесятницу. Преподобный Сергей Радонежский получил дар чтения и разумения книг через вкушение просфорки, преподанной ему ангельской рукою. Но стоит ли этот эпизод делать законом для Церкви и системы церковной учебы? Стоит ли вместо уроков греческого языка вводить ежедневные посещения просфорни?

Не надо надеждой на чудо отменять свой собственный труд.

Можно ли представить себе священника, который, приступая к строительству храма, отклоняет необходимость получения им хотя бы базовых представлений о строительных технологиях ссылкой на то, что «Господь Сам созиждет Свой дом и сохранит его»? А те семинаристы, что не видят смысла в миссионерских усилиях, неужто столь же благочестиво-равнодушны к урокам по финансовой дисциплине? Неужто и финансовые отчеты они будут составлять «как Бог на душу положит»?

— **Но все же духовный опыт первичен...**

— Первичен, но недостаточен. Или скажем так: наличие личного духовного опыта достаточно для спасения человека — носителя этого опыта, но оно недостаточно для жизни Церкви. Церкви для ее миссии, для ее защиты от ересей и для проповеди нужна рефлексия над этим духовным опытом. «Дабы религиозное переживание и религиозный опыт могли быть выражены и приобрели универсальную значимость, их основания должны быть прояснены разумом и “ограничены”, то есть при помощи понятий приведены к известным пределам, в которых они обладают статусом всеобщности и необходимости. Лишь так можно получить ответы на вопросы: во что я верю, на что надеюсь, что есть мир, каковы место и задачи человека в нем. Таким образом, из “ограничения” веры при помощи понятийного аппарата рождаются христианские теология, космология и этика»¹⁹⁶.

— **Отец Андрей, что сегодня подразумевается под словом «миссия»?**

— Сегодня миссия — это способ выживания Церкви в нецерковном и антицерковном мире. Чем более антицерковно настроено светское общество, тем больше осознанности требуется от христианина, тем больше он должен знать о своей вере, чтобы твердо в ней стоять и избегать всяких подделок под Православие, избегать сомнений. Поэтому миссия — это не только обращение нецерковных людей, это и способ удержания людей, которые уже пришли в Церковь.

И пространство миссии сегодня — не далекие пустыни и джунгли. Патриарх Алексей говорит о «миссии в крупных городах и промышленно-рабочих центрах»¹⁹⁷.

— **Как обратить человека в православную веру?**

— Обратить-то нетрудно. Трудно его там удержать. Дело в том, что молодой человек должен что-то делать, он не может просто работать подсвечником в храме. Надо придумать для него работу, зону его ответственности, чтобы каждый молодой человек понимал: «Это мое, и от меня что-то зависит в жизни Церкви». А так в большинстве наших храмов число молодых прихожан в точности равняется числу алтарников.

Посмотрите, как действуют сектанты: когда они завербовывают своего нового адепта, они сразу посылают его на какую-то работу, на проповедь. Зачем? Пусть этот неопытный проповедник ошибается, пусть набивает шишки, но зато каждая новая неудача будет заставлять его изучать глубже какую-то тему. А главное — он будет ощущать озвучиваемые им тезисы уже как свои, а не как что-то, что было ему навязано чужим дядей. И в результате у него происходит внутренняя солидаризация с той идеологией, которую он теперь проповедует.

¹⁹⁶ Столяров В. В. Патристика // История философии. Запад — Россия — Восток: В 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 249.

¹⁹⁷ Патриарх Алексей. Войдите в радость Господа своего. С. 59.

Ни содержание, ни методы сектантской пропаганды мне не близки. Но сама по себе идея того, что молодым людям надо дать возможность для работы в Церкви, вполне здрава.

Я могу предложить сегодня такую форму. Было бы здорово, если бы в наших храмах были возрождены послушания «аколуфов» — людей, стоящих у дверей. Эти молодые люди могли бы попарно дежурить у входа в храм, особенно в такие дни, когда могут зайти захожане (не прихожане, а захожане — люди, которые только еще прокладывают свою тропиночку в храм). И вот задача этих дежурных молодых людей была бы двоякая.

Первая — обращать внимание на этих зашедших и, не подходя к ним, на расстоянии, издали, коситься в их сторону для того, чтобы при необходимости защитить их от наших приходских ведьм. Тут надо, конечно, корректно подойти и остановить ту самую костлявую руку, о которой митрополит Кирилл говорил в мае 2002 года на Московском съезде молодежи, и сказать: «Простите, матушка! Благословение отца настоятеля, чтобы с новозашедшими в храм общались мы!».

Вторая же задача — задача-максимум — при случае подойти самим и спросить: «Не можем ли мы чем-то помочь, что-то рассказать?».

Я помню свои первые месяцы в Церкви: как я хотел, мечтал, чтобы кто-то ко мне подошел, обратился, что-то рассказал. Сам я не решался людям себя навязывать, тем более что советские времена были наполнены тотальным страхом прихожан друг перед другом.

Такое общение было бы полезно не только для тех, кто зашел в храм; это было бы важно и для тех, кто уже в храме. Потому что эти молодые дежурные для ответов должны были бы изучить историю своего храма, историю, сюжет и символику каждой иконки, которая в храме есть, должны были бы хорошо знать богослужение, то есть опять же историю и символику каждого песнопения. Они должны были бы уметь отвечать на основные недоумения, какие есть у людей по поводу нашей жизни и веры. И соответственно, это понуждало бы самих этих молодых дежурных лучше изучать Православие. И это давало бы им возможность чем-то еще прикипеть к церковной жизни.

Очевидно, что человек, который дежурит у ворот, будет отвлекаться от молитвы; и наверно, для его духовного роста это малополезно. Поэтому, мне кажется, что такие дежурные должны существовать в достаточно большом количестве. Не один человек должен постоянно стоять у дверей, а пять-шесть таких сменных пар. Тогда каждый человек нес бы такое дежурство раз в месяц, а на остальных службах он мог бы спокойно молиться.

Еще я бы хотел, чтобы на каждом приходе была устная библиотека. Помните роман Брэдбери «451° по Фаренгейту»? «Матрица» того виртуального мира сожгла все книги. Пожарные не тушат пожары, а выскивают остатки библиотек и их поджигают. Но есть подпольное братство книголюбов, которые хранят книги в памяти. И на своих собраниях они говорят новичкам: «Вот это идет Гомер», «Вон там сидит Данте», «Сейчас к нам подойдет Шекспир» — то есть люди, которые знали наизусть произведения этих авторов. Каждый человек хранит в памяти только одну книгу, но вместе они — библиотека.

В нашем миссионерском деле главное — это знать, куда послать. Это великое умение. Вот подходит к тебе человек с вопросом, а ты его посылаешь. «Прости, дорогой, я ничего про веру тумбу-юмбу не знаю, но видишь, там Петя стоит, он на эту тему диссертацию написал. Он твою тумбу-юмбу знает лучше и тумбайтов и юмбайтов, вместе взятых. Иди к нему. У тебя вопрос о переселении душ? Знаешь, у нас Маша просто классный специалист по реинкарнированию. Иди к ней, она тебе все расскажет. У тебя вопрос о боевых искусствах? Вот с этим — к Петрухе. Он умеет отличать айкидо от ушу. НЛО? — Нашего Ваньку они знаешь как бояться? Пойди, он тебе расскажет — почему...». И так — о всех сектах, действующих в этом городе.

Знать все секты невозможно: крыша уедет слишком далеко. Но пусть на приходе будет двадцать специалистов, каждый из которых знает, как вести разговор с одной из двадцати сект.

Это совет для головастиков. А если есть на приходе ребяташки, у которых кулаки крепче головы, то и они тоже могут внести свой вклад в дело торжества Православия. Я предлагаю разделить ваш город на сектора и этим рукастым ребяташкам вручить ключи от каждого сектора: «Это под твою ответственность: два раза в день ты патрулируешь свою территорию и следишь за чистотой фонарных столбов и заборов, чтобы никаких сектантски-целительских листовок там не было».

Впрочем, это задача-минимум, а в идеале в карманы этих православных рэкетиров батюшка мог бы вложить замечательную печатку (ее можно заказать в любой мастерской) с надписью: «Осторожно, секта». Идешь по улице, никого не трогаешь, смотришь — забор. А на нем объявление: «Потомственная целительница баба Шура починяет ауру, вправляет чакру». Ты подходишь, не срываешь, а достаешь из широких штанин дубликатом бесценного груза печатку, дышишь на нее и от всей православной души припечатываешь. И теперь эта «реклама» работает против бабы Шуры.

Эту свою мечту я видел исполненной в Ханты-Мансийске. Там местные харизматы-пятидесятники арендовали фронтон пятиэтажного здания, которое выходило на центральную площадь, и повесили на нем свою рекламу. А местные батюшки заказали трафарет «Осторожно, секта» размером в два этажа и приклеили поперек этой рекламы. Что делать сектантам? Они же кучу денег потратили на эту рекламу, а она работает против них...

Впрочем, весной 2003 года в Киеве харизматы решили мне немножко отомстить. В итоге на мою лекцию (проходила она в кинотеатре, где обычно собираются эти сектанты) пришел юноша и сказал мне: «Я сам москвич и давно мечтал попасть на Вашу лекцию. Но все не удавалось. А тут на улице заметил объявление. Я бы прошел мимо него, но оно явно было кем-то дорисовано и тем самым привлекло мое внимание. Там были дописаны несколько букв к Вашему имени. И в результате читалось броско и интригующе: “Супердиаконице из Москвы...”».

И еще я хотел бы обратить ваше внимание на то, что у словосочетания «тоталитарные секты» есть синоним: «югенд религионен» — молодежные религии. Согласитесь, что бабушка-кришнаитка — это довольно редкое зрелище. Оказывается, именно тоталитарные секты — те секты, которые отнимают у человека свободу, — вот именно они симпатичны молодежи! Эти секты спекулируют на юношеском стремлении к служению. По слову Достоевского, «человек ищет, кому поклониться». И значит, если мы хотим, чтобы юные сердца шли к нам, мы должны предложить им именно служение.

Расхожее мнение, будто «Церковь слишком требовательна, и потому молодежь туда не идет», не кажется мне убедительным. Молодежь если и идет в монастыри, то в те, где более суровый устав жизни. Молодежь если и идет в религию, то в те религиозные группы, где больше требовательности. У одного католического богослова есть вполне верные слова: «Я исхожу из предположения, что Церковь лишилась своей живительной силы не из-за того, что она слишком многого требует, но, напротив, потому что ее требования слишком малы — слишком слабо увязаны с приоритетом Евангелия. Будь Церковь по-евангельски “радикальной”, ей не приходилось бы быть такой законнически-непримиримой. Чрезмерная строгость и неуступчивость происходят скорее от страха, радикализм же — дитя свободы. Той свободы, к которой зовет Христос»¹⁹⁸.

Те, кто в сектах, — это, наверное, лучшие люди России. Своим уходом в секту они доказали свое равнодушие. Это не телепузики, им что-то в этой жизни надо, у них беспокойный ум, беспокойное сердце. Поэтому просто открещиваться от них, говорить: «Ой, ладно, там все сумасшедшие», — это неумно. Это далеко не худшие из тех людей,

¹⁹⁸ *Мец И. Б.* Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. 1990, № 9. С. 89.

что могут встретиться нам на жизненных дорогах. И пусть их мнение не совпадает с нашим, пусть они ошиблись, но они ошиблись в поиске, а значит, поиск-то у них был. И если они прошли мимо нас, значит, это мы что-то им дать не смогли.

Я по своему опыту знаю: каждый раз, когда ведешь беседу с сектантом, если эта беседа идет нормально, если есть несколько часов для общения, то в конце концов все кончится признанием вроде: «Да, это всё здорово, хорошо, что мне это всё пояснили. Жаль, что я этого не знал. Но ведь, если честно, я пробовал быть православным, я пробовал войти в храм...». И дальше следует рассказ о том, как встретили, как посмотрели и куда послали... Слишком часто не от Христа люди прячутся в сектах, а от нас. Значит, нам нужно стать «христианнее» — тогда и люди через нас увидят Христа.

— Получается, молодой человек, чтобы остаться в Церкви, должен сам стать церковным миссионером. Но поддержит ли его Церковь в этом?

— Увы, пока миссионерскую работу предполагается строить на энтузиазме людей или на безысходности.

С энтузиазмом все понятно. Это хорошо. Но ведь у детей есть нехорошая привычка: вырастать. Они взрослеют, у них появляются свои семьи. И тут энтузиазма уже недостаточно. Семью надо кормить. Увы, сегодня приходским катехизаторам не дают достойную зарплату — такую, на которую можно существовать с семьей, зарплату, сопоставимую с зарплатой священнослужителей. И пока будет иметь место такой зазор, я думаю, что трудно ожидать серьезного перелома в общем течении церковной жизни. На энтузиазме одиночек можно добиваться отдельных ярких успехов, но это будут скорее звездочки на общем туманном фоне.

У нас нет пока понимания того, что миссионерство — это все-таки затратная деятельность. Церковь ограбили, многое разрушили, и теперь, естественно, приходится просить: «Помогите, дайте, подайте...». В итоге вырабатывается конфигурация протянутой руки, когда брать легко, а отдавать тяжело. И потому все те направления, которые требуют вложения средств от самой Церкви, у нас еле живы. Это и благотворительность, и миссионерство, и программы социального служения, школы, образование...

А «миссионерство от безысходности» означает следующее: юноша окончил семинарию, но не успел вовремя жениться и принять сан. Тогда он пытается каким-то образом просуществовать при каком-то приходе или школе. Скорее всего — в качестве преподавателя воскресной школы, «катехизатора». Но он сам воспринимает это свое послушание как временное. И плодов от такой «миссии» будет мало...

Глядя на сегодняшнее положение миссии в России, я думаю, что миссионерам необходимо получать второе образование. Во-первых, события последних лет двадцати учат, что те люди, которые активно занимаются миссионерством и в этом смысле заметны в церковной жизни, имеют помимо богословского еще и светское образование. Во-вторых, наличие светского диплома, признаваемого властями, школами, университетами, позволяет беспрепятственно входить в различные государственные учебные заведения. И в-третьих, это возможность, очень необходимая, финансовой автономии, когда не нужно каждый раз упрашивать настоятеля хоть чем-то поддержать твое физиологическое существование.

Я думаю, что отсутствие финансовой политики, поддерживающей миссионерство, — это проявление общей церковной атмосферы, являющейся немиссионерской (если не сказать «антимиссионерской»).

— Об этой атмосфере можно судить только по «финансовой политике»?

— Нет, не стоит все списывать на особенности сегодняшнего дня. Наша косноязычность, столь громогласная и скандальная сегодня, когда Россия ждет слова пастырского, а слышит лишь призывы сектантов, есть следствие наших собственных и многовековых нажитков. В IV веке об этом печалился святитель Григорий Богослов: «Мне стыдно сказать, как обстоят дела, но я все же скажу. Хотя мы поставлены быть

учителями блага, мы являемся мастерской всех зол, и наше молчание кричит»¹⁹⁹. В XIX веке святитель Феофан Затворник в сердцах воскликнул: «Заснули все, и живем спустя рукава... Вся беда в полах молчащих! Надо гайдуков нанять и всех их пооттаскать за аксиосы»²⁰⁰.

Секты примитивнее Православия, и если сегодня секты привлекают к себе большое число людей, то это не потому, что их учение глубже и вернее, а потому, что сами православные плохо знают богатство своей церковной традиции и еще хуже умеют делиться этим богатством с людьми нецерковными.

Оставим сейчас в стороне политические, финансовые и прочие причины успеха протестантских миссий в России. Но вот после того как самым скрупулезным и документированным образом будут изучены механизмы сектантской экспансии в Россию, надо же будет когда-нибудь задаться и вопросом: мы-то где были? Почему наше слово не достигало человеческих сердец? «Мы совершенно забыли, что виноват тот, кто прав: если я обладаю истиной и не способен ее передать, чего же я могу требовать от того, кто заблуждается и не может найти истину во мне?» (митрополит Сурожский Антоний)²⁰¹.

Как бы ни были «зловредны» разрушители Православия — они не более чем микробы. Болезнь проявляет себя лишь тогда, когда ослаб сам организм. Каждый из нас носит в себе едва ли не все болезнетворные микробы, но для того, чтобы в конкретном организме проявилась конкретная болезнь, нужна ослабленность именно этого тела. И если столь успешно действуют секты в России — значит, больны и слабы мы, значит, мы не можем быть просто самими собой, а потому и превращаемся в колонию микробов. Мы молчим — и потому так слышны их в общем-то слабенькие голоса. Молчим же мы не оттого, что нам нечего сказать, и не оттого, что не умеем. Молчим оттого, что не чувствуем потребности в том, чтобы говорить и свидетельствовать. В нас не воспитана потребность делиться духовными дарами.

В вероучении нашей Церкви нет никаких препятствий для осуществления миссии (в том числе и мирянами). Но если с таким трудом и скрежетом возобновляется миссионерская жизнь в нашей Церкви в нынешние годы — значит, есть какая-то инерция сопротивления миссионерскому служению. И эта инерция не просто в привычках старшего поколения служителей и прихожан. Есть еще нечто в нашей церковной жизни, что воспроизводит эту антимиссионерскую инертность в новых поколениях церковных людей.

С горечью приходится признать, что наши духовные школы не готовят миссионеров, не пробуждают в студентах жажду миссионерского служения и не дают знаний, необходимых для миссионерства в современном мире.

Это не сиюминутное и не только мое наблюдение.

Чтобы моя боль и моя забота стали понятнее, приведу побольше суждений святителя Николая, на рубеже XIX–XX веков проповедовавшего Православие в Японии: «А миссионером здесь пока я один, и то частным образом. Да когда же эта, раскинувшаяся на полсвета, семидесятимиллионная Россия найдет у себя несколько тысяч рублей и несколько десятков людей для того, чтобы исполнить одну из самых существенных заповедей Спасителя? Католичество и протестантство облетели мир. Ужели и здесь Православие ничего не сделает? Нет, не может быть — даст Бог. С этим “даст Бог” я поехал в Японию, с ним ежедневно ложусь спать и просыпаюсь, для него я семь лет бился

¹⁹⁹ *Свт. Григорий Богослов. О себе самом и о епископах // Церковь и время. М., 2003, № 1 (22). С. 135.*

²⁰⁰ *Свт. Феофан Затворник. Собрание писем: В 8 вып. Вып. 7. М., 2000. С. 162 и 119. «Аксиосы» — это, очевидно, «семинаризм», означющий косы. После рукоположения, которое совершалось с многократным возгласием «аксиос» («достойн!»), священнослужитель не стригся, но носил длинные волосы.*

²⁰¹ *Митр. Сурожский Антоний. Заметки о трудностях и надеждах экуменического диалога // Русская мысль. 1997, 19 июля.*

над японским языком» (*Иеромонах Николай (Касаткин)*). Письмо митрополиту Московскому Иннокентию)²⁰².

Проходят годы, иеромонах становится епископом. Но все равно — одиноким. «О, как больно, как горько иной раз душе за наше любезное Православие! Я ездил в Россию звать людей на пир жизни и труда, на самое прямое дело служения Православию. Был во всех четырех академиях, звал цвет молодежи русской — по интеллектуальному развитию и, казалось бы, по благочестию и желанию посвятить свои силы на дело веры, в которой она с младенчества воспитана. И что же? Из всех один, только один отозвался на мой зов, да и тот дал не совсем твердое и решительное слово, и тот, быть может, изменит. Все прочие, все положительно, или не хотели и слышать, или вопрошали о выгодах и привилегиях службы. Таково настроение православного духовенства в России относительно интересов Православия! Не грустно ли? Посмотрели бы, что деется за границей, в неправославных государствах. Сколько усердия у общества служить средствами! Сколько людей, лучших людей, без долгой думы и сожаления покидают родину навсегда, чтобы нести имя Христово в самые отдаленные уголки мира! Боже, что же это? Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться Духом Христовым, и протестантство или католичество овладеют миром, и с ними мир покончит свое существование?» (*Святитель Николай Японский*. Запись в дневнике от 4 марта 1871 года)²⁰³. «Мне грустно-грустно было, что до сих пор из Лавры и Москвы нет труженников для миссии, и, прикладываясь к мощам святого Сергия, я не мог воздержаться умственно от жалобы: “Буду судиться с тобою пред Господом — отчего не даешь миссионера в Японию?”» (*Святитель Николай Японский*. Запись в дневнике от 30 мая 1880 года)²⁰⁴.

В конце концов святитель Николай осознаёт, что понимания и помощи от русского духовенства он не дожидается, что при жизни ему не будет дано увидеть рост созданной им миссии. «Знать, так и умру я, не дождавшись помощника и преемника. Так бедно Православие миссионерами! А инославных, Боже, какое необозримое множество их!» (*Святитель Николай Японский*. Запись в дневнике от 7 октября 1903 года)²⁰⁵. «Протестантский мир в начале двадцатого столетия стоит во всеоружии четырехсот сорока девяти миссионерских обществ со стеною позади них великих церквей и неисчерпаемых источников... Кстати спросить: у нас же что против заграничных язычников? А вот что. В Китае — отец Иннокентий, да и тот еще вернется ли из России, куда вытребован Синодом; в Корее — отец Хрисанф; да в Японии мы, бедные, вдвоем с отцом Вениамином, что ныне в Нагасаки и годен более для русских, чем для японцев. Итого: четыре миссионера. Господи, возришь ли Ты когда-либо на Православную Церковь, отъяти поношение от нея?»²⁰⁶.

«В заключение пристали с вопросом: почему же Россия в Индии не имеет духовной миссии? Все имеют: и американцы, и французы, и немцы, не говоря уже об англичанах, а русской нет — почему?.. Почему, в самом деле? Не пора ли нам шире открыть глаза? Покуда же мы будем краснеть при подобных вопросах за наше немощество?»²⁰⁷. «Какая это беда — не иметь достаточно проповедников и быть вынужденным довольствоваться всяким негодьем!»²⁰⁸. «Господи, скоро ли Православие воспитает в своих чадах такую верность по вере?»²⁰⁹. «Был в англицкой миссии; там опять — новые члены. Господи,

²⁰² Цит. по: Спасайте детей: поучения святителя Иннокентия, митрополита Московского. СПб., 1998. С. 172.

²⁰³ Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1996. С. 4.

²⁰⁴ Там же. С. 306.

²⁰⁵ Там же. Ч. 2. С. 164.

²⁰⁶ Там же. С. 97.

²⁰⁷ Праведное житие... Ч. 2. С. 68.

²⁰⁸ Запись от 10 июля 1903 года // Дневники святого Николая Японского. С. 273.

²⁰⁹ Праведное житие... Ч. 1. С. 135.

откуда у них берутся люди?! А у нас вечно нет никого. Недаром такая грусть одиночества; знать, с нею мне и в могилу лечь придется — не даст Бог утешения видеть выходящими на поле Христово православных миссионеров, которым, собственно, и предназначено поле. Что ж, вероятно, не успеют после выступить. Дай-то Бог поскорее, хоть и после нас! Мы пусть канем, как первая капля, бесследно пропадая в жаждущей орошения земле»²¹⁰. «Какое обилие христиански настроенных молодых людей в Америке, да и в других странах, кроме России! Скоро ли Православие даст такой цвет?»²¹¹.

«Вот у них миссионеров не оберешься: куда захочешь и сколько захочешь — с избытком! Должно быть, еще чрез тысячу лет и в Православной Церкви появится сколько-нибудь подобной живости. А теперь она — птица об одном крыле» (*Святитель Николай Японский*. Запись в дневнике от 14 января 1904 года)²¹².

Тысяча лет еще не прошла. А вот спустя сто лет пришлось посылать миссионеров не в Индию и Японию, а в Россию. Впрочем, и для этого случая их нашлось явно недостаточно — немногим более четырех²¹³...

Причем практически все сколь-нибудь заметные сегодня миссионеры, церковные публицисты, проповедники, даже богословы — это люди, получившие образование, навыки мысли и речи в светских университетах (за исключением профессора А.И. Осипова и священника Олега Стеняева).

То, что нет умения готовить миссионеров, — печально. Не радует и то, что нынешняя церковная среда не только практически не оказывает им помощи (какому конкретному миссионеру и чем помог «Миссионерский фонд?»). Слова о поддержке миссионерства, которые раздаются с высоких архиерейских кафедр, останутся словами, ибо люди видят, что награду быстрее получит не тот священник, что пишет книги, а тот, который строит храм, а в епархиальном управлении ласковее смотрят на настоятеля богатого прихода, чем на семинарского или университетского преподавателя в рясе.

— **Но если миссионеров так мало, значит, миссионеров в Церкви должны холить и лелеять!**

— Увы, все наоборот. Нынешняя церковная среда не умеет терпеть своих миссионеров. В нашей Церкви сегодня невероятно много людей, добровольно и самовольно возложивших на себя обязанности цензоров и спасателей Православия. Митрополиты и профессора богословия, приходские священники и церковные публицисты — все они в сознании этих «ревнителей» попадают в положение «условно освобожденных». В поведении всех публичных проповедников эти «ревнители» выискивают малейший повод для торжественно и радостно провозглашаемой «анафемы». Террор немоты начинает нависать над нашей церковной жизнью. Кампания по травле одного проповедника сменяется кампаниями по травле другого: то митрополит Кирилл, то профессор Осипов, то профессор Дворкин, то митрополит Антоний, то митрополит Филарет торжественно объявляются ересиархами...

И если сформировавшийся человек, уже сделавший свой выбор, видя это и пережив первые удары по себе, еще сможет устоять на пути миссионерского делания, то семинарист или молодой священник, пару раз получив по рукам за «неканоничные» примеры в своих беседах или статьях, в конце концов пойдет путем наименьшего сопротивления — то есть просто замолчит...

Есть печальное сходство сталинистской идеологии и византийской психологии: и там и там за человеком не признается права на ошибку. Нет ошибившихся. Есть вредители и

²¹⁰ Там же. С. 97.

²¹¹ Там же. С. 166.

²¹² Там же. С. 187.

²¹³ Протоиерей Георгий Митрофанов, протоиерей Димитрий Смирнов, иеромонах Анатолий (Берестов), священник Олег Стеняев, профессор А. И. Осипов, профессор А. Л. Дворкин... Много ли еще людей, регулярно покидающих свой дом, едущих по России и готовых к встречам с людьми, неправославно настроенными?

враги. Если токарь Петрович импортное сверло запорол — то это не потому, что он вчера перепраздновал, а потому, что ему японская разведка специально диверсию заказала!

И византийское церковное сознание не умело прощать вероучительных грехов, не имело привычки покрывать милосердным умолчанием ошибки в области вероучения. Византийское мышление, порой даже слишком терпимое, если речь заходила о грехах плоти или о грехах против людей, не прощало грехи против Церкви. Здесь уж каждая обмолвка, каждая неточность, каждая недодуманность становилась тем лыком, что аккуратно вплеталось в строку. За всеми дискуссиями усматривалась сознательная злая воля и вредительский замысел. Это своего рода естественный антигностический синдром (в противовес гностикам, учившим о спасении через «знание», христиане говорили о том, что Царство Божие силой, то есть усилием воли, берется²¹⁴). Это искривление «естественное», в смысле почти неизбежное. Но в жертву этой своей болезни средневековые христиане принесли слишком много чужой крови...

Так, император Юстиниан, по чьей инициативе проходили антиоригеновские соборы VI века, утверждал, будто «богоборец Ориген» включал в свои труды православные суждения лишь для «злонамеренного обмана простаков. Воспитанный в языческих баснословиях и желая распространить их, он прикинулся, будто изъясняет Божественное Писание, чтобы таким образом, злонамеренно смешивая непотребное свое учение с памятниками Божественного Писания, вводить свое языческое и манихейское заблуждение и приманивать тех, которые в точности не выразумели Божественное Писание... Одна и единственная забота была у нечестивого Оригена — поддержать эллинское заблуждение и в души слабых посеять плевелы»²¹⁵. Император не прав. Ориген — заблуждающийся христианский мыслитель, а не замаскировавшийся оккультист.

Страх ошибки в Византии господствовал над всем (см. 19-е правило Трулльского собора — запрет проповедовать своими словами), и в итоге он замкнул уста богословию.

Вот и сегодня у слишком многих церковных людей (и околоцерковных изданий) малейшая неточность проповедника или епископа (или то, что кажется неточностью) вызывает самодовольный шепот: «Ага, вражина жидомасонская, проговорился!»^{xxxv}.

— Так что же делать, если другие батюшки косятся на молодежного миссионера — нельзя, мол, на такие светские темы и на таком светском языке и с такими светскими людьми говорить...

— А вы им отвечайте словами Патриарха: «Нас многое смущает в нравах современной молодежи. Их привычки, увлечения и язык иногда отталкивают. Но будем снисходительны и терпеливы. К этому призывает апостол Павел: *И вы, отцы, не раздражайте детей ваших* (Еф. 6, 4). Наша молодежная работа пока не полностью раскрывает возможности Церкви. Слишком много юношей и девушек все еще очень далеки от веры. Наверное, одним из путей преодоления этого разрыва может стать развитие миссионерства среди молодежи. Важно рассказать юному поколению о Христе, о Церкви через близкие молодым людям слова и культурные формы. В этом нет ничего необычного — во все века Церковь говорила одним языком с детьми, другим — с юношеством, третьим — со зрелыми людьми, четвертым — с пожилыми. Главное — чтобы люди, привыкшие к одному языку, были бы терпимы к церковной проповеди на другом языке. Чтобы молодые люди не стыдились быть в храме вместе со старушками и не осуждали бы священника, который говорит что-то на языке наших бабушек. Но и бабушки должны молиться о миссионерах, которые обращаются к их внукам на том языке и с теми доводами, которые понятны именно молодежи. В конце концов, именно потому, что сама эта бабушка своим личным благочестием и своим словом не смогла своих детей

²¹⁴ Протоиерей Георгий Митрофанов, протоиерей Димитрий Смирнов, иеромонах Анатолий (Берестов), священник Олег Стеняев, профессор А. И. Осипов, профессор А. Л. Дворкин... Много ли еще людей, регулярно покидающих свой дом, едущих по России и готовых к встречам с людьми, неправославно настроенными?

²¹⁵ Слово императора Юстиниана... С. 515 и 528.

удержать в Церкви, и возникла нужда в специальной церковной миссии к молодежи. В нашем секуляризованном, во многом бездуховном обществе, которое стало таковым за семьдесят лет, не всегда можно на церковном языке донести истину до сознания, до ума, до сердца. Поэтому приходится говорить на том языке, который понятен человеку именно XXI века, а не давно ушедших столетий, донося то же самое учение Христа Спасителя до сознания и восприятия, до сердец тех людей, которые сегодня хотят воспринять слово Божие. Вера Церкви не меняется в зависимости от времени. Но могут и должны меняться формы нашего свидетельствования о ней. В этой связи очень важно точно ощутить и по возможности обозначить меру миссионерской терпимости в церковных дискуссиях, в ходе которых вырабатываются отношения Церкви к тем реалиям культурного и общественного бытия, которые не зависят от нашей воли, но извне вторгаются в церковную жизнь. Особенно важно правильно провести границу между тем, что Церковь должна осудить, тем, что она может потерпеть, а также тем, что она может обратиться к своей пользе. Особое внимание стоит обратить на необходимость создания атмосферы терпимости в самой Церкви по отношению к миссионерским поискам»²¹⁶.

Мне лично подобные высказывания Патриарха очень в свое время облегчили жизнь.

Ведь у нас в течение многих и многих столетий церковная жизнь равнялась жизни литургической, и отсюда у людей возникло совершенно понятное ощущение, что литургический язык Церкви — это единственный допустимый церковный язык. В течение нескольких столетий слово Церкви преподносилось как поучение и наставление, обращенное сверху вниз. Люди привыкли к тому, что именно так и только так должна звучать проповедь. Проповедь была частью литургического искусства, частью богослужения. И она должна была быть позолочена, как и всё в храме.

Но вне храма изобилие позолоты неуместно.

Храмовая проповедь изначально предполагает вознесенность проповедника над паствой и согласие самой аудитории на такое положение. Светские же люди очень болезненно реагируют, если церковный проповедник начинает с ними говорить в этой столь привычной для него интонации и самим тоном своей речи «вещать» и «наставлять», говорить сверху вниз...

Храмовый проповедник обращается к тем, кто уже сознательно пришел на богослужение. Миссионеру же нередко приходится говорить с теми, кто почти случайно оказался на встрече с ним. Если проповедь приходского священника окажется скучна, люди подремлют десять минут, но затем вернутся к молитве, то есть к главному в храмовой жизни. Если проповедь миссионера покажется его аудитории скучной — то они останутся не в храме, а в своем светском мире и, отождествив скучность услышанной ими проповеди со всем «этим тоскливым Православием», проведут линию своей жизни мимо Церкви, мимо спасения.

В результате миссионер должен так вести себя, такие аргументы и уподобления находить, к таким светским авторитетам взывать, что его поведение весьма и весьма будет отличаться от поведения приходского или монастырского златоуста.

Знаете, один батюшка, чей храм расположен в воинской части, рассказывал мне: «Я на собственном опыте понял, что, когда я говорю с солдатами (с офицерами — это одно, с женами офицеров — другое), я должен следовать железному правилу: если я вижу, что мои слушатели в течение десяти минут ни разу не рассмеялись, я понимаю, что я их потерял». Ведь у солдата один основной инстинкт: поспать. И тут его приводят в натопленное помещение, предлагают сесть, офицеры выходят, зачета по услышанному сдавать не надо... Как удержать солдат от сползания в сон? Воспроизведение семинарской лекции тут никак не поможет. А потому приходится шутить, приходится приближать монастырские случаи и советы к реалиям солдатской жизни... Да, надо предупредить, что этот священник — отец Михаил Васильев — отнюдь не какой-нибудь легкомысленный

²¹⁶ Патриарх Алексий. Войдите в радость Господа своего. С. 164–165.

жизнелюб. И в Косово, и в Чечню он ездил неоднократно с нашими десантниками и вместе с ними ходил и ходит по границе жизни и смерти.

Понятно, что шуткам и анекдотам не место в храме. Но не вся же жизнь христианина проходит в храме!

Люди разные. И проповедь должна быть разной — в том числе и совсем непохожей на проповедь (ибо есть люди, которые боятся всякой зазывательности и пропаганды). Есть священники, от елейности проповеди которых меня лично тошнит. Но я вижу, что есть сердца (в основном — девичьи), которые отзываются именно на эту умиленную елейность. И я готов целовать не только руки, но и ноги этих батюшек за их дивную проповедь, которая лично для меня ну совсем не съедобна.

Я обращаюсь к людям нецерковным. Миссионер, обращаясь к светским людям, людям внешним, нецерковным, должен говорить с ними на их языке. «Их язык» — это значит «не наш». Язык миссионера просто не может быть вполне церковным.

Если с классической амвонной проповедью сегодня войти в нецерковную аудиторию, твои семинарские опыты и вещания рискуют остаться при тебе. Вне храма нужно говорить просто на языке людей — даже если этот язык коряв.

В свою очередь, это рождает у церковных людей некоторую аллергию. Очень часто я вижу, что в церковной среде, за спиной священника, который пробует идти миссионерским путем, возникают различные пересуды: «Как он посмел так сказать?!». Просто осуждающие забыли, что миссионер привел возмутившее их сравнение не в храме, а в школьном классе или в светском Доме культуры.

Как-то выходя из одного Дома культуры, где была моя лекция, две бабулечки-прихожаночки возмущались: «Ну как же можно так в храме говорить!». Они забыли, что они не в храме, что это была совсем не приходская проповедь, это не всенощное бдение. С другой стороны, я был этому очень рад. Это означает, что я говорил так и о том, что эта бабушка забыла, что она в театре, а не просто стоит у своего подсвечника в церкви. Значит, какая-то церковная атмосфера все же была создана. Однако, поскольку были иные интонации, иные способы контакта с аудиторией, ей это все же резануло по сердцу, вошло в диссонанс с ее привычками.

Я понимаю ее раздражение. Беда в том, что очень многие не то что бабулечки, но и священники и монахи не помнят святоотеческое пояснение: «Пока надлежало бороться с возникавшими по временам ересями, следуя предшественникам, почитал я приличным употреблять, как вынуждала к тому потребность недугующих, те и другие изречения, часто и такие, которых нет в Писании, но которые, впрочем, не чужды смыслу Писания; потому что и апостол не отказывался для собственной своей цели употреблять нередко и языческие изречения... Тогда занимало меня обличение ереси; а теперь предполагается исповедание и простое изъяснение здравой веры. Поэтому не приличен мне теперь и прежний образ речи. Как человек не одни и те же снаряды взял бы в руки, идя воевать и возделывать землю, так не одно и то же могут говорить и тот, кто увещевает здравым учением, и тот, кто обличает противоречащих»²¹⁷. «Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, а кормчему — знать одно лишь средство для борьбы с ветрами»²¹⁸.

Поэтому у нас сегодня церковная миссия неизбежно связана с элементами юродства. Если ты хочешь быть с эллинами как эллин, будь готов к тому, что иудеи отвесят тебе на полную катушку.

Самое болезненное, что есть в жизни миссионера,— это не нападки сектантов и не насмешки атеистов. Самое страшное — это ощущение пустоты за спиной (или, того хуже, штыков).

²¹⁷ *Свт. Василий Великий. О вере // Творения. Ч. 5 (Творения святых отцов в русском переводе: В 66 т. Т. 9. Ч. 5). Сергиев Посад, 1902. С. 22–23.*

²¹⁸ *Свт. Иоанн Златоуст. Слова о священстве. 6, 4 // Свт. Иоанн Златоуст. Шесть слов о священстве. Форествилль, 1987. С. 95.*

Церковные люди должны научиться терпеть своих же миссионеров. Не будет этой терпимости, готовности разрешить другим проповедовать о Христе вне храма не так, как о Нем говорят в храме, — не будет и миссионерства. Мне кажется, к этой ситуации очень приложимы слова старца Вонифатия. Его спросили: «Как поступать, когда я соблазняюсь, видя, что другие вольно выражают свои мысли, или оскорбляюсь, когда не вижу кротости в обращении с другими? — Уверь себя, что это тебе кажется от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какой целью они сие делают»²¹⁹.

Только апостол мог быть «всем для всех». Но у него был апостольский дар Пятидесятницы. Я же им не обладаю²²⁰. Оттого и приходится выбирать — для кого говорить и на каком языке. Заговоришь на благочестиво-обтекаемом церковном наречии — и, приобретя молитвы одних, потеряешь интерес со стороны других.

И тут возникает вопрос: чье благорасположение для тебя важнее сохранить или приобрести — людей воцерковленных или нецерковных? Для священника важнее первое, для миссионера — второе.

— **Не могли бы Вы вспомнить подобную ситуацию из своей практики?**

— В 97-м году в Архангельске происходили организованные епархией педагогические чтения, на которых впервые встретились учителя и священники. И первый доклад — об отце Иоанне Кронштадтском. Интереснейший историк, архивист из Москвы Александр Стрижёв рассказывает о подлинных дневниках отца Иоанна. Дело в том, что хотя «Моя жизнь во Христе» и называется дневником, на самом деле это именно литературное произведение, изначально предназначенное для публикации. А есть личный, интимный дневник отца Иоанна, и Стрижёв его нашел.

Это очень честный дневник. И вот зачитывается такое место из дневника святого Иоанна: «Господи, не допусти Льву Толстому достигнуть до праздника Рождества Божией Матери, Которую он хулит. Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею посмердивший всю землю. Аминь»²²¹.

Ситуация: учителя впервые встретились с миром Церкви, пришли послушать «о духовности», и на тебе — такое услышать от святого Русской Церкви. Они были просто в шоке. Владыка Тихон Архангелогородский оборачивается ко мне и шепчет:

— Отец Андрей, твой доклад следующий, спасай ситуацию.

Что делать? Встаю, поворачиваюсь к иконе Иоанна Кронштадтского, крещусь, кланяюсь ему и говорю:

— Святой праведный отче Иоанне, прости меня, но я с тобою не согласен.

И потом объясняю, что в православной молитве нельзя желать зла другому человеку, привожу соответствующие цитаты из отцов. Поясняю, что в Православии святость и безгрешность — это не одно и то же, что в этой дневниковой записи сказала наша ветхозаветная страстность, а не этическая максима православной веры.

Аудитория более-менее оттаяла. Но зато православные! Бородачи в сапогах, в черных рубашках встают и дружно уходят. В этой ситуации выбор был необходим. Пришлось пожертвовать своей репутацией в глазах некоторой части православных — ради того, чтобы не оттолкнуть от Церкви начинающих.

— **Простите, что перебиваю. Но по Интернету гуляют целые справочники, содержащие выписки из святых отцов, призывающие к казням еретиков. А на что же сослались Вы?**

²¹⁹ Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX веков: В 2 ч. Ч. 2. М., 1994. С. 508.

²²⁰ Мой настоятель — 75-летний протоиерей Николай Ситников — говорит, что «в наше время у людей бывают добродетели, но нет даров».

²²¹ Запись от 6 сентября 1908 года // *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник*. М., 2003. С. 61.

— «Еретические учения, не согласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении» (*Святитель Иоанн Златоуст. Слово о проклятии*, 4).

«В своей молитве старайся не призывать проклятий на голову какого-либо человека, дабы не разрушить того, что строишь, и не сделать мерзкой молитву свою» (*Евагрий. Слово о молитве*, 103).

Вообще, «в отличие от язычества и религии ветхозаветного Израиля, отцы Церкви строго запрещали такого рода призывание проклятий (букв.: “молиться против кого-нибудь”) даже на головы врагов — в молитве за других можно просить только того, что просишь для себя, то есть преимущественно благ Небесных и духовных», — поясняет патролог А.И. Сидоров²²².

Да и святой Иоанн Кронштадтский в иные дни сам был не согласен с этим своим минутным настроением: «Доброжелательствуй (а не зложелательствуй) всякому, даже врагу твоему или врагу твоей православной веры и Отечества, чтобы исполнить точно закон Христа Бога, повелевшего любить врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим нас (см.: Мф. 5, 44). Если же пожелаешь зла и позлорадуешь врагу — то нарушишь закон Божий, сотворишь лукавство и самосуд пред Господом, и себе причинишь вред и зло, лишишься мира сердечного, и отягчишь душу грехом»²²³; «Даруй мне, Господи, доброе сердце, добромилующее к врагам моим или России; даруй мне сознавать, что самый злой враг мне — это я, я сам. Аминь. 26 июля 1908»²²⁴.

А одно святоотеческое творение, посвященное специально этой теме, я приведу почти целиком. Это письмо преподобного Феодора Студита тем епископам, которые считали допустимым перехватить у гонителей меч для расправы с еретиками (в пору написания этого письма ситуация была такова, что гонимы были как раз православные — от императора-иконоборца). Итак:

«...Речь идет об истине, важнее и достопочтеннее которой нет ничего. Что же прискорбное содержится в письме? “Мы,— говоришь ты,— не советовали ни убивать манихеев, ни не убивать; но если бы и позволили, то сделали бы дело, величайшее из прекрасных”.

Что говоришь ты, богопочтенный? Господь запретил это в Евангелии, сказав: *нет,— чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы* (Мф. 13, 29–30). Ты же называешь величайшим из прекрасных дел позволение исторгать их.

А то, что плевелами Он назвал именно еретиков, как тогдашних, так и последующих, то есть всех, об этом послушаем Златоуста, который, изъясняя те же самые слова, говорит так: “Что Господь запрещает, говоря: *чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы?* Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства; и еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной”.

И далее: “Что разумел Господь, сказав: *чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы*, как не то, что если вы приметесь за оружие и станете убивать еретиков, то неминуемо будут истреблены вместе с ними и многие из святых?”²²⁵. Это и случилось в наши времена; ибо кровопролития и убийства наполнили нашу страну, и многие из святых преданы смерти; слово Господне оказалось нетщетным...

И для чего мы говорим, что не позволительно убивать еретиков? Нам не позволительно даже и желать им зла. Послушаем опять Господа, Который, по словам премудрого Дионисия, сказал святому Карпу: “Наноси Мне удары, Я готов опять страдать за спасение людей; для Меня это вожделенно, только бы другие люди не грешили...”²²⁶.

²²² Творения аввы Евагрия. М., 1994. С. 192.

²²³ *Св. Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу. Дневниковые записи.* СПб., 1998. С. 634–635.

²²⁴ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник.* С. 38.

²²⁵ *Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 46 на Евангелие от Матфея // Творения.* Т. 7. СПб., 1901. С. 482.

²²⁶ Дионисий Ареопагит к Демофилу. Гл. 6 // Четьи-Минеи, 26 мая и 3 октября.

Видишь, богомудрый, гнев Божий на святого за то, что он молил о еретиках, чтобы они лишены были жизни; и если бы святой остался при таком расположении, то был бы осужден. Таким образом, отнюдь не должно желать зла врагам, как показала истина; а, напротив, нужно молиться о них, как показал Сам Господь во время страдания, сказав к Отцу Своему: *Отче! прости им грех: ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34).

Что же касается того, будто, как говорит святость твоя, с твоим мнением согласны некоторые святые, то прости, отец, мы не хорошо понимаем слова святых и потому оказываемся вносящими новое вопреки отцам, или, лучше сказать, вопреки Богу. Так божественный Кирилл в речи против Юлиана выразился согласно с древним законом, не смешивая Ветхого Завета с Новым,— да не будет. Ибо он не мог не знать, что сказанное в законе сказано тем, кто жил под законом (см.: Рим. 4); равно не мог не знать он и сравнения, сделанного Спасителем в следующих словах: *сказано древним то-то; а Я говорю вам то-то* (см.: Мф. 5, 21–22). Поэтому мы, как говорит божественный Дионисий некоему Демофилу, не примем твоих слишком ревностных стремлений, хотя бы тысячу раз ты ссылался на Финееса и Илию.

То же услышав, Иисус не одобрил учеников, чуждых кроткого и благого духа (см.: Лк. 9, 54–56)... Надобно учить неведущих, а не наказывать. Также и Игнатий Богоносец говорит: «Ненавидящих Бога надобно ненавидеть и на врагов Его негодовать (см.: Пс. 78, 6), но не преследовать или бить их нам, подобно язычникам, не знающим Бога». Если же не должно бить, то едва ли должно убивать их.

Так как ты, владыка, полагаешь, что и святой Симеон²²⁷, живший на Дивной горе, согласен с тобою, то не думай этого. Ибо святой не мог противиться Христу или учителям, высшим его. Но что же тогда? Он говорил увещание к тогдашнему императору о язычниках, мучивших христианский народ, стараясь о том, чтобы христиане не были угнетаемы самарянами. Это и хорошо. К тому же самому и мы ныне увещеваем, когда говорим, чтобы императоры не щадили, но воевали против скифов и арабов, убивающих народ Божий. Но это иное дело, а то иное; это относится к неприятелям, а то к подвластным еретикам.

Сообщаемое об Иоанне Постнике, предстоятеле Константинопольском, будто он повелел посадить на кол волшебников, мне не кажется истинным, но, может быть, он допустил это. Ибо и они убийцы, с которыми начальникам не запрещено поступать по римским законам; ибо *они не напрасно*, говорит апостол, *носят меч, но суть отмстители делающему злое* (ср.: Рим. 13, 4); но это непозволительно в отношении к тем, о которых Господь изрек запрещение. Начальствующие над телами имеют право наказывать виновных в преступлениях, касающихся тела, а не виновных в делах душевных; ибо право наказывать последних принадлежит управляющим душами, и наказания здесь суть отлучения и прочие епитимии.

Так, владыка, думаем мы, уничиженные; и, скажем по неразумию, даже Блаженнейшему Патриарху нашему мы дерзновенно сказали, что Церковь не мстит мечом, и он согласился с этим. Императорам же, совершавшим убийство, мы сказали, первому: «Не угодно Богу такое убийство», а второму, требовавшему одобрения на убийство: «Прежде пусть снимут мою голову, нежели я соглашусь на это». Таков ответ от нас, грешных. Вы же, святейшие, если читали другое Евангелие, которого мы не знаем, то хорошо; а если нет, то вдумайтесь в то, что объявил апостол»²²⁸.

²²⁷ Преподобный Симеон Столпник, Дивногорец, и святитель Иоанн Постник, архиепископ Цареградский, жили в конце VI века.

²²⁸ *Прп. Феодор Студит*. Письмо 26. К Феофилу, епископу Ефесскому // *Прп. Феодор Студит*. Послания. Кн. 2. С. 55–59. А также: «Церкви Божией не свойственно мстить за себя бичеваниями, изгнаниями и темницею. Кроме того, я хочу сказать о деле павликиан и их преследовании: ведь церковный закон никому не угрожает ни ножом, ни мечом, ни бичом. Ибо, говорит Писание, *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52). Но поскольку все эти средства были применены... вспыхнула эта христорборная ересь (иконоборчества.— А. К.), губящая всех» (*Прп. Феодор Студит*. Письмо 114. Льву, торговцу ароматами //

Так что новоявленные «православные фашисты», составляющие упомянутые вами списки в оправдание своей ненависти, все же плохо знают отцов. Все защитники казней еретиков ссылаются лишь на ветхозаветные примеры. Но тут еще заволжские старцы ответили преподобному Иосифу Волоцкому: «Если ты признаешь авторитет Ветхого Завета в вопросе о казни еретиков, то тогда уж следуй еврейскому закону во всем и принимай обрезание»...

И все же: да, можно у отцов Церкви найти советы о преследовании еретиков. Есть у отцов (а наипаче — в Евангелии) и предостережения против этого. Что это значит? То, что православный христианин должен сам выбрать свою позицию. И тот, кто пошел путем гонителя, пусть не оправдывает себя тем, что он якобы лишь следует традиции. В традиции можно было найти и другие примеры для подражания. Если же ты избрал именно этот путь, если ты решил, что ты вправе желать другим людям смерти, боли и заточения, то это именно твой и только твой выбор. Так что не ври хотя бы своей совести. Не скрепя сердце, не «за послушание» ты голосуешь за репрессии от имени Христа, а по своевольному велению своей хотелки. И это твое неумение проповедовать Христа, твое неумение любить, твоя всегдашняя готовность к ненависти и осуждению заставляют тебя выискивать и подбирать цитаты в собственное оправдание.

— **Что ж, для тех, для кого Евангелие Христа важнее собственной «праведной ненависти», это убедительно. Значит, миссионеру приходится учитывать настроения не только язычников, но и церковных людей?**

— В самом начале своего пути к Церкви я услышал слова, которые стали для меня определяющими. Архиепископ Александр, ректор Московской Духовной Академии, в одной частной беседе сказал мне: «Мы должны почаще спрашивать себя, как бы в этой ситуации поступил апостол Павел».

Казалось бы, естественнее было сказать: «Как поступил бы Христос». Но ведь это невозможно — мы не можем ставить себя на место Христа, человек не в силах понять психологию Бога. Но почему ректор назвал именно апостола Павла? Апостол Павел — это апостол свободы. Удивительно: в мире не было человека, который был бы обращен в веру более насильственным путем. Воскресший Христос явился гонителю христиан Савлу, «навязал» ему очевидность Своего воскресения (*трудно тебе идти против рожна*²²⁹), но при этом никто более этого самого Савла (Павла) потом так не переживал жизнь во Христе как опыт свободы...

Эта обретенная им свобода дала ему умение различать, где главное, а где — второстепенное. Причем Павел умел ценить второстепенное ради того главного, которое через него проступает. Он четко понимал, «где суббота, а где человек», и ради человека хранил субботу, и ради человека ее нарушал. Принцип его пастырства: «Я с эллинами был как эллин, с иудеями — как иудей»²³⁰. Он знает о той свободе, с которой умный, верующий христианин может себя вести, но предлагает самим ограничивать себя в этой свободе — ради немощных братьев своих по вере²³¹.

Наша беда в том, что за две тысячи лет эти «немощные в вере» не исчезли; напротив, их голос стал решающим... Каждую новую уступку им они немедленно догматизируют и определяют нормой Православия. Например, в посланиях и речах наших высших иерархов неоднократно говорилось, что часть наших прихожан, причем именно «немощная в вере», подвержена суевериям, боится налоговой регистрации. Не желая создавать дополнительные трудности в жизни таких боязливых христиан, иерархи Церкви обращались к государственным властям с просьбой разрешить этим людям платить свои налоги по старинке... «Синодальная комиссия в итоговом документе ясно сказала, что

Там же. С. 232–233). См. также: *Прп. Феодор Студит. Письмо 7. Феодоту военачальнику* // Там же. С. 16–17.

²²⁹ Деян. 9, 5.— *Ред.*

²³⁰ См.: 1 Кор. 9, 19–22.— *Ред.*

²³¹ См.: Рим. 14.— *Ред.*

вопрос об ИНН — не вероучительный вопрос, как и все мероприятия, проводимые государством с целью упорядочивания сбора налогов или учета населения страны. Мы просили государство подумать о том, как не искушать людей, которые не могут вникнуть в суть этих процессов, соблазняются этим, но которые по совести своей протестуют. Еще апостол Павел писал о тех, кто имеет “немогущую совесть”... Исходя из пастырской озабоченности, Патриарх и я обращались в соответствующие инстанции, чтобы государство учитывало духовное состояние определенной части нашей паствы. Но при всем этом мы твердо убеждены в том, что это не богословская проблема, она не имеет никакого отношения к тем местам из Священного Писания, где говорится о последних временах и пришествии антихриста»^{xxxvi}. Но затем на такого рода обращения Патриарха и митрополита Филарета Минского начинают ссылаться ревнители борьбы против «номеров» и говорят: «Видите, даже Патриарх не благословляет брать эти номера! Не слушайте диакона Кураева, он еретик!».

Знаете, с этим когда-то надо кончать, нельзя всегда идти на поводу у бабушек и у их страхов. В конце концов, это и самих бабушек, и Церковь в целом сваливает в пропасть. Когда все сгрудилось на одном конце лодки, кто-то обязан встать на другом борту, иначе она перевернется. Кстати, таким человеком, который стоит не на том борту церковного корабля, где сгрудились народные суеверия, является Патриарх Алексий. Найдите его книгу «Войдите в радость Господа своего» и почитайте размышления Патриарха о суевериях...

А самый лучший первый шаг на пути возрождения православной миссии — это введение молитвы о миссионерах в ежедневное богослужение. Это же странно, что Церковь не молится о своих миссионерах.

— Отсутствие молитвы важнее отсутствия финансирования?

— Конечно. Отец Сергей Булгаков совершенно справедливо сказал, что в религии живо только то, что есть в культуре^{xxxvii}. Те истины нашей веры, которые постоянно поются и проговариваются в храме,— поддерживаются и остро переживаются людьми; а то, что отсутствует в богослужении, остается уделом досужего любопытства каких-нибудь книжников.

Никакой другой завет Христа не игнорируется нашей Церковью столь откровенно и постоянно, как этот: *Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою* (Мф. 9, 36–38). Христос просит нас, чтобы мы молились Ему о ниспослании миссионеров, а мы уже сколько веков эту просьбу Христа не исполняем. Это евангельское слово не расслышано нашей церковной историей. Мы привыкли, что человек молит о чем-то Бога. А тут Бог умоляет человека! Прямая мольба, прямая заповедь Христа, которую наше богослужение презирает! Где у нас молитва Господину жатвы, чтобы Он миссионеров послал, делателей? О шоп-туристах мы молимся каждый день — о «плавающих и путешествующих». Но привычки молиться о миссионерах у нас нет.

В нашем годичном богослужебном круге нет ни одной молитвы о миссионерах.

Вслушаемся в службу праздника апостолов Петра и Павла. Прихожане воспитываются не призывами Синода, а строим богослужения и теми мыслями, которыми пропитаны богослужебные книги. Реальное отношение Церкви второго тысячелетия к миссионерству ярче всего видно из службы апостолам Петру и Павлу: ибо это тот день, когда Церковь уж, казалось бы, должна ощущать себя именно Апостольской и должна была бы молиться о том, чтобы ее члены подражали апостольскому служению.

Но о чем же просят молитвы этого дня? — «Разрешити от уз греховных вся възхваляющия Тя» (2-я стихира на стиховне); «молися разрешение бед низпослати скорбящим нам» (3-я стихира на стиховне); «мир мирови даровати» (стихира на литии), «спаситися душам нашим» (2-я стихира на литии), «утвердите стадо» («Слава» на литии), «молите грехов оставление даровати» (седален по 1-й кафизме)...

В молитвах «Петропавлова дня» нет ничего собственно апостольского. Нет молитвы, в которой бы Церковь просила у Господа послать нам апостольские дары. И нет ни одного обращения к апостолам с прошениями типа «молите, да дарует и нам Господь разум к проповеданию Святого Евангелия Своего»; «молите, да просветятся Божиим просвещением труждающиеся на ниве проповедания святого Православия», «молитесь, да споспешествует Божия всепобеждающая сила нашим благовестником»; «молитесь о низпослании в сердца служителей церковных ревности в проповедании слова Божия»...

Служба апостолам Петру и Павлу сложилась в имперскую эпоху, когда церковное сознание исходило из уравнения: вселенная = империя = христианский мир = Церковь. Все граждане империи и так православны, и потому миссионерское, апостольское служение уже не нужно. Апостолы теперь просто обычные ходатаи о наших грехах, подобно преподобным, благоверным императорам и иным подвижникам благочестия. От пустынноика, ушедшего из мира, и от апостола, посланного Христом в мир, ожидается одно и то же.

Современное богослужebное сознание очень чутко выявляет малейшие нюансы в житиях святых и соотносит их с тем, какой именно дар будет испрашиваться у Бога через посредничество именно этого угодника. От целителя Пантелеимона (в миру врача) будет ожидаться именно исцеление от телесных болезней. К мученику Уару (молившемуся о своих некрещеных родственниках) будут обращаться с просьбой о поминании некрещеных близких. Мученика Вонифатия (бывшего некогда пьяницей) просят об избавлении от пьянства^{xxxviii}... Казалось бы, только естественно было бы при обращении к апостолам испрашивать помощь тем, кто должен продолжать апостольское служение,— помощь миссионерам... Но этого нет. Наши богослужebные книги и, соответственно, наши общецерковные молитвы не замечают, что живем мы уже в другом мире, совсем не в том, в котором можно было видеть совпадение между границами мира, империи и Церкви.

Церковь по многу раз в день молится о солдатах, причем нередко о чужих солдатах — солдатах неправославных государств, но не молится о своих миссионерах. Церковь не молится о том, чтобы в ее служителях и членах умножился дар именно апостольского служения — благовестнического. Церковь не просит этого дара. Он ей и не дается. Проповедь наша молчит.

Сохранился и ревностно соблюдается апостольский пост. Современными православными он даже стал более ценим, чем прежними. Ведь при переходе на новый стиль (при условии сохранения старой пасхалии) Петров пост может в иные годы совсем исчезать (если Пасха будет поздней, Троица может оказаться столь близкой к 29 июня / 12 июля, что не останется времени для поста). Человек особо ценит то, что может потерять: поскольку переход на новый стиль угрожает утратой Петрова поста, то этот летний пост особенно становится ценим ревнителями церковных традиций.

И вот каждый год благочестивые толкования объясняют нам смысл этого апостольского поста: «Церковь призывает нас к посту по примеру святых апостолов, которые в посте и молитве приготавливались ко всемирной проповеди Евангелия»²³²...

Меня корбит, когда я слышу такие объяснения.

Апостолы действительно постились. Но исторически Петров пост не имеет к этому никакого отношения. Впервые упоминает об этом посте «Апостольское предание» святого Ипполита Римского (III век). Тогда этот пост никак не связывался с апостолами, а считался компенсаторным: то есть те, кто не смог поститься перед Пасхой, да постятся по окончании праздничного ряда (от Пасхи к Троице).

Сегодня же пост именуется апостольским — и тут и возникает огромное недоумение: да в чем же именно мы подражаем апостолам?! Как все перевернулось с ног на голову! Пусть, в самом деле, мы постимся в подражание апостолам, которые делали

²³² Прот. Г. С. Дебольский. Дни богослужения Православной Церкви: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 40.

это, прежде чем пойти на проповедь. Только у меня вопрос: скажите, почему мы подражаем апостолам в подготовке к делу и не подражаем в самом деле?

Для апостолов пост был средством, чем-то служебным для их цели. Целью же была проповедь Евангелия. А нами сегодня именно средство блюдетя со всю тщательностью, вот только цель, ради которой это средство блюдетя, как-то забылась. Кто из православных отправляется на проповедь в Петров день (12 июля по новому стилю)? Кто в подражание апостолам постится до 12 июля с тем, чтобы 13-го уподобиться апостолам и в том, чтобы уйти в миссионерское путешествие (хотя бы в соседний детский летний лагерь)? Хорошо, предположим, что миряне не должны нести апостольское служение и братья за «самочинную проповедь». Но что же духовенство? Для нас в промежуток между Петровым и Успенским постами начинается пора летних отпусков...

Представьте, если бы приходской священник сказал бы: «Братя! Через неделю — день памяти святого князя Александра Невского, защитившего нашу страну от нашествия латинян. Почтим же его память подражанием его делам! Нам известно, что всю неделю до битвы дружинники святого князя примеряли кольчужки — коротки они или нет. Вот и мы давайте всю неделю будем надевать и снимать кольчуги, чистить мечи... А в день святого Александра поедим... Нет, нет, не на битву — на загородный пикник». Смешно? Ну, вот точно так же мы подражаем апостолам.

Есть в Церкви память о святых врачах бессребрениках (скажем, святые Косма и Дамиан). Представьте, если бы мы предложили: «Давайте будем подражать их подвигу. Они изготавливали лекарства, а потом бесплатно раздавали их страждущим. Вот и мы будем лекарства копить... копить... копить... копить... А раздавать лекарств не будем». Вот так же издевательски выглядит наше постное «подражание апостолам».

Вместо подражания апостолам получается злая пародия на них. Посмотрите, какая схема у апостолов: подготовка к подвигу — и сам подвиг, а у нас: подготовка к подвигу — и падение. Причем падение запланированное, ожидаемое. Ведь апостольство в качестве цели и не ставится. Мы вспоминаем об апостолах, но не подражаем им. А потом отчего-то охаем и удивляемся, что вот в общественном сознании все меньше признаков христианского присутствия.

Я помню одну церковную передачу (ее вел слишком известный человек, чтобы называть его имя), и это был канун Петрова дня. И он говорит: «Завтра, дорогие братья и сестры, день святых апостолов Петра и Павла. Что это означает? А это означает, что кончился Петров пост». Все. Неужели только это и значит для него память об этих апостолах?

Переключаю на другой канал, а там протестантская передача, где рассказывается о том, что какие-то американские баптисты зафрахтовали «боинг», устроили в нем госпиталь и летают в нем по разным странам и лечат людей, делают бесплатные операции. Мы ради Бога постимся, они — помогают больным. Так где в данном случае настоящий подвиг, а где его имитация?^{xxxix}

Ну почему святым мы подражаем только одним путем? Ведь пост — не единственный подвиг, которым отличились святые былых времен. Но отчего же лишь этой стороне их подвига мы стараемся подражать — чуть-чуть в посте, чуть-чуть в молитве?

Мне странно, что к любому церковному празднику сегодня нас призывают готовиться гастрономическим путем. Но почему бы не призвать день святых Кирилла и Мефодия — день славянских педагогов — посвятить общению с детьми? Как бы сын запомнил этот день, о котором отец ему заранее объявил: «Ты знаешь, этот день я в твоей власти. Не полчаса после работы, а весь мой день завтра будет твоим!».

А вот если бы сказать: «Завтра день Космы и Дамиана, святых целителей-бессребреников. Братия и сестры, в этот день мы не будем служить всенощное бдение, не будем прославлять этих святых словами. Давайте почтим их память делом. Давайте

сегодня вечером пойдём всем приходом в больницу. Станем просто беседовать с пленниками больничных коек»...

Да, да. Понимаю. Да, неприятностей не оберешься... Нет, это не влияние протестантизма. Это — влияние Евангелия^{XL}. Да, такое может предложить только безумный и юродивый. Да, знаю, с юродивыми соглашаются только после их смерти...

Печальный вывод напрашивается сам собой: видимо, церковным сознанием пока не ощущается нужда в миссионерах. Нет молитвы вроде: «Святии апостоли, молитесь ко Господу низпослати пастырем нашим ревность проповедания Святаго Евангелия Твоего, умолите Господина жатвы извести делателей на ниву Христову... Господи, яви и сохрани в Православии наших миссионеров, даруй силу словам их...». Раз нет такого ни на отдельных молебнах, ни во вседневных службах, значит, Церковь не молится о миссионерах, не просит их у Господа, а значит, и Господь их не дает.

— **Но ведь не все могут быть проповедниками?**

— Призывать к этому надо всех, но не всем потом можно это разрешать. Призывать всех — чтобы в сознании церковных людей проповедническая активность воспринималась как норма церковной жизни. Но вот когда в ответ на эту проповедь в людях проснется желание делиться своей верой — вот тогда не всем можно разрешать проявлять миссионерскую активность (иначе есть опасность, что некоторые прихожане будут делиться не церковной верой, а этнографическими суевериями, не своей верой, а своей раздраженностью). Но всех можно хотя бы во дни апостольского поста призывать молиться о возрождении миссионерской деятельности в нашей Церкви и о тех немногих миссионерах, что в ней уже (еще) есть.

— **Если такая молитва будет, наверное, и в самом деле появятся миссионеры, причем такие, которые будут поддержаны благодатью Бога и молитвой Церкви.**

— И эта поддержка очень важна. Ведь в сопротивлении человека Евангелию порой есть нечто иррациональное, а потому способное ниспровергнуть самые тонкие расчеты миссионера.

— **Какие проблемы в современной церковной жизни вызывают у Вас наибольшую боль?**

— Лицемерие. На словах мы все говорим: «Надо избегать осуждения», но при этом в реальной церковной жизни мощнейший настрой именно на поиск поводов к придирке.

Знакомы ли вам люди, которые при упоминании любого имени начинают восклицать: «Да этот однажды такое сказал, а другой такой-то грех совершил, а о третьем вообще говорить не надо, потому что он однажды такое вот сделал!..»? Не правда ли, такое поведение очень многое (и очень печальное) говорит о внутреннем мире самого восклицателя? Если мы видим человека, который во всех других усматривает прежде всего грехи и только об этих грехах других людей говорит, нам становится понятно, что с духовной точки зрения сам этот всех осуждающий человек серьезно болен.

Но, к сожалению, часто приходится видеть, что многие околоцерковные или даже церковные издания становятся на этот путь. Если они о ком-то вспоминают, то сразу же в любом человеке, даже церковном, даже в церковном иерархе, они видят только негатив. Не видят того доброго, что этот человек сделал, а цепляются за одну какую-нибудь фразу, один жест, один поступок и к этой одной фразе, жесту, поступку (которые и в самом деле могли быть неверными) сводят всю жизнь этого человека, все его служение. И эта осуждающая однолинейность наших внутрицерковных пересудов, вообще говоря, тоже признак некоторого духовного нездоровья.

Здесь — главная причина того, почему с таким трудом идет у нас возрождение православной миссии.

Ведь стоит начинающему проповеднику раз-два получить по рукам от «некоторых из числа чрез меру у нас православных» (святитель Григорий Богослов²³³) — и он может

²³³ Свт. Григорий Богослов. Слово 3 // Творения: В 2 т. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра, 1994. С. 36.

сломаться. Он может решить: «Буду как все, ограничусь зачитыванием проповедей из дореволюционных сборников».

Один очень важный для меня урок я получил на самом пороге семинарии. Первую неделю после поступления лучшие преподаватели читали нам вводные лекции (не задавая при этом домашних уроков). Была и экскурсия по Лавре и по академическому музею (Церковно-археологическому кабинету). Священник, который знакомил нас с миром икон, начал рассказ с цитаты из Шопенгауэра: «Перед произведениями высокого искусства надо вести себя, как в присутствии Высочайших Особ. В их присутствии нельзя заговаривать первым. Надо смиренно ждать — когда они удостоят нас своего слова». Так и с иконой. Нельзя торопиться и спешно выносить свои суждения о ней — суждения, порождаемые сиюминутной модой. Икона далека от современных стандартов красоты. Она кажется примитивной, неумелой. Но не торопитесь, взгляните в нее...». И тут рассказчик привел неожиданное уподобление: «Если вы впервые летите самолетом, вам же ведь и в голову не придет пойти в кабину пилотов и начать давать им указания: “Знаете, мне кажется, что вот этот рычажок у вас неправильно стоит. Лучше поверните его вот так! А еще, если у вас тут загорится вот эта лампочка — то будет гораздо красивее!”. Странно, что современная интеллигенция забывает об этом элементарном правиле поведения (некомпетентен — не критикуй), когда речь заходит о Церкви. Человек не успел еще войти в церковную жизнь, не научился толком исповедоваться и молиться, не знает еще ни церковной истории, ни богословия — а уже дает советы: вот это в церковной жизни изменить, вот здесь пореформировать!».

На следующий день другой семинарский преподаватель спросил меня о первых впечатлениях. Я рассказал ему о том, что было сказано в музее. К моему удивлению, мой собеседник нахмурился. И затем бросил: «Да как он посмел Церковь с самолетом сравнить?!».

Так я впервые увидел: миссионеру могут противостоять не только неверы. Миссионер должен быть готов к тому, что его усилия вызовут отчуждение и недоумение у людей, чья деятельность не выходит за пределы Церкви.

Так профессор может возмутиться, если подслушает, как азы его науки излагают школьникам: «Да разве так я ему излагал этот материал! Разве так я беседовал с семинаристами!». Конечно, не так. Но не все на свете — семинаристы...

Да, порой миссионер говорит примитивнее, чем внутрицерковный проповедник. А иногда, напротив, миссионеру надо говорить сложнее и аргументированнее, чем внутрицерковному проповеднику. Потому что он должен объяснить своим слушателям то, что для людей церковных уже давно перестало быть вопросом. То, что верующий человек принимает сердцем, надо разъяснить неверу так, чтобы он мог принять это же умом. Точнее, даже не принять, а просто перестать видеть в этом предмете православной веры повод для собственного неверия Православию.

Главное же, что миссионер может говорить свободнее. Миссионер должен говорить о главном — о Христе, тогда как профессиональные внутрицерковные богословы и писатели слишком часто погружаются в свои, «частно-партийные» споры и ссоры и вырабатывают свои критерии «православности» — такие, под которые заведомо не подойдут их оппоненты с соседней академической кафедры или с соседнего прихода.

Вот пример такой миссионерской свободы: святитель Николай Японский восстал против одного антиправославного аргумента, весьма мешавшего проповеди Православия в Японии. Оппоненты Православия (протестанты, католики, язычники) заверяли японцев, что православные главой своей Церкви считают русского царя, а потому принятие Православия означает, по сути, переход в русское подданство и отречение от своего японского императора и от японского гражданства. В силу напряженности в отношениях между Россией и Японией этот аргумент очень сильно действовал на патриотические чувства японцев. И тогда святитель Николай окружным письмом от 29 февраля 1904 года разъяснил: «Русский император отнюдь не есть глава Церкви. Единственный глава Церкви

есть Иисус Христос (см.: Еф. 1, 22; Кол. 1, 18), учение Которого тщательно хранит в целости Православная Церковь,— и русский император, в соблюдение сего учения, есть такой же почтительный сын Церкви, как и все другие православные христиане, нигде и никогда Церковь не усвоила ему никакой власти в учении и не считала и не называла его своей главой... Для вас он есть не более как брат по вере, так же, как и все русские, единоверные вам. Над вами русский император не имеет и тени какой-либо религиозной власти»²³⁴.

В самой же России Православие слишком часто отождествлялось с царствованием. Так, например, в январе 1837 года бывший Оренбургский епископ Августин подал императору Николаю Павловичу прошение, в котором были сравнения более чем дерзкие с точки зрения собственно религиозной: «Ангелы, узревши миллионы светил, мгновенно воссиявших по изволению Бога, торжественным гласом возгремели бесчисленные похвалы Творцу. Подобные похвалы Всеавгустейшему имени Вашего Императорского Величества торжественным гласом гремят и будут греметь во всех пределах России, преисполненной беспредельною благодарностью к Вашему Императорскому Величеству за составление полного собрания премудрых Ваших законов»²³⁵. Понятно, что вряд ли кто-либо из русских богословов посмел бы в те годы поместить в церковной печати суждение, подобное тому, что было высказано святителем Николаем Японским, так как оно содержало очевидное опровержение петровского «Духовного регламента», провозглашавшего императора «крайним судьей» церковных дел^{XL}.

Миссионер говорит ради конкретных людей, чьи глаза он видит перед собой. Его критик держит перед глазами не людей, но лишь катехизис (зачастую не общецерковный, а лишь составленный им самим по своему вкусу).

В мире святоотеческих (то есть богословски допустимых) суждений миссионер должен отыскивать те, которые могут максимально приблизить к Православию ту аудиторию, с которой он сейчас работает. И эти суждения могут быть непохожи на те святоотеческие же речения, которые изучают в воскресных школах. Заметив эту разницу, лучше обрадоваться тому, насколько же неожиданным и разнообразным может быть Православие, а не брать в руки цензорские ножницы.

— Но ведь есть и реальные основания для такого настороженного отношения к миссионерам. Или же все это, по-Вашему, только внутренние проблемы критиков миссионерства, а не проблемы самих миссионеров?

— Подобная «аллергия» по-своему объективна и неизбежна. Для того чтобы быть понятным, миссионер должен говорить на языке внешних. *Для иудеев я был как иудей; для подзаконных был как подзаконный; для чуждых закона — как чуждый закона. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (ср.: 1 Кор. 9, 20–22).

Поэтому миссионер всегда немного вне Церкви (хотя бы в своем языке). Он на ее пороге, на той границе, которой она соприкасается с внешним миром. Чтобы быть вполне понятным, он должен говорить на языке внешнем, то есть — внецерковном. Именно потому, что миссионер обращается к нецерковным людям, он не имеет права беседовать с ними на нашем внутрицерковном языке. «О, нам известен язык церковной кафедры и алтаря, который вне церкви звучит как китайский!» — с горечью и с правом воскликнул Карл Барт²³⁶. Значит нужен другой язык.

И тут вопрос вкуса. Вопрос в том, все ли языковые и стилистические средства «мирского» языка миссионер может использовать. «Евангелие от митьков» все же неуместно. С этим согласны все церковные люди. Но семинарский язык в проповеди к «внешним» бездействен. И нельзя раз и навсегда установить границу допустимого. Это область поиска и вопрос вкуса (а споры о вкусах — самые безнадежные).

²³⁴ Цит. по: *Архим. Сергей (Страгородский)*. По Японии (записки миссионера). М., 1998. С. 218.

²³⁵ Цит. по: *Свт. Филарет, митр. Московский*. Мнения, отзывы и письма. М., 1998. С. 38.

²³⁶ *Барт К.* Очерк догматики. Лекции, прочитанные в университете Бонна в летний семестр 1946 года. СПб., 1997. С. 52.

Дело ведь не только в подборе слов, дело и в выборе способа аргументации и подборе аллегорически-притчевого ряда. Для человека, который не вкусил Царствия Небесного, об этом Царстве можно говорить только в притчах. Притчи из жизни палестинских крестьян, которые использовал Спаситель, сегодня уже далеко не всех способны воодушевить. Христос брал примеры для Своих проповедей из той бытовой среды, в которой Он в эту минуту находился. Беседует Он с горожанами — говорит о купцах. Беседует с рыбаками — и Царство Божие уже подобно неводу. Беседует с землепашцами — и вот уже притча о сеятеле. Говорит со скотоводами — и мы видим притчу о добром пастыре. Причем говорит не на книжно-храмовом иврите, а на разговорном арамейском языке.

И наши Евангелия написаны на подчеркнута народном языке. Греческий язык Евангелия — это даже не литературный язык, не классический аттический диалект. Это диалект койне, своего рода «суржик» Римской империи. Это — греческий для негреков. Во всем Евангелии нет ни одного «термина»²³⁷. Евангелие можно читать без словаря. Для Евангелия вообще характерна какая-то нарочитая, подчеркнутая провинциальность. Слово не просто стало плотью. Оно стало Сыном плотника, а не императора. Воплотилось Оно у провинциалов-евреев, а не у египтян или эллинов.

И вот вопрос для богослова: что значит подражать Христу в этом отношении? Будет ли истинным учеником Христа тот, кто будет только воспроизводить эти притчи и те бытовые обстоятельства, что в них упомянуты? Или же быть учеником Христа в этом смысле означает, подобно Христу, брать притчевые зарисовки из современной жизни, в том числе из жизни компьютерщиков? (Аналогично — являемся ли мы учениками Кирилла и Мефодия тогда, когда храним и воспроизводим их переводы молитв на старославянский язык или же когда пробуем приблизить эти же молитвы к пониманию современных людей?)

Как понять слова: *истинный пастырь зовет овец по имени*²³⁸ человеку из северных краев, где нет овцеводства? Мне самому эта притча была неочевидна, пока я не побывал на Балканах. Умом-то вроде все было понятно, а вот сердечной очевидности все же в этих словах для меня не было. И так было, пока в одном румынском монастырьке я не увидел своими глазами, что это значит. Монастырек этот (скит Покров у НЯмецкого монастыря) расположен посреди небольших гор. В нем всего было четыре насельника. И несколько сот овец. И вот настает вечер. Настоятель скита выходит во дворик, открывает ворота и кричит что-то к горам, со всех сторон возвышающимся над скитским заборчиком. И тут как будто снежная лавина сошла с гор. Овцы, доселе спрятанные за деревьями, вдруг выскочили и ринулись вниз, на голос пастыря... Овечий пастух, оказывается, идет впереди стада, поет и голосом своим ведет отару. А у нас, на севере Руси, пастух идет позади своих коров и бичом подгоняет их. Разный образ пастырства...

А если в некоей стране вообще нет ни овец, ни представления о них, но в этой гипотетической стране развито только свиноводство? Туземцы даже в жертву своим богам приносят поросят. Можно ли адаптировать к языку этого народа евангельский термин «Агнец Божий»?..

А можно ли использовать материал современной жизни для проповеди о Христе? Можно ли брать примеры из технологического общества, или нам так и должно оставаться в мире пасторальных идиллий? Ответ на этот вопрос я нахожу у святителя Феофана Затворника. В его книгах, и особенно письмах, встречаются вполне смелые внедрения современного бытового материала в ткань церковной проповеди: «Действие телеграфа — наша молитва. Мы и святые — как бы два аппарата однородные; среда, в

²³⁷ Единственным исключением мне кажется выражение «нищие духом»: это слово вызывает недоумение у людей, не знакомых с ветхозаветными книгами. Но для иудейской среды оно было вполне понятно и не вызывало ни недоумений, ни просьб о растолковании (см. об этом главу «О чем проповедовал Христос» во втором томе моей книги «Сатанизм для интеллигенции». М., 1997).

²³⁸ Ср.: Ин. 10, 3.— *Ред.*

коей святые и коею окружены души наши,— это проволока»²³⁹. «Память Божия — базис стратегических операций Ваших против страстей»²⁴⁰...

И евангельские притчи, подернутые благородной паутиной времен, кажутся нам сегодня вознесенными над бытовой суетой. Но ведь евангельскую притчу о продавце жемчуга на современном языке следовало бы переложить так: «Некий человек, узнав, что акции МММ быстро растут в цене, идет и продает имеющийся у него доллар, на эти деньги покупает МММ, чтобы потом эти акции продать по еще более дорогой цене, и так наживается... Вот чему уподоблю Царство Небесное».

Некрасиво? Неблагородно? А кто сказал, что Христос хотел выразиться красиво и благородно? Ведь Его проповедь — это призыв к спекуляции. Вам дан малый талант, вдобавок дан вам незаслуженно: вами он не заработан, а просто вверен для временного хранения. Вы же должны этими невесть откуда взявшимися деньгами распорядиться так, чтобы извлечь максимальную прибыль. Тебе дано несколько лет жизни на земле. Так обменяй их на вечность! Потрать эти годы и силы так, чтобы они принесли тебе неслыханное богатство: жизнь вечную. Бог тебе дал эти дары — а ты сделай так, чтобы не ты был должником у Бога, но Он — твоим должником!.. Вот подступает святитель Иоанн Златоуст к разъяснению притчи о десяти девах и спрашивает: «Кто продавцы елея? — Бедные, ради милостыни сидящие перед церковью. А за сколько продается он? — За сколько хочешь: цены не назначено. Есть у тебя овол? Купи Небо, не потому, что Небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя овола — подай чашу холодной воды. Предметом купли и продажи — Небо, а мы не заботимся!»²⁴¹. Простить долг своему обидчику — значит сделать своим вечным должником Самого Творца Неба и земли. Дать милостыню нищему — значит дать в долг (под расписку!²⁴²) Самому Богу.

Увы, этой благословенной святоотеческой дерзости так не хватает нашей сегодняшней проповеди. Расскажи я притчу об МММ — освистают. Попробуй проповедник сказать, что, мол, знаете, духовная жизнь похожа на футбольный Кубок УЕФА: мало выиграть первый матч — итог определяется по сумме двух встреч, и немало нахмуренных бровей озабоченно-осуждающе сойдется на переносицах православных. Но отцы древности не стеснялись сравнивать духовную жизнь со стадионом, с состязаниями колесниц, бегунов, борцов и даже с цирком^{XLII}. Правда, русские переводчики позапрошлого века «облагораживали» их речь: ну что говорить о стадионе или гимнастическом зале — «кристалище»!

Наконец, еще одна причина озлобленности некоторых «ревнителеев» против миссионеров состоит в том, что миссионер должен взывать к авторитету людей, которые для Церкви совсем не авторитетны. Потому что если он будет обосновывать свои тезисы цитатами из святых отцов, его способ аргументации останется непонятным. «Ну и что, что ваш Макарий Египетский сказал так? Для меня он столь же невежественный фанатик, как и вы». Тут и надо поинтересоваться, кого же ваш собеседник не считает «невежественным фанатиком». И в мире его (его, а не моих) авторитетов найти что-то близкое к Православию.

Так, апостол Павел четырежды цитирует языческих поэтов и философов. Например, в Послании к Титу (1, 12–15) содержится цитата из Каллимаха: *Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере, не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины. Для чистых все чисто.*

²³⁹ Свт. Феофан Затворник. Что такое духовная жизнь. С. 55.

²⁴⁰ Там же. С. 191.

²⁴¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы о покаянии. 3, 2. С. 324.

²⁴² См. рассказ «Евагрий философ, обращенный к вере епископом Синезием» (Блж. Иоанн Мосх. Лут духовный. С. 238).

Это цитирование становится совсем необычным, если обратиться к его источнику. У поэта III века до Р. Х. Каллимаха сказано: «Лгут критяне всегда: измыслили гроб твой критяне; ты же не умер, но жив, о Зевс, присносущный владыка!» (Гимн Зевсу, 8). Ложь критян была в том, что они показывали гробницу Зевса — рядом с Кноссом²⁴³. Кипр гордился тем, что он является местом рождения Афродиты. Показывали киприоты и пещеру, где родился Зевс. Но за особую плату туристам готовы были показать гробницу Зевса — что и вызывало возмущение благочестивых паломников, по верованию которых Зевс бессмертен... Итак, ложь критян была о смерти Зевса. Каллимах же — «реакционный» писатель, посвятивший свое перо защите древних обрядов и обычаев, которые его современникам стали казаться бессмысленными. Оттого его главное произведение называется «Причины» — причины появления на свет ставших непонятными преданий. И тут появляется повод возмутиться «неразборчивостью» апостола: как это Павел апологета язычества назвал «пророком»²⁴⁴? Как же это он согласился с осуждением критян за то, что те не верили в бессмертие Зевса? Неужто Павел и сам разделял веру в бессмертие олимпийских богов?..

В другом месте апостол Павел приводит слова греческого поэта Арата — *мы Его и род* (Деян. 17, 28). А о чем же роде говорится о первоисточнике этой цитаты? «Начнем с Зевса. Имя его постоянно должно жить на устах смертных; улицы, места общественных собраний, гавани, неизмеримый океан — все, все должно свидетельствовать об его величии. Всех нас его рука поддерживает и сохраняет. Потому что мы его род» (*Арат. О феноменах*. Цит. по: *Климент Александрийский*. Строматы. 5, 14). Опять есть повод упрекнуть «апостола языков»: неужто он считал себя принадлежащим к роду языческого бога Зевса?

Третье цитирование Павлом языческого авторитета — *для меня смерть приобретение* (ср.: Флп. 1, 21). Источник цитаты — платоновская «Апология Сократа». Тут мы читаем: «Сколько есть надежд, что смерть — это благо! Смерть — это одно из двух: либо умереть — значит стать ничем, так что умерший ничего уже не чувствует; либо же, если верить преданиям, это какая-то перемена для души, переселение из здешних мест в другое место. Если ничего не чувствовать, то это все равно что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть — удивительное приобретение. По моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни, и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь,— то, я думаю, не только самый простой человек, но и великий царь нашел бы, что таких ночей было у него наперечет с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я, что касается меня, нахожу ее приобретением» (*Платон. Апология Сократа, 40d-e*). И опять тут повод изречь прокурорским тоном: неужели апостол Павел такое атеистическое представление о смерти считал утешительным?²⁴⁵

Подобного рода бесстрашное обращение к языческим текстам и понуждение их к подтверждению христианских истин было характерно и для церковных апологетов II–III веков: «Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев, и по смерти имея чувствование, будут

²⁴³ См.: *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 205.

²⁴⁴ «Один стихотворец» русского перевода Послания к Титу по-гречески звучит: *profetis*, букв.— «пророк». Существует также традиция под критянином, которого цитирует Павел, понимать Эпименида — жреца и шамана, жившего в VII веке. См. о нем у Диогена Лаэртца (*Жизнеописания философов*. 1, 109). Блаженный Иероним считал, что Каллимах просто цитировал Эпименида (*Блж. Иероним. Толкование на Послание к Титу, 7*).

²⁴⁵ Четвертое цитирование — *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33) — взято из комедии Менандра «Таис»: «Погибель нравам добрым от худых бесед». Тут восстановить контекст не представляется возможным: комедия не сохранилась, а эта фраза имела самостоятельное хождение как поговорка.

наказаны, а души добрых людей свободны от наказания, то мы говорим то же, что и философы» (*Святой Иустин Философ*. Апология, 1).

С той же терпимостью действовали и великие русские миссионеры.

По свидетельству будущего Патриарха Сергия, святитель Николай Японский, с которым Сергий провел несколько лет в японской миссии, «никогда не порицал религии японцев; даже среди буддистских жрецов у него были друзья»²⁴⁶. И как апостол Павел начал свою проповедь среди греков не с обличения их в «бесовстве», а с уважительного отзыва об их «благочестии» (см.: Деян. 17, 22, церковнославянский перевод), так и святитель Николай Японский говорил: «Не знают еще японцы истинного Бога, но “естественно законное творят”. Три доселешние няньки японского народа, каждая воспитала в нем нечто доброе: синто — честность, буддизм — взаимную любовь, конфуционизм — взаимное уважение. Этим и стоит Япония»²⁴⁷.

Тот же образ поведения предлагает миссионеру и святитель Иннокентий Московский: «Отнюдь не показывай явного презрения к их образу жизни, обычаям и прочее, как бы они ни казались того стоящими, ибо ничто не может оскорбить и раздражить столько дикарей, как презрение к ним и насмешки над ними и всем, что их... Старайся узнавать обстоятельно веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан, особенно для того, чтобы тем вернее и удобнее действовать на них. Отдавать справедливость их хорошим обычаям есть дело немаловажное для успеха твоего»²⁴⁸.

Для внутрицерковных «ревнителю» столь добрые отзывы о неправославных религиозных путях, конечно, дадут пищу для пересудов о «ереси суперэкуменизма». Хорошо было святителям Николаю и Иннокентию проповедовать христианство язычникам в те времена, когда еще не издавалась газета «Русский вестник»! Вот стоило мне по-доброму отозваться о «Письмах Баламута» протестантского автора Клайва Льюиса, как я тут же получил выговор: мол, «книгу инославного литератора Кураев превознес над писаниями святых отцов Православной Церкви!». Причем мой критик был настолько осведомлен в вопросе, выдвинутом им для обсуждения (точнее — осуждения), что почему-то назвал англиканина Льюиса католиком...

Так что, когда я вплетаю в свою проповедь цитаты из «Матрицы» или «Титаника», я действую традиционно. Но стоило мне начать читать лекции, построенные на апелляции к этим фильмам, лекции, в которых я пробовал со светскими студентами заговорить о покаянии, Крещении, вечной жизни, и сразу по церковным кругам понесся шепоток: «Кураев совсем с ума сошел: призывает американские фильмы смотреть!». Да ведь, милые мои, этот фильм люди посмотрели еще до того, как я статью про «Титаник» написал, и обращаюсь я к светским людям, а не к монахам.

Миссионер может (и должен уметь) начинать разговор с любой темы. Неважно, откуда начать разговор о Христе (хоть с фильма «Титаник»). Важно, чем его закончить: «Жарко так сегодня... Вообще все это лето небывало жаркое. К концу света, наверно... Кстати, что Вы думаете об Апокалипсисе?...»^{XLIII}.

Жаль только, что эта православная традиция миссионерской свободы незнакома слишком многим современным православным публицистам и сплетникам.

— Кажется, Вы готовы оправдать любого миссионера. Цель оправдывает средства?

²⁴⁶ *Архим. Сергий (Страгородский)*. По Японии. С. 197.

²⁴⁷ *Свт. Николай Японский*. Запись в дневнике от 4 марта 1901 года // Праведное житие... Ч. 2. С. 25.
Свт. Николай Японский. Запись в дневнике от 4 марта 1901 года // Праведное житие... Ч. 2. С. 25.

²⁴⁸ *Свт. Иннокентий Московский*. Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру // Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. М., 1997. С. 174 и 177.

— Нет. Миссионер тоже может сорваться. Мимикрия проповедника под слушателей неизбежна. Но чрезмерная степень мимикрии может вызвать аллергию самой же аудитории: «Если ты всего лишь наше отражение, то зачем ты нам такой нужен?!».

Уже много лет людей (как церковных, так и нецерковных, как монахов, так и светскую интеллигенцию) не оставляет ощущение явного диссонанса, возникающее при знакомстве с официальными церковными посланиями, выдержанными в странном стиле синтеза советского официоза (канцелярита) и церковнославянской вязи. Есть языки, которые разрушают того, кто пробует ими пользоваться. Таков язык тоталитарных идеологий, таков язык оккультизма. Вот вполне человеческое замечание моего однофамильца — писателя Михаила Кураева, у которого, как я понял из его книг и из личных бесед, нет никакой аллергии на Православие: «Когда с амвона церкви на Смоленском кладбище, куда меня привели скорбные обстоятельства, я слышу в воскресной проповеди: “Осуществляйте повседневный нравственный контроль над собой. Будьте начеку. Ситуация, в которой мы все оказались...”». Да это же речь выпускника советской партшколы! И не отличника, а провинциального троечника. Какой черт учил нынешних попов русскому языку?!»²⁴⁹.

Вот еще случай, когда аудитория оказывает обратное влияние на проповедника. Один монах уже немало лет несет послушание духовника местной городской тюрьмы. Этот батюшка сделал очень немало: крестил десятки людей, привел к покаянию сотни людей, тысячам он благовествовал о Христе, помогал сохранить Божий образ... Но однажды, уже у себя в монастыре произнося проповедь при начале Великого поста, он сказал: «Братья и сестры! Пост — это время, когда каждый из нас должен быть внимателен к своей духовной жизни. В эти дни мы должны внимательнее всматриваться в движения своей души, устранять греховные помыслы. Ну, как бы это понятнее вам сказать... В общем, пост — это время, когда каждый из нас должен в своей душе устроить великий шмон!».

Язык, впрочем,— не более чем деталь. Гораздо серьезнее то, что миссионер может незаметно для себя перенять не только язык, но и убеждения своей аудитории.

Миссионер старается сделать Православие понятным. Но где-то есть грань между православной проповедью и православной пропагандой. Пропаганда появляется там, где проповедник заранее просчитывает эффект своих слов и заранее ждет аплодисментов. Он ставит Православие перед аудиторией как некое зеркало и говорит: «Ну, посмотритесь сюда, и вы увидите именно самих себя, увидите нечто свое. Вы увидите, что Православие очень похоже на ту религию, которую вы хотели бы иметь для себя. Оно совершенно согласно с вашей системой “общечеловеческих ценностей”. То, что вы цените в других системах, есть и в нашей лавочке. Только у нас это еще малость экзотичнее — так что заходите и берите».

Именно ощущение пропаганды остается у меня от знакомства с книгами некоторых современных западных православных писателей (прежде всего — Павла Евдокимова и Оливье Клемана). Их «православие» сродни восточным пряностям неоиндуистских групп типа кришнаитов, сахаджа-йогов или трансцендентальной медитации. Этакий индуизм на экспорт, заранее адаптированный ко вкусам западной публики.

С сеансов православной пропаганды человек уходит успокоенный: оказывается, то, что он ценил в своей жизни и в багаже своих интеллектуально-духовных познаний, ценит и Православие. Что ж, он очень рад, что Православие оказалось «тоже духовно», «тоже терпимо», «тоже современно». Вот только за что же убивали и убивают христиан язычники^{XLIV} — он так и не поймет и не узнает.

Впрочем, и это еще не самое печальное, что может произойти с миссионером. Для того чтобы сделать свою проповедь о Православии более приемлемой, миссионер неизбежно упрощает Православие, спрямляет некоторые линии, подчеркивает одно (что, как ему кажется, будет способствовать его взаимопониманию с аудиторией) и

²⁴⁹ Михаил Кураев об основах морали. Интервью // Московские новости. 1993, 21 марта.

предпочитает не касаться другого (что может вызвать преждевременный скандал). Это неизбежно^{XLV}.

Но порой чувство меры изменяет. И тогда человек прислушивается не к требованиям Евангелия и Предания, а к ожиданиям своей аудитории. Он усваивает уже не язык, а взгляды своих собеседников. Тогда миссионер слишком далеко отходит от Церкви. И — теряется. Такими потерявшимися миссионерами и создаются ереси.

Миссионер должен искать какой-то другой подход, другие способы свидетельства, доказательства, объяснения, чем те, в которых ты сам осмысляешь свой духовный опыт. Эти формы отличны от тех, в которых православные говорят между собой. Но они могут оказаться такими, что не столько сообщают суть Православия, сколько заслонят ее собою, поставят вокруг евангельского слова такой «фон», сквозь который ему и не пробиться. Так миссионер оказывается меж двух огней.

О «Сцилле и Харибде» православного миссионерства очень точно сказал (по поводу святителя Дионисия Александрийского) протоиерей Иоанн Мейендорф: «Как и любого богослова, на этом пути Дионисия подстерегали две опасности: исказить суть учения в угоду вкусам и запросам своих современников или же совершенно забыть о своей аудитории и “заняться повторением излюбленных цитат”»²⁵⁰.

— **А особые искушения, духовные проблемы есть у миссионера?**

— Да, есть внутренние опасности, угрожающие духовному здоровью миссионера.

Для сохранения внутреннего мирного устройства полезнее всю жизнь считать себя послушником, слушателем, нежели лектором; миссионер же заходит за ту черту, за которой его остерегает апостольское предупреждение: *не многие делайтесь учителями* (Иак. 3, 1).

А из-за того, что миссионер обращается к нецерковным людям, он и сам оказывается в некотором отношении вне Церкви. Законы психологии (равно как и законы аскетики) говорят, что от чистоты моего взгляда зависит чистота моего сердца. Где мой взгляд, где мой поиск — там и мой ум, а где мой ум — там до некоторой степени или хотя бы в ту минуту и я. Что может быть естественнее для верующего сердца, чем решение апостола Павла: *я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2, 2)? А миссионеру приходится знать очень многое из того, что малополезно и малоинтересно для христианина, но без пересудов о чем не могут жить его нецерковные собеседники.

Служение миссионера действительно кенотично. Из дивной красоты монастыря с его налаженным богослужением и устроенной духовной жизнью надо уходить в мир диспутов, словопрений, оскорблений — в мир, где много меньше евангельского света. Хотелось бы пожить в Лавре — но для этого пришлось бы отказаться от того, что нужно не столько мне, сколько другим людям²⁵¹. Их судьбами пришлось бы платить за большее собственное душевное благополучие (или за его видимость). Душе было бы на пользу, если бы миссионер провел пост в монастыре. Но его зовут в те края, где монастырей еще нет, зовут для проповеди Евангелия. И там точно не удастся достичь такой собранности в молитве, какая была бы возможной при монастырской или хотя бы устойчиво-приходской жизни.

Сердце хотело бы не питать себя ничем, кроме святых слов и святых книг. Но миссионерский рассудок требует со вздохом пройти мимо шкафа, в котором стоят святоотеческие творения, и заставить себя развернуть книгу с языческими мудростями или бреднями (чаще всего они там перемешаны) — потому что именно об этих книгах будут завтра тебя спрашивать твои неоязыческие совопросники. Хотелось бы читать

²⁵⁰ Прот. Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Рига, 1992. С. 289.

²⁵¹ Святитель Феофан Затворник советует некоему молодому человеку прежде поступления в монастырь все же доокончить университет и поясняет: «Вы со своим настроением и с познаниями могли бы спастись не поклонами только, но и вразумлением заблуждающих, что многоценно у Господа» (Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Вып. 8. М., 1901. С. 173).

только книги святых отцов. Но проповедник должен отталкиваться от того опыта мысли и переживаний, что уже знаком нецерковному человеку, и, опираясь на него, вести встреченную душу в неизвестный ей мир православного Предания. Надо знать круг авторитетов, текстов и проблем, в которых живет человек современной культуры.

И далеко не всегда знакомство с миром светских кумиров доставляет радость узнавания чего-то близкого. Пять лет моей жизни были посвящены изучению «творческого наследия» Блаватской и Рерихов. Три тома творений преподобного Симеона Нового Богослова у меня стоят недочитанными до сих пор. Зато прочитаны все три огромных тома «Тайной доктрины», двухтомник «Разоблаченной Изиды», уйма томов «Живой этики», сборников писем, теософских журналов, сборников и газет... И чувствую я себя после этого, как ассенизатор после рабочего дня...

Как сказал об этом архиепископ Александр, «пора, наконец, отказаться от общения с молодежью XXI столетия на языке века девятнадцатого. Нам так хочется замкнуться в своем уютном мире, где тихо мерцают лампы и ублажают слух молитвенные песнопения! Но если всю эту красоту мы хотим даровать молодежи, то должны немедленно покинуть свой уютный мир и дерзновенно выступить на проповедь, освоив термины компьютерных программ. Известный афоризм гласит: “Пусть мне нравится клубника со сливками, но рыба любит червяка, и чтобы ее поймать, перед рыбалкой необходимо запастись ими, а не деликатесом”»²⁵².

Хотелось бы говорить только на том языке, на каком произносятся проповеди в академическом храме. Но это язык, понятный только «иудеям» (в смысле — людям, уже вошедшим в народ Нового Израиля). А ведь есть еще и «эллины»...

Ora et labora²⁵³ не всегда совместимы. И миссионер, отдающий предпочтение работе, погружающий себя в мир языческих мифов (ради обнажения их противоречий, недостаточностей и опасностей), конечно, рискует собственным духовным здоровьем.

Миссионерское служение требует сегодня жертвенности не в том смысле, что недообращенные язычники могут скушать миссионера. Есть и иная жертвенность в миссионерском служении. Это жертва полнотой собственной церковной жизни для того, чтобы быть ближе и понятнее нецерковным людям.

Эта формула не должна пугать. Для человека, полюбившего монашескую жизнь, бывает очень болезненным его призвание к епископскому служению. Я знаю монахов, которые с болью принимали церковное послушание, мешающее их молитвенному сосредоточению (скажем, назначение строителем какого-либо храма, монастыря или подворья). В «Древнем патерике» описывается кончина некоего монаха, который нес послушание монастырского эконома. Ради сношений монастыря с внешним миром ему постоянно приходилось покидать стены обители. Долгие и частые отлучки в мир не принесли пользы его душе. По смерти его лицо сразу принимает черный цвет... «Авва монастыря, будучи духовен, как скоро увидел случившееся, собрал все братство, говоря: брат наш отошел от жизни, и вы знаете, что для вашего успокоения и безмолвия от всей души занимался он делами нашими и, как человек, прельщен был лукавым и потому из-за нас подпал он греху; давайте потрудимся прилежно за него и будем молить человеколюбца Бога. Они же, сострадая к нему за все труды его, начали со слезами поститься и молить Бога, чтобы Он помиловал его. И провели три дня и три ночи в пос-те, ничего не вкушая, но плача и сокрушаясь о гибели брата... И начало лицо брата понемногу очищаться и сделалось все чисто». Игумену же в видении Господь так

²⁵² Доклад архиепископа Костромского и Галичского Александра, председателя Синодального отдела по делам молодежи, на открытии Съезда православной молодежи (май 2001 года) // <http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr105167.htm>.

²⁵³ Ora et labora — «Молись и трудись» (лат.). Более развернутый вариант этого древнего монашеского принципа — «Молись, трудись, делись».

объясняет Свое оправдывающее решение: «Ибо мог и он пребывать в безмолвии, как и все в монастыре. Но по поводу дел братии, как человек, погубил себя»²⁵⁴.

Но наличие риска не есть достаточная причина к тому, чтобы запретить эту рискованную деятельность, или тем более к тому, чтобы брезгливо сторониться миссионеров и их проповедей и книг.

Церковная традиция знает, что нужны разные служения, в том числе и те, которые таят в себе опасность искушений. Вспомним слова преподобного Макария Великого: «Кто работает, тот о молящемся пусть говорит так: “Сокровище, которым владеет брат мой, есть общее, следовательно, владею им и я”. И кто молится, тот о читающем пусть говорит так: “Чем пользуется он в чтении, то и мне послужит на пользу”. И кто молится, да не осуждает работающего за то, что он не молится. И кто работает, да не осуждает молящегося»²⁵⁵.

И в служении священника, и в служении епископа, и в служении богослова есть свои опасности — по-своему не меньшие, чем в служении миссионера (обывание к святине, непрестанно оказываемые знаки почтения, привилегированное положение в церковной общине, доступ к власти и деньгам, возможность учительства, необходимость постоянной оценки способностей тех или иных людей к исполняемым ими церковным послушаниям...). Но, зная об этих опасностях, все же следует входить в эти служения, а не прятаться от них. Личной молитвенной сосредоточенностью, личным духовным совершенством приходится жертвовать ради того, чтобы быть с людьми и помогать им в обретении Христа.

Таков вывод святоотеческой традиции: «Если предлежат душе две вещи вредные и никак нельзя избежать одной из них: что надобно делать? — Ответ Иоанна: Из двух вредных вещей должно избрать менее вредную»²⁵⁶. «При сравнении зол должно выбирать легчайшее. Например, когда мы предстоим на молитве и приходят к нам братия, мы бываем в необходимости решиться на одно из двух: или оставить молитву, или отпустить брата без ответа и опечалить его. Но любовь больше молитвы»²⁵⁷.

Конечно, служение миссионера связано с особыми искушениями. О них много предупреждают в нынешних семинариях и монастырях: «Не впади в гордыню», «Не интересуйся внешним миром — читай только отцов», «Не лезь учить других — соблазнишься тщеславием», «Очисти себя и тогда уж думай о других». Все верно (кроме разве что последнего: именно если человек однажды решит, что себя он уже достаточно очистил,— именно тогда ему нельзя ни подходить к Чаше, ни выходить на проповедь). Все верно. Но если бы кроме предупреждений об опасностях миссионерства Церковь бы еще и молилась о тех, кто все-таки вынужден идти в этот опасный край, и если бы она поддерживала их чаще, чем одергивала...

— Вы присутствовали на Съезде православной молодежи. Что за молодежь собралась на этот съезд?

— По правде говоря, это был съезд не столько православной молодежи, сколько людей, которые работают с молодежью. Организован он был Синодальным отделом по борьбе... простите, по работе с молодежью. Мне в этом видится своя символика. Есть такое философское течение — структурализм, выявляющий структуры мышления и жизни, черты сходства в, казалось бы, совсем разных образованиях. Так вот, с точки зрения формального структурологического анализа мне кажутся интересными изменения в номенклатурных структурах Московской Патриархии за последние десять лет. А изменилось следующее: исчез пенсионный фонд Московской Патриархии, но появился Синодальный отдел по работе с молодежью. Пенсионный фонд исчез просто потому, что

²⁵⁴ Древний патерик. М., 1899. С. 366.

²⁵⁵ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. М., 1880. С. 23.

²⁵⁶ Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905. С. 241.

²⁵⁷ Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 201.

государство перестало дискриминировать священнослужителей и у них сейчас общегражданское пенсионное обеспечение, а молодежный отдел понятно почему создали.

Мне кажется, это знаковые перемены. Теперь слово «Православие» уже не вызывает ассоциации только с морем белых платочков. Православие — это не только бабушки.

Больше всего на съезде меня порадовало единомыслие. Последние годы нашей церковной жизни столь полны дискуссиями — и по вопросу о канонизации Царственных мучеников, и по вопросу о налоговых номерах, и по вопросу об экуменизме и многому другому,— что редко удается встретить церковный форум, на котором никого не обвиняют, не грызут друг друга. Такая роскошь единомыслия... Меня очень порадовали слова отца Димитрия Смирнова (он выступал уже после официальной части, от лица реальных приходских пастырей). Он сказал: «Вы знаете, каждый из предыдущих ораторов, будто они сговорились, отщипывал по кусочку от моего доклада!».

— **Отец Андрей, как-то так получилось, что день работы съезда, 29 октября, пришелся на отмечающийся в советское время День комсомола. Вообще возникает параллель, что Церковь как бы заменяет в наше время комсомольскую организацию. Что она выполняет ту работу, которую некогда государство брало на себя: и досуг молодежи, и нравственное воспитание, и допризывную подготовку, и много еще чего. Как Вы считаете?**

— Ничего комсомольского Церкви не надо. Просто когда-то комсомольская организация попробовала взять на себя функции Церкви. У Церкви еще в докомсомольскую эпоху появились миссионерские пароходы и поезда, а комсомольские агитпароходы и агитпоезда возникли позже. Сейчас мы лишь возвращаем свои старые формы работы — нас же обвиняют в том, что мы обезьянничаем с комсомольцев.

— **А зачем, на Ваш взгляд, был нужен Съезд православной молодежи? Ведь у православной молодежи нет единой организации как таковой, Церковью молодежь объединена духовно, то есть незримо.**

— А что, съезд может существовать только для членов какой-то организации типа комсомольской? Собрались православные люди, посмотрели друг другу в глаза — это уже хорошо. Такие съезды нужны хотя бы потому, что всякий православный священник, который пробует работать с молодежью, честно говоря, в нашей церковной среде — белая ворона²⁵⁸. Он работает под градом обвинений в «протестантизме».

Оттого так важны слеты «белых ворон», на которых они могли бы увидеть друг друга и вдобавок услышать одобрительное слово начальства.

— **А что могут изменить различные молодежные и миссионерские съезды?**

— Я думаю, что значение такого типа съездов (миссионерских, молодежных, образовательных чтений) не в том, чтобы создать документы, которые потом кто-то примет к действию. Не надо быть наивными, никто на самом деле не будет руководствоваться теми декларациями, которые мы на них принимаем. Дело не в декларациях, а в принципе: «Вода камень точит». Пусть до времени они останутся на бумаге, но есть робкая надежда, что со временем, доклад за докладом, постановление за постановлением, послание за посланием переменят саму атмосферу в Церкви, так что миссия станет восприниматься как главное служение Церкви, а не как некая побочная роскошь, которую можно себе позволить после того, как все купола позолочены.

— **На Всецерковном третьем миссионерском съезде в ноябре 2002 года в итоговом документе прозвучал просто «крик души» — что, может быть, «Церковь будет более терпима к миссионерским поискам». Как Вы думаете, он будет услышан?**

— Я надеюсь. На что я рассчитываю? Этот текст станет известен определенному кругу церковных чиновников-аппаратчиков. Затем, через несколько месяцев кому-то из

²⁵⁸ Когда святитель Стефан Пермский пришел просить благословения на свои миссионерские труды среди язычников, Коломенский епископ Герасим «взздвися зело и чудися вельми» (*Прохоров Г. М. Равноапостольный Стефан Пермский. СПб., 1995. С. 45*).

этих аппаратчиков будет дано задание составить интервью, выступление, доклад кому-то из первенствующих лиц нашей Церкви на сюжет о миссии. Логика же любого аппаратчика проста: делать как можно меньше, желательно откуда-нибудь переписать. И, я надеюсь, в качестве шпаргалки он возьмет этот документ и, в частности, этот абзац. И тогда мысль о необходимости терпимости к миссионерским поискам прозвучит уже с более высокой трибуны. У нашего съезда нет полномочий даже рекомендательных, не то что административных, мы можем только робко шептать где-то в уголке. Но если эти же мысли прозвучат из уст лиц, облеченных высшей церковной властью, тогда уже у нас будет возможность привести сегодняшнее «юрродство» как официальную позицию Церкви. Что такое сегодня миссионерский съезд? Каждый из его участников в своей епархии кажется юродивым, непонятным выскочкой. А вот когда это уже с высшей церковной трибуны прозвучит — очень заставит с этими юродивыми считаться.

— Это возрастное деление — «молодежное» — мне кажется каким-то неуместным. Ведь не может быть Союза православных старушек. В Церкви-то ведь мы присутствуем как какой-то единый организм?

— И тем не менее апостол Павел различал среди своих прихожан эллинов и иудеев, рабов и свободных, давал им разные советы. Понимаете, у молодых — свои проблемы, которых нет у людей старших возрастов, и наоборот. У них разная возрастная психология. Например, мне кажется, что юношеское переживание Православия — более светлое и радостное. Здесь еще мало грехов накоплено, и душа легче срывается в славословие: «Слава Тебе, Господи, за то, что Ты есть!». В более старшем поколении память о своих грехах, о своих немощах, болезнях, нуждах заставляет нас чаще просить Господа о чем-то: о прощении наших грехов, о помощи, об исцелении. А молодежь — она от этого свободна, и в этом смысле ее молитва более бескорыстна. Хотя бы поэтому с ней надо особо говорить.

Митрополит Кирилл, выступая на этом съезде, очень верно сказал: священники должны понимать, что любой молодой человек, переступающий порог храма (девушка или парень), — это человек, отмеченный печатью Божией. Им говорить об этом мы не должны. Но сами должны понимать, что если этот человек выбрал тропку не на дискотеку, не на гулянку, а в храм — значит, какая-то частичка отрока Варфоломея (будущего Сергия Радонежского) в этом человеке есть. И поэтому мы должны радоваться его приходу, заметить его, выделить его из общей массы прихожан, уделить ему особенное внимание. Ведь, может быть, этот паренек, сегодня робко толкующийся на церковном пороге, в глазах Божиих уже священник или монах...

Именно потому, что перед молодыми много путей и, соответственно, много искушений, я думаю, что все-таки с ними надо работать отдельно. В конце концов, мы же не смущаемся тем, что у нас есть православные детские сады, православные дома престарелых, и мы не смешиваем их друг с другом. Поэтому я полагаю, что могут быть отдельные кружки или структуры, которые будут работать именно с молодежью.

— На что обратить внимание, начиная миссионерскую работу?

— Очень важен вопрос о терпимости, ведь очень многое входит в нашу душу без нашего спроса. Помните древнюю молитву: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить. Дай мне мужество вытерпеть то, что я не в силах изменить. И дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого»? Так вот мудрости нам сегодня и не хватает.

А нам нужно различать — если что-то вошло в нашу жизнь без спроса, то есть три разных способа реакции: 1) осудить новость, 2) никак не реагировать и 3) можно попробовать использовать ее для нашего миссионерского блага.

Ну вот, например, есть греческая философия. У апостолов был выбор — можно было ее: 1) всецело отвергнуть, 2) не заметить, 3) использовать некоторые ее суждения, чтобы подтвердить евангельскую истину. И Церковь избрала третий путь: апостол Павел несколько раз цитирует языческих философов и поэтов.

Сегодня в мир наших детей вторгаются всё новые сказки, фильмы и так далее. Легко на словах сказать: «Давайте их запретим!». Но, во-первых, послушаются ли дети нашего запрета (особенно дети нецерковные)? Второе — если даже сынишка послушался моего запрета, он не будет читать Поттера у меня на глазах, а после школы пойдет к своему другу и прочитает или посмотрит фильм на видео. И получится, что он все равно это посмотрит, узнает это, но без моего комментария, подробного разбора — что здесь правда, что неправда, на что стоит обратить внимание, а где ложь какая-то.

Я считаю, что сегодня родители должны учиться вместе с детьми, причем на месяц опережая детей. Ты заранее, за месяц, просматривай учебники твоего ребенка, обращая внимание на темы, по которым могут возникнуть антицерковные дискуссии (история, литература, биология и так далее), и попробуй сам найти материалы, которые дали бы твоему ребенку возможность глубже посмотреть на эти проблемы, чем то воззрение, которое предложат одноклассники или его учительница. И неучебные детские книжки тоже лучше читать вместе.

Педагогика — это искусство возможного, искусство компромиссов. Надо уметь терпеть даже непослушность собственных детей. Как нам определить меру нашей собственной нетерпимости? Христианство по своей сути противоречит духу современной культуры. Но именно поэтому не надо спорить по мелочам, сохранив запас полемической энергии для обсуждения глобальных расхождений. А вот разругиваться по поводу прически или какого-нибудь фильма, может быть, не стоит.

Лучше внять совету Патриарха: «Нередко молодой человек, приходящий в храм, не осознающий даже до конца, что его туда привело, встречается с равнодушным и безразличным отношением людей, для которых церковная жизнь, надо полагать, уже стала обыденностью. Пусть наивны и неудобны вопросы, с которыми юноши и девушки обращаются к нам, пусть внешний вид этих ребят не соответствует нашим представлениям об одежде православного христианина,— они не должны выйти из храма отторгнутыми, неуслышанными или даже обиженными, как это, к сожалению, случается»²⁵⁹.

— Известна многочисленная критика Вашей позиции по отношению к книге «Гарри Поттер». Есть ли среди этой критики какое-либо здоровое зерно или абсолютно все неприемлемо для Вас?

— Скажу честно, что когда я первый раз читал некоторые антипоттеровские книги, то кое-какие страницы казались мне очень и очень убедительными.

Но это меня не смутило. Я книжник, живу в мире книг и знаю, сколь убедительными могут казаться те или иные приводимые аргументы и факты, которые, однако, теряют свою силу, если посмотреть на них с другой стороны. Мое давнее правило в литературной полемике — не отвечать **сразу**. Когда появляется критическая статья в мой адрес, я даю ей полежать несколько месяцев, пока не улягутся мои эмоции (эмоции — плохие помощники в полемике). Я некоторое время привыкаю к тексту, держу в уме приведенные аргументы, вновь и вновь сопоставляю их с теми книгами, которые читаю... И когда, по прошествии некоторого времени, я снова, уже более спокойно принимаюсь за чтение критической статьи, то, как правило, выясняется, что все-таки я ошибся в оценке ее убедительности.

Так же было и в полемике вокруг «Гарри Поттера». Подробности — во втором издании книги «Гарри Поттер в Церкви: между анафемой и улыбкой», посвященной анализу всех антипоттеровских публикаций и аргументов.

Мне понятна логика моих оппонентов. Их позиция очень логична, но вся эта логичность строится на неких изначальных допущениях, с которыми я как раз и не вижу необходимости соглашаться. Сначала были слухи, что Ролинг — сатанистка. Но эти слухи распускали сами же сатанисты в целях своей саморекламы, а Ролинг их опровергала. Как всегда, клевету расслышали все, а опровержение — лишь немногие. Полузнание —

²⁵⁹ «Твердо хранить спасительную веру...». Ответы Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на вопросы газеты «Православная Москва» (2004, № 11–12, июнь).

страшная сила. Ну слышали авторы антипоттеровских статей о существовании Алистера Кроули — мирового лидера сатанистов. Оттого и поверили слуху о том, будто Кроули благословил выход «Гарри Поттера»^{XLVI}. А ведь Кроули умер в 1947 году — за полвека до написания интересующей нас сказки...

Оттого, читая «Гарри Поттера» таким заранее предвзятым глазом, они легко обретали в тексте подтверждение своих опасений про «сатанистку Ролинг».

Я же вновь подтверждаю свою позицию: если вы видите, что прочтение «Гарри Поттера» вашими детьми неизбежно, то ее надо читать вместе с ними, объясняя при этом «что к чему». Иначе дети прочтут «Гарри Поттера» в одиночку.

Знаете, что меня всегда удивляло в этой дискуссии? Когда педагоги и психологи пишут, что читать «Гарри Поттера» опасно, они никогда не приводят никаких конкретных случаев. Вот, например, психиатры Медведева и Шишова. От психиатров вообще естественно ожидать описания каких-либо конкретных случаев заболевания: «Вот изначальное состояние ребенка до знакомства с «Гарри Поттером», а вот состояние его после прочтения этой книги. Его духовное и психическое состояние ухудшилось по таким-то параметрам, но мы провели такую-то работу, и ребенок реабилитирован». Но поскольку таких протокольных наблюдений нет, то приходится констатировать тот факт, что аргументы Медведевой и Шишовой далеки от психологии как науки.

Вот еще один рецепт изготовления антипоттеровского мифа. Во всех антипоттеровских публикациях как пример опасного влияния этой книги на детей приводится случай в Новосибирске. Там несколько первоклассников отравились медным купоросом, потому что «здоровенные дылды» (впоследствии оказалось, что это были всего лишь семиклассники) дали попробовать малышам «волшебного порошка Гарри Поттера», как сами эти «дылды» якобы называли медный купорос. Дети, конечно, отравились, а этот случай стал кочевать из одной антипоттеровской публикации в другую.

Я обратился к незаменимому орудию инквизитора — Интернету («инквизиция» в переводе с латыни означает «исследование») — и начал выяснять в чем дело. И когда дошел до первоисточников, то есть собственно новосибирских газет, то оказалось, что «Гарри Поттер» не упоминается в них вовсе. Семиклассники, предложившие малышам «волшебный порошок», вообще не упоминали имя Гарри Поттера. А первые публикации о том, что этот скандал связан с Поттером, появились только через два месяца после происшествия!

И потом, независимо от «Гарри Поттера», Вы можете себе представить шестилетних малышей, которые отказались бы попробовать «волшебный порошок»?

— **Давайте подойдем к вопросу о «Гарри Поттере» с другого конца. Ваша позиция ясна: Вы не советуете читать «Поттера», но если уж сложилась безвыходная ситуация, тогда читайте книгу вместе с детьми. Но почему же в своих публикациях Вы полностью исключили критику этой книги? Не приведет ли это к тому, что Ваша позиция будет восприниматься как поттеровская апология и книгу будут читать как полезное произведение?**

— Критиковать надо не книгу, а ее недобросовестную оккультную эксплуатацию.

Защищаю же я не Ролинг, а детей и их право на детство и сказку. Даже атеистическая соввласть этого права у детей не отнимала. Когда я в детский садик ходил, а это были жутко советские времена — 60-е годы, покорение космоса и так далее, нам и то про волшебную палочку рассказывали. И даже был контрольный вопрос:

— Дети, если у вас будет волшебная палочка и вы сможете только одно желание исполнить, какое ваше желание будет?

Правильный ответ был:

— Воскресить дедушку Ленина.

Кроме того — я защищаю честь моей Церкви, от имени которой говорятся жестокие глупости. Если уж кто-то от ее имени сказал некие поспешные неумности, то у людей не должно оставаться впечатления, будто вся православная публицистика такова. Да, у

нецерковных людей бывают совершенно карикатурные представления о жизни и вере Церкви. Но все-таки ряд конфликтных ситуаций порождает мы сами, своими или слишком эмоциональными, или слишком бездоказательными реакциями. Просто иногда недоброкачество аргументов может обрушить вполне доброкачественный вывод, ради которого и создавались эти аргументы.

Наконец, я пробую защитить детей от сатанистов, которые пытаются вломиться в детские души и в качестве фомки использовать книжку про Гарри Поттера. Лучше уж эту фомку у них из рук выбить и показать, что здесь нет логически необходимой связи, и поэтому ребенок, который полюбил эту книжку, ни по какой логике не должен считать себя обязанным дальше идти в мир магии, колдовства — в мир сатанистов.

— Противники «Гарри Поттера» сетуют, что из-за преобладания этой сказки дети не прочтут каких-то хороших и необходимых отечественных книжек. Как Вы можете это прокомментировать?

— Наверно, любое поколение взрослых хотело бы, чтобы ребенок читал те книжки, которые в свое время читали они сами. Но дело в том, что за то время, пока мы выросли и обзаводились своими детьми, на мировом литературном древе успел нарасти очередной «годовалый круг». Да, глаза наших детей должны прикоснуться и к Джеку Лондону, и к Фенимору Куперу. Но чтобы наши дети не были нашей запоздалой копией, у них должны быть и их собственные находки.

И вообще, ни к чему говорить о конкуренции между детскими книгами. Речь идет о войне между клиповой культурой и книжной традицией.

— Да, но речь идет в особенности о дискриминации отечественных сказок.

— А дети могут читать отечественные сказки? Ведь именно народная сказка, в том числе и русская, обращена отнюдь не к детям. Эти сказки слушала вся семья, а перед определенными эпизодами тех же самых сказок детей просили удалиться и иконы к стенкам отворачивали. Так что для того, чтобы русские народные сказки, как и сказки любого народа, сделать специальным детским чтением, их нужно было подвергнуть очень серьезной литературно-авторской обработке, что и было сделано в XIX веке. Кроме того, сказки Ролинг обращены к тем детям, которые сказок давно уже не читают. Неужели четырнадцатилетний парень будет про Бабу Ягу читать? Так что аргумент насчет вытеснения отечественных сказок пришлым очкариком несерьезен.

— Существуют характерные примеры новой авторской сказки, которую можно назвать христианской. Прежде всего Клайв Льюис, да и Толкиен тоже. На Западе это уже определенная традиция, представленная несколькими значимыми именами. В России, по-моему, ничего подобного нет. Что Вы можете сказать о такой ситуации?

— Да, к сожалению, есть такая серьезнейшая лакуна в традиции русской православной литературы. У нас нет литературы неназидательной. Литературы, которая не давила бы на читателя, позволяла бы улыбаться. Здесь, я думаю, следует в очередной раз проявить всечеловеческую открытость русской души и принять тот вклад в развитие христианской культуры, который появился на Западе,— сказки Льюиса, эпос Толкиена, детективы Честертона. К этому же разряду, точнее, к разряду христианского фэнтези, относятся даже некоторые повести Клиффорда Саймака.

— Представляете ли Вы себе современную православную сказку, которая не была бы назидательной и была бы адекватна времени?

— А почему нет? Между прочим, развитие в этом направлении идет. Уже появилась русская писательница,— правда, живущая в США,— которая пишет в жанре православного фэнтези. Это Юлия Вознесенская. Я не читал этих книг и не могу оценить их литературного уровня, но сам факт меня радует. Меня радует, во-первых, то, что в православной культуре появляется все больше женских имен, а во-вторых, то, что осваиваются новые жанры.

— По некоторым сайтам Интернета создается впечатление, что поттеромания постепенно приобретает черты какой-то псевдорелигии. Там, например, написано: **in Harry Potter we trust** — «веруем в Гарри Поттера».

— Да, и это одна из причин, по которым я вмешался в эту тему: важно, чтобы простая поттеромания не переросла в религиозную.

Чтобы помешать этому — я и написал свою книгу, в которой прошу сказку читать именно и только как сказку, не превращая ее ни в религию, ни в магическую инструкцию.

— Ну, а как Вы относитесь к увлечению подростков сказками Толкиена и их киноверсиями? Нужно ли это нашей молодежи?

— В России движение толкиенистов стало языческим, и в этой мутации российского толкиенизма есть доля и моей вины: я десять лет держал «Властелина колец» на полке не раскрывая. Знал, что книга прекрасная, христианская, но всё руки не доходили. Все надеялся, что кто-то из церковных публицистов обнажит ее христианские смыслы... И в итоге — нас опередили всякие «ники перумовы». Что ж, как сказал блаженный Иероним, «нашими грехами сильны варвары»²⁶⁰.

Дело в том, что Толкиен — христианин, католик кстати. В Англии это мужественный поступок: в протестантском окружении хранить более древнюю традицию своей матери, как это случилось с Толкиеном. «Властелин колец» ориентирован на читателей, которые хорошо помнили основные сюжеты Библии. Но затем эта книга попала в руки к советским варварам, которые не могли понять ее библейские намеки. И язычники начали спекулировать на христианской книге. Некто «Ник Перумов» даже переписал книгу Толкиена с откровенно сатанинскими акцентами. Я не хочу, чтобы с «Гарри Поттером» получилось то же самое. Поэтому считаю, что церковному человеку неплохо бы вместе с детьми читать эту книгу, придавая ей ту религиозную перспективу, которая бывает незаметна для самого подростка. И вот моя задача заключается в том, чтобы сделать толкиенистов бОльшими толкиенистами, рокеров бОльшими рокерами, то есть попробовать показать религиозный фон, который есть за этими произведениями. Подростков я призываю не просто «тащиться» под музыку, а думать — о чем поет Шевчук, почему Кинчев использует такой образ, а также почему Дамблдор сказал Воланде-Морту (в пятом томе), что худшее из всех заблуждений — это мнение, будто нет ничего хуже смерти. И именно это неверие Дамблдор считает самым слабым местом своего врага.

Да, а «Властелин колец» все же вышел с нормальными богословскими комментариями (в том числе и самого Толкиена). Ищите в магазинах издание «Властелина», выпущенное питерским издательством «Амфора»!

— Есть ли в миссионерском служении грань, которую человек не должен переступать, некая граница, отделяющая Церковь от мира?

— Я считаю, что мы должны использовать тактику агрессивного миссионерства. Это означает, что даже в тех слоях и произведениях культуры, которые сами не осознают себя как христианские, мы должны уметь видеть их христианские смыслы. Есть двухтысячелетняя инерция христианского воспитания, и она сказывается даже в тех современных людях, которые сами себя не считают связанными с религией. Но незаметно для себя самих они множеством нитей все же соединены с миром Евангелия. Однако то, что незаметно для них, может быть замечено взглядом со стороны. Именно так работает психотерапевт: он пробует заметить то, что в человеке есть, что влияет на его мышление и поведение, но что сам человек не замечает. Так работает культуролог: он показывает такие логические цепочки и такие ассоциативные связи, которые в культуре есть, но которые сама данная культура и ее носители могут не осознавать. Так может работать и богослов: узнавая незакавыченные цитаты из древних книг в современных литературных исповедях. Христианские подтексты и смыслы были даже в советской высокой культуре — в лучших книгах и фильмах той поры (например, в фильмах Эльдара Рязанова). Даже

²⁶⁰ *Блж. Иероним Стридонский. Письмо 56. К Илиодору // Творения: В 7 т. Т. 2. Киев, 1894. С. 160.*

если в них не упоминалось имя Бога, но в них было столь доброе и глубокое видение человека, которое могло появиться только в пространстве евангельского восприятия человеческой трагедии.

Принцип «агрессивного миссионерства» — это не цепляние к людям на улице. Это право христианского проповедника неполемически цитировать такие произведения, которые не помечены знаком «сделано в Церкви».

И еще это значит, что если есть какие-то пространства, не до конца сожженные, не откровенно антихристианские, то эти пространства надо захватывать и брать под свой контроль. Существует известный принцип земледелия: поле, за которым никто не ухаживает, зарастает сорняками. Возьмем, например, «Гарри Поттера». Ведь легче всего испугаться этой книжки и убежать. Но в этом случае мы это поле оставляем нашим врагам, которые засеют на нем свои сорняки, и эти сорняки дадут очень хороший урожай. Так произойдет в том случае, если Церковь скажет: «Да, Гарри Поттер — сатанист». Сатанисты данное утверждение, конечно, с удовольствием поддержат, и тогда с каждым экземпляром этого издания их число будет увеличиваться, а сама книга станет их рекламой.

Вспомните: в своих Посланиях апостол трижды цитирует языческих поэтов и философов. При этом всякий раз он заставляет этих философов поддерживать те идеи, которые были им чужды. И апологеты II века столь же «неполиткорректно» обращались с первоисточниками, когда брали языческие тексты и нагружали их столь высокими евангельскими смыслами, о которых авторы не подозревали. Но тем не менее в результате получалось эффективное миссионерское оружие (очень важное прежде всего для самих церковных людей: память о созвучии их веры идеям мирских философов мешала им заболеть сектантскими комплексами).

Нечто подобное, я считаю, можно сделать с Гарри Поттером. Госпожа Ролинг, наверно, не подозревала, что из ее книг можно сделать предмет для христианских проповедей.

— **Но ведь есть же такая грязь, где просто ничего не вырастет?**

— Даже если не вырастет, это еще не страшно. Главное в таком случае — не дать чему-то другому вырасти там. Например, в полемике по штрих-кодам старец Паисий сказал однажды, что есть люди, которые не боятся штрих-кода на продукте и думают: «Я возьму, перекрещу и тем самым освящу его». Но он возражает и говорит, что не все может принять освящение, вода, например, может принять святыню, а мочу освятить нельзя.

Это очень красивое размышление, но оно логически не корректно, потому что мы крестим какие-то предметы не только для того, чтобы освятить, но и для того, чтобы изгнать. Есть крестная сила как нечто ограждающее, как экзорцизм. Мы что-то можем освятить в смысле «исполнить благодати», а что-то (скажем, туалет) мы кропим крещенской святой водой^{XLVII}, чтобы там никакое зло не пряталось, а не для потребления там святыни. Точно так же и здесь. Может быть, христианский плод на этой делянке не вырастет, но зато своей работой мы помешаем кому-то растить на ней сорняки. По принципу: «Что смогу, то съем, а что не смогу — понадкусываю». В этом смысле наше присутствие будет «собакой на сене», которая, как гласит редко кем памятуемое продолжение этой поговорки, «сама не ест, но и другим не дает».

— **То есть Вы считаете, что интерес к личности Христа, чем бы он ни был вызван, в любом случае — хорош?**

— Нет, я так не считаю, потому что Сам Христос не всякий мотив обращения к Себе приветствовал. Он, например, уходил от людей, которые обращались к Нему по чисто утилитарным мотивам. После того как Христос насытил пять тысяч человек пятью хлебами и часть этих людей на следующий день пришла искать Его снова, Он сказал: *вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились* (Ин. 6, 26).

— Тогда снова о границе дозволенного в литературном вооружении миссионера. Например, многие люди приходят к вере через рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда». Но значит ли это, что надо развивать подобные направления миссии?

— Мне кажется, что нельзя заранее ставить какую-то границу. Ее нужно определять каждый раз заново, когда ты находишься в состоянии миссионерского вызова, то есть чьего-либо вызова, обращенного к тебе. Апостолы ведь не ставили заранее такие границы. Они говорили, что здесь нужен опыт и навык в различении добра и зла. Это касается и миссионера, в служении которого очень многое строится на некоем такте, вкусе. Мы видим, что иногда апостол Павел вступает в жесткую полемику, а иногда, например в афинском Ареопаге, неожиданно мягко говорит о верованиях язычников²⁶¹. Апостолы однажды жестко запретили языческой жрице пророчествовать о них, хотя она сказала правду: «Они рабы Бога Всевышнего!» (см.: Деян. 16, 16–18). Но последующие отцы с благоговением цитировали «Сивиллины пророчества» (см.: *Августин*. О Граде Божием. 18, 23) и трактаты, приписываемые египетскому богу Гермесу Трисмегисту. А блаженный Иероним в евангельской притче о неверном домоправителе²⁶² увидел совет об использовании нехристианских знаний для проповеди христианства²⁶³.

Я бы не хотел сам определять эти границы. Я предпочел бы, чтобы мне их подсказали люди, сами обладающие положительным и большим миссионерским опытом. Да только где ж сегодня таких людей найдешь... Так что боюсь, что не мне придется учиться на чужих ошибках, а будущим миссионерам — на моих.

Строго формально наша Церковь на сегодня не выработала критериев: что можно, а чего нельзя. Еще в 1991 году, на первом Съезде православной молодежи я спрашивал, в каких изданиях можно публиковаться миссионерам, работающим с молодежью, а в каких нельзя. Вот если у меня берет интервью «Московский комсомолец», могу ли я дать это интервью или не могу? Для меня на этот вопрос до сих пор нет ответа. Есть ли такие лекционные площадки, такие помосты, такие кафедры, на которые вообще нельзя всходить, потому что даже чистое слово, сказанное с них, будет загрязнено?

Из житий святых мы знаем о подвижниках, которые приходили к проституткам в их блудилища ради проповеди покаяния. Древними юродивыми мы готовы сегодня восхищаться. Ну, а сегодня как расценить поступок миссионера, принесшего свой материал в «МК», — как проявление мужества, как юродство или как безвкусице?

Чтобы уж окончательно обрисовать сложность этой проблемы, скажу, что в V веке появилось переложение Евангелия от Иоанна на стихи. Оно было вполне ортодоксально, пользовалось успехом в церковной и придворной среде. Но с точки зрения жанра и поэтической техники (то есть по форме, а не содержанию) эта поэма — «Деяния Иисуса» — была воспроизведением поэмы «Деяния Диониса». Само по себе принятие христианским поэтом языческого произведения за образец для подражания не скандально. Скандален выбор этого образца, поскольку «Деяния Диониса» выделяются даже на фоне общей античной фривольности своей откровенной порнографичностью.

Современные исследователи полагают, что это был сознательный эпатаж: V век — это время зарождения христианского юродства, а юродивый может и в женскую баню зайти и там пребыть не разгоряченным²⁶⁴. Так что церковная история знает не только случаи гнушения нецерковными буйствами...

Что касается конкретно рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда», то могу сказать одно: я рад, что она пришла к советской молодежи в те годы, когда та еще не знала английского языка. Поэтому многие из тех людей, которые полюбили это произведение,

²⁶¹ См.: Деян. 17, 22.— *Ред.*

²⁶² См.: Лк. 16, 1–13.— *Ред.*

²⁶³ См.: *Блж. Иероним Стридонский*. Письмо 97 (121). Алгазии, 11 // Творения: В 7 т. Т. 3. Киев, 1903. С. 96.

²⁶⁴ См.: *Иером. Григорий (Лурье)*. Время поэтов, или praeparationes areopagiticae // Нонн из Хмима. Деяния Иисуса. М., 2002.

просто не знали, какие кощунственные тексты там звучат на фоне, безусловно, талантливой музыки. Как это ни странно, но в 70-е годы эта рок-опера сняла шоры со многих комсомольских глаз: люди были шокированы тем, что вера бабушек может давать повод и для современного искусства. Я должен признаться, что «влюбленность» в эту рок-оперу стала для меня ступенькой на пути ко Христу (тогда я, конечно, и не ожидал, что это именно путь, и не предполагал, что завершится он приходом в Церковь). Под звуки рок-музыки китайская стена атеистического воспитания, отделявшая меня от мира христианства, каким-то кирпичиком все-таки треснула, и вдруг оказалось, что Христос может быть интересен современному человеку. И для меня, подростка, для которого в то время мир Церкви представлялся миром старушек в белых косынках, это открытие было своеобразной и радостной сенсацией.

— **А что Вы скажете о миссионерстве через песню?**

— Умная бардовская песня — наш союзник. Именно потому, что она дает работу уму и обжигает сердце.

— **Видите ли Вы разницу между традициями православной и католической литературы миссионерского направления? Если разница есть, то в чем она заключается, и может ли в дальнейшем принятие той или иной традиции повлиять на выбор конфессии читателем?**

— Я думаю, что между православной и католической художественной литературой (если она серьезная) нет никакого фундаментального отличия. Я не могу сказать, какое различие, например, между Гоголем и Диккенсом, Буниным и Гюго, Шмелевым и Экзюпери. Конечно, у каждого из них есть свой авторский стиль и особенности, но я не могу сказать, что вот это — католическое видение мира, а вот это — православное. Напротив, есть даже что-то похожее, например, в книге «Отец Арсений» и романе католика Грэма Грина «Сила и слава». Обе книги — честные, нерекламные. Кстати, «Силу и славу» я считаю романом миссионерским по преимуществу и рекомендовал бы прочитать его каждому юноше, который собирается поступать в семинарию. Это хорошее введение в церковную жизнь.

Впрочем, одно слово о Грэме Грине.

В 70-х годах XX века в Италии было модно вести диалог между коммунистами и католиками. И вот на одну из таких встреч коммунисты пригласили Грэма Грина как представителя католической интеллигенции. В зале висело напряженное ожидание. Но Грэм Грин первой же своей фразой снял напряжение и расположил к себе аудиторию. Он вышел на трибуну и сказал: «Знаете, у вас, коммунистов, и у нас, католиков, есть много общего». Грин дождался конца аплодисментов и продолжил: «И у вас, и у нас руки по локоть в крови».

— **Я задал этот вопрос потому, что существует мнение о том, что католическая художественная литература вырабатывает у человека отношение ко многим религиозным вопросам с позиции «здравого смысла». Но вера и «здравый смысл» часто входят в прямое противоречие. Апостол Павел прямо пишет, что часто «здравый смысл» является безумием перед Богом²⁶⁵. С этой точки зрения существует ли опасность использования католической художественной литературы с миссионерскими целями?**

— А что такое «здравый смысл»? Это очень конвенциональная и условная вещь: у каждой эпохи он свой. Я бы сказал так: «здравый смысл» — это стереотипы эпохи моей бабушки. Так вот, «здравый смысл» эпохи апостола Павла — это предрассудки бабушек языческой эпохи, а «здравый смысл» XX века — это предрассудки бабушек XIX века. Предрассудок — в буквальном смысле — то, что впитано с молоком матери, прежде чем у человека сформировался личный критический взгляд. «Предрассудок» нашей эпохи — это совесть, замешанная на христианской закваске. Поэтому я убежден, что сегодня, на фоне безумных «ток-шоу», в которых проповедуются всевозможные извращения, оккультизм и

²⁶⁵ См.: 1 Кор. 1, 20; 3, 19.— *Ред.*

язычество, позиция «здорового смысла» — это голос традиции, а значит — голос христианства.

Любая художественная книга — это невыверенный богословский трактат. Там есть место для «лирики» — авторского переживания и домысла. Поэтому сравнивать художественные книги с катехизисом — занятие немилосердное. Хотя и очень сегодня популярное.

Но вы можете представить себе ситуацию, когда икону выкидывают только из-за того, что на доске появилась трещинка или царапинка? Не можете? Тогда почему же у нас выкидывают целую книгу только потому, что какая-нибудь ее малая крупинка не укладывается в православную мозаику? И при этом абсолютно не считаются с теми слитками миссионерского, философского и духовного золота, которые в этой книге содержатся.

— Значит, нет никаких различий между католическим и православным миссионерством в средствах?

— Различие в том, что католики прежде всего хотят быть католиками (от греческого *catholicos* — «вселенский, универсальный»), а православные прежде всего хотят быть православными (ортодоксами), то есть на первое место ставится неизменность традиции. Католики очень боятся потерять какую-либо часть своей паствы, а православные боятся потерять связь с прошлыми поколениями, то есть с опытом Церкви. Поэтому православные нередко готовы пожертвовать частью своей потенциальной паствы ради сохранения живой традиции и церковного опыта. Этим и объясняется неприятие Православием различных «рекламных акций».

— Как Вы относитесь к экстремальному миссионерству: хождению по квартирам, проповеди на улице? Есть ли у Вас опыт подобного миссионерства?

— Опыт проповеди на улице у меня был где-то в середине 80-х годов. Арбат тогда стал свободной зоной, я после уроков убегал из семинарии и приезжал туда. Первыми там начали проповедовать кришнаиты, потом баптисты, потом и я появился. И надо заметить, что нескольким людям я успел «испортить» жизнь. Один из них сейчас уже священник (кстати — в Бразилии), другой — церковный журналист.

Когда наша Церковь была молода, она и сама «грешила» экстремальным миссионерством.

По квартирам и домам наши священники тоже ходили — правда, не с тем, чтобы раздать книги, а с тем, чтобы собрать пожертвования (вспомните быт сельских батюшек в дореволюционные годы: на Пасху и Рождество они обходили все село и собирали пожертвования, по большей части продуктами).

Бывала и покупка прихожан. В Российской империи мусульман освобождали от налога, если они принимали Православие. Сегодня мы бухтим: «Протестанты покупают наших прихожан, как дикарей бусами». Но мы же сами этим занимались.

Я честно скажу: православная этика — в значительной степени готтентотская этика. Племя готтентотов живет в Африке по понятиям вполне примитивнейшим. И в XIX веке какой-то миссионер, видя их безобразия, спросил у вождя этого племени:

— Скажите, у вас хоть что-нибудь святое есть? Что для вас добро и что — зло?

И тот отвечает:

— Конечно же, мы знаем, что такое добро и зло. Если сосед украл у меня корову — это зло. А если мне удалось увести его корову с его двора — это добро.

Вот наша церковная позиция совершенно такая же. Если нам удалось перевести католика в Православие — это добро, а если они от нас отбили — это плохо. Я это без всякого осуждения говорю. Я с этим совершенно согласен.

Но вот какого миссионерского «экстрима» я не приемлю, так это рекламного зазывания. В моих беседах (я подчеркиваю — это не проповедь, а беседа) очень мало призывов, императивных повелений: мол, «кайтесь! приходите! молитесь!». В этом я стараюсь не походить на протестантских проповедников, злоупотребляющих обилием

восклицательных знаков. У меня один призыв: «Думайте серьезно о своем религиозном выборе». Я хотел бы в своих беседах донести до слушателей понимание того, что Православие — это двухтысячелетняя традиция мысли и в вопросах религии надо уметь думать, а не просто слепо доверяться первой эмоции, настроению, первой попавшейся листовке или же сектантскому завлекалу.

— **Может быть, для православных неприемлемы некоторые миссионерские приемы западных церквей?**

— Когда я слышу, что они используют какие-то средства, которые мы осуждаем, я припоминаю нашу историю и говорю: «Подождите, у нас такое ведь тоже было!». Говорят: «Эти иностранные миссионеры покупают души, потому что раздают бесплатные книги, подарки». Простите, а об истории Татарстана вы забыли? Какими подарками приводили татар ко Крещению? Освобождением от налогов, перспективами и так далее. И вообще, это не вопрос догмата, здесь вопрос вкуса. Иногда даже храм бывает безвкусно украшен. Также бывают безвкусными миссионерские находки, или выходки, иначе говоря. В том числе и у сектантских проповедников. У православного человека должно быть больше вкуса.

— **Какая, по Вашему мнению, самая страшная ошибка миссионера?**

— Этих ошибок очень много. Самую страшную я назвать не могу. Во всяком случае, миссионер должен избегать двух крайностей.

С одной стороны — не быть памятником самому себе, таким живым воплощением православного благочестия. Стилизоваться под это не трудно — но тогда ты будешь посторонним метеоритом, который вторгся в чужую жизнь. И человек поскорее постарается тебя обойти, потому что он не хочет превращаться в копию тебя и заболеть твоим монументальным столбняком. Причем нередко видишь, что священник обращается вроде бы к нецерковным людям, но во время проповеди он думает прежде всего не о том, как эти слова отзовутся в их жизни, а о том, что про него скажут его сослужители и собраты в Церкви. И в итоге получается антипроповедь.

А с другой стороны, если я во всем буду стилизоваться под моего собеседника и его «тусовку» (мол, и я люблю рок, и я туда, куда ты, и раз ты любишь выпить, то и я не против), то общение будет — но о чем? И в конце концов человек скажет: «Прости, если ты во всем такой же, как и я, то что означает твое христианство? Не нужно оно мне такое, неспособное ни в чем менять нашу тусклую житуху».

При чрезмерной ассимиляции миссионер, стараясь найти общий язык со своей нецерковной аудиторией, настолько в этом преуспевает, что в итоге становится «своим в доску». В этом случае люди справедливо изумляются: «Если ты — то же самое, что и мы, то тогда твоя вера нам не нужна, у нас и так все есть».

Именно на этом пути потерялись несторианские миссионеры в Китае: они просто растворились в буддизме^{XLVIII}.

Обретение меры во все века было трудным, и оно до сих пор остается творческим заданием, а не тем, что уже дано.

— **А есть какие-то особые проблемы именно современного миссионерства?**

— Я искренне завидую апостолу Павлу, потому что он жил еще в те времена, когда не было диктофонов. Он мог себе позволить такую миссионерскую роскошь, как «с эллинами говорить как эллин, а с иудеями как иудей»²⁶⁶. Представьте себе, если бы какой-нибудь иудей записал проповедь апостола Павла перед эллинами на диктофон, а потом дал бы послушать ее в синагоге. Эффект был бы совершенно определенный: живым из следующей синагоги апостол Павел уже не вышел бы...

После своих лекций я часто слышу отзывы православных воцерковленных людей:

— Отец Андрей, Вы меня смутили таким-то примером или анекдотом.

Но что я могу на это сказать?

²⁶⁶ См.: 1 Кор. 9, 22.— *Ред.*

— Простите, кого я смутил? Вас? В чем Ваше смущение? Вы что, из-за этого в церковь не будете ходить? Будете. Вы православный человек — замечательно. Может быть, Вы думали, что я обладаю огромной духовностью, а это оказалось не так? Но честное слово, вера в святость диакона Андрея Кураева не является обязательным условием для спасения. Поэтому Ваше смущение для Вас самих на самом деле не опасно.

Да, я заранее знаю, что те или иные мои «вольности» смутят некоторых православных. Но — именно православных. И соблазнятся эти православные обо мне, а не о Христе и не о нашей вере. Но лучше пусть церковные люди соблазняются обо мне, нежели нецерковные — о Православии.

Тем, кто укоряет меня в том, что я-де сею соблазн, я отвечаю: а не задумывались ли вы над тем, сколько соблазна посеяли «правильные» проповеди «правильных» батюшек? Сколько подростков (да и взрослых людей) на многие годы были оттолкнуты от Церкви потому, что встретившийся им проповедник говорил высокой церковнославянской вязью, в которой эти ребята не узнали ничего, понятного для них? Когда батюшка приходит в университетскую аудиторию, проповедуя правильно и благочестиво, сыплет благоуветливыми глаголами по всем параметрам семинарской гомилетики, то в этом благочестии дохнут и мухи, и студенты.

Классический пример — история обращения Антония Сурожского. Будущему митрополиту было тогда 15 лет. И вот в скаутский лагерь, в котором он проводил лето, приехал отец Сергей Булгаков, великий богослов и философ. Вожатый собрал птенцов: «Ребята, мы должны послушать батюшку. Я понимаю, вам футбол интереснее, но если мы не придем, то что там, в Париже, про нас скажут? Финансирование на следующий сезон прекратится, лагерь закроется, у меня будут неприятности». В общем, ребята собрались, батюшка прочитал им обстоятельную лекцию (позднее митрополит Антоний сам скажет, что с точки зрения содержательной все в этой лекции было верно). Вот только в этой беседе не было ничего, что могло бы заинтересовать 15-летних мальчишек. У будущего митрополита в сердце осталось только одно: «Если вот эта скука и есть Православие, то для меня вопрос о выборе религии решен раз и навсегда — я отдельно, Церковь отдельно». Потом произошло чудо, но чудо-то понадобилось для того, чтобы нейтрализовать неудачную лекцию священника.

Сколько же людей отошли от Православия потому, что они были смущены именно «правильными» проповедями! Но таких потерь у нас в церковной среде не принято считать: отряд не заметил потери бойца, анафематизмы допел до конца^{XLIX}.

Сколько людей стали сторониться Церкви оттого, что встретившийся им церковный проповедник мог только отнимать у них то, что им интересно и дорого, но не смог объяснить, чем же именно Церковь сможет наполнить их жизнь?

О таких проповедниках верно сказал французский историк XIX века Буассье: «Они требуют безусловного подчинения своим мнениям и в то же время стараются сделать их неудобными для усвоения»²⁶⁷.

Так что уж позвольте мне подвести их к церковному порогу теми средствами, что доступны мне. А затем уж мои критики смогут прививать им нормы благочестия, теми средствами, что знакомы им.

— А какие формы миссионерской деятельности приняты в нашей Церкви сегодня?

— Есть много вещей, которые имеют миссионерское воздействие: стоящий отреставрированный храм, батюшка, прошедший в облачении по улице,— это тоже призыв. А если речь идет о сознательной целенаправленной проповеди, привлечении людей, то, во-первых, это концерты с привлечением православных бардов, певцов. А в 2003 году на Камчатке пользовалась успехом передвижная выставка завода «Софрино»,

²⁶⁷ Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV веке // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. СПб., 1998. С. 215.

производящего церковную утварь. Если при этом есть еще грамотный рассказ: почему крест, почему Чаша, почему яичко пасхальное,— это же очень хорошо!

— **Какая, по Вашему мнению, книга в современной литературе имеет наибольший миссионерский эффект и, наоборот, какая (из встретившихся Вам) может надолго оттолкнуть человека от Церкви?**

— Я думаю, что ничего более сильного, чем «Исповедь» блаженного Августина, никогда ни один миссионер уже не напишет.

Но, с другой стороны, мне сейчас с некоторой горечью и разочарованием придется сказать о том, что сильная, эффективная с миссионерской точки зрения книга — не всегда лучшая. Например, книга Владимира Вейника «Почему я верю в Бога» чрезвычайно эффективна с точки зрения прихода людей к вере, но совершенно несерьезна с точки зрения богословия и даже той самой науки, которую Вейник представляет²⁶⁸. Я считаю просто позором для Церкви, что эта оккультная книга продается во многих храмах и монастырях. Но несомненно, она очень эффективна и приводит в Церковь сотни людей с компьютерным складом ума. Правда, приходя через эту книгу в Церковь, они потом плохо отличают мир Православия от мира оккультизма.

Или возьмем различные сборники чудес, книги типа «Православные чудеса XX века». С миссионерской точки зрения они очень эффективны, но дальше возникает вопрос: а куда они приводят человека? В мир Православия или в мир некоей общечеловеческой магии, которая в данном случае просто выражает себя через православную символику? Что я имею в виду под миром общечеловеческой магии? Понимаете, есть люди, которые ходят в православный храм, искренне считают себя православными, но, по сути, специфически христианские догматы для них не так уж и важны. Такой человек идет в церковь, чтобы вымолить себе какую-нибудь поблажку в земной жизни, и ему абсолютно все равно, к кому по этому вопросу обратиться. «Батюшка, у меня сын пьет, скажи, какому Господу Богу я молиться должна?». То есть ровно с той же легкостью и по тем же мотивам, по которым такой человек шел в храм православный, он пошел бы в любую секту, к любому целителю, в любую языческую общину, попадись ему тогда другая литература или другой проповедник.

Что касается второй части Вашего вопроса, то я могу назвать прекрасный пример антимиссионерской литературы. Недавно мне в руки попала книга одного грузинского архимандрита под названием «Адамов грех», автор которой на двухстах страницах доказывает, что все некрещеные младенцы идут в ад. Читая ее, я внутренне благодарил Господа за то, что пришел в Церковь двадцать лет назад, а не сейчас. То есть если бы сейчас я находился в числе сомневающихся, то, увидев подобную книгу, я бы не пришел в такую Церковь точно. Кстати, у оптинских старцев, в частности у Варсонофия, был совершенно иной взгляд на участь некрещеных младенцев¹.

— **А была ли в Вашей жизни книга, которую Вы могли бы назвать миссионером для себя?**

— У меня людей не было, а книги были. Это «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (и прежде всего «Легенда о Великом инквизиторе»). Именно поэтому сейчас я не с командой Душенова из «Русского вестника», не среди ходатаев за прославление Ивана Грозного и прочих опричников. Если я соглашусь с этим пафосом новых инквизиторов, это будет предательством моего пути в Церковь. Тогда я должен буду плюнуть в лицо Достоевскому с его «слезинкой ребенка».

Чем мне дорог Достоевский? Тем, что он позволял быть человеком, а не частичкой коллектива, как это было в советской пропаганде. Дороги мне и слова Пушкина о

²⁶⁸ Критику теорий Вейника с научной точки зрения см.: *Дынич В. И.* и др. Вненаучное знание. Его книга «Термодинамика» называется «скандально известной». О ней же см.: *Федоров В. С., Степанов Б. И.* Бред под видом науки. Рецензия // *Вестн АН БССР. Серия физ.-мат. наук.* 1974, № 5. С. 131, а также примеч. 17 на с. 446–447.

«самостояньи человека»: «Завещано от века по воле Бога Самого самостояньи человека — залог величия его».

Для меня обретение этого личностного начала было связано с обретением веры в Бога. Наверное, поэтому я и не могу сейчас говорить о том, что во имя Бога надо растирать в порошок инаковерующих людей.

Вообще же, говоря о миссионерских книгах, надо отметить произведения Клайва Стейплза Льюиса и Гильберта Кийта Честертона. Я думаю, что это классика, без которой миссионер не может обходиться. В этих книгах нет морализаторства. Они написаны не с позиции «не» или «сверху вниз». В них нет поучительства и занудности. Я думаю, что они способны дать ощущение бодрящей радости от обретения веры. Радость естественна, особенно для молодого человека, которому радостно находиться в состоянии борьбы, плыть против течения и бежать наперегонки с автобусом.

— Что бы Вы посоветовали молодым людям, как им самообразовываться в духовной сфере?

— Если этим серьезно заниматься, то я бы посоветовал составить для себя расписание на год. Например, в сентябре-октябре я изучу историю Церкви, дальше в ноябре-декабре — займусь изучением символики и истории богослужения; в январе-феврале — христианской философией, а, скажем, летом до догматики дойду. То есть надо уметь самому себе ставить цель — на год, на месяц, на каждый день. Подобрали литературу на такой-то месяц по такой-то теме — и работайте с ней, овладейте ее языком, ее логикой. Другое дело, что подбор литературы — непростая вещь: нельзя подобрать нужную книгу, не обладая определенным вкусом, а становление вкуса зависит от круга чтения. Поэтому, может быть, просто запомнить имена хороших авторов, а через их книги уже выйти на тех, кого они рекомендуют.

— А каких авторов Вы бы посоветовали?

— Я бы советовал обратиться к трудам блаженного Августина, прежде всего его «Исповеди»; к Иоанну Златоусту, особенно его толкованиям Евангелия; письмам святителя Феофана Затворника и его книге «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться». Из авторов XX века — это книги митрополита Вениамина (Федченкова), книги и беседы митрополита Антония Сурожского. Из богословских работ — протоиерея Георгия Флоровского, Владимира Лосского, отца Александра Шмемана, отца Иоанна Мейендорфа, отца Александра Ельчанинова (замечательная книга была его — «Записи»). Среди современных богословов — работы А. И. Сидорова и протоиерея Георгия Митрофанова. По церковной истории: чтобы понять, что такое Церковь, чем она живет, надо найти редкую книжечку отца Сергия Мансурова «Очерки по истории древней Церкви». Отца Сергия арестовали где-то в 30-х годах, поэтому свою рукопись он смог довести только до III века христианской истории, но то видение Церкви, которое он дает, — просто блестящие портреты церковных деятелей. Увы, скуднее всего сегодня наша литература по библеистике. Тут не обойтись без журнала «Альфа и Омега», а также трилогии современного католического библеиста Брюса Мецгера («Канон Нового Завета», «Текстология Нового Завета», «Ранние переводы Нового Завета»).

Буду рад, если у Вас дойдут руки и до моих книг.

— С чего начинать изучение богословия?

— Мне кажется, что богословие — это очень прикладная наука. В истории Церкви богословие всегда развивалось как ответ на внешние провокации. То есть не было самостоятельного решения об удовлетворении своего частного любопытства: «Дай-ка я эту проблему исследую!». К богословию обращались, когда нужно было защитить свою веру, честь своей Церкви. Вот тогда и приходит понимание богословия, и нужные книги открываются на нужной странице. Так что, мне кажется, важнее всего поставить вопрос: «Зачем я изучаю богословие, зачем оно мне нужно, как я его буду применять?».

— Если не брать в расчет Священное Писание, то какова, по Вашему мнению, роль книги с точки зрения прихода человека к вере?

— Люди разные, и их пути к вере — тоже разные. Бывают пути совершенно «некнижные». Летом 2003 года в Новоазовске я познакомился со священником, недавно пришедшим в Православие: в начале 90-х это был активный баптистский проповедник. Он поведал мне историю своего обращения. Однажды он решил зайти в православный храм, чтобы там поdiskутировать со священником. Священник был занят и сказал:

— Знаете, у меня сейчас абсолютно нет свободного времени — надо срочно ехать на требы; но если уж Вам так нужно поговорить, то за время, пока я буду переодеваться, мы, возможно, успеем пообщаться.

Батюшка заходит в какую-то комнатку, начинает переодеваться; сзади же стоит этот молодой баптист и расстреливает его пулеметными очередями евангельских цитат, якобы опровергающих Православие. Священник слушает молча, без всяких возражений, и вдруг, снимая с себя наперсный крест, он поворачивается к этому юноше, резко подносит крест к его лицу и говорит:

— Целуй!..

Когда этот бывший баптист (нынешний православный священник) рассказал мне эту историю, он добавил: «Не знаю, что вдруг со мной произошло, но я без всяких споров поцеловал протянутый батюшкой крест и почувствовал себя как младенец, нашедший наконец титьку матери. Младенец успокаивается, ему ничего больше не надо. Так и я почувствовал, что этот храм — мой дом и здесь живет Истина, Которую я так долго и безуспешно искал. Мне никуда больше не надо идти — я нашел Ее!».

Так что бывают случаи абсолютно «некнижных» обращений (я думаю, что их даже большинство). Но я бы сравнил книгу с лекарством, лежащим на аптечной полке. Есть какое-то лекарство, которое не нужно всем, а кому-то даже и вредно, но если оно нужно и помогает хотя бы 0,1% людей, то такое лекарство должно быть в каждой аптеке (например, инсулин).

Точно так же и в мире церковном — книги нужны не всем, но есть люди, которым они необходимы. Книга дает возможность избавиться от засилья газет и газетных сплетен. Книга дает возможность мыслить, в отличие, например, от телефильмов, когда поток информации с большой скоростью пронесется мимо тебя, не давая возможности регулировать его скорость. Книга же дает возможность спокойно осмыслить какой-то эпизод, вызвавший недоумение или, наоборот, поразивший тебя. Вновь и вновь открывая нужную страницу, можно обдумать этот эпизод с разных сторон, подыскать аргументы «за» или «против».

Книга восполняет нехватку знаний, мудрости, рассудительности у твоих обычных (или случайных) собеседников.

Книга помогает увидеть мир глазами былых поколений, а не нынешних журналюг.

— Почему в практике православного миссионерства так осторожно используется (цитируется) Священное Писание, не слишком ли мы увлеклись устным Преданием?

— Я думаю, что практика православного миссионерства здесь ни при чем. Вопрос в другом — насколько христоцентрично современное православное мышление?

Апостол Павел говорил о святых как об *облаке свидетелей* (ср.: Евр. 12, 1). Но в сознании некоторых людей это облако сгущается настолько, что заслоняет собой Солнце, то есть Самого Христа.

Например, мне грустно было видеть то, что в нашей Церкви, по сути, никак не отпраздновали 2000-летие Рождества Христова. Нет, официально провели несколько концертов, банкетов и так далее. Но никакого миссионерского всплеска в связи с этим не было. Не было серии христологических публикаций. Христос и в 2000 году не стал главной темой наших проповедей. Хоть одна книга о Христе была ли тогда написана и издана? Только несколько художественных альбомов...

Это значит, что тема Христа — это не есть нечто, вдохновляющее преподавателей наших духовных школ. Только в Свято-Тихоновском богословском институте вышел

юбилейный сборник. Но и там были только переводы отцов и западных богословов плюс пара молодежных работ. А ведь редакция заранее обращалась к преподавателям института: «Отцы, пишите, готовьте», но мало кто вдохновился. Я отчего-то убежден, что если бы для сборника избрали другую тему — например, крестный путь Царской Семьи, то сборник получился бы раза в четыре толще.

У нас нет потребности делиться с людьми своим переживанием Христа. Батюшка на проповеди может на время оторваться от бумажки, чтобы поделиться своими личными впечатлениями, например, от паломничества в какой-нибудь монастырь, может даже поделиться своими переживаниями того, что было «вчера на требе». Но как редко в наших храмах видишь, чтобы батюшка точно так же, **по требованию сердца**, обратился вдруг к евангельскому тексту **о Христе** (вне зависимости от того, что это место сегодня на службе не читали) и сказал: «Вот, послушайте, какое толкование я нашел у такого-то святого отца о таком-то поступке Христа, о таком-то Его слове».

И еще: я не раз бывал в домах священников, у которых в домашнем иконостасе не было иконы Христа. Вернее, Он присутствовал, но только как Младенец на руках у Богородицы. В центре же красного угла поставлялась либо самая старая или дорогая икона, либо самая большая, либо изображение самого чтимого в данной семье святого. Если же образу Христа там все же находилось место, то где-то далеко от центра, и размеры этого образа сильно уступали размерам многих других икон.

Казалось бы: ну и что? Главное — молиться перед иконами, а не думать об их размере. Но все же я считаю, что такие иконные уголки — это внешнее проявление некоего внутреннего беспорядка. У священной живописи есть свои, выработанные веками законы, и один из них совершенно четко гласит, что размеры персонажа на иконе носят иерархический характер: то есть чем больше персонаж по размерам, тем более значим его статус. Поэтому даже взглянув на современные домашние иконостасы, можно увидеть пример того, как Христос в сознании людей умален перед святыми, которые, собственно, и называются святыми только потому, что всю свою жизнь положили к ногам Христа.

И наконец, могу привести еще один пример этой печальной симптоматики. Посмотрите на апокрифы. Если в первое тысячелетие истории христианства они вращались вокруг ветхозаветных и евангельских событий, то есть пусть и искаженно, но все-таки концентрировались вокруг личности Христа («Евангелие детства Иисуса» и так далее), то современные апокрифы даже и не упоминают о Христе. Они рассказывают о Серафиме Саровском, блаженной Матроне, Иоанне Кронштадтском. Даже фольклор сменил тему для своего творчества.

Об этой церковной боли говорит и Патриарх Алексей: «Восстановление христоцентричности церковного сознания невозможно без частого приобщения Святым Дарам»²⁶⁹. Но если что-то надо восстановить, значит, это «что-то» где-то уже затерялось...

— Нужна ли хорошая художественная книга о Христе, подобная «Сыну Человеческому» отца Александра Меня, но более православная?

— Знаете, сейчас настолько велика жажда людей слышать о Евангелии и о Христе, что для меня было неожиданностью увидеть реакцию людей, когда я на публику стал читать лекцию, касающуюся проблем текстологии Евангелия (рукописи, история их обретения, расхождения в текстах и так далее). Это чисто семинарская лекция, и я всегда думал, что в проблемах обретения папирусов обычным людям будет неинтересно копаться. Так вот, реакция на эти темы для меня была абсолютно неожиданной. Я время от времени прерывал лекцию и спрашивал, надо ли дальше подробно копаться в текстологии или перейдем к анализу самого Евангелия? В ответ люди просили продолжать рассказывать о папирусах дальше.

Что касается художественной книги... Я вообще не воспринимаю художественных произведений на евангельские темы. Для меня это слишком серьезно, чтобы играть, а

²⁶⁹ Патриарх Алексей. Войдите в радость Господа своего. С. 75.

художественное произведение — это все-таки некая игра. Но опять же, то, что не съедобно лично для меня, может оказаться съедобным для кого-то другого.

И еще один момент. Одно дело — это романы на евангельские темы, появлявшиеся в XIX веке («Камо грядеши» Г. Сенкевича, пьеса К. Романова «Царь Иудейский» и так далее), и другое дело — современный мир. Современная культура — культура всеобъемлющей и всевовлекающей игры, где все друг другу подмигивает. Все условно, все «как бы», все «виртуально». Роман о Христе, появившийся сегодня, будет восприниматься людьми как предложение поиграться Евангелием. Это **слишком** хорошо может быть сегодня воспринято (вообще, для миссионера существует большая опасность, когда его всегда хорошо принимают. Может возникнуть иллюзия, что там, где я сейчас сижу, христианство и так уже есть, поэтому идти мне никуда не надо).

Впрочем, в России все художественные произведения о Христе будет ждать печальная участь. Их будут сравнивать с «Мастером и Маргаритой» Булгакова и, естественно, отдавать предпочтение булгаковской версии — как самой игровой.

— Кстати, что Вы можете сказать об этом произведении, которое многие православные обвиняют в кощунстве, считая образ Га-Ноцри пародией на образ Спасителя?

— «Пилатовы» главы этого романа, несомненно, кощунственны. Но ведь и в Библии есть кощунственные и богоборческие фразы. Поэтому так важно смотреть на контекст: кто из персонажей изрёк кощунство и зачем автор это кощунство процитировал. Я убежден, что Михаил Булгаков пародировал не Евангелие, а атеистическую критику Евангелия.

В самом начале романа редактор журнала «Богоборец» Михаил Берлиоз и юный поэт-безбожник Иван Бездомный спорят о том, как уместнее вести борьбу с верой во Христа. Один считает, что Христа вообще не было на свете, другой же полагает, что Христос был, да только вот евангельским рассказам об этом бродячем проповеднике верить не стоит. Тут и появляется Воланд, который решительно поддерживает вторую позицию. По версии сатаны, Иисус существовал. Он учил превысшенной моралистике («все люди добрые»). Чудес Он не творил. Богом не был. Даром пророчества не обладал. Евангелисты и Церковь все переврали...

Был ли в 30-е годы XX века в Советском Союзе человек, который распространял бы именно такой взгляд на Христа? Да. Это был Лев Толстой. Именно в 30-е годы в СССР начали издавать его полное, 90-томное собрание сочинений, в которое входили и его «богословские» труды, содержавшие именно такой взгляд на Христа.

Как известно, этот писатель имел бесподобную привычку править Евангелие, вычеркивая из него все, что говорило о Божественной природе Христа. Когда Льва Толстого поздравляли с Пасхой, говоря: «Христос воскрес!», он мог угрюмо буркнуть в ответ: «Не воскресал, не воскресал Он!» (это его ответ Ф. Шаляпину).

Если внимательно читать Булгакова, станет понятно, что Га-Ноцри — герой не его романа. Иешуа, созданный Мастером, не вызывает симпатий у самого Булгакова. Главный, и даже единственный, тезис проповеди Иешуа — «все люди добрые» — откровенно и умно высмеивается в «большом» романе. Стукачи и хапуги проходят вполне впечатляющей массой. Со всей симпатией Булгаков живописует погромы, которые воландовские присные устроили в мещанско-советской Москве. У такого Иисуса («шмыгающего носом») Булгаков не зовет учиться своего читателя.

Одно из первых названий булгаковского романа — «Черный богослов». В ранних редакциях именно Воланд звался Мастером и от себя он повествовал историю Понтия Пилата и Иешуа. Так Булгаков пробовал пояснить, что советское богоборчество — это лишь рафинированная форма сатанизма (кстати, Берлиоз приглашал Воланда сотрудничать со своим журналом, на что Воланд отвечивал: «Сочту за честь!»).

Иешуа придуман Мастером в сотрудничестве с сатаной. А дальше начинается головокружительный сюжет (впрочем, знакомый и по «Солярису», и по «Портрету

Дориана Грея»): персонаж, созданный человеком, обретает самостоятельную жизнь и вмешивается в жизнь своего создателя... Кроме того, и в оккультизме считается, что порождения человеческой мысли обретают объективность и могут ответно вторгаться в жизнь породивших их сознаний. Так, Иешуа, созданный Мастером, просит за Мастера. Но ошибется тот, кто скажет, что это Христос просит сатану. Иешуа и Христос — антиподы.

Булгаков дает ясный намек на то, что «евангелие от Воланда» фальшиво: Воланд и его свита боятся крестного знамения. К примеру, когда Азazelло забирает души отравленных им Мастера и Маргариты, кухарка хочет перекреститься, и Азazelло громко грозит ей: «Отрежу руку!». Если Воланд прав и на Лысой горе был повешен обычный моралист, то отчего же он трепещет символа Креста? Если Иисус не воскрес, то отчего же Воланд торопится отлететь подальше от «башенок Новедевичьего монастыря» в предпасхальный вечер? Кстати, для понимания романа важно заметить, что действие его московских глав разворачивается на Страстной, предпасхальной седмице...

Вообще же я с некоторой опаской говорю на эту тему. О нечистом говорить и не хочется, и опасно. Не спешите улыбаться: в апреле на моей лекции про «Мастера и Маргариту» в Ухте присутствовал один человек, который вел себя достаточно вызывающе. Он выкрикивал с места, что Бог, мол, не способен победить сатану, что Он даже не сумел предвидеть его появления в сотворенном Им мире. Внезапно этому человеку стало плохо, и он умер в течение десяти минут. В зале был врач-реаниматолог, который немедленно вмешался, — но и он оказался бессилён. А врачи, производившие вскрытие, потом сказали, что «показаний к смерти» в организме этого хулителя не было. Так что, как правильно сказано в романе, каламбуры на тему света и тьмы могут закончиться очень плохо.

Разговор о «Мастере и Маргарите» не вместить в одном интервью. Этой теме посвящена моя книга ««Мастер и Маргарита»: за Христа или против?». В ней я анализирую и дневники, и письма автора, и более ранние редакции его романа, по моему мнению, точнее отражающие авторский замысел. Если бумажный вариант книги не попался вам на глаза, то можно зайти на мой сайт: <http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=29715>.

— Но апокрифы — это ведь почтенная литературная традиция. Во многих из них есть очень подробный рассказ о земной жизни Христа, намного более детальный, чем в четырех канонических Евангелиях, принятых Церковью, вместе взятых. Но тем не менее Церковь настаивает на достоверности именно этих четырех Евангелий. По какому же признаку все остальные Евангелия были причислены к апокрифам, то есть считаются подложными или искаженными?

— Церковь ничего не выбирала, во-первых, потому, что в основной своей массе эти псевдо-Евангелия появились уже после того, как Церковь свыклась со своими каноническими Евангелиями. А во-вторых, Христос, представляемый в апокрифах, — это совсем не тот облик Христа, который был дорог церковному сердцу и хранился в Церкви мучеников первых веков христианства.

Возьмем, например, «Евангелие детства». «Сын Анны книжника разбрызгал воду, которую Иисус собрал. Когда увидел Иисус, что тот сделал, Он разгневался и сказал ему: Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов. И тотчас мальчик тот высох весь, а Иисус ушел и вошел в дом Иосифа. Но родители того мальчика, который высох, взяли его, оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что Сын его совершает такое! После этого Он [Иисус] снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул Его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер. И Иосиф позвал Мальчика и бранил Его, говоря: зачем Ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас и будут преследовать нас? И Иисус сказал: Я знаю, ты говоришь не свои слова, но ради тебя Я буду молчать, но они должны понести наказание. И тотчас обвинявшие Его ослепли...

И после того никто не осмеливался перечить Ему, чтобы не быть проклятым и не получить увечье»²⁷⁰.

В канонических Евангелиях нет ничего подобного. Там нет чудес ради чудес. Нет чудес ради устрашения и повиновения. Все чудеса канонических Евангелий осмысленны: они раскрывают смысл служения Христа. В канонических Евангелиях Христос Себя приносит в жертву, а не тех, кто с Ним не согласен. В апокрифах же мы видим обычный народный фольклор, причем иногда очень даже мстительный, что вообще характерно для фольклорно-магического сознания.

— И все же — специально о «Сыне Человеческом» отца Александра Меня. Существует мнение, что эта книга бесполезна и искажает православное вероучение. Каково Ваше отношение к этой книге?

— Боюсь, что моя оценка окажется слишком субъективной. Дело в том, что «Сына Человеческого» я прочел примерно в пятнадцатилетнем возрасте, и эта книга меня тогда сильно разочаровала. Это была первая христианская книга, которая попала мне в руки, а заодно и первая попытка разобраться и что-то понять в христианстве. Читая ее, я все ждал, что вот-вот автор докажет мне, что Иисус Христос — это и есть Бог, пришедший на землю. А отец Александр доказывал там совершенно другие вещи. Например, то, что Иисус действительно жил на земле. Но с подобного рода вопросами у меня в то время уже не было никаких проблем. Так что через эту дверь войти в Церковь мне не удалось, и мое Крещение отложилось лет на пять. Поэтому я и говорю, что мое отношение к «Сыну Человеческому» слишком, наверное, субъективно. Но если этот рецепт не сработал в моем случае, то это не значит, что он не поможет кому-то другому, тому, у кого возникают те самые вопросы, которые рассматривает в своей книге отец Александр Мень.

— А к другим книгам Меня?

— К его книгам я отношусь вполне спокойно. С чем-то соглашаюсь, с чем-то спорю. Но я против «меньшевизма» — это когда духовные чада отца Александра Меня пробуют поставить его на пьедестал и сказать: «Вот она, вершина богословской мысли Православия, вот он, идеальный батюшка». О тех его суждениях, с которыми я не могу согласиться, была у меня статья «Александр Мень: потерявшийся миссионер» в книге «Вызов экуменизма». Но если вообще отказаться от книг Меня по истории религии, то по этой теме у нас останутся только книги атеистов. Что, атеистов пойдем читать? Вот если и когда будет чем заменить книги Меня, я сразу же скажу: «Оставьте их в библиотеке, есть книги, которые научно более выверенны, богословски более продуманны,— читайте эти книги». А пока этого нет... В конце концов, если Вы можете читать книги А. Меня, значит, кажется, у Вас на носу очки. И я боюсь, что Ваша биография отягощена упоминанием о высшем образовании. А раз так, то извольте демонстрировать Ваше высшее образование и умение думать, а не просто слепо рабствовать любому печатному тексту.

Я могу порекомендовать своим студентам книгу католика или протестанта, но предупрежу: это протестант, поэтому делайте поправку на ветер — в таких-то и таких-то вопросах, имейте в виду, у него могут быть особые мнения, ненаучные, небиблейские, определяемые его конфессиональной принадлежностью. Вот так же и к книгам А. Меня: читайте, но не обещайте соглашаться со всем, что он написал.

Между прочим, точно то же я говорю о своих книгах. Если (давайте договоримся) я Вам сказал одно, а потом Вы по этому вопросу посоветовались с Вашим батюшкой и он Вам сказал другое, слушайтесь Вашего батюшку, а не меня. Я не Ваш духовник. Ваш духовник — это Ваш лечащий врач, и он лучше знает, что Вам прописать.

— Почему так получается, что как только человек начинает заниматься широкой миссионерской деятельностью, то со стороны некоторых людей внутри Церкви возникает осуждение его трудов? Отец Александр Мень критикуется до сих

²⁷⁰ Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 142–143.

пор, и вот с недавнего времени Вас тоже некоторые православные начали называть чуть ли не еретиком.

— Моя ситуация все же не тождественна с проблемами вокруг наследия отца Александра Меня. Отца Александра в основном критикуют (другой вопрос — справедливо или нет) за то, **что** он говорил. Меня же критикуют за то, **как** я говорю. Некоторым людям не нравится сама манера аргументации, лексика, способ беседы, примеры и так далее.

Общее у меня с отцом Александром — это, пожалуй, убеждение в том, что «зараженность той или иной сферы грехом не может служить поводом для ее отвержения. Напротив, борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни»²⁷¹.

— Какая существует связь между Вашими трудами и миссионерской деятельностью отца Александра Меня?

— Я думаю, довольно традиционная. Вообще, в истории культуры, в самых разных областях и науки, и религии каждое новое поколение начинает свой путь с полемики с предыдущим. Дети осознают себя путем противопоставления отцам, чтобы потом, в старости, понять, что отцы не были такими уж глупыми, как казалось в 16 лет. Но пока моя связь с отцом Александром, скорее, через противопоставление.

Наше главное отличие обусловлено тем, что миссионер, как никто другой, зависит от своей эпохи и своей аудитории. Если монах-молитвенник во все века один и тот же, то миссионер всегда обращен во внешний мир и от него очень зависит; поэтому меняются речь, аргументация, подбор тематики. И все это определяется не тем, что хочет дать миссионер, а тем, к кому он обращается.

Время отца Александра Меня ушло, это 70-е годы, когда нужно было преодолевать всеобщий скепсис интеллигенции, показать, что люди веры не такие уж дремучие дикари по разуму. А сейчас ситуация иная: приходится не столько завлекать людей в храм, сколько отталкивать. Чтобы люди понимали, что это — серьезный порог и через него нельзя просто так, как по гололеду, вкатиться на общей волне, без каких-либо изменений в себе, без понимания, где ты и что ты. Поэтому сейчас миссионеру приходится вести себя гораздо более полемично, чем в 70-е годы²⁷².

— А какой должна быть современная проповедь? Для всех ли пригодны Ваши своеобразные приемы?

— Я совсем не хотел бы, чтобы люди меня копировали. Для этого нужно пройти мой путь, быть мной. Требование же к проповеди Христовой одно — быть Христовой проповедью. Человек индивидуален, и проповедь индивидуальна. Евангелия тоже отличаются индивидуальностью изложения: у Марка — одно, у Иоанна — другое. Но их объединяет одна вера, один Христос.

А «приемов», я надеюсь, у меня нет. Я вообще не люблю людей куда-то звать. Я боюсь этого. Я никого не зову в Православную Церковь. Наоборот, иногда говорю: «Подумайте, куда вы идете, как вам будет здесь тяжело».

— Но ведь это как будто непедагогично?..

— Ну, это пусть тоталитарная секта «рисует»: «Вот, попадешь к нам, получишь все блага земные и Небесные, Христос тебя любит, ты спасен» и так далее. Я должен честно сказать, что быть православным тяжело. И действительно тяжело — со всех точек зрения.

Но если вы честны перед Богом в своем поиске, то ищите Православия, потому что Православие — это Истина, но не думайте, что вы здесь комфорт какой-то найдете: душевный, интеллектуальный, человеческий, культурный. Может, все это приложится, не знаю. Но гарантий нет. Скажем так: Голгофа гарантирована, а Фавор — нет.

²⁷¹ Прот. Александр Мень. Основные черты христианского мировоззрения // Символ. Париж, 1989, № 21. С. 89.

²⁷² Подробнее см. главу «Александр Мень: потерявшийся миссионер» в моей книге «Вызов экуменизма» (М., 2003).

Впрочем, вам я признаюсь, что в этой моей позиции есть толика «провокации». Если вы говорите подростку, что вот это трудно, почти невозможно, то он именно за это и возьмется. А если вы ему скажете, что это плевое дело, то он действительно так к этому и отнесется. Для молодого человека естественно искать трудностей, приключений на свою голову. Если сказать парнишке: «Иди со мною, и у тебя будет все здорово», — он справедливо сочтет тебя за вербовщика. А вот если сказать: «Наше дело правое, но нам будет тяжело и нас ждет поражение, но мы еще выиграем пару сражений», — то, мне кажется, на такой призыв откликнется только настоящая душа.

— **Вот теперь видно, что Вы рассуждаете как педагог.**

— Дело не в педагогике, а в честности. Я просто знаю, что нельзя зазывать в Церковь, заманивать. Я очень боюсь, что проповедь может превратиться в идеологическую пропаганду. Чтобы этого вырождения не произошло, нужно понимать, что обращает людей Господь, а не ты лично. И нужно быть готовым к поражению.

— **Каково Ваше отношение к духовным учебным заведениям для мирян?**

— Я за то, чтобы как можно больше людей получали богословское образование. Правда, при виде студентов-богословов у меня все чаще возникает тревога: «Что и как они расскажут о Православии?». Как ревную любимую женщину, так я ревную Православие. Знаете, бывают у людей любимые стихотворения, и тебя коробит, когда кто-то в твоём присутствии твоё любимое стихотворение читает: «Но оно же не так звучит!». Вот так же мне бывает больно, когда я вижу, как мое любимое Православие превращают во что-то безумно скучное или полицейское.

— **Ваше мнение о православной прессе?**

— Очень мало изданий, которые хотелось бы забрать с собой домой и хранить. В Москве — «Радонеж», «Фома», удачными бывают номера «Татьянинного дня» и — в последние два года — «Церковного вестника». В Екатеринбурге — «Покров», в Нижнем — «Крылья», в Тюмени — «Сибирская православная газета». Вот, пожалуй, и все. Остальные напоминают капустники для узкого круга посвященных — с намеками и нюансами, которые поймут только свои. Такие газеты пишут по принципу: «Ах, Боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна», то есть выпускающий редактор держит в уме не реакцию массового читателя, а нечто совсем иное. В нём сидит внутренний цензор, который думает: «А вот как бы этого батюшку не обидеть, а что скажут в этом монастыре, а не разойдется ли это со вкусами кого-то из епархиальных служащих». Идет мощнейшая самоцензура. В итоге всё очень правильно, но абсолютно безвкусно.

— **Что бы Вы пожелали православным молодежным изданиям?**

— Я бы пожелал, чтоб у вас было поменьше натужного ёрничества, притворства: мол, «хоть мы и православные, но тоже молодые, мы тоже умеем смеяться, умеем подшучивать» и так далее. Понятно, что есть естественная молодежная радость, уместные шутки, но иногда мне кажется, что это слегка искусственно педалируется. Мне бы хотелось, чтоб вы не пытались чем-то казаться в глазах ваших сверстников, а просто были бы самими собой.

— **А если спросить от обратного: какая манера разговора о Церкви в церковной же прессе Вам не по душе?**

— В августе 2003 года в Южно-Сахалинске слишком воцерковленная журналистка так начала беседу со мной: «Отец Андрей, какой вопрос Вы благословите Вам задать?».

— **И что Вы ответили?**

— Ну, каков вопрос, таков и ответ. Я сказал, что самым интересным мне было бы услышать вопрос в такой формулировке: «Когда Вы приехали к нам на Сахалин прошлым летом, у нас был убит генерал Гамов. Дни Вашего приезда к нам в этом году совпали с гибелью губернатора Фархутдинова. Скажите, что случится с нашим островом в Ваш третий приезд?».

— **А в самом деле — Вы уже были там снова?**

— Да, 7 ноября 2003 года я снова был в Южно-Сахалинске. Никаких катастроф не произошло. Во всяком случае, я не склонен считать трагедией то, что именно в этом городе и именно в этот день стартовала парламентская кампания Сергея Глазьева. Он пришел на мою лекцию, я с радостью уступил Глазьеву микрофон, и он минут двадцать общался с моей аудиторией. Для Глазьева и блока «Родина» результаты тех выборов были вполне триумфальными, а не трагическими.

— **Почему даже в университетских храмах так мало молодежи?**

— А в чем эта молодежность храма проявляется? Богослужение во всех храмах одинаковое. Различие может быть только во внебогослужебной жизни прихода. Если приход желает быть миссионерским — в нем должны быть какие-то формы внебогослужебного общения людей. Не надо трогать литургию, что-то менять в ней, адаптировать. Надо просто после службы сделать, скажем, общее чаепитие, беседы. А еще очень важно, чтобы батюшка был просто доступен. Чтобы всем было известно: в такие-то дни, в такие-то часы священник просто открыт для беседы наедине. Не исповеди, а именно беседы. У нас ведь почти невозможно побыть со священником с глазу на глаз. На исповеди для общения только одна минута, когда ты чувствуешь, что в спину тебе дышат другие прихожане, а батюшка торопится продолжить литургию. А вот если бы были такие вечера, когда служба была бы краткой (молебен или вечерня), а затем час или два шла бы просто беседа: для желающих — общая, а при иных потребностях — наедине. В отличие от исповеди здесь обсуждались бы проблемы, а не грехи.

Второе, что необходимо в молодежном храме, — это книжная торговля. Поначалу она может быть убыточной.

В Москве все, кому интересно, знают, что помимо обычных книжных магазинов, забитых попсой, есть четыре книжных магазина, где продается серьезная научная литература (где-то в подвальных помещениях, далеко от метро...). Тем не менее эти магазины не убыточны. Я думаю, что если бы и у вас пронесся по городу слух о появлении такого церковно-научного книжного магазина, в котором продается серьезная литература (не брошюры о чудесах), — люди стали бы сюда ходить. В нем могли бы быть не только церковные книги, но и светские ученые труды по истории России, по истории древнего мира, истории религий. И тогда даже неверующие люди, уставшие от макулатуры, заходили бы в ваш храм.

Еще молодежный приход должен учесть ту особенность своих прихожан, что они имеют привычку вступать в брак. А значит, очень быстро молодежный приход превращается в детский сад.

Поэтому я хотел бы увидеть (не в храме, конечно, но при нем) церковные магазины детской игрушки. В нем могли бы быть развивающие, умные игрушки плюс обычные хорошие детские книжки, а где-то сзади — какие-то церковные книжки для детишек, книги в помощь православной маме, по психологии, по педагогике, тут же иконы, святцы, молитвословы, домашние молитвы.

Если говорить о первом, «элитарном», варианте книжного магазина, то поначалу это будет убыточно. Но есть имена и книги, которые должны быть на глазах. Люди должны привыкать к тому, что с православной мыслью и верой надо знакомиться не по брошюркам, а по книгам Владимира Лосского, Георгия Флоровского, Василия Болотова, Иоанна Мейендорфа. Конечно, эти книги будут лежать. Но есть книги, которые именно должны лежать — просто потому, что они всегда должны быть, должны мозолить глаза.

Понимаете, какие-то деликатесы могут меняться, но хлеб всегда должен быть в магазинах. Вот так же должны быть в наших храмах серьезные книги о нашей вере, а то ведь порой нынешние агитброшюры придают Православию какой-то прямо идиотский облик. Порой, листая их, я думаю: «Слава Богу, что я не сейчас пришел в Православие, потому что если бы я составлял представление о Православии по этим книжкам, то я бы никогда в Церковь не вошел». Вот, скажем, недавно читаю книжечку об одной новоявленной чудотворной иконе Божией Матери, и какая-то женщина говорит в этой

брошюрге: «Когда чудотворную икону принесли к нам в храм, я как ее увидела, мне тут же захотелось умереть»¹¹. Но почему же ей, бедняжке, не хочется жить и работать во славу Божией Матери, почему сразу умирать?

— **А богослужение на миссионерско-молодежном приходе может чем-то отличаться?**

— Ну, прежде всего скажем, что — не обязано. Если на этом приходе будет атмосфера миссионерской приветливости, радости о вошедших, если там будут возможности для общения прихожан между собой и со священником, то и не надо в богослужении ничего менять.

Но если уже есть согласие и прихода, и настоятеля, и епископа на то, чтобы и сама служба носила миссионерский характер²⁷³, то тогда, мне кажется, можно было бы сделать следующее.

В таком храме раз в месяц можно было бы служить всенощную с комментариями. Ведь многие священники совершают Крещение с комментариями, то есть поясняют: «Вот сейчас мыотрежем вашему малышу волосики, и это будет означать то-то и то-то». А что мешает всенощное бдение совершать так же? Перед каждым действием за одну-две минуты объяснять, что сейчас будет сделано и почему. Например: «Братья и сестры, сейчас будет звучать ектенья. Ектенья — это перечень наших прошений к Богу. Но это не молитва! Диакон не молитву читает, а называет повод к вашей личной молитве, то, о чем вы должны молиться в эту минуту. И вот пока хор будет петь “Господи, помилуй”, каждый из вас про себя, своими словами, должен помолиться о тех людях, о тех нуждах, о которых нам напомнил диакон в ектенье».

Молитв на такой службе будет немного. Но из-за пояснений она все равно будет идти долго. Главное — чтобы весь город знал: в каждую первую субботу месяца в таком-то храме вам пояснят всё, что происходит на службе. Кто это уже знает, пусть идет в другой храм. Это в селе нет выбора, а когда в городе пять-десять храмов, постоянным прихожанам есть куда пойти. А сюда они могут пригласить тех своих знакомых, которые заявляют, что я бы, мол, в храм пошел, но там ничего не понятно.

Такой миссионерский храм тогда стал бы шлюзом. Люди в него входили бы и вскоре выходили: получив навык молитвы и понимания богослужения, они затем уже шли бы в обычные приходские храмы.

— **Что еще должно быть в жизни молодежного прихода?**

— Еще, конечно, при таком молодежном храме должна быть библиотека. Должны быть выставки, поездки, да и просто капустники.

Кроме того, я думаю, что и священник такого храма сам должен идти к молодежи, читать лекции в институтах города — чтобы студенты знали, что есть такой храм и священник, который в состоянии с ребятами говорить на более или менее их языке, об интересных для них сюжетах. Не надо просто ждать, когда сами придут.

— **А если нет такого священника?**

— Без активной поддержки со стороны батюшки миссионерский храм трудно построить. В Православной Церкви устроено так, что без духовенства ничего делаться не может. Надеяться на то, что будет активное миссионерство мирян при немиссионерской, закрытой позиции священника, не стоит.

— **Все внебогослужебные формы — общение, клубы, киноклубы, в основном это формы досуга,— воспринимаются священством как форма забавы. Что тут можно сказать и как отстоять такие формы работы с молодежью?**

— Здесь важны не личные вкусовые предпочтения, а особый, даже холодный расчет: «Не то, что мне интереснее, а что уместнее, что принесет большую пользу другим людям». Да, холодный расчет — но питаемый любовью к людям. Знаете, современное

²⁷³ Патриарх Алексей допускает такую возможность: «Отдельной областью миссионерского воздействия является и работа Церкви с молодежью, в том числе организация богослужений и религиозных бесед для детей и подростков» (*Патриарх Алексей*. Войдите в радость Господа своего. С. 59).

церковное пение (голоса, разделенные на партии, поющие по линейной нотной записи) мало похоже на традиционно православное (демественный, знаменный распев и тому подобное). И заимствовано оно у католиков, с Запада. Но ввели его украинские православные для противостояния униатам²⁷⁴. Это было состязание в красоте, и в XVIII веке его выиграли православные. Это было для людей, для их спасения, а не для услаждения похотей.

Так что если какие-то формы молодежного общения неинтересны священнику, это не означает, что их не должно быть в жизни его молодых прихожан.

— А Вы знаете довод, с помощью которого православных людей можно подвигнуть к миссионерской активности?

— Придется, наверно, пугать Божиим Судом. После смерти все мы предстанем пред Богом. Но увидим мы в Нем нашего судию или нашего должника? Конечно, радостнее увидеть в Боге того, кто должен нам, а не того, кому должны мы. Скажете, что это невозможно? Но это не мои слова, а Златоуста. Он приводит слова книги Притчей: *Милуяй нища взаим дает Богу* (Притч. 19, 17). И продолжает: «Если Бог берет у нас займы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его — судьей или должником? Должник чтит дающего займы, судия же не щадит получающего займы»²⁷⁵.

А какая милостыня выше — денежная или духовная? Духовная помощь, помощь на пути ко спасению религиозно важнее, чем помощь материальная¹¹¹. Так что труд миссионера делает Бога его помощником и защитником на Божием же Суде: *всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32).

И значит, если мы будем защищать православную веру перед лицом неверов и суеверов, сектантов и раскольников, то и Христос, защищенный нами, будет нашим Защитником пред Отцом.

— А если у человека нет дара слова, дара убеждения?

— Тогда хотя бы воздержись от осуждения миссионеров, не верь дурным сплетням о них и не передавай эти осуждающие сплетни дальше.

— А как в себе воспитать умение возвышать свой голос в защиту своей веры?

— Для начала полюбить слово Божие, Евангелие. Полюбить — значит в том числе и запомнить. Доколе баптисты будут говорить о нас, что «православные Евангелие целуют, но не читают»? Почему Писание так скользит по нашей памяти, не оставаясь в нем? Однажды послушник спросил Оптинского старца Амвросия:

— Отче, почему я читаю отцов, а в памяти их слова не остаются?

И старец ответил:

— Скажи, а когда так бывает, что ты вкушаешь пищу, а она не остается в тебе, но сразу извергается вон?

— Когда желудок болен.

— Ну, вот так же и с душой. Если ум твой не удерживает святые слова, значит, он болен.

Увы, еще в начале XX столетия архиепископ Никон (Рождественский) писал: «Среди русской публики, превосходящей своим невежеством в Священном Писании все народы, можно городить относительно Библии какую угодно чушь»²⁷⁶.

Но ведь в жизни есть место для усилия. Четыре раза в году наступает время поста, когда Церковь призывает своих людей к особым усилиям. Ну вот эти усилия и это время и посвятить бы запоминанию святых слов. Скажем, выписать из учебника по догматическому богословию десять цитат в защиту Божества Христова, развесить эти записки по стенам — и зубрить, зубрить, зубрить... Но зато, когда на Вашем пути встретится «свидетель Иеговы», Вы сможете быть свидетелем Христа.

²⁷⁴ См.: *Архим. Ириней (Тоцке)*. Сообща править корабль Христов // Новая Европа. 1993, № 3. С. 31.

²⁷⁵ *Свт. Иоанн Златоуст*. Беседы о покаянии. 7, 6. С. 371.

²⁷⁶ Цит. по: *Патриарх Алексий*. Войдите в радость Господа своего. С. 61.

А на следующей неделе — выучить пять цитат в защиту икон. А затем — в пояснение почитания святых.

Кроме того, миссионерствовать можно и молча. Не можешь писать свои миссионерские книги — так миссионерствуй через чужие книги. Надо просто поосмотреться вокруг себя и заняться точечным книжным орошением окрестных библиотек. Рядом с нами есть библиотеки школьные, районные, городские, детские, больничные, университетские, тюремные, санаторные... Выберите для себя какую-нибудь из них. И раз в месяц дарите ей церковную книжку. Такие дары могут стать формой внесения вашей церковной десятины (ее сегодня в нашей церковной жизни нет, но формально эту библейскую заповедь никто не отменял). Но главное — это возможность разбавить море атеистической и оккультной литературы, которое разлилось по этим библиотекам. Школьники и студенты часто готовят доклады и рефераты на темы, связанные с религиозной историей и культурой. Ну, задали парню сделать доклад на тему «Религия и культура». Приходит он в ближайшую к своему дому районную библиотеку и просит дать ему что-нибудь на эту тему. А в каталоге с советских времен под таким названием числится одна-единственная книжка — атеистического профессора Угриновича... Вдобавок сектанты заваливают библиотеки своими изданиями.

Конечно, подбирать книги для дарения в светские библиотеки надо с разбором. Например, в школьную библиотеку не стоит нести сборник акафистов. А вот книги по церковной истории, сектоведению, книги с христианским анализом тех или иных граней культуры обречены в ней на спрос.

Я бы даже попросил священников ориентировать своих прихожан на такую форму миссионерства. Пришел человек на исповедь и кается в интересе к гороскопам. В порядке епитимьи ему можно предложить не дополнительный пост и поклоны, а действие по принципу: «Клин клином вышибают». Ты пал жертвой оккультной литературы? Что ж, помоги теперь распространить христианское противоядие!

— Изменилось ли что-то в миссионерском пространстве за последние десять лет? Появились ли какие-то признаки изменений к лучшему?

— Перемены очень серьезны. За десять лет уменьшилась готовность аудитории смотреть на деятельность церковных людей, проповедников, священников добрым глазом. Десять-пятнадцать лет назад все наши ляпы перетолковывались в возможно добрую сторону. Если батюшка двух слов связать не может — значит, молитвенник. Если какую-то глупость сказал — значит, наверно, что-то очень духовное хотел сказать, да вот наш земной язык оказался немощен. И вообще говоря, они все мученики.

Но сегодня такой готовности всё нам прощать уже нет. Сегодня нам всякое лыко готовы в строку вставить. И это означает, что мы должны очень серьезно думать над тем, что и как мы говорим. Последние лет десять у нас была отговорка — мол, нам сектанты мешают. А до этого нам государство мешало. Но сейчас-то уже ничего не мешает, и всё более очевидным становится, что главная помеха на пути людей к Церкви Христовой — это мы сами.

Поняв это, церковный человек, иерарх, проповедник, священник должен научиться дисциплинировать себя. И говорить так, чтобы не выглядеть ни занудой, ни экстремистом.

И в этих условиях мне пришлось изменить тональность моих лекций и моих книг. Если раньше полемику я вел только с «внешними», только с неверием, сектантами, то сейчас все чаще приходится говорить не о том, как привести человека в Церковь, а о том, как выжить в Церкви, остаться в ней.

В Церкви надо научиться жить, а для этого надо внутри Церкви овладеть всецелой палитрой человеческих чувств: от радостного послушания до осторожного недоверия. Без овладения последним навыком очень легко попасть в параправославную секту. Без него не отличить подлинно церковную проповедь от чьего-то сугубо личного (а потому безблагодатного) человеческого энтузиазма.

За время же гораздо большее, нежели последние десять лет, перемены в судьбе церковной миссии также разительны.

Современная дискуссия по поводу допустимости сотрудничества с рок-музыкантами — это отражение уже многовековой коллизии нашей церковной истории: как относиться к варварам — как к врагам или как к среде миссии и заботы? Мне ближе напоминание Августина: «Пусть помнит Град Божий, что и среди самих врагов скрываются будущие граждане» (О Граде Божиим. 1, 25)²⁷⁷.

В византийской «Повести о заключенном бесе» рассказывается, что однажды авва Лонгин, поймав черта, заставил его рассказать, какими способами он отнимает у монахов шансы на спасение души. Среди прочих козней значится и миссионерство: «Это я отправляю монахов в страну варваров под предлогом учительства»²⁷⁸. Но Иоанн Златоуст властно обратился к монаху-отшельнику: «Покинь свои горы и оставь там свою бесплодную склонность, которая не может послужить ни людям, ни Богу. Возьми посох и отправься на низвержение идолов в Финикии»²⁷⁹.

Тут я на стороне святого Златоуста — «закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукой и не только прикасается, но и смешивается с ней» (Беседы на Евангелие от Матфея. 46, 2).

И здесь трудно не заметить тот разрыв, который прошел между поэтикой, символикой, настроением евангельских притчей о Царстве Божиим и той психологией, что восторжествовала в историческом Православии. Евангельская символика помещает святыню в грязь, надеясь на то, что грязь освятится, а не боясь того, что святыня осквернится. Царство Божие (!!!) уподобляется дрожжам, бросаемым в тесто, зерну, брошенному в землю, кладу, зарытому в поле²⁸⁰. В неводе рыбы ценные и сорные, на том же самом церковном поле предполагается, что будут расти и сорняки, и пшеница²⁸¹.

То есть нечто святое, чистое, хорошее смешивается с сором, бросается в негоже место, втаптывается в грязь. Но зато эта грязь преображается. Или хотя бы разрастается не столь стремительно^{ЛШ}.

Человек, несведущий в агрономии, мог бы возмутиться картиной сева: казалась бы, добротные и вкусные вещи крестьянин разбрасывает, затаптывает в грязь, обрекает на гниение... Христос пришел в мир, о котором заранее знал, что большинство в нем будет радоваться Его распятию и лишь численно ничтожное меньшинство расслышит Его слова. А апостолов Христос посылает во враждебный мир, *как овец посреди волков*²⁸². Все притчи о Царстве Небесном связаны с тем, что что-то светлое входит во тьму, чтобы ее преодолеть. *Свет во тьме светит*²⁸³. Слово Божие пришло к проституткам и гаишникам (так на языке сегодняшних реалий будет звучать церковнославянская и оттого слишком торжественная формула «блудники и мытари»).

А вот в историческом развитии Православия возобладала противоположная тенденция: изымать святыню из мирского контекста, выковыривать свет из тьмы и класть на сохранение в позолоченный ларец. Чем дальше — тем более нарастала потребность спрятать святыню от «нечистых рук». Все выше становятся иконостасы. Усложняется путь к церковному Таинству (чтобы оно было редким, чтобы обязательно соблюсти какую-то технологию, прежде чем к нему прикоснуться). Наиболее ярко эта перемена

²⁷⁷ И обратно: «Град Божий, доколе странствует в этом мире, имеет врагов, соединенных с ним общением Таинств. Эти два града переплетены и взаимно перемешаны в настоящем веке, пока не будут разделены на Последнем Суде» (О Граде Божиим. 1, 35).

²⁷⁸ Дурново Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. М., 1915. С. 13.

²⁷⁹ Цит. по: Тьерри А. Святитель Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. Христианское общество Востока. М., 1884. С. 183.

²⁸⁰ См.: Мф. 13, 33, 4–9, 18–23, 44.— *Ред.*

²⁸¹ См.: Мф. 13, 47, 24–30.— *Ред.*

²⁸² Ср.: Мф. 10, 16.— *Ред.*

²⁸³ Ин. 1, 5.— *Ред.*

видна на многих иконах, где святитель держит Евангелие не рукою, а подложив платочек. Оказывается, что нельзя прямо прикоснуться к Евангелию, обязательно нужно какое-то посредство. Значит, человек (даже рукоположенный и даже святой) воспринимается как источник профанации, искажения. Ты не тот, кто нуждается, чтобы святыня пришла к тебе такому, какой ты есть,— грязенькому и черненькому. Нет, напротив: ты тот, кто угрожает святыне. Человек воспринимается как источник скверны. Он угрожает святыне, и святыню надо спасать от него.

Это, конечно, радикальная антимиcсионерская установка, ведь евангельский пафос совсем другой — святыня приходит, чтобы спасти меня. Так будем ли мы видеть в святыне лекарство для больных или в больном будем усматривать угрозу для лекарства? Увы, именно последняя психология господствует в наших приходах. Вот вполне показательный нормативно-клинический отклик супер-православного участника интернет-дискуссий на мою статью с предложением воцерковить день святого Валентина: «Отец Андрей, видимо, считает, что чем больше людей придет в храм — тем лучше, абсолютно безотносительно того, кто и зачем туда пришел. Его порывы, если они искренни, напоминают мне эдакую ревностную овчарку, которая бегаёт, лает и загоняет в свое стадо все, что шевелится в округе, и искренне недоумевает на овец, которые с удивлением смотрят на пополнение стада разносортными волками, козлищами и прочим зоологическим сбродом»²⁸⁴. Совсем незадолго до этого дня в 2004 году закончилась неделя о мытаре и фарисее — очевидно, без малейшей пользы для ревнителя, вознесшегося над «разносорными козлищами».

Спросите сегодня наших прихожан — можно ли священнику ходить в городскую баню, могут ли они представить себе, что апостолы мылись в общих банях. Ответ вы получите возмущенно-отрицательный: «Баня — место блудное и скверное, и негоже святыню смешивать с грязью». Но древнейшая церковная история знает о другом восприятии бани — как места встречи с людьми. Священномученик Ириней Лионский в середине II века слышал от священномученика Поликарпа Смирнского, личного ученика апостола Иоанна, что апостол, придя как-то помыться в баню, узнал, что тут же находится и еретик-гностики Керинф. Тогда Иоанн вскочил с места и выбежал вон, сказав своим спутникам: «Убежим, чтобы не упала баня, потому что в ней враг истины, Керинф» (*Ириней Лионский. Против ересей. 3, 3, 4; Евсевий Кесарийский. Церковная история. 3, 28*). Чистому поистине — все чисто, ну а свинья везде грязь найдет.

Для меня формула миссионерства — слова Владимира Высоцкого: «Очень нужен я там, в темноте,— ничего, распогодится».

А потом миссионерский дух сменился охранительским. Хорошо, что этот дух появился. Его появление означало, что есть что охранять и беречь. Несуществующее сокровище не берегут. Плохо, что этот дух стал почти единственным, нормативно-православным. Плохо, что миссионерское поведение стало расцениваться (не в официальных документах, а на уровне приходских и монастырских пересудов) как «девиантное поведение», как нечто дающее повод к подозрениям и возмущениям.

Плохо, что и прицерковленные чиновники усвоили сей дух, при этом путая консерватизм с консервами. К примеру, в марте 2003 года в Тамбове был съезд православной молодежи, и один госчиновник из областного аппарата сказал речь, где была фраза, которая меня просто ошарашила: «Наша Православная Церковь всегда цементировала наш народ». Боже, ну что за манера все живое цементом заливать! Я-то всегда считал, что цементированием народа занимается сицилийская мафия. Христос же уподоблял Церковь не цементу, а дрожжам, которые заставляют тесто бродить, дышать! Она — революционный элемент, элемент брожения, закваска, которая бросается в тесто, чтобы заставить его жить, дышать.

Еще одна перемена в том, что в былые столетия пространство миссионерства и пространство обычной церковной жизни были четко разделены. В первые три века

²⁸⁴ <http://vif2ne.ru/voskres/forum/0/0.html>. Сообщение Олега К. от 15 февраля 2004 года.

христианской истории была активная миссия, но не было еще сложившегося образа благочестия; все бурлило в церковной жизни. И поэтому самые необычные миссионерские ходы не вызвали возмущения широких церковных масс. А потом Церковь стала имперской, миссия же начала осуществляться за пределами Римской империи, вдалеке от глаз церковных людей. И соответственно, Константинополь время от времени получал победные реляции от миссионеров: такое-то племя приняло Христа, такое-то покорилось под власть Вашего Величества. Но как это совершалось, какие аргументы использовал миссионер, на каких притчах говорил — всё это осталось за рамками житий, за рамками имперских хроник.

В империи все было по уставу и всё благочинно, а за границей империи и на ее окраинах миссионеры были довольно свободны в выборе средств своей работы. И эта их свобода, необходимая пастырская миссионерская свобода, не смущала собственно православных, воцерковленных людей, перед которыми стояли другие духовные задачи^{LIV}.

Сегодня мы впервые оказались в ситуации, когда церковное и миссионерское пространства переплелись. Миссионеры должны работать на глазах у христиан: то есть говорить с инаковерующими людьми на глазах у своих единоверцев. Миссионерством приходится заниматься в одном и том же городе, на одной и той же лекции, в одной и той же аудитории, где миссионеру одновременно внимают неверующие и сектанты, язвительно настроенные студенты и испуганные ими православные бабушки. Конфликт психологий неизбежен.

Разговор на тему, интересную для церковной части аудитории, таит в себе риск потерять ее светскую часть. Тут уже приходится выбирать, и миссионер должен уметь жертвовать своей репутацией в глазах церковных людей ради их неверующих братьев. Есть ли для этого более уместный термин, чем юродство?..

Да, все это рискованно. Но самый большой риск — сидеть в церковной ограде и не бросать евангельские зерна за ее пределы. Византийская империя в конце концов пала именно из-за этого: ее миссионеры не интересовались арабами, проглядели появление ислама и не смогли вовремя мобилизовать духовные и интеллектуальные силы для противостояния новой секте, зародившейся на границе империи.

— Вы молодежный миссионер. Но кроме молодежи, еще какую-то группу людей Вы выделяете как предмет особой миссионерской заботы?

— Да. Китайцев.

Может быть, силы традиционно православных народов надломлены. В таком случае слово за миссионерами. Как некогда Кирилл и Мефодий спасли Православие, пойдя из умирающей Византии к варварским славянским племенам, так, может, завтра настанет наш черед посылать свои миссии в иные страны (хотя, по моему убеждению, наш черед настал «еще позавчера», но мы его проспали).

Толковых православных юношей я даже прошу всерьез подумать: стоит ли сразу идти в семинарию? Может быть, сначала следует получить университетское востоковедческое образование? Ведь в XXI веке нам предстоит встретиться уже не с Западом, а с Востоком. В Церкви должны быть люди, заранее готовые к этому. Речь, впрочем, идет не только о Китае и китайцах. Восточные религиозные идеи уже бродят в сознании многих русских обывателей. И поэтому для миссионерства в русской среде уже нужно знать историю и философию восточных религий.

Еще лет двадцать назад люди поражались, если встречали верующего физика: «Как, Вы физик и при этом христианин? Да как же это можно совместить? Ну-ка, поясните!». Точно так же сегодня они изумляются, встречаясь с православными востоковедами: «Как? Вы знаете санскрит (китайский, японский...), Вы читаете первоисточники древних восточных учений, Вы знаете восточную мудрость и при этом являетесь не буддистом, а православным? Да разве в Православии есть что-то интересное? Ну-ка, расскажите!».

Так что тех юношей, у кого голова на месте, а в сердце горит желание служить Церкви, я порой прошу принести эту тяжелую жертву: сознательно погрузить себя в мир восточного магизма, оккультизма, язычества ради того, чтобы потом от этой тьмы защитить Россию. Никакие «миссионерские семинарии» тут не помогут. Надо сначала получить серьезное и именно востоковедческое образование — без этого в России следующего поколения миссионеры не смогут достучаться до людей, воспитанных на гороскопах, «мантрах» и «коанах». Миссионеры XXI века должны знать много больше моего — ведь и их оппоненты будут более начитанны в восточно-оккультных премудростях, нежели нынешние дилетанты вроде рериховцев. А я уже сейчас ощущаю, что ни МГУ, ни Академии мне не хватает: запас знаний должен быть большим, чем имеющийся у меня (у меня есть религиоведческое образование, но нет специального востоковедческого).

Если кто-то из священников понял мою озабоченность и разделил ее, прошу их держать в памяти не только адреса семинарий, но и Института стран Азии и Африки при МГУ, дипломатического (МГИМО) и лингвистического университетов.

Может, те храмы, что мы сейчас строим по Сибири, поспособствуют тому, что со временем китайцы (к которым — почти без сомнения — отойдут сибирские земли в следующем столетии) станут православными. Тогда трудолюбие и дисциплинированность китайцев обогатят вселенскую историю Православия тем, чем не смогли обогатить ее мы. Вспомните слова святителя Николая Японского, сказанные им о китайцах сто лет назад: «Вот народ-то будущего,— величайшего из всех судеб, достававшихся на долю других народов. Великий народ, и теперь бы могущий задавить весь свет,— а как он мирен! Негде жить ему, а разве он подумал о завоевании Кохинхины, Сиама, Бирманы? Какой же другой народ на свете удержался бы? Из европейских ни об одном и представить себе этого нельзя»²⁸⁵.

Сегодня же для обращения китайцев в христианство совсем не нужно ехать в Китай! Природа не терпит пустоты. А перепад давлений по восточным и южным границам России невероятно велик. С одной стороны — избыточное китайское население или вступивший в подлинный политический и религиозный ренессанс мусульманский мир, с другой — вымирающая Россия. Будет ли граница взломана мирно или через войну? Когда я спросил одного своего знакомого китаиста, будет ли у нас война с Китаем или нет, он ответил ехидно, но точно: «Не будет, потому что война китайцам не нужна. Они будут просачиваться в Сибирь мелкими группами по сто тысяч человек». Сибирь, которую русский народ не смог переварить, ассимилировать, с точки зрения общепланетарной экологии будет нами уступлена тому народу, который сможет ее освоить.

Но национальное поражение русского народа Церковь могла бы обратить к духовной пользе (хотя понятно, что естественно желать совместного успеха — и национально-государственного, и церковного).

Тысячу лет назад греки совершили подлинный подвиг — на излете Византийской империи они смогли растождествить национальное и религиозное. Они вернули Православию вселенское дыхание, передав его варварам — славянским племенам, которые в ту пору были злейшими и опасными врагами Византийской империи. В этом смысле Византия смогла умереть достойно. Она смогла факел мира передать дальше, причем своим врагам. И вот прошла тысяча лет... Наверное, прав Гумилев, когда предрекает национальным организациям предельный срок жизни в тысячу лет... И если сейчас настала пора умирания России, нам нужно задуматься, как мы умрем — в судорогах и проклятиях или же сможем найти наследника, которому передадим самое главное, что у нас есть,— нашу веру и нашу душу. Может, мы передадим православную эстафету китайцам. Славяне, когда они вторгались через Дунай, не помышляли о том, что

²⁸⁵ Свт. Николай Японский. Запись в дневнике от 26 октября 1880 года // Праведное житие... Ч. 1. С. 351.

станут продолжателями православных традиций. Может быть, и с Китаем произойдет так же — они станут могильщиками нашего государства, но хранителями наших святынь.

Эта идея может казаться непривычной только в Москве. Полжизни моей проходит в поездках от Сахалина до Кенигсберга. И я несколько раз в Сибири беседовал с людьми, которые строят храмы. Строят, кстати, нередко силами турецких рабочих, что самое смешно-печальное. Спрашивал:

— Какова, по-вашему, судьба этих храмов?

Ведь там повальное настроение — уезжать. Уезжать из Сибири. И даже строители отвечают:

— Мы понимаем, что строим храмы для китайцев.

Наш шанс в том, что китайцы, оторванные от родной коммунистической или конфуцианской среды, могут быть более восприимчивы к принятию христианства.

Китайцы, мне кажется, готовы к этому. Это самая атеистическая нация на земле. И коммунизм тут сказался, и традиции: даосизм и буддизм ведь трудно назвать религией. Во многом китайское сознание — религиозная целина. И когда они придут к нам, они окажутся открыты нашей среде. Пока они в меньшинстве, пока они учат наш язык и приспособляются к нашему образу жизни, есть шанс подарить им Православие. Именно так переходило Православие от греков к другим народам — через пленников, заложников, торговцев — в общем, через «временно перемещенных лиц», которые, оказавшись в империи, знакомились с христианством, а потом передавали его на свою Родину.

А вдруг это будут не только «колонии»? Вдруг и о Хабаровске или Красноярске придется однажды сказать те страшные слова, что русский поэт-эмигрант Арсений Несмелов (погибший после 1945 года в пересыльной советской тюрьме) сказал о ныне китайском Харбине:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек,
Не опустим глаз;
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас.

Почему бы в тех епархиях, где уже есть крупные китайские колонии (это Москва и Сибирь), не вырастить священников-миссионеров, которые знали бы китайский язык, знали бы китайскую культуру, историю, философию и проповедовали бы специально в китайских общечитаниях? Неужто не хватит ни дальновидности, ни денег для того, чтобы по несколько юношей послать на учебу в Москву или нанять им репетиторов прямо у себя на месте?

В дальневосточных и сибирских епархиях уже пора создавать миссионерские центры для работы с китайцами. Мы должны создавать школу православной китаистики. Знаете, я в последнее время сталкиваюсь с удивительно большим числом православных китаистов. Такое ощущение, что Бог Сам, помимо всяких наших «миссионерских программ», насыщает нашу Церковь верующей молодежью, изучающей китайский язык. Я же, когда встречаю юношу с верующим сердцем, умной головой и чистыми глазами, нередко уговариваю парнишку не поступать учиться в семинарию, а поступать на востоковедение. И такие случаи уже есть.

Я не ставлю задачу обращения всего Китая, но те китайцы, которые волею судьбы оказались в России, могли бы принять Православие. А уж если со временем китайцев здесь станет больше, чем русских, то тем более важно, чтобы среди китайцев были группы людей, которые смотрели бы на мир взглядом, близким к нашему, — православным... Конечно, большинство моих критиков не заметили, что я говорю об обращении китайцев,

а не об обращении Китая. Тем не менее один критический пассаж я нахожу весьма интересным (он появился на одном из дугинских форумов).

«Отец Андрей Кураев рассуждает в точности так же, как рассуждали иезуиты в XVII–XVIII веках — Маттео Риччи, Адам Шалль фон Белль, Фердинанд Вербиест и другие. Иезуиты усиленно пропагандировали образ Китая как исключительно секулярного общества, в принципе лишённого религии, поскольку конфуцианство, утверждали они, вообще не является религией (это некая гражданская доктрина, политическое учение и нравственная философия), а буддизм и даосизм — всего лишь “грубые суеверия”, нужные для простонародья, но презираемые образованными верхами. Проповедь христианства, по их мнению, должна евангелизировать, но не европеизировать Китай, дав его народу то, в чем сам Китай уже давно нуждался. Именно со времен Маттео Риччи, Адама Шалля и Фердинанда Вербиеста в синологию попало представление о китайцах как “народе без религии”, кочевавшее из книги в книгу в течение всего XIX века и первой половины века XX. По существу, иезуиты оказались первыми изобретателями утопии чисто светского государства. Местом реализации этой утопии (по крайней мере, в книгах иезуитов) суждено было стать Китаю. Итак, иезуиты (а это были люди весьма образованные и блестяще знавшие классический китайский и китайскую культуру) трудились, трудились на ниве проповеди в Китае католицизма, а результаты были более чем скромные. Все дело в том, что иезуиты, как и отец диакон А. Кураев, совершенно не понимали одной простой вещи: именно китайский тип религиозности (именно религиозности), представленный даосизмом и китайскими направлениями буддизма, делал их почти полностью невосприимчивыми к проповеди христианства. И даже сейчас, как в КНР, так и на Тайване, христиан в абсолютных цифрах немало, но в процентном отношении к миллиарду с лишним населения это капля в море. Китайцы будут христианизироваться, только если они начнут утрачивать связь с национальной культурной традицией и ее ценностями. Иначе они никогда его не примут, как не приняли ислам, существовавший на территории Китая еще в VIII–IX веках. Или теизм и креационизм, или китайская культура. Третьего не дано. Далее. В 60-х годах XVII века император Кан-си (1662–1722) издал указ, запрещающий проповедь христианства (потом он был частично отменен). Мотивы:

1. Христианство учит неуважению к государственной власти, ибо обожествляет преступника, казненного законными властями.
2. Догмат о непорочном зачатии учит неуважению к предкам и разрушает семью.
3. Нигде в Библии не говорится, что Китай находится в центре мира.

Суть этих пунктов в измененном виде и переформулированном присутствует в китайском уме и в наше время. Поэтому все рассуждения отца А. Кураева о православном Китае — лишь утопия и не более того»²⁸⁶.

— И снова — ну почему сегодня так много зарубежных проповедников всех мастей, доморощенных сектантов и так мало православных миссионеров?

— Миссионерство — это призвание, а не профессия. Призвание — то, что находит тебя, а не то, что выбираешь ты. Ну не было у меня вечера размышлений: стать миссионером или сидеть дома. Меня — звали и зовут. Или, как один персонаж «Белого солнца пустыни» объяснял свое неожиданное появление — «Стреляли...».

Я же жду не дождусь, когда у меня на «рынке миссионерских услуг» появятся конкуренты, чтоб было кому отдать эту работу и уйти. К сожалению, за последние лет десять легких на подъем людей, не боящихся войти в любую аудиторию, будь то академики или заключенные, стало не больше, а меньше. А новых имен я не вижу.

— Не теряет ли наша Церковь свою паству?

— Православие за 90-е годы ничего не потеряло. И говорить о том, что «молодежь отошла от Церкви», нет ни малейших оснований по той причине, что отойти от Церкви может лишь тот, кто в ней был. А уже начиная с двадцатых годов, со времен диких

²⁸⁶ <http://arctogaia.org.ru/FORUMS2/messages/1062/1032.html? 1007534298>.

комсомольских антицерковных кампаний, молодежь в нашей Церкви — это редкость. Надо очень четко осознать, что нашей Церкви в России терять уже нечего. Все, что могли, мы потеряли за предыдущие десятилетия, поэтому у нас сейчас идет рост. Он трудный, болезненный, но это несомненный рост.

Другое дело — темпы роста Православия, восстановления разрушенной государством народной жизни не столь быстры, как хотелось бы, и уступают темпам прироста сектантов.

Одновременно происходит три процесса. Первый: число действительно православных людей растет. Оно выросло в три-четыре раза за 90-е годы и сегодня составляет 3–3,5% населения в крупных городах России. Кроме этого растет число сектантов (в совокупности различного рода неопротестантские группы привлекли к себе около 1% населения, но по числу зарегистрированных общин они уже во многих регионах сравнялись с Православием). В наши «конкурентные» отношения может быть втянуто до 10% населения. Десять процентов — это число религиозно одаренных людей, людей, способных на поступки, способных разрешить своим убеждениям влиять на свою жизнь (обоснование этой цифры см. в моей книге «О нашем поражении» в главе «Попытка быть оптимистом»).

И наконец, есть огромная масса «уважаемых телезрителей», чьи мозги изготовлены на «фабрике звезд». Вот для них все, что серьезно, становится все более и более чужим. У этих полуфабрикатов в равной степени падают интересы к академической науке (вытесняемой экстрасенсами), к классической музыке (вытесняемой попсой) и к классической религии (вытесняемой магией).

— В Церкви существует огромное количество обрядов, правил, традиций, о которых Христос в Евангелии ничего не говорил (иконопочитание, почитание святых и их мощей, молитвы за умерших и так далее). Более того, многие из традиций и обрядов, по-видимому, даже прямо противоречат словам Христа. Например, Он запретил называть отцом кого-либо, кроме Отца Небесного²⁸⁷, а мы называем так всех священников. Но тем не менее Православная Церковь утверждает свое преемство от Христа и Его апостолов. Нет ли здесь противоречия?

— Я думаю, что никакого противоречия в этом нет, потому что в Евангелии есть главный призыв — расти. Церковь апостольского времени — это желудь, а современная Церковь — дуб, выросший из него. Между дубом и желудем с виду ничего общего, но есть общность самого главного — генетического материала. Вот это непосредственное генетическое преемство современной Православной Церкви от Церкви апостолов — несомненный исторический факт и во внешних проявлениях, и в духовной идентичности.

Проверяется это просто: прочитайте нашим обычным бабушкам-прихожанкам труды христианских подвижников различных столетий — и бабушки не отличат эти тексты один от другого. Это не осуждение бабушек, а достоинство текстов. Для верующего сердца они едины, передают тот же самый опыт жизни во Христе. Поэтому для неспециалиста неотличимы поучения Серафима Саровского от поучений Антония Великого, который жил за 1500 лет до преподобного Серафима. Обычный человек без специального образования не отличит труды Иоанна Златоуста (IV век) от трудов Феофана Затворника (XIX век). За этой неразличимостью текстов стоит тождество духовного опыта.

Кажется, О. Мандельштам сказал: «У каждой истинной книги нет титульного листа». В духовной литературе Церкви это очень хорошо заметно. Конечно, ученый-богослов должен уметь очень четко различать святоотеческие тексты. Он по мелочам может сказать, какой это текст, имя автора, назовет эпоху и культурное окружение, но самое главное, то есть духовное содержание текста, понятно и без этого. Наверно, немалое число наших бабушек-прихожанок совершенно искренне считают Иоанна Златоуста русским батюшкой XIX века и очень удивятся, если сказать им, что он жил в середине IV — начале V века и был архиепископом Константинополя. А и в самом деле — где

²⁸⁷ См.: Мф. 23, 9.— *Ред.*

границы «Святой Руси»? Разве Иерусалим или Царьград могут быть для нее «зарубежьем»?

Что же касается именованя священников «отцами» — в моей книге «Протестантам о Православии» была статья «Почему священника называют батюшкой».

— **А есть у Вас совет для обычного приходского священника?**

— Как богослов скажу, что Церковь может благодать Божию призывать на самые разные грани человеческой жизни. Православие — религия своего рода священного материализма (то есть мы считаем, что материя может быть пронизана нетварным Духом Божиим). Поэтому круг предметов, которые могут быть освящены по молитвам Церкви, может быть расширен. Наши храмы полны тогда, когда в них что-то освящается. Когда воплощенную благодать можно из них изнести (освященные яблочки, водичку, куличи, мед...). Например, было бы хорошо раз в месяц проводить чин освящения лекарств, чтобы потом люди с молитвой вкушали таблеточки. При этом, правда, важно оговорить, что «фирма не гарантирует исцеления» (Церковь не занимается «целительством»). На этом молебне священник мог бы пояснить, что таблетки все равно надо употреблять не потому, что их сейчас батюшка окропил, а потому, что их врач прописал. Но все же принимать их надо — с молитвой. В минуту приема помня не болячку, а Бога.

— **Вот Вы приглашаете людей в Церковь, но ведь и критическое слово разрешаете себе сказать по поводу церковной жизни?**

— Я боюсь пропаганды. Накушался ее в детстве. Люди знают о наших церковных болячках. А если мы будем их замалчивать и говорить, что все-то у нас хорошо и бесппроблемно, то люди сочтут нас именно пропагандистами, причем неумными и нечестными. Поэтому я считаю, что именно миссионерски важно быть честным.

У сатаны есть две руки, и один и тот же «дар» он может нам предлагать с разных сторон: то из-за левого плеча, то из-за правого. Когда лукавый удерживает человека от вхождения в Церковь, он сначала говорит: «В Церкви все сплошь хапуги, пьяницы и развратники», то есть рисует карикатуру на Церковь. Если человек такую карикатуру в стиле «Московского комсомольца» смог преодолеть, это не значит, что сатана теперь отстанет от него. Он будет тонко действовать, он скажет: «В Церкви сплошная святость, там все святые, и куда же ты со своим свиным рылом в ихний калашный ряд прешься?». И когда человек составит слишком высокое представление о церковной жизни, церковном быте, потом достаточно ему подметить даже не то что грех какого-то церковного человека, а просто чисто бытовые подробности, и он сразу же скажет: «А, вон вы какие! Я в вас разочаровался!».

Так вот, чтобы не разочаровываться, не надо очаровываться. Нужно трезвение, нужно понимать, что сила Божия в немощи человеческой совершается²⁸⁸.

Кроме того, люди очень боятся попасть во вторую КПСС, они боятся, что здесь какая-то казарма, сплошная обязаловка, полное отсутствие критичности. Я сам этого боялся, когда стоял на пороге Церкви, но по милости Божией мне в руки попали честные книги отца Георгия Флоровского, Карташева, отца Александра Шмемана.

Дело в том, что, учась на кафедре атеизма, я знал всю гадость, которую только можно знать об истории Церкви и церковной жизни. Если бы затем я начал читать церковные книги и в них прочитал бы, что у нас только сплошная святость, никаких грехов и болезней не было, я бы сказал: «Эти люди не желают знать правды о себе, о своей истории, о своем быте, не желают думать об этом; это не христианство, потому что христианину естественно каяться».

У нас должны быть честные книги, говорящие о том, что в Церкви трудно жить, но здесь можно жить, можно дышать.

Есть и третий мотив. Дело в том, что у сект отсутствует критическое отношение к себе. Для протестантов естественно бить себя в грудь, говорить, что они святые. И при

²⁸⁸ См.: 2 Кор. 12, 9.— *Ред.*

этом у сектантов в запасе целые горы книжек, содержащих всевозможные сплетни и слухи о нас и наших грехах. Я же говорю:

— Мы и сами знаем, что у нас есть болезни, есть грехи; но мы знаем и то, что Господь долготерпелив и многомилостив.

Тогда сектанты разоружаются, у них начинается внутреннее брожение:

— Значит, православные могут честно, в покаянном духе говорить о себе, не смешивая Божию благодать и свою немощь, а мы почему не можем так?

И они потихоньку отходят от своего всерадостного лицемерия и начинают приближаться к Православию.

У меня нет никакой жажды обличительства. Это миссионерски продуманный шаг.

Помню, что многих священнослужителей несколько смутила публикация дневников отца Иоанна Кронштадтского. Это, действительно, очень искренняя, исповедальная книга. Однажды отец Иоанн был раздражен тем, что диакон во время литургии очень близко махал кадиллом — эдак всю митру мог закоптить. Потом он устыдился своего гнева: «На литургии верных враг бесплотный сильно отрывал сердце мое от любви Божией пристрастием к суете — к митре, как бы не задымить ее кадильным дымом; от этого безумия я избавился с трудом только тайною молитвою покаяния. Какое глупое сердце! Какое нелепое пристрастие! А сколько у меня митр — до двадцати! А я уже старик! Кому они достанутся по смерти? Разве износить их?»²⁸⁹.

Некоторые современные церковные люди усомнились, надо ли публиковать такие вещи о святом? А для меня, наоборот, отец Иоанн Кронштадтский стал ближе и человечнее.

Знаете, с чего начинается Великий пост в монастыре? Там в первый день поста, согласно Типикону (уставу монастырской жизни), подъем — на час позже, поскольку вечером, прощаясь с масленицей, братия «утешились»^{LV}.

На церковном жаргоне «утешение» означает, что монахам дается вино^{LVI}. Так что после разгула масленицы лучше дать братьям поспать на час дольше, чем потом они бы носом клевали во время службы.

И в этом, может быть, одно из отличий секты от реальной религии. В секте все подгоняется под один шаблон. А здесь — умение понять сложность человека, многообразие жизни.

— **Но не слишком ли резко Вы отзываетесь о приходских бабушках? Ведь именно эти «белые платочки» спасли Церковь во времена гонений.**

— О том, что «белые платочки», наполнявшие храмы в советские годы, защитили эти храмы от разрушения, сказано немало, в том числе и мной.

Но те бабушки, что сегодня стоят в наших храмах,— они ли их отстояли? Где они были 20 лет назад? Сегодня число открытых храмов раз в десять превышает число действовавших приходов при советской власти. Число прихожан увеличилось пропорционально. Значит, лишь одна из десяти сегодняшних пожилых прихожанок была в Церкви 15 лет назад. Вспомним, что далеко не все люди, встретившие пору реформ в уже пожилом возрасте, смогли дожить до наших дней, и станет понятно, что число исповедниц среди нынешних старших прихожанок не так уж велико — менее даже 10%.

Так что тем, кто говорит мне, что я не имею права критиковать «бабушек, спасших Церковь», я отвечаю: из своих сорока лет я посвятил Церкви уже более половины. Многие ли из наших пожилых прихожанок могут сказать о своей жизни так же? Где они были в свои 19 лет (а я крестился именно в 19)? Где они были в том 1982 году? Какую идеологию тогда исповедовали? Как давно они сами в Церкви и чем они рисковали, переступив порог храма? Так что не стоит позавчерашним комсомолкам говорить, что они и есть герои, спасшие Церковь. Те, кто ее спас,— это люди более старших поколений, это те, кто были церковными бабушками в 30–60-х годах. Но это поколение церковниц уже у Бога.

²⁸⁹ Запись от 15 июня 1906 года (*Св. прав. Иоанн Кронштадтский*. Неизданный дневник. М., 1992. С. 41).

Наконец, тот типаж, с которым я веду полемику, во все годы не спасал Церковь, а разрушал ее изнутри. Это прихожанки, сами себя назначившие в цензоры и контролеры. Они в советские годы помогали комсомольцам: дружинники не пускали молодежь в храмы снаружи, а эти ревнительницы выгоняли молодежь из храмов изнутри.

В общем — разные они, церковные бабушки. Есть такие, чья улыбка светит Причастием²⁹⁰. А есть самые настоящие «бабки-ёжки»: они в своей доцерковной жизни были лишены уважения и власти (и на работе, и в семье), так напоследок в храме нороят хоть что-то приватизировать и почувствовать себя вправе командовать. Порой от наших «профессиональных прихожанок» не исходит теплоты. От них скорее током бьет.

У Церкви всегда юное лицо — лицо Иоанна Богослова, встретившего Христа. У настоящих православных старушек оно такое же. А у православных ведьм — нет. Но как же редко среди церковных бабок встречаются сейчас православные бабушки! Я помню лицо своей бабушки, она скончалась пятнадцать лет назад. Она не была практикующим православным человеком, но какое у нее было лицо... У нее было много дочек, моих теток, сейчас они приближаются к бабушкиному возрасту, у них есть внуки, но, вглядываясь в их лица, я не вижу того, что в бабушке было. Совсем другое поколение бабушек, другие лица...

«Бабушка» — это очень теплое, хорошее слово. Если это нормальная православная бабушка, она светится вся изнутри, к ней хочется прильнуть, постоять с ней рядом.

Я бы хотел, чтобы на обложке именно этой книги о православной молодежи была помещена фотография бабушки, которую я недавно привез из Греции. Бабулечка на ней беззубая, морщинистая, но такая счастливая! Именно таким я вижу лицо Церкви.

А иногда, конечно, с нашими бабушками буквально — «и смех, и грех». Видишь проявление истовости их веры, но это проявление исполнено так, что без улыбки и смотреть нельзя. Но и смеяться-то в данном случае грешно. А как без улыбки читать такое, например, объявление в сознательно «народном», попсово-«православном» журнале: «Мы с мужем болеем и нуждаемся в деньгах для поездки по святым местам — ради исцеления от недугов. А еще хотим приобрести икону “Прибавление ума”»²⁹¹.

Исповедь сверстнику

Мы тоже боялись. Мы тоже когда-то возмущались тем, что казалось нам «диким», «невежественным» и «отсталым» в жизни Православной Церкви. Мы (по крайней мере большинство из нас, рожденных в атеистических семьях в атеистическую пору) со стороны смотрели на православные храмы, считая, что мы-то их переросли и что мы знаем больше «бабушек». Мы боялись, что Православие с его «догматами и канонами» отберет у нас нашу свободу. Мы боялись, что попадем в казарму, что нас выдернут из современного мира и загонят в «темное Средневековье». Мы просто боялись, что стоит только православную проповедь впустить в свою душу, как она выгонит оттуда всякую радость жизни.

Теперь мы тоже боимся. Но страшит нас уже иное. Нас страшит, что вдруг снова нас настигнет наша былая духота. Вдруг какой-то вывих произойдет в душе и в жизни — и мы снова станем рабами.

Да, раб — это не только тот, на ком висят железные кандалы. Самые прочные путы — те, которых не замечаешь. Самая страшная несвобода — это несвобода внутренняя. Контактные линзы сложнее всего найти в своем собственном глазу. Так вот, пока мы были в мире неверия, мы даже не знали, что, по сути, от колыбели нам уже имплантировали в глаза (точнее — в ум и сердце) «контактные линзы», которые вносили существенные искажения в восприятие красок мира. Эти линзы показывали пустоту там, где, как оказалось, было нечто значащее. Они, бывало, уменьшали действительно важное, но благодаря им же что-то мелкое разбухало в размерах и заслоняло Небо.

²⁹⁰ У Александра Галича: «Знать бы загодя — кого сторониться, а кому была улыбка причастием...».

²⁹¹ Спасите наши души. Днепропетровск, 2003, № 9 (53). С. 43.

Идеология и реклама (которая вместо нас придумывает, что нам должно нравиться, кем мы должны быть и чем измерять свой жизненный успех) осторожно выкрадывали нашу свободу (точнее — даже не позволяли ей родиться). За нас решали, что «молодое поколение» должно выбрать именно «пепси-колу». И вдруг мы открыли, что настоящий выбор — это не выбор между пепси и квасом, между той или другой маркой телевизора. Это выбор между Смыслом и бессмыслицей.

Если моя жизнь — это лишь накопление вещей, если моя мысль погружена в торговые каталоги и телевизионные сплетни, — то и я сам в мире такая же однодневка, как журнал «Товары и цены». И мир даже не заметит исчезновения еще одного «потребителя», «покупателя» и «телезрителя». Тогда это бессмыслица. Тогда уместно задать себе самому последний вопрос: «Почему ты не умер вчера? Почему ты еще живешь? Какой у тебя повод к жизни?».

Смысл жизни человека придает лишь то, что выше нее. Жить можно только ради того, за что не страшно умереть.

А нам твердят: «Ты этого достоин». Чего — «этого»? Вдруг и в самом деле «это» и есть все то, чего ты «достоин»? Если то, в чем ты измеряешь свою жизнь, ее достоинство и неудачи, — всего лишь товар, то человек оказывается «достоин» быть просто марионеткой в руках рекламы. Чистенькой, пахнущей, ухоженной — но марионеткой.

Вот поэтому для нас вход в Церковь оказался шагом в другое измерение. Возможность посмотреть на самих себя иными, не рекламными глазами. Ведь очевидно, что глаза людей, изображенных на иконах Андрея Рублева, видят другое, чем глаза «дорогих телезрителей». А вы навсегда хотите остаться прежними? Вы не хотите попробовать взять дистанцию от стереотипов и сделать себя другими?

Это самое сложное, что может быть в жизни человека. Мудрецы прежних веков говорили, что неумный человек стремится изменить то, что вне его, умный же старается переменить то, что внутри него. Свободен ли я от самого себя? В моей жизни были минуты и состояния, в которых во мне трудно было бы признать человека. Церковь дала нам возможность покаяния — то есть возможность растождествить себя с теми минутами. Молодой человек, который вставляет себе иглу в вену, — свободен ли он в эту минуту? Или он исполняет веление некоей тяги, которую не может преодолеть? Ради минуты «улёта» он готов разрушить свою жизнь. Это свобода или рабство? Мы, сделав шаг в Церковь, просто сделали выбор: чему служить. Быть рабом минуты или Вечности. Служить тому, что выше нас, или тому, что ниже, скотиннее нас. Искать радости тому, что в нас самих наиболее человечно и высоко (душа, совесть), или же искать кайфа тому, что в нас самих наименее человечно, потому что наиболее физиологично.

Что же касается жизни в Церкви, то жить в ней действительно трудно. Как трудно расти в спорте, в науке или в музыке — так же трудно расти душой. Но этот рост приносит радость перемен. Мы могли бы сказать — радость прикосновения к Богу, но боимся, что окажемся совсем уж непонятными. И все же поверьте: никто из нас не остался бы в Церкви с ее постами и долгими службами, если бы хотя бы изредка не находил в ней такую радость, по сравнению с которой радости «тусовки» оказываются просто безвкусными.

Да, Церковь потребовала от нас отказа, ограничения. Но, отобрав водку или наркоту, она предоставила нам возможность найти внутреннюю свободу, познать самих себя, Бога и... И еще Православная Церковь дала нам возможность перестать, наконец, быть иностранцами в своей собственной стране. То, что мы пережили, одной строкой выразил Константин Кинчев: «Я иду по своей земле к Небу, которым живу». Россия перестала быть для нас «этой страной». Она стала своей — «нашей страной». Мы поняли ее веру, ее боль, ее судьбу. Православие подарило нам Небо и вернуло землю.

Понимаете, если вас тошнит от лицемерия американской политики «двойных стандартов», от их зазнайства, от пошлости голливудской масс-продукции, если в вас зреет протест против глобальной макдональдизации, то самая звонкая оплеуха «дяде

Сэму» — это не сожжение звездно-полосатого флага, а осознание себя русским православным христианином. В августе 1991 года главный американский «специалист по России» Збигнев Бжезинский заявил, что после крушения коммунизма у «демократии» остался один враг — Православная Церковь. Что ж, мы гордимся тем, что можем быть костью в горле у «бжезинских».

Мы не хотим быть перекасти-поле без корней, без имен (ты уже получил «только твой номер?»), без Родины, без веры. Мы не хотим стыдиться перед нашими мусульманскими сверстниками, у которых есть своя вера и гордость за нее и решимость за нее сражаться, а у нас только американская жвачка. Перестань быть полуфабрикатом, выработанным советской школой и антисоветской телерекламой. Сделай выбор: стань русским. Стань православным!

Если уж все равно религиозные интересы появились в твоей жизни (ибо наверняка ты — как и мы прежде — интересуешься гороскопами, астрологией, «непознанными феноменами», «целителями», магией, йогой и культом вуду), то прояви же самостоятельность. И вместо поклонения некоей the Power и безымянным «энергиям», которыми насыщены даже нынешние мультики, поинтересуйся же Православием!

Мы тоже когда-то думали, что все религии одинаковы, что «Бог один, а потому все равно, каким путем к Нему идти». Но слишком многие из нас в итоге стали подранками духовной войны. Слишком многие упали в те самые пропасти, существование которых прежде яростно отрицали («эти православные фанатики всех осуждают и все запрещают, но мы не позволим надеть шоры на наши глаза и пойдем своим путем!»). И потому уже не только из опыта нашей радости, но и из опыта нашей боли, не только от нашего нынешнего знания, но и от имени нашей былой дури мы просим вас: не повторяйте наших ошибок!

Звать к себе мы не будем. Церковь — не плац, на который стройными рядами выводят колонны «юных борцов», «всегда готовых» невесть к чему. «Расформированное поколение — мы в одиночку к истине бредем». Но мы можем свидетельствовать: Православие — это пространство жизни. Здесь можно быть человеком. Здесь обретаешь повод к жизни. Здесь можно думать и можно любить.

Но, по правде сказать, нам было тяжело все время быть одиночками. Было тяжело терпеть недоумения и насмешки своих неверующих товарищей и окрики «верующих» старух. Нам было тяжело таить свою веру и свои находки лишь для себя. Нам стало тяжело быть христианами лишь в храме. И поэтому мы решили встретиться друг с другом. Мы решили показать, что Церковь — это не только старушки, это еще и мы. Мы решили быть не просто православными, а молодыми православными. Получится ли это у нас — не знаем. Но мы готовы пробовать и ошибаться, мы будем пробовать терпеть ошибки свои и своих друзей.

Мы — не секта. Мы просто люди, которые знают, что и в самом деле «над небом голубым есть город золотой». Мы знаем, что эти стихи описывают не придуманную мечту, а Небесный Град, Небесный Иерусалим, о котором говорит библейский Апокалипсис²⁹² (его автор — апостол Иоанн, тот самый, кого на православных иконах и символизирует «золотой орел небесный, чей так светел взор незабываемый»). Вот в поход к этому Городу мы и собрались. Нам по пути?

О пути не монашеском

Главный итог размышлений русских философов на тему «Церковь и государство» состоит в том, что этот разговор надо вообще перевести в другую плоскость — не Церковь и государство, а Церковь и общество, Церковь и люди.

Во многих традиционных обществах власть жестко иерархична и персонализирована. С одной стороны — царь, с другой — Патриарх или римский папа. Между ними идет

²⁹² См.: Откр. 3, 12; 21; 22.— *Ред.*

диалог, при этом Патриарх выступает в роли духовного наставника царя. Такова традиционная византийская модель. Сегодня нам говорят, что двуглавый орел — это символ евразийства. Мол, головы орла смотрят на Запад и на Восток (очевидно, там и там выпрашивая гуманитарную помощь). Исторически же они означают двойное возглавление единого имперского народа — светской властью и церковной.

О сроднённости христианства с монархической идеей хорошо говорит Мерлин в «Мерзейшей мощи» Клайва Льюиса: когда Мерлин осознаёт, сколь горек тот мир, в котором он пробудился после столетий спячки, он предлагает:

«— Воззовем к христианским королям!

И слышит в ответ:

— Их нет или они бессильны.

— Ну, тогда воззовем к византийскому императору!

— Императора тоже нет.

И Мерлин говорит:

— В страшные времена я проснулся»^{LVII}.

В недавнем, в XX веке, Промысл Божий устранил с мировой арены все православные монархии. Россия, Греция, Сербия, Болгария, Румыния стали «республиками» со светским строем. Объяснять исчезновение православных монархий только происками врагов — религиозно неинтересно. Лучше вдуматься в то, что Господь хочет сказать нам на языке истории.

Может быть, потому и не стало православных монархий, что слишком много надежд с ними связывалось. Да, империя — это ограда для Православия. Но если слишком много вкладывать сил в поддержание ограды, в ее украшение и укрепление, то можно не заметить, что в пределах самой ограды земля перестала плодоносить. Она вытоптана вся, превратилась в армейский плац, а потому стала малопродуктивной. И сегодня меня, скорее, пугают призывы восстановить православную монархию. Слишком часто интонация и мотивация этих призывов такова, что приходится вспоминать слова Ницше: «Эти люди делают вид, что они верят в Бога, а на самом деле они верят только в полицию».

Мне кажется, что нам объявили о нашем совершеннолети. Пока ребенок мал, ему нужен манежик. Нужно внешнее ограждение, которое защищало бы его от еще неполезных для малыша приключений. «Итак, самодержавие совершенно необходимо именно для того, чтобы дать Церкви нормальные условия существования, оградить ее от множества врагов», — говорит азбука православного монархизма²⁹³. При этом, правда, остается безответным вопрос — как же это апостолы шли по Римской империи без сопровождения жандармов? Там-то врагов у них было побольше, чем у православных монахов времен православных империй...

И сейчас можно увлечься подсчетом числа наших врагов. Но лучше сказать себе: какая разница — сколько их! Мой христианский и совестный долг от этих цифр не меняется. В том числе и мой христианский долг расширения пределов евангельского влияния.

Вместо мечты о внешне понуждающей к благочестию силе, лучше прямо обращаться к верующим людям: «У вашей веры нет социального защитника, а потому отдайте себе отчет в том, что вы сами ответственны за веру свою и своих детей». Неужели и сегодня для того, чтобы свой ум держать в рамках Православия, вам нужен православный городничий?

Что может дать монархия православному проповеднику? Принудительно собранную аудиторию, которая не будет иметь права вступить с проповедником государственной Церкви в дискуссию. Ну и на всякий случай (вдруг раздражение против навязываемой веры будет слишком горячим) — телохранителей, которые будут защищать физическую жизнь православного проповедника. Но не странно ли рисковать жизнью других людей

²⁹³ *Свяц. Тимофей, иером. Дионисий. О Церкви, православном Царстве и последнем времени. М., 1998. С. 45.*

для спасения своей? Впрочем, слово «спасение» здесь двусмысленно: именно в том случае, если враги Православия убьют тело православного проповедника, его душа будет спасена. Так от чего же защищают телохранители? От пути в Царство Божие? Не лучше ли положиться на Промысл Божий? Тем более что священник или миссионер, ходящий с вооруженной охраной, вряд ли будет вызывать симпатии к той вере, которую он проповедует^{LVIII}.

Христос сказал Своим ученикам: *Я посылаю вас, как овец среди волков* (ср.: Мф. 10, 16). «Как овец» — значит, без телохранителей, без электрических парализаторов и скорострельных ружей. Так не слишком ли много потом «овцы» переняли у «волков»? Стоит ли овцам мечтать о вставной волчьей челюсти? При чтении Евангелия нельзя не заметить, что Христос неоднократно предостерегает Своих учеников: «Вы будете гонимы за имя Мое»²⁹⁴. Но Он нигде не говорит, что вы станете гонителями во имя Мое. Как сказал один философ, «Церковь сама спровоцировала свое сокрушительное поражение в битве за культуру. Слишком часто вместо того, чтобы исполнить заповедь любви, она настаивала на ужесточении закона; вместо того, чтобы тихонько стучаться в двери, взламывала их; вместо того, чтобы просто быть здесь — открытой для нуждающихся и готовой служить им, она громко требовала, чтобы служили ей; вместо того, чтобы униженно принимать оскорбления, гордо давала отпор»²⁹⁵.

Еще говорят, что православная монархия нужна для того, чтобы привлекать людей в Церковь. Однако на те беседы, которые действительно интересны, люди приходят без всякого понукания со стороны государства. И напротив, нередко я вижу, что у бесталанного проповедника храм пуст. Но, будучи не в силах честно признаться себе в своей собственной бесталанности, этот горе-проповедник начинает искать причины где-то вовне, и, соответственно, меры для улучшения ситуации он видит также чисто внешние. Он придет в школу, а дети его не слушают. И вместо того, чтобы подумать: «Может, я слишком скуден и скучен, моя вина, что дети меня не слушают», он начинает мечтать: «Вот был бы православный царь, он устроил бы такую школу, в которой дети были бы обязаны меня слушать».

А может, в другую сторону надо посмотреть с надеждой? Планы восстановления православной монархии лучше оставить Богу (ибо иначе как чудом оно не может быть), и не действовать вместо Него, и не вычислять сроков вместо Него. А самим начать делать то, что и в самом деле зависит от нас, — например, понудить себя к получению серьезного богословского образования. Сегодня ведь даже среди священников не более чем один из десяти имеет хотя бы семинарское образование. А вспомним слова святителя Филарета Московского: «Никому не позволено в христианстве быть вовсе неученым и оставаться невеждой. Сам Господь не нарек ли Себя Учителем и Своих последователей — учениками? Неужели это праздные имена, ничего не значащие? И зачем послал Господь в мир апостолов? Прежде всего учить все народы: *Шедше, научите вся языки* (ср.: Мф. 28, 19). Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа — не для тебя посланы апостолы — ты не то, чем были все христиане с самого начала христианства; я не знаю, что ты такое и что с тобой будет»²⁹⁶.

Так сможем ли мы сами, без понуканий сверху, явить людям такой образ нашей веры, чтобы Православие вновь стало народной религией? Не государственной, а именно народной. Может, мы уже достаточно большие, достаточно пуганные сами и достаточно сами же пугавшие других в своей истории, чтобы научиться ценить свободу совестного выбора? Не пора ли задачу христианской миссии вернуть Церкви, раз уж Промысл отобрал ее у государства?

Может ли наша вера влиять на нашу жизнь в обществе, минуя государственные приказы о принудительности такового влияния?

²⁹⁴ См.: Мф. 10, 22; 24, 9; Мк. 13, 13; Лк. 21, 12, 17; Ин. 15, 21. — *Ред.*

²⁹⁵ Лобковиц Н. Христианство и культура // Вопросы философии. 1993, № 3. С. 79.

²⁹⁶ *Митр. Московский Филарет*. Слова и речи: В 5 т. Т. 4. М., 1882. С. 151–152.

Евангелие Христово родом не из человеческого общества. Но христианин должен быть христианином везде — «и дома, и в школе»^{LIX}. И в семейной жизни, и в экономике, и в политике (не надо забывать греческие корни: политика — от слова «полис», это публичная составляющая моей жизни, а экономика — от слова «икос», это моя домашняя, частная жизнь).

Так как же в своем мирском профессиональном служении оставаться христианином? Как оставаться христианином, исполняя обязанности судьи, адвоката, журналиста...

Не очевиден, например, ответ на вопрос — во всякой ли школе может учительствовать христианин. Вопрос о допустимости работы христианина в языческой школе и о службе в языческой армии очень резко был поставлен в III–IV веках. Мнения отцов разошлись. Так что далеко не всегда очевиден ответ на вопрос, что можно и чего нельзя делать христианину.

В любом случае стоит помнить, что Церковь — это не только священники, но и миряне. И вот они-то могут работать в области массовых межчеловеческих отношений, то есть — в политике.

Церковь не может отказаться от своей мечты о симфонии, ибо это вопрос о том, может ли остаться внехрамовая жизнь людей без соотнесения с Евангелием. Идеал симфонии неустрашим из Православия. Но вопрос: симфонии с кем и с чем?

Сегодня очевидно: вопрос не в том, чтобы договориться с Кремлем. Люди ориентированы не только на высшую государственную власть. Центры влияния сегодня многочисленны и дискуссионны. А значит, и Церкви, желающей быть *всем для всех*²⁹⁷, надо учиться договариваться не с одним императором, а со множеством человеческих собраний, независимых друг от друга. И таких «переговорщиков» от имени Церкви также должно быть уже много больше, чем во времена персональной симфонии царя и Патриарха.

А между этими сообществами все же есть своя иерархия: одни человеческие собрания «влиятельнее» других. Общественный вес парламента и филателистического кружка не одинаков.

Но чтобы быть в постоянном диалоге, сотрудничестве с высоким, а значит, и закрытым собранием, надо иметь право входа в него. А для этого и христианин должен обладать высоким социальным статусом (социальным, а не иерархическим в самой Церкви). Времена, когда имперские византийские патриции ездили к столпникам за советами, уже позади. Люди из этих собраний не станут прислушиваться к голосу человека, который будет проявлять некомпетентность в той тематике, которая и придает смысл деятельности этого кружка.

Значит, христианину, чтобы быть услышанным в этих кругах, придется озаботиться и правом входа в них, и обретением надлежащего профессионального опыта.

Таково необходимое требование к любому патриоту России, к любому православному человеку: хочешь помочь России и Церкви — стань профессионалом. Не в смысле «профессиональным патриотом», а в смысле профессионалом в своей светской работе²⁹⁸.

Если православный ребенок учится на тройки — он дает повод хулить свою веру: мол, он потому и верит, что ничего не знает! Православный учитель должен быть лучшим в школе (ну хотя бы — самым добрым и улыбочивым!), а православное перо — лучшим в газете.

В политике тем более надо уметь быть предельно аргументированным, корректным, трезвым. Демонстрация богословской эрудиции не должна подменять собою серьезных знаний по экономике, праву и социологии^{LX}.

²⁹⁷ См.: 1 Кор. 9, 22.— *Ред.*

²⁹⁸ Когда я сказал об этом на лекции в университете в Шюе, то возмущенное эхо раздалось аж в Париже! См.: *Михайлов Э.* Православный «патриот-профессионал» // Русская мысль. Париж, 1999, 22 апреля.

Когда-то Макс Вебер показал наличие психологической связи между определенными богословскими теориями в протестантизме и рождением духа мирского активизма, который и привел к становлению раннекапиталистического общества. Протестантское богословие в XVIII–XIX веках смогло в своих прихожанах пробудить религиозно, аскетически мотивированное стремление к мирскому успеху²⁹⁹.

А может ли у православного человека быть мотивация к тому, чтобы добиваться мирского успеха?

Как национальную беду я расцениваю то, что в нашей массовой церковной проповеди, психологии нет вкуса к жизни. Постоянно проповедь конца, ужаса, поражения, бегства. Нет призыва активного вхождения в современную жизнь и преобразования ее.

В общем, пора сказать страшное слово: в молодых православных людях надо воспитывать вкус к карьере, к жизненному успеху. «Да, это беда наша русская, что одни создают свои общественные христианские идеалы не на аскетической сущности, а другие, служа лично по совести аскетическому идеалу, знать не хотят общественной жизни. Знаете что? Я знал одну великую игуменью. Она говорила: “Нам нужны новые монашеские ордена, которые могли бы больше влиять в мире”» (Константин Леонтьев)³⁰⁰.

О том же могу сказать словами святителя Феофана Затворника: «Есть у нас поверье, и чуть ли не всеобщее, что коль скоро займешься чем-либо по дому или вне его, то уже выступаешь из области дел Божеских и Богу угодных. Оттого, когда породится желание — жить богоугодно, то обыкновенно с этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома — в пустыню, в лес. Между тем и то и другое не так. Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, и исполнение их не есть отбегание в область небогугодную, а есть хождение в делах Божеских... Своим поверьем точно делаете их неугодными Богу, потому что исполняете их не с тем расположением, с каким хочет Бог чтобы они были исполняемы. Божьи дела не по-Божьему у вас творятся... Дайте обязанности — но без человекоугодия... Всякое дело, сознание достойным, надо делать со всем усердием, это есть долг, огражденный страшным прещением: *Проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*³⁰¹»³⁰².

Те же мысли у святителя Николая Японского: «Простая бумажка делается почтенным денежным знаком, приняв на себя императорскую печать. Так всякое дело, как бы оно по видимому непочтенно ни было, сделается святым и угодным Богу, если делать его во имя Божие»³⁰³.

Многие люди, когда приходят в Церковь, за годы своего неопитства теряют вкус к своей мирской профессии, порываются ее бросить. Человек, если он искренне переживает свою веру, должен пережить обретение веры как кризис. Это признак здорового, нормального развития, если прежняя работа кажется ему безвкусной. Живописцы начинают сушить свои кисти, поэты забрасывают поэзию, музыканты — музыку. Все становится пресно, безвкусно по сравнению со вновь обретенным смыслом.

Вообще, если православный юноша не мечтал об уходе в монастырь — значит, с его церковной жизнью что-то не так. Мечта о монастыре — признак нормального духовного развития молодого человека. Хотя бы полгода церковный человек должен походить с этой мечтой в сердце (иначе он никогда не будет понимать монашество; а без понимания монашества невозможно понимание Православия^{LXI}). Но не всегда мечта должна переходить в реальность. Господь и намерения лобзает. Но кто-то должен остаться с людьми. Поэтому свои радикальные стремления надо уравновешивать словом апостола Павла: *оставайтесь в том звании, в котором каждый призван к вере*³⁰⁴.

²⁹⁹ См. главу «Виновато ли христианство в экологическом кризисе» в моей книге «Дары и анафемы».

³⁰⁰ Леонтьев К. Избранные письма. С. 497.

³⁰¹ Ср.: Иер. 48, 10.— *Ред.*

³⁰² Свт. Феофан Затворник. Что такое духовная жизнь. С. 179–181.

³⁰³ Дневники святого Николая Японского. Запись от 24 июня 1903 го-да. С. 261.

³⁰⁴ Ср.: 1 Кор. 7, 20.— *Ред.*

И тут многое зависит от того, на какого духовника напорется этот неофит. Если все идет нормально, то через два-три года человек возвращается к своему светскому ремеслу. Разве что мотивация его служения и творчества может измениться.

Монахов у нас хватает (в России их около восьми тысяч). Церкви, может быть, более всего не хватает сегодня людей, способных профессионально работать в светских структурах, но с православной мотивацией.

Будущее православной России зависит от того, сможем ли мы обосновать и воспитать в наших молодых прихожанах «вкус к карьере» — к такой карьере, которая совершалась бы не в ущерб воцерковленности человека, а «за послушание»^{LXII}. Именно так восходят к епископским кафедрам монахи. Не желание вкусных обедов руководит монахом, соглашающимся с епископским избранием, а надежда на то, что, получив в свои руки высшую церковную власть, он сможет обратить ее на благо Церкви.

В библейской Книге Судей есть притча об участии в выборах и карьере. Иофам пошел и стал на вершине горы Гаризима и, возвысив голос свой, кричал и говорил им: послушайте меня, жители Сихема, и послушает вас Бог! Пошли некогда деревья помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья смоковнице: иди ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревьям? И сказали деревья виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человеков, и пойду ли скитаться по деревьям? Наконец сказали все деревья терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревьям: если вы по истине поставяете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские. Итак смотрите, по истине ли и по правде ли вы поступили, поставив Авимелеха царем? (Суд. 9, 7–16).

Огорчает же то, что в нашей церковной атмосфере не чувствуется желаний воспитать таких людей. Всем заметно, что приходская атмосфера в наших храмах «старушечья». Само по себе это не ново и не плохо. Всегда в храмах было больше стариков, чем молодых. И всегда Церковь скорее радовалась этому, нежели скорбела. В отличие от светских организаций Церковь больше дорожит стариками, а не молодежью. Ведь задача Церкви — готовить людей к последнему переходу. Финиш важнее старта. «В чем застаю — в том и сужу»³⁰⁵. И если бы в наших храмах было много молодежи и не было бы бабуль — вот это было бы для религиозного сознания катастрофой (кстати, половина этой катастрофы уже налицо: у нас много бабушек и почти нет дедушек, то есть половина русских людей «финиширует» вне Церкви).

Малое присутствие молодежи в православных храмах не было бедой для Церкви в прошлые века. Наш «дом престарелых» охраняло сильное православное государство.

Сегодня у нас нет такой защиты. И с устрашающей правдивостью звучат слова одного русского мужика. Он живет в Саратове, прошел Афганистан, а в Церковь так и не пришел, но как-то точно подметил: «У меня есть друзья татары, есть русские друзья. Я бываю в их мечетях, захожу и в наши храмы. Но смотрите: у них в мечетях стоят молодые, вдобавок — мужики, а у нас — женщины, вдобавок — старушки. Мы проиграем». Надо еще помнить, что ислам не признаёт отделения религии от политики. У мусульман есть тяга к политическому активизму. Коран их ориентирует на обретение политической власти. Мы же с нашим рефреном о том, что «мы вне политики», рискуем однажды опять стать жертвами политики — на этот раз уже российско-мусульманской. Боюсь, что скоро для защиты наших детей от очередных школьных экспериментов мы должны будем идти на прием к мусульманским депутатам Госдумы.

Да, Православие доживет до конца мировой истории. Но в каком качестве? В самый последний период мы неизбежно окажемся в капсулированном состоянии (оттого этот

³⁰⁵ См.: Иез. 33, 20.— *Ред.*

период и станет последним). В конце времен мы будем изгнаны из «приличного общества», станем маргиналами (как это было и в апостольский век). Но сами мы к такому состоянию стремиться не должны. Пока есть время — лучше действовать по французской поговорке: «Делай то, что ты должен,— и будь что будет».

У нас же чаще жизнь планируется по принципу: «Мечтай о чем хочешь — и будь что будет». Имперская мечта у нас еще есть. Но как можно совместить мечты о возрождении православной России с отсутствием молодежной церковной политики?

Не может быть православной России без православной элиты. Делегировать в государственные и общественные элиты наших бабушек уже несколько поздно. Туда можно стартовать только молодых. А чтобы они согласились идти этим путем карьерного роста (а как еще попасть в элиту?), их духовники должны привить им соответствующую мотивацию. Значит, в молодого прихожанина надо уметь заронить не только мечту о монашестве, но и нечто другое. Хотя бы часть из наших молодых прихожан и неопитов надо уговаривать оставаться в том звании, в котором они призваны. Ты хочешь служить Христу? Но это можно делать не только в рясе. Стань добротным профессионалом, добейся успеха ради Христа, а не ради номенклатурных благ. И то влияние, которое ты со временем сможешь приобрести, обрати на пользу своего народа и Церкви. Таким мне видится православный вариант «веберовской» модели.

Но чтобы были в Церкви такие молодые прихожане, умеющие ориентироваться в современной мирской жизни (семинаристы из наших полумонастырских инкубаторов явно не входят в их число), в Церкви должна быть терпимость к таким прихожанам, к кругу их интересов и к их стилю жизни. Как замечательно сказано в пятой книге о Гарри Поттере, «вам, молодым, не понять, что думают и чувствуют старики. Но старики не имеют права забывать, как видят мир молодые».

От того, сможем ли мы в наших храмах создать атмосферу дружелюбия по отношению к молодым, зависит будущее и Церкви, и России. Нужна церковная молодежная политика. А для этого нужно понимание, что политика и навязывание — отнюдь не одно и то же. Политика включает в себя и умение слушать, слышать, уступать. Сможем ли мы хоть на десятую долю стать столь же терпимыми к увлечениям и глупостям наших детей, сколь мы терпимы по отношению к суеверным глупостям наших бабушек?

Надо увидеть доброе в тех волнах современной культуры, что пришли к нам с Запада,— увидеть ради того, чтобы отстоять то, что нам дорого в нашей России.

А православной России не будет, если из наших детей мы не сможем воспитать православных людей, которые могли бы, владея всей сложностью современной культуры и техники, сделать ради веры своей, ради народа своего успешную социальную карьеру. Если мы хотим видеть Россию православной, ей нужны православные элиты. Православные депутаты, экономисты, министры, бизнесмены, учителя, журналисты и так далее. Значит, православным людям надо прививать вкус к успеху, к жизни, к творчеству, к карьере.

В старых книгах легко читать советы о том, что с эллинами надлежит быть похожим на эллинов, а с иудеями надо говорить на языке иудеев. Легко восхищаться мудростью древних миссионеров и благоговеть перед иконописными ликами древних юродивых. Ну а с сегодняшними людьми можно ли быть сегодняшним, с русскими можно ли быть русским, а с молодыми — молодым?

Почему подстраиваться под вкусы и мнения стариков — не зазорно, а вот говорить на языке, интересном молодежи, предосудительно?

И уже в 809 году Константинопольский собор пояснил, что церковные правила могут не соблюдаться в отношении к императору (по толкованию современного историка это означает, что «непреклонная императорская воля представляет собой форс-мажорное

обстоятельство, которое дает право архиерею применить икономию, если речь не идет о покушении на устои веры»³⁰⁶).

А вот миссионерское наставление Константинопольского Патриарха Николая Мистика, датируемое 914–916 годами: «Если ты видишь, что они (варвары-язычники) на что-то негодуют, выноси это терпеливо, особенно если ослушники принадлежат к высшему слою народа — не к управляемым, а к тем, кому выпало управлять. В отношении же подвластных можно тебе, если придется, прибегать и к более суровым и насильственным мерам, несообразностей же не следует допускать никоим образом. Когда речь идет о тех, кто обладает большими возможностями чинить помехи в деле спасения всего народа, необходимо рассчитать, как бы мы, сурово обойдясь с ними, не утратили их, вконец разъярив и полностью восстановив [против себя] и верхи, и низы. У тебя перед глазами множество примеров человеческого поведения: ведь и врач частенько отступает перед тяжестью заболевания, и кормщик не пытается сверх возможного вести свой корабль против течения, и тот, кому вверено командование, зачастую даже против желания подчиняется напору войска. Знаешь ты и то, как обстоят дела у нас: как учитель, вынужденный снести непослушание учеников, чтобы не подвергаться их глупым и нелепым выходкам, пощадит бесстыдство непослушных учеников и поддастся им на время, только бы они все-таки слушали урок»³⁰⁷.

Как видим, у нас готовы на весьма растяжимую «икономию», на многие и многие уступки и компромиссы, только когда речь идет о светской власти. А сколько уступок делалось и делается нашей Церковью бабкам и их суевериям! Но сделать шаг навстречу нашим же детям отчего-то считается недопустимым!

А еще и со стороны нам подсказывают: «Ваше дело — работать среди инвалидов. Вот берите детей с болезнью Дауна — это идеальное место для христианской педагогики. Ну, еще тюрьмы. А в университеты мы вас не пустим. В дома престарелых — пожалуйста, а школы и дети отделены от вас».

К сожалению, и недостаточный образовательный уровень нестоличного духовенства искривляет направление церковной миссии в ту же сторону. Порой кажется, что на сегодняшний день наиболее успешным направлением церковной миссии стало тюремное служение. В какую епархию ни приедешь, всюду узнаешь, что два-три священника работают с зоной (и низкий поклон им за это). Но на вопрос: «А есть ли у вас священники, работающие с университетами?» — положительный ответ слышишь гораздо реже.

Ну представьте себе, что было бы с ростом Церкви, если бы апостолы разошлись по домам престарелых! Апостолы — то есть заведомое меньшинство в языческом море — не шли к бомжам. Апостолы не работали с пьяницами.

Когда сил мало, надо делать то, что можно. Есть три поля. Одно все залито асфальтом, другое черноземное, а третье непредсказуемо — то даст урожай, а то возьмет отпуск... Да, согласно Евангелию сеять надо на все поля³⁰⁸. Пройти с сеющей рукой можно и нужно вдоль любого поля. Но согласно тем же притчам Христа, задержаться для более постоянной и настойчивой работы надо сначала у самого плодоносящего поля³⁰⁹.

Если Церковь действительно многочисленна, здрава, многоталантлива, то она должна быть со всеми, и конечно же, и с социальными «неудачниками». Но наша Церковь еще инвалид. Русская Церковь сегодня в таком состоянии, что сама маргинализована.

³⁰⁶ Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 51.

³⁰⁷ Цит. по: Иванов С. А. Византийское миссионерство. М., 2003. С. 189.

³⁰⁸ См.: Мф. 13, 3–23, 38.— Ред.

³⁰⁹ *В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдет; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших* (Мф. 10, 11–14).

Если бы мы были в таком состоянии, как католическая Церковь, у которой всего достаточно, начиная с земель и банков и кончая университетами, тогда, конечно, можно было бы заняться маргиналами. Но если деятельных священников у нас мало, а мирян подвигнуть к социальной диаконии мы еще не умеем, то свои немногие миссионерские ресурсы надо все же прежде всего направлять в точки возможного роста будущего церковного влияния. Надо идти в лучшие школы и лучшие университеты.

Есть священники, у которых талант — общаться именно с заключенными и обездоленными. Но повернуть всю Церковь к работе с маргинальными слоями — это самое страшное, что может сейчас произойти с Церковью. А именно в эту сторону нас тщательно подталкивают: «Идите к маргиналам и маргинализируйтесь вместе с ними».

Не надо топить Православие в социальном болоте.

Не надо замуровывать Церковь в прошлом.

Недрузи Церкви хотели бы видеть нас зацементированными нашим прошлым. И многие собственно церковные люди чувствуют себя уютнее вдали от современной культуры и жизни. Но неужели не понятно, что со своими нынешними гипертрофированными страхами, с мечтой о православном гетто, с чаянием ухода «в келью под елью» мы гробим будущее православной России? Об этих двух разрывающих Россию тягах хорошо сказал Валентин Распутин: «И эти гонки на чужом были теперь во всем — на тряпках и коже, на чайниках и сковородках, на семенах морковки и картошки, в обучении ребятишек и переобучении профессоров, в устройстве любовных утех и публичных потех, в карманных приборах и самолетных двигателях, в уличной рекламе и государственных речах. Все хлынуло разом, как в пустоту, вытеснив свое в отвалы. Только хоронили по-старому. И так часто теперь хоронили, отпевая в церквях, что казалось: одновременно с сумасшедшим рывком вперед, в искрящуюся и горячую неизвестность, происходит и испуганное спячивание назад, в знакомое устройство жизни, заканчивающееся похоронами. И казалось, что поровну их — одни, как бабочки, рвутся к огню, другие, как кроты, закапываются в землю» («Дочь Ивана, мать Ивана»).

Вот чтобы не слишком решительным было наше добровольное зарывание в подполье, в прошлое, я и пробую сказать: в Православии достаточно силы, чтобы дерзить современности, но при этом в Православии достаточно любви, чтобы повернуться к современности. Мы достаточно жизнеспособны, чтобы отстаивать свою, древнюю, средневековую систему ценностей. И Церковь достаточно зряча, чтобы видеть доброе и в мире современных людей.

И когда я защищаю «Гарри Поттера» или Интернет, «Матрицу» или рок-музыку, я это делаю не ради Голливуда, а ради России XXI века. Своими статьями и книгами о современной молодежной культуре я просто ставлю ряд простых вопросов: а можно ли быть православным христианином сегодня? Тожественны ли понятия «Православие» и «Средневековье»? Можно ли быть православным в мире современной культуры, не эмигрируя в былые века? Должна ли граница между миром культуры церковной и культурой светской превращаться в сплошную линию фронта? На эти вопросы я отвечаю: да, нет, да, нет.

Через самые разные сюжеты я хочу донести до молодежи один месидж: в Церкви есть место для вас. «Церковь» и «бабушки» — не одно и то же. Между словами «Православие» и «Средневековье» нет знака равенства. Впрочем, чтобы обосновать право христианина на прописку в XXI веке, я привожу ссылки на святых отцов Средневековья.

В заключение напомним, что монахи — это миряне³¹⁰. Монах — это мирянин, который, не будучи священником, захотел нести служение во имя своей веры. Но монахи для этого уходили далеко от людей. Так может, пора во имя той же самой веры оставаться с людьми?^{LXIII}

³¹⁰ Тут накопилась изрядная путаница. Монахи нередко приходских священников называют «мирскими», тогда как с точки зрения церковных канонов именно монах, не имеющий сана, является мирянином, мирским человеком.

В этой статье сказано немало вполне очевидных и даже, наверно, банальных вещей. Вопрос в данном случае скорее не в том — что сказано, а — где. Подобные слова, сказанные в светской среде и нецерковным социологом, были бы просто благопожелательной банальностью. Но в православной церковной среде и сегодня сказать их — значит попасть в эпицентр критики.

Некогда сотрудничавший с газетой «Сегодня», а ныне ставший интернетовским кусакой Роман Вершилло ставит тотальный диагноз: «Мир, в котором мы живем, ничего, кроме искреннего ужаса, вызывать не может. Не с социальным, а с нравственным низом хочет сочетать христианство отец Андрей. Это соединение Церкви с грехом нужно отцу Кураеву для оправдания сотрудничества с преступным капиталом. Отец Кураев подчеркивает: “Как национальную беду я расцениваю то, что в нашей массовой церковной проповеди, психологии нет вкуса к жизни”. И в самом деле нет. Отец Андрей прав. Но кому он адресует этот упрек? Ни много ни мало — самой христианской религии. Наша возвышенная вера никогда даже не соприкасалась с такой низостью, как пепсикольный “вкус к жизни”»³¹¹.

Интернетовский аноним кусается так: «Вот Кураев говорит про православных бизнесменов, экономистов; тут забавный трюк: если приставить “православный” к чему-нибудь — то насколько возможно это сочетание в Православии? Например, православный деторастлитель, православный аборт или православный бес? Современный человек настолько ушел от конкретики, что ему любое сочетание слов назови — и он в это поверит. Православный спекулянт на бирже — пожалуйста, почему бы и нет. То есть из воздуха возникло нечто, что в реальной жизни произойти не может,— нету такого генезиса в Православии, чтобы такое произошло. А поэтому эти православные “нечты” — лишь результат компилятивной патологоанатомии доктора Франкенш... тьфу: Кураева»³¹². «По-моему, Кураев — это полный атас: “Ты хочешь служить Христу? Но это можно делать не только в рясе. Стань добротным профессионалом, добейся успеха ради Христа, а не ради номенклатурных благ”. А вот интересно, как определяется: ради Христа существует та корпорация, в которой надобно делать карьеру? И как сие определить? Помнится, что на бумажках такой корпорации, как США, значится, что “In God we trust”; так значит, в этой корпорации вполне можно ради Христа трудиться? Или — можно ли делать карьеру ради Христа, скажем, в системе концлагерей? Если нет проверенных мест, где можно делать карьеру ради Христа,— то уж служить там, где придется: “стань хорошим кочегаром крематория концлагеря”?»³¹³.

«Представьте, что православный человек оказывается в Германии 1930-х и единственная возможность делать карьеру — это пойти в менеджеры по организации концлагеря? Вкус к карьере — это вкус к современной жизни, ведь нету сейчас представления о “православной карьере” — есть только представление о карьере при совке (где религиозность могла стоять карьеры) — и представление о карьере в духе западных корпораций. То есть Кураев вполне прямо утверждает, что все понятия о карьере, приходящие к нам из Запада, могут иметь православный оттенок; но это — его предположение, ибо в реальности такого генезиса не было. То есть если православный человек пойдет делать аборт — то это будет православный аборт»³¹⁴.

³¹¹ *Вершилло Р.* Игра снов (http://www.moral.ru/Igra_snov.html). Чтобы понять рецепты, которыми Роман пытается преодолеть ужасы, в которые он сам же себя и загнал, стоит процитировать другую его статью: «А на самом деле во власти возражающего должно быть не только опровержение тех или иных ошибок. Нет. Если говорят ересь и глупость, я должен иметь право просто заткнуть рот глупцу. Вот это подлинный диалог: на произнесение отвечают затыканием» (*Вершилло Р.* Право на безвластие [<http://www.pravde.ru/Bezvlastie.html>]).

³¹² <http://www.livejournal.com/users/aleatorius/152830.html>.

³¹³ <http://www.livejournal.com/users/aleatorius/153123.html?mode=reply>.

³¹⁴ <http://www.livejournal.com/users/aleatorius/152830.html>.

Еще один критический голос: «Отец Андрей в своем тексте апеллирует к тому, что Церковь якобы мечтает, а молодым людям для полноценной церковной жизни нужно мечтать о се-бе (цитаты: “Церковь не может отказаться от своей мечты о симфонии”, “Вообще, если православный юноша не мечтал об уходе в монастырь — значит, с его церковной жизнью что-то не так. Мечта о монастыре — признак нормального духовного развития молодого человека”). И в этом отец Андрей допускает отступление от заповедей апостола и от святоотеческой практики невидимой брани: *не мечтайте о себе* (Рим. 12, 16)... Отец Андрей задается вопросом: “Но как можно совместить мечты о возрождении православной России с отсутствием молодежной церковной политики?”. Уж кому-кому, а отцу Андрею должно быть известно, что в Русской Православной Церкви есть отдел по делам молодежи, который возглавляет архиепископ Костромской и Галицкий Александр. И нужно ли понимать заявления отца Андрея об отсутствии у Русской Православной Церкви молодежной политики как заявление о некомпетентности архиепископа Александра? ...Отец Андрей допускает и еще более сомнительные высказывания: “В историческом развитии Православия возобладала противоположная тенденция”. Что имеет в виду под “историческим развитием Православия” отец Андрей, совершенно непонятно. Уж профессору богословия должно быть известно, что Православие всегда обладало полнотой истины, которая может поворачиваться в разные века в большей степени той или иной стороной в той мере, в какой сами люди обращаются к этой полноте истины. К сожалению, такое некритическое употребление терминов, конечно, вынуждает православное богословие давать достойный ответ, а сам отец Андрей может стать тем еретиком, в борьбе с которым Православие “разовьется” (в терминологии отца Андрея), но то ли это дело, ради которого подвизается отец Андрей?»³¹⁵.

Из выступления митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на Съезде православной молодежи (14 мая 2001 года)³¹⁶

Сопричастность молодого человека Церкви должна быть естественной и радостной, не отрывающей его от современной ему жизни и культуры. Ибо во все времена христиане присутствовали в мире как его закваска, как соль земли. Молодых людей, желающих быть христианами, мы не в иноческую келью увлекаем. Дай Бог, чтобы кто-то из них в свое время ощутил призвание к монашескому подвигу. Тогда это другой вопрос — и другой образ жизни, другой взгляд на вещи. Но даже это вовсе не означает, что, вопреки Священному Писанию, фарисей более угоден в глазах Господа, чем мытарь. Однако если человек желает жить христианином в миру, имея работу, семью и неизбежные светские попечения, то почему он должен стараться изменить выражение своего лица, одеваться на какой-то особый манер, замыкаться в себе, прерывать общение с другими людьми? Встречаю как-то утром на дороге к храму группу молодых женщин. Все как одна выглядят диковато, резко выделяются среди горожан, одеты странно и не по-людски. Оказывается, местный батюшка допускает женщин на службу не иначе, как в этой псевдоправославной униформе. Вот и ходят они в храм в каких-то черных сарафанах. Все это не имеет никакого отношения ни к Православию, ни к благообразию, ни к достоинству, ни к скромности. Это пародия на Церковь, дурновкусие. Насаждая фольклорное, музейное, костюмированное Православие, мы тем самым словно сигнализируем обществу и человеку о том, что наша вера якобы не имеет никакого отношения к современной жизни. А между тем место Православия — на стремнине жизни и в сокровенном обиталище наших чувств.

³¹⁵ Вадим Феофанов (<http://www.expert.ru/forums/viewtopic.php?topic=4876&forum=133&2>).

³¹⁶ <http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr110152.html>.

Закон Божий и «Хроники Нарнии»

То, что я собираюсь сделать, относится к разряду не самых благодарных занятий. Перелагать поэзию в прозу и рассуждать о том, «что хотел сказать художник этим образом», — дело слишком школьное.

Но именно особенности нашего школьного воспитания и понуждают меня взяться за толкование сказок К.С. Льюиса из цикла «Хроники Нарнии», вышедших уже несколькими изданиями.

Сам Клайв Стейплз Льюис (как и его соотечественники и современники Честертон и Толкиен) писал для людей, которые имели возможность изучать Закон Божий в школе. С одной стороны, это знакомство с сюжетами священной истории позволяло им узнавать с полуслова аллюзии и намеки. С другой, школьное знакомство с Библией слишком часто потворствовало укреплению худшего вида неверия — то есть той сухой и рассудочной полуверы, которая тем надежнее заслоняет совесть от укоров Евангелия, чем тверже вызубрены библейские тексты.

Понятно, что слишком навязчиво в таком случае проповедовать нельзя, и надо искать возможность свидетельствовать об Истине, никоим образом не вызывая в памяти интонации школьной законоучительницы. И вот, чтобы английскую консервативность обратить не к консерватизму греха, а консерватизму евангельских ценностей, Честертон пишет детективы об отце Брауне, а Толкиен — истории о хоббитах. Льюис пишет с той же целью сказки о такой стране Оз, в которой на каждом шагу читатель нежданно встречает то, чего никак встретить не ожидал, — намеки не на вчерашнюю парламентскую сплетню, а на те сенсационные события, которые, казалось бы, безнадежно устарели и давно стали никому не интересны (по той причине, что произошли они не в Лондоне, а в Палестине, и даже не позавчера, а немало веков тому назад).

В этих книгах, написанных англичанином и протестантом, более всех имеем нужду мы, русские и православные. Дело не только в том, что у нас практически исчезла христианская литература для детей. Важнее, что эти сказки заполняют пустую нишу в храме православной культуры.

Наша традиция проповеди и духовного образования всегда была дидактична, поучительна. Но человеку иногда становится тягостно от обилия строгих и умно-самоуверенных поучений. Ему бывает очень нужно, чтобы с ним просто посидели рядом и о чем-то помолчали. Или пошутили, или поговорили, как с равным.

Книги Льюиса действенны тем, что они не сразу выдают свою тайну: они проповедуют, не наставляя. Читатель сначала влюбляется в автора, в мир его мыслей и героев, а лишь затем начинает догадываться, откуда же берет начало тот свет, который наполняет собою весь объем Lewisland'a. Они написаны с любовью о Книге Любви — о Евангелии.

Льюису удалось то, о чем мечтает любой духовный писатель: он не просто передает свои мысли по поводу встречи человека с Богом, он пробуждает в сердце человека отклик той радости, которая некогда посетила его или уже стучится к нему. Это христианское «повивальное искусство», которое исторгает из души человека молитву. И это — высшая удача богословской книги, если в ходе ее чтения безликое «Он» богословия заменяется на живое «Ты» молитвы.

Эта книга написана в обществе, где принято быть христианином. И написана она затем, чтобы человек влюбился в то, во что он раньше только верил.

Российскому читателю в этом отношении читать «Хроники» проще: для его восприятия «добрые вести из Иерусалима» еще вполне свежи. С другой стороны — сложнее: не только дети, но даже их родители вряд ли настолько знакомы с Евангелием, чтобы с ходу улавливать прозрачные намеки Льюиса и Аслана.

Несложно сегодня и у нас пояснить неверующему человеку, каковы основания для религиозной убежденности в бытии Бога и Христа. Но чрезвычайно трудно «принудить к пониманию» связи между далеким надкосмическим Богом и маленьким частным

человеческим бытием. «Да пусть есть, но мне-то что с того?!» — вот вопрос, о который разбиваются самые блестящие проповеди и самые логичные и глубокие теологические лекции.

Ответ Льюиса на этот вопрос осязателен: жить с Богом радостно и трудно. Жить без Него — в конце концов — тоже трудно, но еще и серо, так, как сер и безнадежно устойчив в своей замкнутости ад в сказке «Расторжение брака».

Жить по велениям Аслана трудно, потому что он — «не ручной Лев». Его нельзя использовать в качестве гаранта или сторожа своего домашнего благополучия. Его дружбу и помощь нельзя подкупить. На его помощь нельзя иметь ложных надежд, которые упраздняли бы активное действие самого человека. Он приходит, когда пожелает, — и все же желает, чтобы его звали.

Еще трудна встреча с Богом, потому что из нее нельзя выйти неизменившимся. Аслан может ласково дыхнуть, а может поранить. Все мы ходим в шкурах Дракона — и пока мы не совлечем ее с себя (у апостола Павла это называется *совлечься ветхого человека*³¹⁷), нам не понять тот замысел, который есть о нас у Творца.

А ведь помимо «естественного» нашего окостенения есть еще и культурные панцири, которые похищают у нас Небо. Как, например, смотреть в глаза Аслану и думать о «правах человека»? Правах — перед ним?.. Это уже было когда-то в человеческой истории — во дни Иова. О том, что понял тогда древний страдалец и богоискатель, напоминает нам и Льюис. А древние великие пророки напоминают, что у Бога нет обязательств. У Него всё — дар. И о том же напоминает Аслан, отправляя детей в страну колдуньи.

«Хроники Нарнии» состоят из семи сказок. Случайно или намеренно появилось у Льюиса это вполне библейское число — не знаю. Но как в Библии семь дней — это семь эпох мировой истории, так и у Льюиса вся история Нарнии — от ее создания до гибели — дана в семи эпизодах.

Впрочем, прямых заимствований из Библии в сказках Льюиса нет. Разве что — в привычке называть детей «сынами Адама» и «дочерьми Евы».

Создателя зовут Аслан, а не Ягве или Христос. В первой хронике («Племянник чародея») Аслан, являющийся детям в облике золотого сияющего льва, творит мир.

Он творит песней. Льюис так представляет себе создание вселенной: «Далеко во тьме кто-то запел. Слов не было. Не было и мелодии. Был просто звук, невыразимо прекрасный. И тут случилось два чуда сразу. Во-первых, голосу стало вторить несметное множество голосов — уже не густых, а звонких, серебристых, высоких. Во-вторых, темноту испещрили бесчисленные звезды... Лев ходил взад и вперед по новому миру и пел новую песню. Она была мягче и торжественней той, которой он создал звезды и солнце, она струилась, и из-под лап его словно струились зеленые потоки. Это росла трава. За несколько минут она покрыла подножье далеких гор, и только что созданный мир стал приветливей. Теперь в траве шелестел ветер. Вскоре на холмах появились пятна вереска, в долине — какие-то зеленые точки, поярче и потемней. Когда точки эти — нет, уже палочки — возникли у ног Дигори, он разглядел на них короткие шипы, которые росли очень быстро. Сами палочки тоже тянулись вверх, и через минуту-другую Дигори узнал их — это были деревья».

В IV веке святитель Василий Великий очень похоже писал о возникновении мира: «Представь себе, что по малому речению... холодная и бесплодная земля вдруг приближается ко времени рождения и... как бы сбросив с себя печальную и грустную одежду, облачается в светлую ризу, веселится своим убранством и производит на свет тысячи родов растений»³¹⁸.

³¹⁷ Ср.: Кол. 3, 9.— Ред.

³¹⁸ Свт. Василий Великий. Беседы на Шестоднев // Творения. Ч. 1. С. 77.

Оба текста полагают, что читатель помнит исходный библейский стих: *И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, и дерево плодовитое. И произвела земля...* (ср.: Быт. 1, 11, 12).

Здесь нет ни опаринского мертвого и бессмысленного «бульона», который в некоей случайной катастрофе выплевывает из себя жизнь; нет и недвижимой, творчески бездарной материи Платона, могущей лишь страдать в руках Демиурга, но бессильной самой что-либо предпринимать. Здесь радостный диалог: на «Fiat!» («Да будет!») Творца весь мир откликается творческим усилием.

Современный космолог в этой связи не прочь поговорить о «направленной эволюции» и «антропном факторе».

Церковь говорит — о поэзии. Именно так называется Бог в Символе веры: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли...». «Творец» в греческом оригинале — «*Ποιητής*». И в молитве на Великом водосвятии о возникновении мира говорится: «Ты, Господи, от четырех стихий всю тварь *сочинивый*». Да и в самом деле — что еще можно сделать со «*стихиями*», именование которых все же происходит от греческого глагола «стихэо» (идти рядами, сопрягать ряды; «чины» — по-славянски), как не со-чинять. В отличие от русского понимания «стихийности» для греческого уха в «стихии» слышалась гармония, стройность и созвучность того «космоса», отголосок которого дошел да нашей «косметики».

Библия не говорит, откуда в нашем мире появилось зло. Восстание и падение гордого ангела денницы не описаны. Человек приходит в мир, который еще добр, но в который уже прокралось зло. Само зло не живет — оно паразитирует на жизни и добре. Так и колдунья отнюдь не создается песней Аслана, а в Нарнию она попадает некоторым паразитическим способом — ухватившись за детей. В Библии, лишь подговорив людей, зло получает власть во вселенной; в Нарнии колдунья тоже делает людей своими соучастниками. И Эдемский сад, и древо познания также узнаваемы у Льюиса.

То, что «Хроники Нарнии» не объясняют происхождение зла, не означает, что они с ним смиряются. Христианская мысль именно потому и не объясняет исток зла, чтобы было легче бороться со злом. Ведь в силу нашей неискоренимой философской привычки нам кажется, что «объяснить» значит «понять», а «понять» значит «принять». Если я нашел причину какого-то события — значит, я тем самым пришел к выводу, что оно и не могло не произойти. Нет, не в «причинах и следствиях», не в «законах кармы» или в «диалектике всеединства» коренится зло. Оно — в тайне свободы. Не в потаенно-мистических и огромных «законах мироздания», а в нашей, вроде бы такой маленькой, свободе. Именно человек когда-то впустил холод во вселенную, согретую дыханием Творца. И нам, привыкшим к холоду, дыхание той же Любви кажется теперь слишком обжигающим, слишком болезненным.

Мы в своей свободе взрастили смерть. Именно смертью силы магии хотели отделить нас от Бога. Но Творец жизни Сам вошел в пространство смерти. И теперь сквозь смерть мы можем видеть лик Победителя смерти.

Итак, в следующей сказке речь идет уже об искуплении: Аслан отдает себя на смерть «по законам древней магии». Но по законам «еще более древней» магии — воскресает и уничтожает проклятие.

Бог всегда требует, чтобы люди изменялись. И однажды, чтобы им это было легче делать, Он Сам принес Себя в жертву Своей любви к людям — не только для того, чтобы дать им пример, но и для того, чтобы поистине искупить их и вызволить из-под власти «древних заклятий» и соединить с Собою, чтобы дать им участие в Своей собственной жизни, в Своей собственной любви. Но для этого тем более человек должен стать таким, каким еще не был.

Евангельская основа «Хроник Нарнии» очевидна. В них можно встретить и прямую полемику с атеизмом, чьи аргументы очень похоже излагает колдунья одурманенным

детям в Подземье («Серебряное кресло»). А можно найти весьма прозрачную притчу о покаянии (Аслан, сдирающий драконьи шкуры с Юстеса в «Повелителе зари»).

Но потому так важно указать и на ветхозаветные истоки тех черт, которые Льюис придает Аслану. В современном протестантизме (и, шире, в современном западном стиле духовности) «друг Иисус» вытеснил Собою грозного Ягве. Но евангельская любовь не отменяет любви ветхозаветной. Бог пророков любит людей — и потому требователен к ним: требователен, ибо неравнодушен (об этом Льюис писал в книге «Страдание»).

Нравственное зрение человека в чем-то подобно глазу лягушки. Как та видит лишь то, что движется, и не замечает неподвижных предметов, так и человек, пока покоится на месте, не различает того вектора, по которому должна устремиться его жизнь. Но сделав духовное усилие, отказав себе в чем-то ради ближнего, сотворив однажды добро, перестрадав, он становится зорче.

Надеюсь, позволительно пояснить эту мысль не на льюисовском материале — ведь многие родители и учителя, которые будут читать эту книгу детям, сами будут знать о христианстве немногим более своих детишек. Так вот, один из замечательных христианских проповедников — Владимир Марцинковский, живший поколением раньше Льюиса, в своей работе «Смысл жизни» рассказывает случай с одним богатым молодым парижанином, который, пресытившись жизнью, пришел к набережной Сены... И уже перед последним шагом он вдруг вспомнил, что в кармане у него кошелек с деньгами, которые больше ему не понадобятся. И у него возникла мысль — отдать эти деньги какому-нибудь бедняку. Он идет по улице и находит людей, живущих в большой нужде. Юноша отдает им все свои деньги. И вдруг радость большая, чем у этих бедняков, врывается в его сердце. Тайна жизни, которую он пытался вычитать или подслушать, сама засветилась в его душе.

Так и «плохому мальчику» Юстесу кажется, что он случайно, бессмысленно, чуть ли не назло заброшен в мир Нарнии. И лишь через скорбь, покаяние и первые попытки заботы о других приходит к нему понимание того, что не он обречен на жизнь, а жизнь дарована ему. Понимание того, что, по законам Нарнии, в одиночку можно лишь умереть, но выжить можно лишь сообща.

В повести «Конь и его мальчик» есть замечательное разъяснение того, как познаются тайны Промысла. Девочка (в счастливом эпилоге) хочет узнать, что за судьба у ее знакомой. «Я рассказываю каждому только его историю», — слышит она от Аслана ответ, охлаждающий любопытство.

Так ставится предел одному весьма распространенному у религиозных людей искушению. Дело в том, что духовная зрелость человека определяется тем, в какой мере он готов оправдать выпавшие на его долю страдания. Но со своим пониманием (*достойное по делам моим приемлю*³¹⁹) надо крайне осторожно входить в чужую жизнь. Если я скажу: «Моя болезнь выросла из моих грехов», — это будет вполне трезво. Но если я решу зайти к заболевшей соседке, чтобы разъяснить ей, что вчера она сломала ногу, потому что позавчера не пошла в храм, — тут самое время вспомнить предупреждение Аслана. Вдобавок, оно весьма напоминает происшедшее с преподобным Антонием Великим. Он однажды спросил:

— Господи! Почему одни живут немного, а другие до глубокой старости? Почему одни бедны, а другие богаты?

Ответ, который получил Антоний, был прост:

— Антоний! Себе внимай!³²⁰

А ответ, который раз и навсегда получили мы все, был дан на Голгофе: Творец не стал объяснять зло или оправдывать его неизбежность, Он просто пошел на Крест...

³¹⁹ Ср.: Лк. 23, 41.— *Ред.*

³²⁰ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999. С. 17. Авва Антоний, 2.

От Иова до наших дней человек хранит понимание того, что ответ на этот вопрос не может (и не должен) быть выражен в словах, потому что этот ответ слышат не ушами, а сердцем.

Ты Тот, Кто кротко рушит над нами
То, что мы строим,
Чтобы мы увидели небо,—
Поэтому я не жалуясь. (Эйхендорф)

В мире христианской мысли страдание и радость, жизнь и смерть оказались не абсолютно противопоставлены друг другу. Прошу извинить за эпатажную формулировку, но в своей глубине христианство действительно настаивает на неизбежности самоубийства: человек не должен жить для самого себя, он призван дарить себя. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12, 24–25).

Александр Солженицын как-то сказал, что в ГУЛАГе есть один-единственный способ выжить, а именно: оставить всякую надежду на сохранение себя. Лишь так, похоронив себя, человек может выйти из лагеря человеком. Другой пример из светской литературы — строки Пастернака:

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье нас самих
Во всех других,
Как бы им даренье...
Как будто вышел человек,
И вынес, и раскрыл ковчег,
И все до нитки роздал...

Любовь, которая, по слову апостола, *не ищет своего*³²¹, также выносит центр устремлений, забот и надежд человека вовне его. Христианская любовь — дарующая, а не потребляющая: в ее глубине всегда просвечивает Крест.

В мире духовном об этом же говорит «перевернутая перспектива» иконописи. Человек должен отказаться от эгоцентризма, от привычки все мерять по себе, свой жизненный центр он должен полагать вне себя. И тогда он не будет считать частью своей жизни некую ценность, а станет о себе помышлять как о принадлежащем и служащем Высшей Ценности. И тогда он будет бояться не за себя, а за свою верность Истине. И, как сказано в Писании, *где сокровище ваше, там и сердце ваше... Не собирайте себе сокровищ на земле... В Бога богатейте*³²².

Человеку дан дар жизни, и сохранить его он сможет, лишь если поступит с ним так, как мальчик с плодом древа жизни из первой льюисовской сказки: не присвоив себе, отдав другому.

Подлинно выжить можно лишь через жертву. Лишь то, что мы отдаем, навсегда остается нашим. Цветаева назвала это «законом зерна»:

Солдаты! До неба один шаг:
Законом зерна — в землю!

Если человек действует в соответствии с этим законом Божиим, над ним сбудутся слова Христа, и он *не увидит смерти вовек*³²³. Слово «усупение» во всех христианских языках — это антоним смерти. Кончина — лишь дверь (ну да, та самая дверь из последней Хроники). Но, выйдя через нее, можно оказаться «одесную» или «ошуюю».

И здесь мне приходится второй раз извиняться за рискованное сравнение. Христианство живет высокой спекуляцией. Затраты и прибыль здесь явно

³²¹ 1 Кор. 13, 5.— *Ред.*

³²² Ср.: Мф. 6, 21, 19; Лк. 12, 21.— *Ред.*

³²³ Ин. 8, 51.— *Ред.*

разнопорядковы. Малая «лепта» может обернуться приобретением такого сокровища, которого не стоит весь мир...

Смерти нет — это всем известно.

Повторять это стало пресно.

А что есть — пусть расскажут мне...

А есть — Пасха. И немного есть в мире даже христианской культуры книг, которые до такой степени были бы пронизаны пасхальным светом, как книги Льюиса. Смысл их — в утверждении: то, что заслуживает жизни, будет жить, потому что чему нельзя умереть — не умрет. И если жизнь совершеннее смерти, то смерть должна быть побеждена. Призвание человека — «найти свою вечность», и потому «понять человека — значит понять его отношение к Богу» (Б.П. Вышеславцев).

Как нужна эта пасхальность детям! Для них очевидно то, что перестают потом понимать взрослые: человек может уйти, но он не может исчезнуть.

И совсем просто детям понять, что итог человеческой жизни подводится не физиологически (лопнувшим сосудиком в мозгу или остановкой сердечной мышцы), а нравственно. Жизнь не кончается, она — исполняется. И человеку, в отличие от животных, как духовному, нравственному и ответственному существу, надлежит дать и нравственный ответ о том, исполнением чего была его жизнь: исполнил ли он во временной жизни Закон, без которого нельзя жить в вечности.

Человек создан для вечности. Войти в нее без приглашения и помощи человек не может. Творец не просто раскрывает нам дверь: Он Сам становится одним из нас и платит максимальную цену, чтобы дать нам свободу быть сынами Божиими, а не сыновьями греха и данниками смерти. Он принес нам дар. Дар надо еще уметь принять. Объективно совершённое *нас ради человек и нашего ради спасения* надо еще сделать своей внутренней, субъективной реальностью в акте выбора веры, Причастия. И Бог, пришедший в мир к людям, призывает нас не к бегству из мира, а к исполнению своего человеческого долга в мире людей. Христос не разрешает апостолам оставаться на Фаворе. Аслан помогает, чтобы люди смогли продолжить их дальнейшую борьбу. Сердце, которое любит Бога, но не любит и не милует мира и людей, созданных Богом, не поняло широты заповеди Божией. То, что принято и затем отдано людям и Богу, не исчезает, не отнимается. В мире, откуда мы пришли и куда уйдем, каждая капля здешнего добра отзывается несоизмеримо большей чашей радости. Но и каждое горе, причиненное нами, уготовляет нам грядущую горечь.

Таков Закон. И этот Закон не противопоставляется милости. Он вобрал ее в себя и о ней говорит: *суд без милости не оказавшим милости*³²⁴.

Об этом Законе удивительные книги Льюиса. Именно о нем, и только о нем. И потому просто умоляю читателей: не портите эту книгу! Не втискивайте ее в мир школьных правил, где, по словам Н. Трубникова, «с помощью хорошо подогнанных частных истин так легко складывается общая ложь». Не делайте вид, что это только сказка. Не скрывайте от себя и от детей евангельской основы и атмосферы этих сказок. И уже совсем печально было бы, если б детям стали пояснять эту связь в таком духе, что, мол, одна более древняя сказка легла в основу другой. И Льюис придумывал свои сказки, так же когда-то это делал Матфей, а до него — Моисей... И Лев — это всего лишь увеличенная воображением кошка, а Солнце — спроецированная на небосвод лампочка. И нет мира, кроме Подземья. И нет Пасхи. И не было Рождества.

Но об этой печальной возможности не хочется думать.

«Хроники Нарнии», конечно, не катехизис. Они были написаны для людей, изучавших (или изучающих) катехизис в школе. Поэтому отнюдь не все принципы христианства нашли свое иносказание в этих сказках.

В общем, в Нарнии много евангельского. В ней нет явного присутствия только двух евангельских тайн: Троицы и Евхаристии. На мой взгляд, в этом сказался замечательный

³²⁴ Ср.: Иак. 2, 13.— *Ред.*

такт Льюиса. Тайну Троицы внятно объяснить более чем непросто. И, слава Богу, в Нарнии нет трехглавого льва. Есть только два намека: однажды Аслан называется «Сыном заморского императора». А другой раз («Конь и его мальчик») Аслан считает необходимым подтвердить свою единственность тому миру, который он пришел спасти: как и воскресший Христос в Евангелии, Аслан уверяет говорящих животных Нарнии, что он не призрак: «Потрогай меня, понюхай, я, как и ты,— животное».

Отсутствие чуда Евхаристии — главного чуда Евангелия — тоже понятно. В мире Нарнии, где и так слишком много чудес, церковные Таинства (и важнейшее среди них — чудо Причастия Богу) выглядели бы слишком обыденно, неизбежно редуцировавшись до ритуальной магии.

Читая «Хроники», полезно вспомнить о Евангелии. Но, читая Евангелие, было бы непозволительно вместо Христа вспоминать Аслана. Поскольку для детей это будет скорее всего первая книга о духовной жизни, надо им время от времени напоминать, что в человеческом, а не символически-сказочном мире молитву надо обращать к Тому, Кто позволил Себя называть Иисусом, а не Асланом.

Избежать этой именовательной путаницы тем более важно, что в современном мире настойчиво рекламируется религиозный релятивизм и синкретизм. Чудище по имени Ташлан отнюдь не придумано. Мы ведь уже не возмущаемся и даже не смеемся, когда какой-нибудь очередной телеколдун обещает нам создать «синтез» христианства и язычества. Последняя история с Ташланом напоминает нам, что, по слову апостольской проповеди, *нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись*, кроме имени Иисуса Христа (Деян. 4, 12).

Льюис решился завести разговор о том, о чем меньше всего принято говорить сегодня в «христианском обществе» и в «христианской культуре», — о **последнем**. О конце света. Об антихристе.

На самом пороге XX века Владимир Соловьев напомнил о том, что земная история не сможет обойтись без этого персонажа и что годами и столетиями труд многих «субъектов исторического процесса» приближает момент, когда в истории христианского человечества произойдет решающая подмена — и произойдет она уже почти незаметно... Как раз на полдороге от Владимира Соловьева к нашим временам и появилась «Последняя битва» Льюиса. Если об остальных сказках Льюиса я бы сказал, что надо прежде прочитать Евангелие (хотя бы в пересказе для детей), чтобы вполне понять их, то о «Последней битве» я скажу иначе: эту повесть следовало бы прочитать прежде, чем брать в руки «Апокалипсис». Вообще, для христианского сознания как-то почти очевидно, что мы живем в мире, которому ближе всего именно седьмая, последняя книга «Хроник».

Сама Библия кончается Апокалипсисом, а Апокалипсис на грани человеческой истории прозревает не Царство Христа здесь, на земле: в жизни, в политике, в культуре, в отношениях между людьми,— а царство антихриста. Христос, говоря о признаках Своего второго Пришествия, о признаках конца истории и конца света, находит для апостолов только одно утешение: да, будет тяжело, но утешьтесь тем, что это — конец. Это ненадолго.

Христианство, наверно, единственная в мире система взглядов, которая изначально предупреждает о своем «не-триумфе». Земная история кончается не установлением Царства Христова, но утверждением властительства антихриста. В рамках земной истории путь человечества кончается не в Царстве Христовом, а в царстве антихриста. Это «царство» зреет в структурах человеческой истории годами, может быть, столетиями, в которые складывается такой образ жизни и мысли, что лишает человека его главной и насущнейшей свободы — свободы выбора: с Христом он или нет. Ибо само понятие «жизнь со Христом» становится в конечном счете безрелигиозным символом и начинает пониматься как сугубо этический или даже политический регулятор. Быть христианином — значит тогда быть просто «добрым человеком». В этом случае, однако, как поясняет Льюис в книге «Просто христианство», слово «христианин» просто теряет свой смысл,

становясь ненужным дублем. И тогда религиозная жизнь человека запутывается не в меньшей степени, чем религиозные чувства несчастных животных при виде Ташлана.

В Нарнии и произошла «последняя путаница». И началась она не с таинственных и зловещих заговоров, а со «слишком человеческих» проступков обезьянки, которой любой ценой хотелось того, чего так часто и так привычно желаем и мы... Льюис любит повторять, что самая верная дорога в ад лежит не через вопиющие преступления, а через постепенное самоумерщвление человеческой души, через привыкание к духовному окаменению.

Конечно, Льюис имел в виду не только Откровение святого Иоанна, но и вполне конкретные реалии культурных движений послевоенной Европы. Для меня же узнаваемее всего и страшнее всего жуткий призрак Ташлана — подделки, укравшей у Аслана имя и втиснувшей его в кличку восточной богини Таш. О приходе этого призрака предупреждал еще в прошлом веке Хомяков: «Мир утратил веру и хочет иметь религию какую-нибудь; он требует религии вообще». Именно эта форма «какой-нибудь» религиозности всё навязчивее заявляет о себе в нынешней России: ежедневно в эфире проповедают люди, которые убеждены, будто им удалось скрестить «духовность Православия» с «духовной мудростью Востока». Неколебимая уверенность советских «образованцев» в том, что всякая «духовность» — благо, внесет свою лепту в торжество дела «Ташлана»...

Да, седьмая книга Хроник ближе всего к нашей жизни, но и труднее всего для восприятия современным человеком. И тем важнее в этой апокалиптической книге — радость благовестия. Ведь сказано Христом о признаках конца: *Когда начнет сбываться все это, восклонитесь, ибо близко избавление ваше*³²⁵.

«Вос-клонитесь», то есть вы, сейчас пригнетенные к земле, уставшие от привычной богооставленности, вос-клонитесь — воспряньте, подымитесь.

Сейчас христиане взяли в привычку молиться об отсрочке конца. Но Апокалипсис и вся Библия завершаются кличем: *Ей, гряди Господи Иисусе!*³²⁶. И в приходе Бога главное — что Он пришел, а не то, что всё-таки разрушилось с Его приходом.

Как сказал человек, чей творческий дар очень созвучен льюисовскому, «христианский мир претерпел немало переворотов, и каждый из них приводил к тому, что христианство умирало. Оно умирало много раз и много раз воскресало — наш Господь знает, как выйти из могилы... Время от времени смертная тень касалась бессмертной Церкви, и всякий раз Церковь погибла бы, если бы могла погибнуть. Все, что могло в ней погибнуть, погибало... И еще мы знаем, что случилось чудо — молодые поверили в Бога, хотя Его забыли старые. Когда Ибсен говорил, что новое поколение стучится в двери, он и думать не мог, что оно стучится в церковные врата. Да, много раз — при Арии, при альбигойцах, при гуманистах, при Вольтере, при Дарвине — вера, несомненно, катилась ко всем чертям. И всякий раз погибали черти»³²⁷.

Как жаль, что мне не читали этих книг в детстве. И как хорошо, что эти сказки все же есть на свете и теперь входят в круг всероссийского чтения. В заключение и хотел бы я обратиться к родителям: когда вы откроете Льюиса и будете читать его вместе с детишками — пожалуйста, не говорите им, что это, дескать, сказочный пересказ неких более древних сказок. Не скрывайте от них Евангелия — если вы мечтаете о том, чтобы вам никогда не пришлось бояться своих детей. Будем надеяться, что в России еще вырастут дети, которые умеют колядовать и молиться. Дети, которые знают, что Герда вошла в охраняемый замок Снежной Королевы, лишь прочитав «Отче наш». Дети, которые считают храм самой светлой и красивой частью своего дома. Дети, которые знают, что внутри человека живет странное существо по имени «душа» — то, что болит в человеке, когда все тело его здорово, что может радоваться, когда все внешние

³²⁵ Ср.: Лк. 21, 28.— *Ред.*

³²⁶ Откр. 22, 20.— *Ред.*

³²⁷ *Честертон Г. К.* Вечный человек. С. 251–255.

обстоятельства побуждают человека к гореванию. Дети, которым мы не будем бояться верить свою старость.

Церковь и рокеры

— **С рок-музыкантами Вы общаетесь только как церковный деятель или бывает и простое дружеское общение?**

— Я не умею отличать себя как человека от себя как «церковного деятеля».

— **Вам интересно с ними общаться? Например, что Вы думаете о Юрии Шевчуке?**

— Думаю, что это одно из имен, которым Россия оправдается перед лицом истории за свои позорные девяностые годы.

— **Правда?**

— Он настоящий поэт.

— **А как Вы познакомились с Юрием Шевчуком? Нет ли у вас проблем в общении?**

— Первый шаг был с его стороны. Юрий читал мои книги и пригласил меня на свой концерт в 2001 году. Как раз в его день рождения. Был у него и неличный мотив. Он попросил меня пообщаться с мальчишками из кадетского корпуса в Кронштадте, где учится его сын.

Проблем в общении с ним у меня нет, хотя мы принадлежим к разным мирам. Может быть, именно поэтому нам легко слушать друг друга. Я ничего не знаю о мире, в котором он живет. А Юра тоже пока имеет лишь начальное представление о мире, в котором живу я. При этом и у него, и у меня есть по разным мотивам желание сойтись. У него есть человеческое желание привнести христианские ценности в свою жизнь и творчество. А мое желание — понять, в какой мере рок-культура может стать прозрачной для христианства. Впрочем, еще больше я дорожу возможностью просто общения с умным и совестливым человеком.

В мае же 2001 года меня буквально взял за руку мой студент из богословского института и повез на Горбушку. Сказал, что у Юрия Шевчука день рождения, будет концерт, на который Шевчук приглашает меня. Так я впервые попал на рок-концерт: к року я даже в юности дышал равнодушно. Я даже не знал, где находится пресловутая Горбушка: вышел из метро — и пошел в противоположную сторону.

Первое удивление — еще в фойе: несколько человек подошли ко мне и идентифицировали меня довольно четко:

— Отец Андрей.

Я-то думал, что церковная среда и рок-тусовка разделены более четко. А затем подходит ко мне какой-то очень бритоголовый человек и говорит:

— Что Вы думаете о нашей группе?

— Что за группа?

— «НЭП».

— Ничего не знаю! Никогда не слышал!

— Ну, ладно, Вы нас не слышали, а мы Вас знаем. Нам Костя Кинчев про Вас рассказывал.

Потом поднялся я в бельэтаж, откуда и взирал на все происходящее. Не знаю почему, но после этого мероприятия я целый день спал. Честно говоря, только однажды было у меня такое состояние. В 1989 году пришлось посмотреть по телевизору телесеанс Кашпировского. Он обещал: «Если в вашем помещении накурено, то я сейчас сделаю несколько пассов — и воздух станет свежим». Я был действительно в весьма прокуренной комнате, и мужики (дело было в телевизионном холле советского посольства в Румынии) с энтузиазмом отнеслись к идее экстрасенса... Я испугался за них: вдруг кому-то покажется, что и в самом деле стало свежее? Тогда ведь вся советская колония ринется в оккультизм. Начал про себя молиться. Все кончилось хорошо: свинарник остался

свинарником, не превратившись во дворец. Чуда не состоялось — как я и просил в своей молитве. Но затем я целый день не мог подняться с постели. Ни боли, ни температуры — а сил нет. Куда-то они ушли... Вот нечто похожее было и после первого рок-концерта.

Но сразу после него Шевчук позвал в комнатку, где должно было состояться чествование его дня рождения, и там прошло еще два часа в нормальной беседе. Шевчук вел себя вполне корректно, даже просил прощения за то, что он курит. Самое же интересное для меня было потом — уже ближе к полуночи я вышел с Горбушки и оказался в окружении фанов: почитатели Шевчука еще стояли в надежде увидеть своего кумира. И вот, эти ребята окружают меня — просто потому, что лучи славы от их «солнца» еще озаряют и меня:

— Ну, когда там закончится, скоро ли он выйдет?

— Не знаю, вроде начинают расходиться, но вообще-то там люди еще есть...

А дальше начался разговор, который меня просто потряс. Один паренек в очках, студенческого возраста, лет семнадцати, ошарашил меня вопросом:

— Скажите, а почему в Евангелии от Иоанна нет темы гефсиманского одиночества?..

Затем двое ребят вызвались провожать меня через лабиринты парка. Я спрашиваю:

— Ребята, а для вас заметно это или нет — то, что у Шевчука стали звучать какие-то религиозные слова, термины? Даже в конце сегодняшнего концерта он сказал: «Надеюсь, что Господь даст мне еще несколько песен!». Я-то церковный человек, для меня любое такое слово значимо. Но вот в вашем восприятии — может быть, это просто такие междометия, или он и в самом деле движется в сторону Православия?

— Нет-нет, мы это тоже замечаем, для нас это серьезно, мы к этому присматриваемся!

До этой встречи рокеры представлялись мне какими-то страшными существами, жить с которыми на одной планете небезопасно. И вдруг, встретившись с ними впервые лично, а не через посредство телевизора, я увидел чистые лица, хорошие и умные глаза.

Кстати, в тот день прошла первая гроза нового тысячелетия — первый весенний гром (как в песне у Шевчука), и это в день его рождения!

— **Как Юрий Шевчук переживает запрет на рок-фестиваль в рамках юбилея Санкт-Петербурга? Когда он возобновит гастроли? Не оказывает ли Вы влияния на его творчество?**³²⁸

— Как я понял, запрет на его рок-фестиваль был связан именно с рождественским концертом «Рок к Небу». Юрий сделал микс из двух своих песен. Он начал петь старую песню «Родина». А после строки «к сволочи доверчива» резко сменил мелодию и без всякой паузы стал петь песенку из своего последнего диска: «Путин едет по стране на серебряном коне...». Очевидно, кто-то из власть имущих решил обидеться за Путина.

Отмену фестиваля Юрий переживал тяжело, слег в больницу. Ведь он готовил его целый год, из-за этого отказался от всех гастролей.

А что до моего влияния на его творчество... Не думаю, что оно есть. Есть влияние его веры и его боли на его же песни. Я тут ни при чем. Но были случаи, когда он показывал мне новые записи еще до выхода диска. Например, песню «Ночная пьеса» из первой части «Единочества». Он очень беспокоился, что эта песня может быть понята неправильно, говорил, что она ни в коем случае не носит антицерковный характер. Она направлена именно против легковесного, поверхностного, «попсового» отношения к вере. А вы понимаете, что означает слово «попса» в устах Шевчука.

— **А как вообще Вы относитесь к рок-музыке?**

— Плохо. Я никогда не любил и не понимал рок-музыку. Но это не мешает мне дружить с рок-динозаврами и даже бывать на рок-концертах. Понимаете, есть люди, реальные люди. Представьте себе, такие же проблемы стояли перед священниками лет двадцать назад, когда к ним приходили люди, работающие в органах КГБ. По форме — враги, и вдруг оказывается, что это тоже люди. За погонами — у них сердце есть, и там

³²⁸ Здесь добавлены фрагменты из более поздних интервью, уже после концерта «Рок к Небу».

тоже бывает покаяние. Не все люди, которые шли в КГБ, работали против своего народа. Были там и такие структуры, которые действительно защищали Родину. Они не были палачами. Они не занимались слежкой, борьбой с инакомыслием — и как к ним было относиться?

И мне кажется, сегодня похожая ситуация складывается с рок-культурой: там есть люди.

Очень часто мы, православные люди, плюемся, говоря: «Все эти рокеры одинаковы, все они одним сатанинским миром мазаны». Это слишком легкое и, в конце концов, даже кощунственное решение.

Есть Христовы слова: *Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Хотели бы мы, чтобы о нас и нашей вере судили так же «глобально», как мы судим о мире рока? Давайте подумаем: почему Православие одних влечет, а других страшит? Когда мы с вами произносим слово «Православие», то у нас с этим словом связано воспоминание о чувстве легкости и радости после исповеди, о глазах старца, с которым довелось однажды встретиться, о глубине православной мысли, к которой довелось прикоснуться, о евангельской страничке, которая однажды была понята... А какие ассоциации со словом «Православие» у людей, стоящих вне Церкви? Для них это синоним скучной проповеди и приходской злюки. Как видим, слово одно, но только для разных людей оно сопряжено с совсем разными представлениями. Суперомоним: фонетически тождественное слово, обозначающее даже не то что разные, а просто противоположные реалии.

Мы обижаемся, когда натываемся на «не наши» представления о нашей вере. Так и рокеры обижаются, когда укалываются о наши представления об их любви. Есть ли в нашем, церковном, мире дурь, а в их, рок-мире, — сатанизм? — Есть. Но и то и другое — не все Православие и не весь рок.

Нам не хотелось бы, чтобы эту дурь считали родовым признаком всего православного мира. Но тогда и мы сами должны оградить себя от размашистых суждений о других мирах. Наш мир сложен. Но и другие миры тоже пестры.

Для православных людей слово «рок» — это прежде всего обозначение сатанеющей толпы. А для части людей, любящих рок, упоминание этого слова пробуждает воспоминание о совсем ином: о катарсисе, пережитом на рок-концерте, о совестном ожоге, причиненном точным поэтическим образом, о чистой поэзии, которая ложится на гитары Шевчука и Кинчева...

Рок — это протест, это разрушение. Но разрушение чего? Неужто все, что можно разрушить «в мире сем», является христианским? Разве только под колокольни можно класть динамит? Не слишком ли много в нашей жизни и истории нагромождено вавилонских башен?

Есть, есть тот рок, который взрывает «вавилонны». Как взрывают и бомбят ледяные заторы весной, чтобы дать путь реке.

Огни лукавых столиц
Ворожат беспечные души.
Пустота
Гнёзда вьет изнутри.
Смотри на сытую грязь,
С ними ты завязан по уши,
Ты здесь жил,
Так иди и смотри.

Это строки из песни Константина Кинчева («Антихрист-мегазвезда»).

Люди, выросшие на рок-культуре, нередко проходят через труд и боль разрыва с миром праздной и навязчивой скуки: скучно идти по старой колее оргий и гулянок, душа желает чего-то другого. И возвращаться в мир «белых воротничков» и карьеры — тоже невмоготу. От кого это чувство духовной жажды, желание убежать от «пустоты изнутри»?

От Бога или от сатаны, который якобы всем заправляет в мире рока? — Оно от Бога. Но пришло оно в эти души через рок. И к Богу оно их и привело.

Вот в этом кощунство тотального осуждения рока: если Бог действует через рок, через некоторых людей из мира рока и через некоторые песни, сказанные на языке рока, то не стоит весь мир рока замазывать одной черной краской сатанизма.

— **Поговорим о персоналиях. Можете ли что-то сказать о Борисе Гребенщикове?**

— Вы знаете, я много лет мечтал о знакомстве с Гребенщиковым. Пока однажды все-таки лично с ним не встретился. После этого желания продолжить знакомство не появилось. И хотя личного опыта работы с ним у меня нет, но есть личная претензия к нему, связанная с песней «Город золотой». Дивная песня, к написанию которой БГ не имеет ни малейшего отношения. Мелодию (для лютни) еще в XVI веке написал Франческо да Милано. Стихи в начале 70-х годов XX века сочинил Анри Волохонский. Впервые их соединил рок-музыкант Алексей Хвостенко. Гребенщиков же, взяв чужую вещь, испоганил эту песню в самом буквальном смысле этого слова. Испоганить — значит обьязычить. В оригинале первая строчка звучит: «Над небом голубым есть город золотой», а у него — «Под небом голубым...». Это уже язычество, когда святыня оказывается под видимым небом, то есть всецело в рамках этого мира. Первоначально эта песня, довольно точно воспроизводящая текст Апокалипсиса (см.: Откр. 21), называлась «Рай».

— **А Константин Кинчев, самый миссионерский рокер?**

— Тяжелый рок находится за пределами моих вкусов. Но я могу радоваться, узнавая первые аккорды некоторых знакомых песен Шевчука: некоторые песни, образы нахожу гениальными. С Кинчевым — пока иначе: понимание между его музыкой и моим разумом, моей душой пока не достигнуто. Хотя когда я сижу у него дома и он ставит свои новые песни, и тут же можно следить за распечаткой песни и спрашивать комментарии автора — это здорово.

Кинчев сам себя проповедником не считает, но реально — делает миссионерскую работу. Его диски^{LXIV} несут людям простое сообщение: оказывается, для того чтобы быть православным, не надо убегать в былые века, не надо эмигрировать в прошлое. Не надо искусственной стилизации под сарафанчики, матрешки, лубки и так далее. Можно быть человеком современного стиля жизни и при этом все равно быть человеком очень архаичной, традиционной религии. Православным можно быть сегодня. Прописка в XXI веке не является противопоказанием к тому, чтобы быть христианином.

С именем Кинчева связан один по-своему печальный эпизод в моей жизни. Константин позвонил мне домой и предложил работать вместе, то есть — сопровождать моими проповедями его концерты^{LXV}. Вот после этого несколько дней я провел во вполне печальных размышлениях.

Печаль, как известно, рождается из-за несовпадения желаний и возможностей. Предложение Кинчева вполне соответствовало моим желаниям. То, что он предложил, — это же ведь мечта миссионера. Оно открывало возможность обратиться к тем людям, которые заведомо никогда не бывают в храме (а миссионер — это тот, кто работает как раз за пределами храма). Это аудитория и молодая, и думающая (поскольку «Алиса» — это отнюдь не «На-На»). А значит, слово, обращенное к ним, может оказаться отнюдь не бесплодным.

Кроме того, ведь здесь изначально выигрышная позиция для миссионера. Конечно, обращаться к аудитории, разгоряченной рок-концертом, сверхтрудно. Но можно сделать иначе. Кинчев приезжает, дает концерт, а в конце говорит: «Если вы меня любите, если я вам дорог — так, знаете, есть такой английский принцип: “Кто любит меня, люби мою собаку”, то есть если вы меня любите, а я люблю книги отца Андрея Кураева, который любит Православие,— короче, завтра в таком-то месте мы с отцом Андреем будем, и чтоб

вы все там были. Только трезвые». И потом уже, на следующий день, можно было бы с ними говорить.

Итак, с одной стороны, очень хотелось согласиться.

Но, с другой стороны, миссионер все же должен людей не к себе приводить, а в Церковь, он не должен противопоставлять себя Церкви. Он не может жить вне того сословия, к которому сам принадлежит, то есть — к сословию духовенства. А здесь есть свои принципы кастовой этики и этикета. И вот я просто представил себе: хорошо, а что будет, если я скажу «да»? (Причем надо заметить, что я посоветовался с владыкой Иоанном Белгородским, который сказал: «Да. Хорошо. Можно», а затем и несколько серьезных священников мне сказали: «Хорошая идея»...)

Честно говоря, тогда я просто испугался. Я представил себе, какой слух поползет по монастырям, — мол, у Кураева совсем крыша уехала, он уже дошел до того, что с рокером выступает... Все будет перетолковано и перевернуто в худшую сторону: кто-то начнет рассказывать, что Кураев сам с гитарой пляшет, голый и пьяный... Тень осуждения пала бы и на мои лекции, и на мои книжки. И в конце концов со временем моя аудитория в точности совпала бы с аудиторией Константина Кинчева, то есть стала бы только нецерковной, что для меня оказалось бы все-таки сужением.

Миссионер должен людей приводить в реальную Церковь, какая она есть, со всеми ее проблемами и болячками, а не в книжную лавку, не в красивую идею и не к себе. Поэтому не стоит конфликтовать с духовенством. Надо уметь от чего-то отказываться, ждать, потихоньку объяснять.

Поэтому я так и не решился перезвонить.

Затем мне передали последний диск Константина Кинчева «Солнцеворот». Но честно скажу — не прослушал я его. Сил у меня не хватило заставить себя. Потому что, когда я его поставил... ну нет, не идет. Когда я был школьником, конечно, мои одноклассники увлекались роком. Но, скажем, «Led Zepplin» и тогда был вне пределов моего понимания. «Queen» я еще иногда мог понять, а дальше — нет. Для меня музыка должна быть мелодичной, а остальное я не понимаю. А сейчас я тем более просто не могу заставить себя это слушать.

Хотя надо заметить, что прежде Кинчев для меня ничем не отличался от всех остальных рокеров (пишем «рокеры», в уме держим — «сатанисты»). Но буквально за месяц до того звонка Константина я где-то в Москве поймал «попутку», чтобы успеть на лекцию. В «попутке» я — гость, который не может навязывать свои уставы. Я не могу диктовать человеку, что ему можно делать в его собственной машине: курить или не курить, слушать музыку или нет... А на этот раз в машине играло радио. Я старательно пытался не вслушиваться в звучащую музыку, и вдруг одна фраза заставила меня вздрогнуть, потому что она попала абсолютно в консонанс с моим настроением и моими мыслями. Фраза звучала: «Я иду по своей земле к Небу, которым живу». Я насторожился, начал слушать — кто же это смог такое написать? В конце диктор объявляет: «Вы слушали композицию “Трасса Е-95”». Кто, что? Опять не могу понять, да и шофер как-то тоже не в курсе. Но я для себя запомнил: «Трасса Е-95». Мне показалось, что вот в этой фразе вся суть Русского Православия сконцентрирована... Приезжаю на лекцию в университет. (Я туда ехал.) Спрашиваю свою аудиторию:

— Ребята, что это такое, кто это такой?

Ответ:

— Ну как же, отец Андрей, ну нельзя быть таким невежественным в наше время. Это же Кинчев, «Алиса», «Трасса Е-95».

И тогда я понял, что Господь признаёт право на покаяние даже за рокерами, и признания в любви Он принимает, даже если они высказываются на рок-языке.

— **Значит, на одной сцене с Кинчевым Вас не увидите?**

— Зарекаться не стоит. Меняются люди. Меняется аудитория «Алисы». Пока же мы нашли форму наилучшего взаимодействия. Константин на своих концертах объявляет о

моей лекции, называет время, зал, куда желающие могут прийти для разговора. 17 ноября 2003 года в Екатеринбурге, например, он объявил так: «Завтра вас ожидает продолжение концерта. Это будет иное, другой взгляд на жизнь. Мой друг, диакон Андрей Кураев, прилетевший со мной из Москвы, будет выступать в Горно-геологической академии. Если у вас есть сомнения, то вы можете задать ему вопросы. Я не хочу ничего навязывать. Просто приходите. Будет интересно».

И еще: мне кажется, что на концерте проповедь возможна только в Москве и Петербурге. Там настолько развита рок-культура, что люди приходят специально на Шевчука или Кинчева. Эти знатоки созвучны своему кумиру, знают слова песен, вдумываются в них. А когда приезжает музыкант в небольшой городок — собирается вся рок-тусовка. Никто не различает: «Ария» это, «Алиса» или «Король и шут». Им главное «поколбаситься». Не буду называть имени одного известного музыканта. В ту нашу встречу он сказал, что через пару часов улетает в Казахстан. А я в том же городке должен был читать лекцию через неделю. Предлагаю:

— Так, может, и там сделать объявление о моей лекции на Вашем выступлении?

И в ответ слышу:

— Отец Андрей, если б Вы знали, какой сброд будет на этом моем концерте!..

— **А на Ваши лекции, объявленные Кинчевым, люди приходили?**

— Можно, я зачитаю не мое впечатление? Это челябинской газеты (там все было так же, как в Екатеринбурге, только днем позже): «Не часто в актовом зале общества “Знание” можно увидеть столько народу, причем всех возрастов. Удивительно, но на лекцию московского философа-богослова валом валили даже молодые люди с рокерской экипировкой, которые заметно контрастировали с православными прихожанками и бородачами-староверами. Для последних, наверное, особенно удивительно было видеть такого веселого и шустрого священнослужителя. Расположившись на сцене в компании сопровождавшего его отца Димитрия Алферова, человек в рясе полтора часа неутомимо говорил о фильме “Матрица”, Гарри Поттере, Кинчеве и Сукачеве... Афористичная речь, полная юмора, но при этом с размахом и глубиной философской мысли. Таков он, Андрей Кураев,— самый, может быть, экстравагантный священник в современном Православии. Чувствовалось, что отец Димитрий с опаской слушал своего коллегу: вдруг скажет такое, что уже ни в какие каноны не впишется? Нелегко ему было сдерживать улыбку, особенно когда Кураев обращался к нему во время лекции со словами вроде: “Батюшка, можно я анекдот расскажу?” или: “Можно я употреблю словосочетание, запрещенное в эти дни?” (этими словами оказались “Государственная Дума”))»³²⁹.

— **Скажите, а может, за обращением рокеров к вере стоит просто мода на Православие?**

— Знаете, из соображений моды вряд ли можно сказать то, что сказал Кинчев: «Я рядовой ополченец Русской Православной Церкви. Все, что Церковь считает правильным, и я считаю абсолютно верным» (Известия. 2003, 28 октября)...

Впрочем, к этим его словам надо делать разъяснение. Православие Кинчева отнюдь не воинственно. Каждый раз, когда мне приходится слышать или читать его интервью, меня поражает его предельная сдержанность: никаких призывов, никакого желания «организовать» или «заклеймить», подчеркивание, что это его сугубо личный выбор, который он совсем не намерен навязывать всем окружающим. Даже о той группе, к которой отхлынуло немало его поклонников, он отзывается безо всякой «подколки»: «Вы не расстраиваетесь, что за эти годы ряды Ваших поклонников поредели? — Я сделал это осмысленно и осознанно. Отсек всех тех, кто видел в “Алисе” только голую атаку, то бишь рок-н-ролл, и передал их по наследству коллективу, которому я симпатизирую, то бишь “Королю и шуту”» (Новая газета. 2003, 9 октября).

Журналистам хочется штампов, хочется подверстать его в какую-то рубрику — в комиссары, в замполиты, в неофитские агитаторы... А он говорит: «Я проповедником

³²⁹ Уральские общественные ведомости. Вып. 2. Челябинск, 2003, 21 ноября.

себя не считаю и не считал никогда. Просто некоторые люди думают, так же, как я. И меня это радует». Кстати, это ведь тоже очень трудно: говорить о своей святине и не становиться в позу проповедника, свидетельствовать о своей вере и при этом проповедником себя не считать. В «армии “Алисы”» быть маршалом, а в Церкви — рядовым.

Теперь, для того чтобы похоронить разговоры о «моде», сопоставим два факта современной культурной жизни.

Первый: рок-кумир, лидер группы «Алиса» Константин Кинчев ввел православную тематику в свое творчество. Рок-идол подростков 80-х, автор знаменитой песни о поколении, «которое молчит по углам», Кинчев так отвечает на вопрос о своей религиозной эволюции: «Я никогда не был атеистом. Я был богоискателем, отчасти язычником. И даже, наверное, прости Господи, сатанистом, в том виде, в каком сказано в восьмой утренней молитве³³⁰: служил дьяволу, сам того не зная. Если человек говорит: “Я хороший, но в Бога не верю”, — это значит, что он уже служит сатане. Слава Богу, чередой чудес, замеченных мной, Господь меня привел в храм» (Известия. 2003, 28 октября).

Второй факт: это публичное покаяние Кинчева не осталось незамеченным и безнаказанным со стороны «либеральной прессы».

Вот несколько публикаций о нем и его вере за один только месяц.

«15 октября у группы с именем женщины и вокалистом Константином выходит альбом. Называется с претензией на философию: “Сейчас позднее, чем ты думаешь”. Пластинка — ничего особенного, очень похоже на раннюю “Алису”, когда Кинчев утверждал, что “мы вместе”, а от его “армии” шарахались в метро после концерта. На пресс-конференцию по поводу пластинки и юбилея экс-опальный Кинчев привел с собой друзей — диакона Андрея Кураева и военно-морского пиарщика, капитана первого ранга Игоря Дыгало. Появлению Кураева никто не удивился — известно, что внезапный религиозный фанатизм Кинчева проснулся несколько лет назад и заставил демобилизоваться прочь львиную долю алисовской армии. Но приходу Дыгало удивились. Журналисты неприлично смеялись и показывали пальцем — троица смотрелась нелепо» (Новая газета. 2003, 9 октября).

«Во Дворце спорта “Лужники” свое двадцатилетие отпраздновала группа “Алиса”. Весь концерт, от новой песни “Родина” до хрестоматийной “Мы вместе”, стал иллюстрацией того, какие плоды может принести правильное военно-патриотическое воспитание молодежи в сочетании с тяжелыми гитарами и культом здорового тела. Музыка у “Алисы” сопровождает рифмованные проповеди, военные марши и стихотворные памфлеты, направленные против массовой культуры. Лирические герои поэзии Кинчева — воин, инок и шут. В жизни же воины, а точнее — военные флотоводцы, помогают “Алисе” снять клип “Небо славян” на борту боевого корабля ВМФ. Диакон Андрей Кураев осуществляет бесперебойную связь с Высшим Продюсером и следит за тем, чтобы паства колбасилась правильно, ну, а в роли шута — по-прежнему сам Константин Кинчев» (Коммерсантъ. 2003, 27 октября).

«Фанаты Кинчева не разделяют его ухода в религию. “Люди из моей компании в монахи не постриглись и поститься не начали. Тут скорее дело в том, что музыку «Алисы» изначально слушали достаточно впечатлительные и несколько склонные к религиозности люди, потому что песни такие были,— сказала «Известиям» Ольга Панфиловская, бывший «алисоман», а ныне редактор гламурного журнала.— После того как непримиримый рокер за пять лет превратился в упертого проповедника, это вызывает только раздражение. Пока он просто ходил себе в церковь и пел хорошие песни, это было его личное дело. А когда вместо новых песен пошли какие-то псалмы, идти за ним по

³³⁰ Скорее всего, имеются в виду слова: *Сподоби мя, Господи, ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех, и паки поработати Тебе без лености тощно, якоже поработах прежде сатане льстивому.* — Ред.

жизни дальше пропало всякое желание. Поэтому половина его фанатов и ушла слушать частушки из склепа в исполнении группы «Король и шут». А остальные брезгливо морщатся, когда концерт в честь 20-летия группы заканчивается проекцией православных икон на экранах у сцены, а Кинчев разве что крестным знаменем всех не осеняет. Думаю, новое поколение «алисоманов» строем в церковь точно не идет...» (Известия. 2003, 28 октября).

Интервью превращаются в расстрелы: каждый вопрос — как выстрел или плевков.

«Почему новый клип был снят на флоте? Это модная тема милитаризма, которой сейчас стали следовать многие музыканты?.. Ваш самый ярый фан-клуб в Питере называется “Армия «Алиса»”. Армия и религия разве стыкуются?.. Бытует мнение, что официальная Церковь является купленной и фальшивой структурой. Вы, будучи православным человеком, как к этому относитесь? Религию часто используют как оправдание собственных поступков — можно согрешить, а затем замолить грехи...».

Ответ Кинчева на последний из этих вопросов: «С пониманием отношусь к таким людям... Сам таковым являюсь. А Вы встречали людей, которые не грешат? Я не встречал. К сожалению, людей, которые грешат и не каются, гораздо больше, чем тех, кто все-таки осознает свою греховность и стремится к покаянию. В Вашем вопросе чувствуется некая злая ирония (быть может, я ошибаюсь). Я хочу сказать, что подобные вопросы задают люди, которые никогда не проходили через исповедь. Попробуйте, и все вопросы отпадут сами собой» (Куранты. 2003, 8 октября).

Итак, Кинчев знает, что свою веру ему придется нести сквозь хулу «общечеловеков».

Знает он и то, что, соединившись с Православием, он сильно проредил ряды своих почитателей.

Я как-то спросил Кинчева, насколько упала его популярность после того, как он обратился к церковной тематике. Он сказал, что если раньше «Алиса» собирала стадионы, то сейчас — максимум тысячные залы Домов культуры. А те фанаты, кого интересует рок-музыка в чистом виде и кому неважно содержание, ушли к «Королю и шуту». Кроме того, Кинчев отказался выступать в периоды церковных постов (а это более чем половина года). И то и другое означает, что человек несет прямые финансовые потери по мотивам своей веры. Можно представить — как непросто было ему объяснить необходимость этих жертв членам своей группы.

— А не подавляет ли рок-музыка рок-поэзию? Ведь на концерте из-за грохота трудно разобрать слова его песен.

— Верно, но это не касается именно фанатов рока. Те же алисоманы наизусть знают песни и стихи своего кумира — даже до премьеры нового диска (поскольку на концертах они начинают звучать раньше, чем появляется тираж нового диска). Для меня это было как раз радостной неожиданностью: видеть, как сотни молодых ребят вместе с Кинчевым поют такие слова, для которых не находится места в демократическом телеэфире.

— Но приходится слышать, что рок — это распущенность, это матерщина...

— Матерящегося попсового кумира Филиппа Киркорова нам всем доводилось видеть. Я же ни разу из уст Кинчева или Шевчука матерщины не слышал. Самое крепкое словечко Кинчева — «грязь». А для Шевчука, кажется, нет хуже ругательства, чем «попса».

— Но разве могут быть у православного человека, тем более человека, несущего в своей речи православные идеи, голый торс, руки, разрисованные татуировками, и короткие шорты?

— Может ли проповедник быть обнаженным? В истории христианства известен голый миссионер: пресвитер Юлиан, поехавший с миссией в Эфиопию, где из-за невыносимой жары с 9 утра до 4 часов дня он вел свои беседы с язычниками нагим, сидя в пещере по шею в воде... А в итоге — «обучил и крестил царя, его вельмож и много народа с ними»³³¹.

³³¹ См.: Иванов С. А. Византийское миссионерство. С. 100.

Нагим ходил в московские морозы Василий Блаженный. Кстати, могу свидетельствовать, что на зимних концертах в зале прохладно и сквозняки гуляют презиридные. Так что с «голым торсом» Кинчев стоит отнюдь не ради своего удовольствия. Работа у него такая.

Вообще, одежда миссионера — особый и интересный вопрос. При разговоре о том, «како надлежит одеваться христианину», я вспоминаю ехидные слова христианского гонимого писателя III века Тертуллиана, которыми он начинает свой трактат «О плаще»: «Мужи карфагеняне! Я радуюсь, что вы столь процветаете во времена, когда имеется приятная возможность обращать внимание на одежду. Ибо это — досуг мира и благополучия. Благо снисходит от властей и от Небес»³³².

К одежде Тертуллиана в ту пору цеплялись все: христиан раздражал его плащ (форменная одежда профессиональных философов, которые в ту пору были, конечно, язычниками и врагами Церкви), а обычных язычников — то, что римскую тогу он променял на греческую одежду.

Спустя сто лет такая же проблема возникла у константинопольского философа Ирона, из школы киников обратившегося в христианство. «Форма одежды» у учителей философии не поменялась: плащ киника и неостриженные длинные волосы. Поскольку в большинстве своем философы были язычниками и преподавали учения античных (то есть языческих) мыслителей, то естественно, что для христиан IV века встретить человека с длинными волосами в церкви было столь же подозрительно и необычно, как в конце 80-х годов встретить там же человека с голубыми гэбистскими погонами.

Чтобы защитить новообратившегося проповедника от нападков, святитель Григорий Богослов пишет: «Он пристыжает высокомерие киников сходством наружности, а малосмысленность некоторых из наших — новостию одеяния и доказывает собою, что благочестие состоит не в маловажных вещах и философия — не в угрюмости, но в твердости души, в чистоте ума. А при сем можно иметь и наружность какую угодно, и обращение с кем угодно»³³³.

И в следующем столетии о том же пришлось напоминать Августину: «Града Божия вовсе не касается, какого кто держится внешнего образа и обычая жизни, лишь бы это не было против Божественных заповедей и против веры, которая приводит к Богу. Поэтому и самих философов, когда они становятся христианами, он заставляет переменить не одежду и образ жизни, вовсе не препятствующие религии, а ложные догматы» (О Граде Божием. 19, 19).

В общем, ничего нового в ситуации вокруг Кинчева нет. Это старый как Церковь спор о том, какие одеяния уютного и теплого благочестия может и должен снять с себя миссионер ради того, чтобы приблизиться к язычникам.

— **Но при этом у Кинчева на торсе нарочито большой нательный крест...**

— Никакого «сценического» креста у Кинчева нет. Это обычный нательный крестик, который на нем постоянно, и крестик этот ничуть не выдается ни по украшениям, ни по размерам. Так что, извините, я как православный человек не стану пенять другому православному человеку за то, что тот не снял нательный крест.

— **Но на теле у Кинчева крест, а на символике группы, в оформлении сцены и альбомов — пентаграммы...**

— Появление на экранах пятиконечных звезд вполне сюжетно оправданно — потому что Кинчев поет об антихристовой грязи, затопляющей всё.

Вообще, если бы с обращением Кинчева поменялось все-все в его творчестве, и знаменные распева заменили бы рок-аккорды, а стилизованный кафтан прикрыл бы его татуировки, то он потерял бы всю свою аудиторию. А значит, и все свои миссионерские возможности. Человек выставляет себя на сквозняки (и в буквальном смысле, и в переносном) ради людей, а не ради «ячества».

³³² Ср.: Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. О плаще. СПб., 2000. С. 63.

³³³ Ср.: Свт. Григорий Богослов. Слово 25. В похвалу философа Ирона // Творения. Т. 1. С. 361.

Вот песня Кинчева об апокалиптических всадниках:

По имени — Рок,
По жизни — Звезда,
По крови — Огонь,
По судьбе — Борозда,
По вере — Любовь,
По религии — Крест,
По сути — Опричник Небес.
На рыжем коне
Он движется в мир.
Рубцы городов,
Бородавки квартир
Врачует война,
Землю не убережь,
Не мир Он несет, но меч.
По имени — Суд,
По жизни — Обвал,
По крови — Баланс,
По судьбе — Ритуал,
По вере — Любовь,
По религии — Крест,
По сути — Опричник Небес.
Он движется в мир,
Его конь вороной,
И зоркий дозор
У Него за спиной.
Он враг полумер,
Он свидетель конца,
Имеющий меру Отца.
Все, чем дорожит зверинец,
Меч срежет с лица земли.
Так меру вершит Кормилец.
Горькая правда — полынь,
Пока не многим знаком этот вкус.
И только этой горечи — болью сродни блюз.
По имени — Свет,
По жизни — Закон,
По крови — Руда,
По судьбе — Перезвон,
По вере — Любовь,
По религии — Крест,
По сути — Опричник Небес.
На белом коне
В мир движется Он,
Победой оваян
Его легион.
Солдат-венценосец,
Спасителя лук
Он принял в руки из рук.
Все, чем дорожит зверинец,
Лук перечеркнет стрелой.
Так мир исцелял Кормилец.

Свет Откровения свят,
И тайну не вручишь словам,
Но я все же пою этот блюз ВАМ!

Что я могу сказать? Недогматично, но здорово! Столь же недогматичны были средневековые фрески Страшного Суда. Но свою педагогическую правду они несли. Пробирало.

— **Вы сравниваете рокеров с юродивыми. Но юродивые не получали деньги за свое «буйство во Христе».**

— Не знаю, сколько денег было у Константина раньше, сколько — сейчас. Но если уж кого-то интересуют карманы Кинчева, то даже из обилия ругательно-газетных публикаций о нем нетрудно сделать вывод о том, что путь, избранный лидером «Алисы», лежит мимо денежно-эстрадных гольфстримов.

Конечно, ни один юродивый сам себя юродивым не провозглашал и не нес перед собой табличку с соответствующей надписью.

Это я говорю, что Кинчев — современный юродивый, а не он сам. Юродивый — не значит сумасшедший и не значит бомж. Юродивый — значит человек, который выламывается из привычных социальных стандартов поведения ради того, чтобы обнажить перед людьми слишком затертую и привычную истину.

Когда-то меня поразил рассказ о священнике, у которого разболелась голова на всенощном бдении. Шла торжественная архиерейская служба, полиелей. Священники рядами выстроились между архиереем и аналоем с праздничной иконой... Когда же боль у этого батюшки стала нестерпимой, он нарушил благочинный порядок. Под недоуменные взгляды сослужителей он вышел из ряда, подошел к иконе, обмакнул палец в лампадку, помазал елеем свою голову и вернулся в строй... Такое проявление веры я считаю юродством Христа ради.

Кинчев — юродивый не среди христиан. Он юродствует среди рокеров (которые, в свою очередь, юродствуют среди обывателей). Легко протестовать против далекой власти (которая, скорее всего, и не знает о твоём протесте и не снизойдет до мести). Труднее идти против мнений близких людей, выступить против привычек своей компании. Кинчев, отказывающийся от алкоголя и мата, сообразующий свое творчество со своей ортодоксальной верой, оказывается пловцом против течения.

Знает ли Кинчев, что его работа вызовет критику не только со стороны либералов, но и со стороны церковных людей? — Конечно, знает: ведь он не ребенок и не неофит. Он уже 10 лет в Церкви. Он знает, как легко у нас громоздятся подозрения и осуждения и как трудно бывает их развеять. Значит, и на эту боль он согласен ради того, чтобы обратиться со словом веры к тем ребятам, которые никогда это слово не услышали бы из уст священника.

Итак, есть факт: Кинчев, приняв закваску евангельской веры, погрузился с нею в тесто рок-культуры. Как отнестись к этому?

Кто-то видит в этом профанацию, либерализм и плюрализм. Мне же кажется, что это весьма традиционный образ действия.

Так действует не либерал, не скованный никакими обязательствами и «условностями», а человек, плененный встреченной Истиной. «Правота ищет помоста: все сказать — пусть хоть с костра» (Цветаева). Костер для Кинчева разжигают демжурналисты из «гламурных журналов». Ну, а нам-то зачем подкладывать в него свои хворостинки?

— **Так может, это его крест — работа с подростками, с молодежью? Именно в такой форме.**

— Несомненно. Для тех людей, к которым обращается Кинчев, слово священника отнюдь не авторитет. И мой духовник, когда я еще решал, идти в семинарию или остаться в мире светской науки, очень правильно сказал: «Иногда бывает, что если светский человек скажет одно доброе слово о Христе, это будет больше значить для людей, чем

проповедь священника». В наше время одно доброе слово о Христе, сказанное известным актером или ученым, литератором, одна реплика, одно замечание значат больше, чем проповедь священника. Аргументы, звучащие из наших уст, порой блокируются подозрением в лицемерии: «Ты поп, тебе за это деньги платят, рассказывай свои байки, мы потерпим, мы понимаем: человек же бабки себе делает как может»... Но когда человек, от которого никто не ожидал, что он в эту сторону посмотрит добрым глазом, говорит: «Вы знаете, лично для меня невозможно жить без Христа, без Православия», — то это заставляет задуматься. И одна такая фраза в устах Кинчева стоит больше, чем сто моих лекций.

И вообще, в нынешнюю пору глобальной макдональдизации все те, кто призывают мыслить, кто прорываются сквозь кольцо штампов, в конце концов оказываются нашими союзниками. Наши союзники — это кафедры логики и математики, кафедры древнегреческого языка и старые монастырские русские кладбища.

Побывав в конце концов на концерте «Алисы» («Небо славян»), я понял, что рок — действительно мощное средство промывки мозгов, но в данном случае это промывка мозгов от ТВ и рекламы. Надо видеть, как несколько тысяч ребят шепчут (поют, скандируют) вслед за Кинчевым:

След звезды пылит по дорогам,
На душе покой и тихая грусть.
Испокон веков граничит с Богом
Моя Светлая Русь.

В общем, я так скажу: если бы коммунисты догадались в семидесятых годах поддержать рок и вместо сладеньких ВИА нашли и взрастили группу типа сегодняшней «Алисы» — мы не проиграли бы «холодную войну». Америка нас не обыграла бы.

— **А зачем Вам вообще входить в эту зону риска?**

— Начать ответ на этот вопрос придется издалека. С одного наследства, которое нам не было оставлено. Мы, православные, в некотором смысле родом из Средневековья. Да, Средневековье создало свою дивную культуру. Но в этой культуре не было места для ребенка. Ни Античность, ни Средневековье не интересовались ребенком.

Ребенок — это недоразвитый взрослый. Детство описывалось скорее через отрицательные черты (чего еще нет в ребенке), а не через то, что у ребенка есть (а у взрослого уже может быть утрачено). Античные историки вообще не считали нужным рассказывать о детских годах своих героев. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» так начинает повествование о Цезаре: «Когда Сулла захватил власть, он не смог побудить Цезаря к разводу с Корнелией». Как видим, о детстве Цезаря просто ни слова. Аналогично и Евангелия молчат о первых тридцати годах жизни Христа. В этом нет секрета (ну что таинственного в детстве Цезаря? Провел ли он детские годы в гималайском ашраме?). Просто античная литература не умеет описывать «негероическое», бессобытийное время.

Революцию произвели слова Христа: *Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*³³⁴. Впервые ребенок был представлен как идеал. Но должны были пройти века, прежде чем и эта евангельская закваска преобразит тесто человеческих инерций и традиций. Каждому православному педагогу и родителю сегодня приходится быть творцом.

И уж совсем сложной эта задача выработки православной возрастной психологии и педагогики становится, когда речь идет о воспитании мальчиков.

Тут громадный провал в нашей церковной педагогике: уж слишком женское у нее лицо. Когда я переходил на работу в Свято-Тихоновский богословский институт, то спросил тамошнего проректора:

— Большинство ваших учащихся — девушки. Как устроен семинарист, я знаю, а вот что такое девушка, изучающая богословие?

И в ответ услышал:

³³⁴ Ср.: Мф. 18, 3.— Ред.

— Видите ли, отец Андрей, лексикон Элочки-Людоедки состоял из двенадцати слов. А наши студентки обходятся четырьмя: искушение, смирение, послушание, благословение.

На этом лексиконе мужчину не воспитать.

Как воспитать в мальчике мужчину? Как не лишить его активного, творческого, агрессивного начала? Как не растворить его в бесконечных моралях и проповедях о «послушании»? В святоотеческой литературе смирение кладется в основу духовной жизни. А само смирение поясняется так: «Не сравнивать себя ни с каким другим человеком». Для взрослого человека это очень хороший совет. Но можно ли мальчика воспитывать с этим назиданием? У детей все построено на соревновании. Вы ведете двух мальчишек домой. Дорога им знакома, страха перед неизвестным нет. И что — два мальчика одного возраста просто так дошагают с вами до своей двери? Нет, конечно! Метров за 50 они сорвутся в перегонялки: «Кто первый добежит?!». И так всюду: «кто первый построит», «кто первый мороженое съест», «кто первый прочитает»... Так как же воспитать в мальчике мужчину, если ему все время твердят про послушание и смирение? Как совместить романтику конкуренции, желание первенствовать,— по-моему, естественное для мальчика,— с нашей православной проповедью смирения?

Итак, есть нечто неочевидное: многим церковным людям трудно смириться с мыслью о том, что не на все вопросы в Церкви есть готовые ответы, что в Церкви есть пространство для наших церковных поисков и недоумений.

Есть нечто вполне очевидное: есть мир подростковой и прежде всего мальчишеской культуры — мир рока.

И есть нечто неожиданное: обращение к Православию некоторых людей, создающих мир рок-культуры. Господь, без усилий наших миссионеров, Сам привел некоторых рок-динозавров в мир Церкви. И они могут на мужском языке говорить с подростками о Православии.

А теперь я напомним старый, с огромной бородой, анекдот. Горит высотный дом в Тель-Авиве. Раввин стоит на крыше и молится:

— Господи, я Тебе всю жизнь служил, помоги же мне спастись сейчас!

Подбегает пожарник, показывает, где спасительная лестница. Раввин не соглашается:

— Нет, Господь меня сейчас Сам спасет!

Огонь охватывает все стены и коридоры здания... На крышу садится вертолет, пожарники уговаривают раввина сесть к ним. Тот опять говорит:

— Нет, я молил Господа, Он спасет меня без вашей техники!

Огонь охватывает крышу. Вертолет кружит над ней, уже нет места для посадки. С вертолета бросают лестницу и снова кричат:

— Ребе, цепляйтесь!

Раввин и тут не соглашается... В итоге он сгорает, и на Божием Суде начинает пререкания:

— Господи, я же Тебе всю жизнь служил. Почему же Ты моей мольбы не исполнил и Твои Ангелы не спасли меня из среды огня?

В ответ же слышит:

— Слушай, старый дурак, Я же за тобой три раза пожарников посылал!

Нашу недоуменную ситуацию я уже описал. Господь в ответ на наши недоумения послал нам не ангелообразных старцев с книжкой «Как воспитать православного мальчика в XXI веке», а рок-музыкантов, обратившихся к нашей вере. Будем корчить брезгливую гримасу?..

Как-то в Воронеже ко мне подошел один бородач (по виду — монастырский трудник или послушник) и молвил:

— Отец Андрей, а в нашем монастыре братия не одобряет Ваши заигрывания с рокерами!

Говорю ему, что это меня не удивляет, ибо по этому вопросу естественно разномыслие среди церковных людей, и для меня оно не новость. И прошу уточнить — что же именно не нравится братии.

— Ну Вы же понимаете, рок-музыка — это же сатанизм! — с готовностью отвечает послушник.

— Хорошо, говорю, но где же сатанизм в песнях Кинчева? Вы слышали последние стихи Кинчева? У Вас есть претензии к содержанию его песен?

— Нет, стихи у него хорошие.

— Тогда что Вам не нравится в его песнях?

— Но музыка-то все равно тяжелая, сатанинская.

— А что именно сатанинского в этой музыке?

— Ну, она такая агрессивная, в ней много ударных, барабаны...

— А Вы считаете, что жесткие ритмы и барабаны несовместимы с Православием в принципе?

— Да.

— Но тогда скажите, под какую музыку шли в бой полки Суворова? Неужели под распев «Во поле березонька стояла»?

Кинчев со своими жесткими ритмами делает то, перед чем пасуют в растерянности наши приходские школы и монастыри со своими знаменными распевками — он воспитывает воинов для Святой Руси. Военская же музыка всегда была заводящей, агрессивной, жестко-ритмичной.

Вопрос в том, во имя чего «весь мир идет на меня войной», а я — готов противостоять брошенному мне вызову.

Ответ Кинчева ясен и громок:

Что собирали отцы,
Нас научили беречь —
Вера родной стороны,
Песня, молитва да меч.
Так повелось от корней:
Ратную службу несут,
Всяк на своем рубеже,
Инок, воин и шут.

Кинчев на сцене — шут. Но стоит-то он на том же рубеже, что и воины и иноки Руси. Он тоже защищает Русское Православие, Светлую Русь. И при слове «инок» он кланяется, выказывая тем свое почтение к монахам — в том числе и к тем, которые его клеймят «сатанинским отродьем».

— **А за первые Ваши опыты совмещения рок-концерта и проповеди Вам уже досталось от публицистов?**

— От светских — да, от церковных — нет. Меня в равной степени удивило и первое, и второе. Впрочем, наша либеральная светская пресса более предсказуема. Уже не первое столетие она упрекает нас за то, что мы недостаточно современны. Но стоит нам сделать шаг к современности — нас тут же упрекают именно в этом: «Да как вы посмели?».

— **А как в церковном мире относятся к этой Вашей акции?**

— Реакция была неожиданно хорошая. Большинство знакомых мне епископов и священников отнеслись с одобрением или хотя бы с интересом. В Интернете некоторые «активные миряне», конечно, немного поворчали, но в официальной церковной прессе — только позитивные отклики.

У меня даже возникло опасение, что грядет «атака клонов», что по епархиям начнут «клонировать» такие мероприятия (что уже и произошло в Запорожье и Ярославле). Перец все-таки должен оставаться перцем, а не становиться основным блюдом. А рок-концерт был, конечно, этакой перчинкой в нашей церковной жизни^{LXVI}.

Но нельзя «эксплуатировать» эти связи. Ведь есть и обратная сторона медали: людей можно отпугнуть от Церкви. Слушатели того же Шевчука — люди думающие, любящие свою самостоятельность, самостоятельность своей мысли. И вдруг они увидят, что пришел какой-то поп и начал эксплуатировать их любовь на свою пользу. Может возникнуть ощущение, мол, «попы вконец охамели, нагло ко всему примазываются». Такая реакция более чем возможна, поэтому я хочу присмотреться сначала. И по первым опытам решить, чего здесь будет больше — пользы или искушений.

И все же мнения Патриарха мы долго не знали.

Тот концерт в Петербурге был несомненным юродством (то есть нарушением устоявшихся правил благочиния). Но юродство бывает «Христа ради», а бывает «себя ради». Почти год мы ждали ответа на этот вопрос: что же мы такое сотворили на святках — схулиганили или все же сотворили церковное дело? Лишь речь Патриарха в день Москвы 7 сентября расставила все нужные точки над всеми необходимыми «i».

Во-первых, Патриарх сказал, что церковная проповедь может и должна звучать и в концертных залах, и на спортивных площадках. Во-вторых, вручил премию Петербургской епархии, которая была презентована ей именно как организатору рок-концерта (во всяком случае, более никаких других дел этой епархии при награждении не упоминалось). Ну, а поскольку на том рок-концерте проповедь произносил именно я, то и мое награждение в тот же день тоже оказывается знаком, помогающим понять отношение первоиерарха к этой нашей необычной акции.

— **Простите, а о какой награде идет речь?**

— Это премия «Обретенное поколение». Она была учреждена отделом по делам молодежи Русской Православной Церкви и правительством Москвы «за труды по духовно-нравственному воспитанию и просвещению молодежи». Знак премии (у которой, к моему сожалению^{LXVII}, нет денежной составляющей) — статуэтка «Доброго пастыря». Пастырь на своих плечах несет ягненка. Это древний образ христианского пастырства, не нуждающийся в особом толковании. Стоит только заметить, что так выносят ягнят, или раненых, или заболевших, или оказавшихся в опасности. Значит, и сам пастырь для спасения потерянной овцы вошел в «зону риска». Вот это и придает особый интерес молодежным и миссионерским общецерковным съездам: на них миссионеры предлагают на суд церковной соборности и церковной иерархии свои опыты проповеди в «зоне риска», вдали от храмов, и ждут — какова же будет реакция.

Кстати, голоса рок-музыкантов зазвучали уже через несколько минут после речи Патриарха. В конце церемонии в акустическом варианте выступили рок-группа «Гроссмейстер» и Вячеслав Бутусов (лидер бывшей рок-группы «Наутилус Помпилиус»). Как сказано в «Церковном вестнике», «впервые в прихрамовом помещении и в присутствии десятка архиереев звучали песни рок-музыкантов»³³⁵.

А через две недели в другой церковной газете — в сыктывкарских «Епархиальных ведомостях» — была статья в защиту преподавания в школе «Основ православной культуры». И там был такой аргумент: «Кто не понимает языка Православия, не поймет очень многое о русской культуре. Нам будут не до конца понятны миры Достоевского и Шмелева, мы не проникнемся по-настоящему текстами Гребенщикова, Шевчука, Цоя и Кинчева». Вот так: не будете знать катехизис — вам не понять творчества Кинчева!

— **Но не может же быть, чтобы вообще из среды духовенства не раздались критические голоса по поводу столь неслыханной новизны, как православный рок-концерт!**

— Только от одного священника я слышал отрицательный отзыв. Правда, это батюшка весьма достойный и терпимый. Именно в его храм и ходят ребята из «Гроссмейстера». И он сказал: «Я не впадаю в пафос критицизма с осуждением рок-музыки как таковой и не утверждаю вслед за Режимбалем, что вся рок-музыка — это африканский языческий сатанизм и тому подобное. В этом смысле многие феномены

³³⁵ *Погосов А.* Проповедь в «зоне риска» // Церковный вестник. 2003, № 17.

культуры восходят к тем или иным языческим корням (современная медицина восходит к Гиппократу, а спорт — к Олимпийским играм, которые были посвящены Зевсу). Но одно дело — историческая или религиозная основа, а другое дело — реальность».

Все же этот священник видит ряд препятствий для православной проповеди на рок-концерте.

Первое из них — «сама по себе ситуация массового, стадного скопления людей, способных впасть в любую агрессию, опасна и греховна. Не возникнет ли тогда для человека соблазн подумать: “Вот и хорошо, вот оно, христианство. Как славно: можно прийти на концерт, послушать пятиминутную проповедь диакона или архимандрита, потом оторваться по полной программе — и считать себя нравственно благополучным православным человеком”».

Второе препятствие — «такие мероприятия опасны и для тех, ради кого они проводятся. У слушателей формируется сознание того, что, пребывая на рок-концерте, они при этом оказываются вполне благополучными православными христианами. Кому-то надо идти на всенощную, а нам — на концерт, но то и другое неплохо».

Третий аргумент звучит так: «Будем иметь в виду и то, что любое массовое молодежное собрание предполагает подпитывание себя помимо музыкальных ритмов (для значительной части аудитории) легкими или не слишком легкими алкогольными напитками. Курение — фон, постоянно сопровождающий подобные мероприятия, притом табакокурение — самое невинное из всего того, что люди там курят».

Кроме того, этот критик сказал, что не может себе представить, чтобы в Византии православный проповедник пошел с проповедью в театр, что никогда доселе Церковь не использовала светские соборы для своей проповеди. Более того, он полагает, что вообще в церковной истории никогда не было специальной молодежной политики, подстраивания под вкусы молодежи. И наконец, он полагает, что молодого священника проповедь на рок-концерте может увлечь, и он станет ходить по рок-тусовкам вместо служения литургии.

По первому вопросу я могу заметить, что подобный риск есть в любой проповеди и в любом церковном действии, обращенном к малоцерковным и нецерковным людям. Разве не та же опасность подстерегает тех, кто крестит людей без предварительного многомесячного оглашения? Разве не точно так рискует священник, венчающий или отпевающий незнакомых ему людей? А священник, пришедший на «презентацию» очередной фирмы или банка, разве не способен породить у своих слушателей, сотрапезников и «спонсоров» ту же самую иллюзию их духовного благополучия? Всегда есть опасность, что человек сочтет первую же свою встречу с Церковью исполнением всей «необходимой программы». Но это означает только одно: при каждой такой встрече церковный человек должен объяснять новичку, что мир Церкви сложнее и богаче и что первый лучик есть лишь залог светового потока, который мог бы не просто коснуться, а преобразить всю твою жизнь.

Но вот как раз на том рок-концерте такой риск был минимален. По той простой причине, что песни Шевчука — это и в самом деле болевые уколы в совесть. Они как раз своей обнаженной болью и срывают маску благополучия и комфорта, понуждают душу к мысли и покаянному раздумью, а последнее — при определенной подсказке — легко может перерасти в покаянную молитву.

То же самое касается и гипотетического риска для священника. Мне, по правде сказать, неизвестны священники, которые ходили бы на рок-концерты вместо литургии. А вот число священников, забросивших служение ради бизнеса, исчисляется десятками. И логика зачастую была очень простая. Батюшка начинал восстанавливать храм. Нужны деньги. У прихожанок их нет. Начинает ходить по спонсорам. А у нас почти невозможно со спонсорами общаться, если не переходишь с ними на «ты», если не входишь в очень тесный режим общения, то есть вместе в баню, вместе на пиво, а уж там начинается разговор по душам. Среди прочего эти спонсоры рассказывают батюшке, как и на чем они

делают деньги, как уходят от налогов. Затем эти «духовные чада» предлагают через храм провести какую-нибудь покупку, пользуясь налоговыми льготами. Дальше — больше: батюшка сам осваивает технику «купи-продай» и начинает думать: «А зачем мне эти коммерсанты, я уже сам знаю, где что покупается, продается». Конечно, всё ради храма! Следующий шаг: «В конце концов, я тоже часть церковной жизни, и мне тоже нужны условия для работы, для жизни, потому что здоровье священника — это богатство прихожан. И потому часть полученных денег можно пустить на себя». Наконец последний шаг: человек начинает заниматься только бизнесом и уже ощущает неудобство из-за того, что надо тратить время на службу. И уходит.

Я помню, в одном белорусском городе по дороге на лекцию мы беседовали на эту тему с секретарем епархии, и он тут же показывает в окно везущей нас машины: «Да-да, вот в этом обменнике наш бывший иеродиакон работает, а в этом месте наш бывший иеромонах купил себе квартиру, с женой живет, сан с себя снял...».

Так что обмирщиться и заразиться можно где угодно. Это зависит не от меры мерзости внецерковной среды, а от нашей собственной теплохладности. Можно собою согреть рок-концерт, а можно и в алтаре «простыть».

И знакомство с бизнесменами по меньшей мере не менее опасно, нежели знакомство с рокерами. Но что-то не слышно предостережений: «Братья священники, остерегитесь общаться с предпринимателями, иначе вам станет неинтересно служить литургию!».

Впрочем, я лично знаю с десятков священников, которые до своего обращения в Церковь были рок-музыкантами. И это хорошие батюшки.

Была ли в истории Церкви проповедь в местах «развлекательных»? — Апостол Павел проповедовал в афинском Ареопаге на собрании языческих философов, а отнюдь не церковных старост. А в Византии театром называлось место дискуссий интеллектуалов. Спектакли, представляемые в таком театре, — это были заранее подготовленные высокориторические речи или диспуты³³⁶. И эти речи касались и богословских тем.

А что в истории Церкви не было особой молодежной политики — так, может, об этом плакать надо, а не гордиться?

Что касается «привыкания к рок-музыке» и хождения на концерты вместо всенощной — это довольно гипотетическая ситуация. Для большинства посетителей рок-концертов «всенощное бдение» — это вообще совершенно неизвестная им реальность.

Конечно, если семинарист вместо службы пойдет на рок-концерт — это плохо. Но если студент пошел на рок-концерт вместо дискотеки — то, пожалуй, он избрал лучшее. Прикосновение к одной и той же ступеньке для одного человека будет нисхождением, а для другого — подъемом. Увы, в современной церковной педагогике отчего-то считается, что все мы уже в идеальном состоянии, и потому все меряется отстоянием от исихастского идеала (а потому и осуждается).

В общем — классическая полемика оптимиста и пессимиста насчет наполнения ведра. Для пессимиста оно полупустое. Для оптимиста оно же наполовину полное. Дорогу между храмом и свинарником можно измерять расстоянием от храма (и тогда это будет повод к постоянным досадам и сожалениям). А можно измерять его отстоянием от свинарника (и тогда каждый шаг будет поводом к радости). Важно заметить вектор движения, и тогда уже поддерживать одно и препятствовать другому. Я был рад увидеть на концерте ДДТ своих студентов из МГУ, но испытал более сложное чувство, увидев там же моих молодых прихожан, и был бы однозначно огорчен, если бы увидел там семинаристов.

Дискуссии о соотношении внешних приобретений с внутренними потерями, искушениями и угрозами всегда сопровождали любой миссионерский проект. Эта дискуссия развернулась, например, на Втором Всезарубежном соборе Русской Православной Церкви Заграницей в 1938 году в связи с вопросом об участии в

³³⁶ См.: Куц Т. В. Византийский театрон конца XIV–XV вв. Некоторые наблюдения // Античность и Средние века. Екатеринбург, 2000.

экуменических конференциях. В ходе этой дискуссии протоиерей С. Орлов «передает содержание своих бесед с четырьмя англичанками, на которых служба православная во время экуменической конференции произвела огромное впечатление. Две из них присоединились к Православию. Под тем же впечатлением пастор Туфт, голландец, написал прекрасную книгу о Православии. Он (Орлов) не боится выступлений в нечестивых местах. Проповедовать истину Православия можно всюду... Митрополит Анастасий — понимает, что приходится колебаться между двумя опасностями: соблазном и отказом от миссионерской работы исповедания Православия. Какое опасение возобладает? Будем исходить из положительных предположений. Облагодатствованная Церковь должна вести миссионерскую работу, ибо так можно спасти некоторых колеблющихся. Наряду с вождями, желающими обезличить Православие, другие, например молодежь, приходят на конференции с искренним исканием. Иначе они останутся одиночками. Слышны положительные отзывы о выступлениях епископа Серафима на конференциях, исходящие от инославных. У нас к тому же имеется традиция участия в таких конференциях, установленная покойным митрополитом Антонием»³³⁷. В итоге было принято решение: участвовать, выступать, но не голосовать и не молиться.

Вот так и я полагаю уместным присутствие православного проповедника на рок-концерте: участвовать, выступать (проповедовать), но не петь и не танцевать.

Кроме того, аргумент «концерт опасен тем, что на него могут пойти вместо всенощной» слишком силён. Им можно убить любое церковное дело. Ведь априори ясно, что для православного человека важнее всего молитва. И тогда можно сказать: «Не смей читать богословские книги, потому что ты можешь их читать вместо всенощного бдения», «Не смей помогать в реставрации храма, потому что в это время ты мог бы в уединении читать Псалтирь!», «Не смей...». Ну, в общем — ничего не смей, потому что любое дело отвлекает от молитвы. Если бы **православный** человек **вместо** всенощной пошел на такой концерт, для него это был бы шаг в минус. Но есть огромное количество людей, которые в ближайшее десятилетие не смогут молиться вместе с нами, пережить то, что мы переживаем на православном богослужении. А так — хотя бы в этой доступной для них форме хоть какое-то зернышко в них упадет...

Я думаю, здесь все дело в том, как устроен наш глаз. Дадим ли мы себе установку на то, чтобы отмечать минусы и недостатки, или все же будем бережно коллекционировать те плюсы, которые в них проявляются. Я знаю, разумом знаю, что в такой работе есть огромные плюсы, что это многим людям помогает впервые всерьез задуматься о Православии, о Церкви. Хотя у меня тут возникает некий конфликт между моим эстетическим чувством и рассудком миссионера.

Вообще же, все услышанные мною контр-доводы мне показались мелкими. По сравнению с тем, чему я был свидетелем. А я видел, как менялись души ребят, их жизни.

В Челябинске 18-летний рокер после призыва Кинчева прийти на мою лекцию весь день ходил за мной как приклеенный. При расставании он сказал: «За этот день Вы перевернули все мое сознание!.. Это самый счастливый день моей жизни». Он действительно выглядел счастливо-ошарашенным. Даже ради одного такого мальчишки можно пожертвовать толикой внутрицерковных «неприятностей» и сплетен.

Как тут не вспомнить слово честертоновского отца Брауна: «Если вы не понимаете, что я готов сровнять с землей все готические своды в мире, чтобы сохранить покой даже одной человеческой душе, то вы знаете о моей религии еще меньше, чем вам кажется»³³⁸. А здесь и разрушать-то, и менять ничего не надо — надо просто незло посмотреть на наших детей и их увлечения.

А ведь такой мальчишка не один. «После концерта нас нашли несколько молодых людей, креститься хотят. Пришлось открывать для них катехизаторские курсы: очень

³³⁷ Деяния Второго Всезарубежного собора Русской Православной Церкви Заграницей. Белград, 1939. С. 372–373.

³³⁸ Честертон Г. К. Злой рок семьи Дарнуэй // Избранные произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1994. С. 150.

грамотные ребята оказались. Сейчас готовим их к Крещению», — рассказывает отец Артемий Скрипкин, организатор концерта «Рок к Небу»³³⁹.

Вот набрал я тут всяких аргументов для защиты проповеди Православия на языке молодежной культуры. А в Крещенский сочельник 2004 года в программе «Русский взгляд» рассказали о подобной дискуссии в Греции. Там монастырь преподобного Серафима Саровского активно работает с молодежью. Монахи даже выпустили диск, в котором под рок-мелодии пели антиглобалистские песни. Диск побил в Греции все рекорды раскупаемости, стал «платиновым». В 2000 году Синод Элладской Церкви все же высказал этому монастырю порицание за слишком светский характер их миссионерской деятельности. Монахи не стали защищаться и открывать публичную дискуссию. Их ответная телеграмма в Афины была предельно краткой: «Христос воскрес, радость моя!».

— **То есть Вы вообще не видите рационального зерна в критике «православного рока»?**

— Я готов придать этой критике значение только в одном случае — если тот церковный проповедник, что обратил острие своей нелицеприятной и принципиальной речи против компромиссов с миром современной светской культуры, столь же открыто, гласно и постоянно борется с мусором, который заносится в Церковь через другую дверь — через брешь народного магизма.

Если человек обличает одни ереси и не замечает другие, то возникает вопрос о том, можно ли доверять его духовной чувствительности или честности.

Ну-ка, борцы с «православным роком», молвите словечко о «православных короедах»! Считаете ли вы нормальным, что наши прихожанки в буквальном смысле съедают елочки, которые стояли в храмах на святках, и березки, что украшали церкви на Троицу? Не коробит ли вас, когда в церковных лавках вы видите «наборы паломника», состоящие из флакончика с «землей с могилы преподобного...» и флакончика с «водой из могилы преподобного...»? Эти гробокопательские субстанции творцы «паломнического бизнеса» рекомендуют не просто принести домой, а съесть и выпить, добавляя потихоньку в домашний суп.

Что-то я не могу вспомнить ни одной публикации, в которой ревнители чистоты нашей веры обличали бы эти пристрастия, культивируемые сегодня некоторыми монастырями. Люди едут в такие монастыри уже не за Причастием, а за «песочком с могилки». Миллионы людей индустрия паломнического бизнеса пробует затормозить на «оральной стадии развития», уча все тащить в рот. И где же голос церковного учительства, обличающий эту модернистскую и компрометирующую Церковь некрофилию?^{LXVIII}

Похоже, что это реальное, бытовое язычество и магизм уже столь глубоко укоренились в нашей церковной жизни, что пастыри просто отчаялись что-то изменить и, «дабы не смущать немощных в вере», молчат и терпят это убожество, чтобы не вызвать «народного бунта».

Вообще же, самый верный путь закрыть дискуссию о допустимости проповеди в мире рока — это сделать ее просто ненужной. Зачем священнику идти на рок-концерт? — Чтобы встретиться там с теми молодыми людьми, с которыми он не может встретиться у себя в храме. Но ведь рок-концерт не единственное место обитания молодых. Когда мы идем в тюрьму или на рок-концерт — мы занимаемся «работой над ошибками». Над своими ошибками. Если бы люди Церкви чаще входили в школы и университеты и лучше бы готовились к таким встречам, то не нужно было бы «догонять» ребят на рок-концертах. В общем, если бы полузащита играла лучше — у вратаря не было бы работы.

— **Выходит, Православие берет «положительный опыт» привлечения молодежи у других?**

³³⁹ Концерт в Санкт-Петербурге «Рок к Небу» // Как говорить о вере? По материалам студенческого миссионерского альманаха «Призвание». СПб., 2003. С. 73.

— Зачем брать у чужих, если Господь нам дает своих рокеров и своих проповедников!

— **И все же не слишком ли неразборчиво подобное союзничество? Не отказывается ли таким образом Церковь от большего, нежели приобретает? Наконец, не конформизм ли это со стороны РПЦ?**

— Вы знаете, если это конформизм, то освященный двухтысячелетней традицией нашей Церкви. А вы поставьте этот вопрос иначе. Замените слово «рок» на слово «власть». Мы впервые живем в эпоху, когда власть неформализованна, дисперсна. Сегодня властью над умами людей обладает не только государство, но и отдельные люди, «кумиры». Церковь же всегда сотрудничала с властью — ради людей, этой власти подвластных.

И если Вы мне приведете пример хотя бы одного, самого мерзкого государственного режима, с которым Церковь отказалась бы сотрудничать, тогда и я, пожалуй, признаю свою позицию «модернистски-конформистской».

— **Патриарх Тихон, анафематствовавший большевиков...**

— Потом соловецкие узники (епископы, сидевшие в Соловецком концлагере) поясняли это так, что знаменитая анафема не касалась советской власти, потому что когда она была оглашена в 1918 году, никакой власти попросту не было. Но как только святителю Тихону стало понятно, что советская власть — это всерьез и надолго, то его позиция сразу стала лояльной^{LXIX}.

— **Итак, сегодня мы прославляем новомучеников Российских, погибших при безбожном режиме, при режиме, который одобряли высшие церковные иерархи?**

— Все новомученики были лояльны к советской власти, что они многократно подчеркивали во время своих допросов. Это советская пропаганда видела в полах политических врагов режима. На самом же деле духовенство было идейным, а не политическим оппонентом соввласти.

И в древней истории тоже немало примеров более чем терпимого отношения Церкви к власти. Какие только правители не оказывались на троне, скажем, Византийской империи! Достаточно вспомнить императора Василия Македонянина, бывшего конюха. Он регулярно спаивал императора Михаила III, вошедшего в историю под прозвищем Михаил-пьяница, а затем (в 856 году) наслал на него убийц. Но византийские патриархи (святитель Фотий и святитель Игнатий) преподавали ему свои благословения.

Поэтому я и говорю, что помимо каких бы то ни было личных вкусов, симпатий и антипатий, сотрудничество Церкви с «властителями дум», даже если среди таковых оказываются спортсмены, артисты или рок-певцы, не станет чем-то небывало-модернистским. Различие лишь в том, что император, как правило, был лишь один, и тут не приходилось выбирать — признавать его власть или нет. А мир современных «властителей» достаточно разнообразен, и поэтому можно выбрать: кому подать руку, а мимо кого — пройти.

Моя позиция достаточно избирательна. Я отнюдь не со всеми стараюсь познакомиться и сотрудничать, скажем, из мира политики. Когда мне предлагает сотрудничать Сергей Глазьев, я готов идти на это. Если бы мне предложил сотрудничество господин Чубайс, я бы, наверное, отказался. Точно так же — с Филиппом Киркоровым или Борей Моисеевым я выступать не буду. А с Шевчуком — почти за честь.

— **Но не утратят ли люди ощущение неотмирности Церкви, побывав на «православных рок-концертах»?**

— Утратить можно только то, что уже есть. Неужели вы думаете, что у современной молодежи есть ощущение «неотмирности Церкви», ощущение ее инакоприродности миру? Они видят в Церкви часть мира. Для них Церковь — синоним не вечного, а прошлого. У большинства из них с церковным миром взаимная аллергия. На большинство из них вполне по-мирскому уже наорали в храме. Конечно, если у этого молодого человека со словом «Церковь» связывалось представление о монахе, который в своем

уединении с умилением молится за весь мир, то в таком случае появление священника на рок-концерте будет заземлять его «трансцендентальное» представление о Церкви. Но боюсь, что у большинства современной молодежи со словом «Церковь» совсем иная ассоциативная связь. Для них это в лучшем случае музей или дом престарелых. В худшем — мир агрессивной скуки.

А эти стереотипы разбивать должно. Эти стереотипы разбивать можно — в том числе и с помощью «православного рока». «Месидж», который посылает сам факт соединенности рок-концерта с православным священником, вполне ясен: «Православие — оно и для тебя, для твоего поколения».

И еще этот факт означает, что ты интересен Церкви. Заинтересованность судьбой другого человека есть первое проявление любящего отношения. Для молодого человека это один из главных вопросов: нужен ли он кому-то, любим ли он. Причем он ясно различает «любить» и «использовать». Если Церковь вышла за свои привычные границы, пришла в его мир не с тем, чтобы этот мир разрушить, а с тем, чтобы поговорить, подумать,— значит, в Церкви есть любовь не только к своим преданиям, но и к живым людям.

Именно обратное означало бы, что Церковь обмирщилась. Церковь, с миссионерским равнодушием и с презрением вззирающая на мир детей и молодежи, была бы Церковью, забывшей о Боге, Который дал ей миссионерское **поручение**. Именно вертикаль, связь с над-временным Богом дает Церкви свободу от простого копирования прошлых решений. Если однажды Церковь потеряет эту свою свободу, именно это и будет признаком утраты «неотмирности». Такая Церковь стала бы институтом, всецело слившимся со своей историей.

Ведь миссия — это несение новизны другим. Возвещаемое им Евангелие будет новым для неопитов. Но и для самой Церкви опыт проповеди за ее пределами тоже есть нечто всегда новое. Миссия — это проповедь за пределами того языка, на котором церковные люди учат своих родных детей и на котором они, быть может, были научены сами. Быть в церковной традиции — значит понимать смысл ее форм. А понимать смысл — значит быть способным к переводу на другой язык. Отказ от перевода, осуждение самой его возможности есть тоже форма обмирщения Церкви, уравнивания ее с миром прошлого.

Но если Церковь, не меняя своей веры, своей молитвы, не утрачивая уже найденных и освященных ею языков благовестия, сможет освоить еще один язык — язык современной культуры,— это будет еще одним признаком ее жизни, а значит, неиссякнувшей связи с Небесным ее Источником.

Да и вообще — боязнь «обмирщенности» несколько странна для людей, почитающих Бога, Родившегося на скотном дворе... Ты, главное, помни, зачем ты пришел в мирское собрание. Если батюшка придет на рок-концерт, чтобы там подпевать, это, действительно, станет обмирщением, а если проповедовать — то это будет нормальной пастырской работой.

— **Во многих храмах продаются брошюры типа «Рок-музыка на службе у сатаны». В них говорится, что рок-музыка предана Церковью анафеме и что это «оружие дьявола в борьбе за сердца людские». Вы тоже так считаете?**

— Сегодня у нас очень размытые критерии церковного сознания: слишком многие люди дерзают от имени Церкви высказывать то, что сама Церковь на самом деле не определяла. Поэтому я употребляю такой термин, как «из-церковная критика». Это когда та или иная критика каких-то нецерковных событий исходит из уст церковного человека, но при этом было бы поспешным отождествить мнение этого проповедника или публициста с мнением всей Церкви.

Вот, скажем, грузинский архимандрит Лазарь (Абашидзе) утверждает, будто «с целью развратить окончательно сознание молодежи и распространить демоническое влияние во многие записи вложены так называемые “подсознательные сообщения”, то

есть страшные слова, призывы, заклинания, которые можно обнаружить при прослушивании записи в обратном порядке. Исследования показали, что подсознание улавливает такую фразу, услышанную наоборот, и может расшифровать ее, даже если она сообщена на языке, неизвестном слушающему»³⁴⁰.

Ну кто и когда слушал эти записи «в обратном порядке»? Что за новость, что человек может понимать тексты на неизвестных ему языках? Зачем вообще брать в руки эту модную погрешку фрейдизма («подсознание») и использовать ее в качестве магического средства, позволяющего научнообразно «объяснить» все что угодно? Если ты ориентируешься в дебрях подсознания и можешь аргументированно показать, какая именно из подсознательных структур и как проявляет себя в этом конкретном случае,— пожалуйста, делай это. Но нельзя использовать апелляцию к этому слову в качестве универсальной отмычки.

Стыдно читать тексты в таком стиле: «В песне группы “Битлз” под названием “Революция номер девять” на пластинке слышится запись слов “номер девять”, повторяемая двенадцать раз. Прослушивание этого места в обратном направлении дает фразу: “Доставь мне сексуальное наслаждение, мертвый человек”»³⁴¹.

Это утверждение легко проверяется без всякой спецтехники и даже без экскурсий в «подсознание». «Номер девять» по-английски — number nine («намба найн»). В обратном прослушивании это дало бы «ньянабман». Последние три звука похожи на английское слово man — но именно отдаленно похожи. Ибо «человек» по-английски звучит (а речь идет именно о прослушивании) как мэн, а не ман. По-английски слово «секс» звучит так же, как и по-русски. И как же из тех фонем, из которых состоит **намба найн**, составить это слово? Как хочешь меняй эти звуки местами, слушай их хоть 12, хоть 112 раз подряд,— но ни к, ни с в итоге не получишь. А без этих звуков нет и «секса».

Архимандрит Лазарь уверяет, будто «все (!) производители рок-н-ролла являются членами сатанинской церкви, а большинство рок-групп приписаны как члены той или иной люциферовой религии. Когда они выпускают пластинку или когда им предстоит спеть новую песню, они просят первожрецов или первожриц их храма околдовать эти произведения, чтобы те обрели успех. По окончании ритуалов посвящения, когда на пластинку наклеено по огромному количеству демонов, им вменяется в обязанность производить определенное воздействие на тех, кто будет слушать ее»³⁴². И это — безо всяких уточнений, исключений и конкретики: «все». Так и представляешь себе Игоря Талькова, созывающего демонов на свой диск с песней «Россия»...

Зачем в нарушение законов логики из частного случая выводить общую характеристику? А именно так действует архимандрит Лазарь. Приведя действительно сатанинский (если верен перевод) текст песни «Адские колокола», он тут же пишет: «Не назвать ли весь этот рок-поп-бит-хард-панк-кошмар “адским колоколом”, который судорожно зазывает со всех концов земли своих поклонников на этот черный шабаш?»³⁴³. Вот уже и поп-музыке досталось. Да неужто бабушка российской попсы Алла Борисовна Пугачева «судорожно зазывает на черный шабаш»? Неужто София Ротару или Эдита Пьеха бьют в «адские колокола»? Вот каждый раз, когда пробуешь расшифровать эти навязчивые «все» из книжки отца Лазаря, возникает чувство недоумения...

Если эту фантазму прочитает бабушка — это еще терпимо. Но если она попадетя в руки человеку, который более информирован о мире рок-культуры (кстати, не обязательно молодому человеку: первые поколения любителей рока уже в предпенсионном возрасте)?³⁴⁴

³⁴⁰ *Архим. Лазарь (Абашидзе)*. Грех и покаяние последних времен. О тайных недугах души. М., 2001. С. 68–69.

³⁴¹ Там же. С. 72.

³⁴² *Архим. Лазарь (Абашидзе)*. Грех и покаяние последних времен. С. 71.

³⁴³ Там же. С. 74–75.

³⁴⁴ А ведь попадается! В Интернете есть несколько возмущенных разборов печальной вылазки архимандрита Лазаря в мир современной музыки. Например, пассаж отца Лазаря о сатанинских инициациях

Это же сколько нужно будет иметь трезвости, терпимости и духовной жажды такому человеку, чтобы не отождествить этот «из-церковный» голос с голосом Церкви и свое законное возмущение не перенести на всю Церковь!

Все статьи и брошюры с руганью в адрес рока построены на пересказе статьи одного канадского католического священника, Жан-Поля Режимбаля. И речь в ней шла о западном роке. Очень странно, что русские критики рока не подвергают анализу именно русский рок, который все-таки немного другой.

Рок — это культура протеста и гнева^{LXX}. На Западе этот протест обретал и антихристианские формы, потому что общество там формально христианское.

Советское же общество само было антихристианским, и поэтому русский рок, встав на путь протеста, вышел на поиски души и Смысла. Его протест был бунтом против серости атеизма и бездушия³⁴⁵, а потому оказался способен к обретению веры. Официальная эстрада в советские времена запрещала человеку говорить о своей боли, об одиночестве. Там все время надо было быть таким официально-оптимистичным, «всегда готовым». И только рок-музыканты да барды говорили о том, что человеку бывает больно и невыносимо идти в строю, шагать в ногу. И вот этот опыт «выпадения из гнезда» был очень созвучен и тем людям, которые тогда ломали свои судьбы ради того, чтобы пробиться в Церковь.

Я плохо представляю себе западный рок, я не знаю, есть ли там люди типа Юрия Шевчука, но после знакомства с его песнями и с ним самим я затрудняюсь говорить размашисто о роке как таковом. Вот, между прочим, русский рок-протест: в 2002 году группы «Горба-на-Круче» и «Текиладжаззз» записали песню «Номера»:

Рано нам покинуть дом
Раны на телах огнем
Горят горят горят горят горят
Во всех отсеках
Во всех отсеках говорят
Абоненты операторы
Резиденты провокаторы
Звонят звонят звонят
И микрочипы
Расскажут где мы
Чьи мы
Рано не рано
Нам дают номера
Нас ведут в номера
В нас введут номера
Рады не рады
Мы гады не гады
Но мы номера номера
Номера
Каждый шаг сечет радар

«производителей рока» вызвал такую реакцию: «Этот абзац мне понравился больше всего. Заметьте, не некоторые, а **все** производители. Сатанинская церковь, видно, очень посещаемое место. И там постоянно дежурит представитель христианской церкви с блокнотом, занося в него имена певцов и названия песен, которые приносят туда на освящение. А потом церковники сверяют его записи с каталогами, дабы убедиться, что никто из рокеров этого торжественного момента не пропустил. Небезынтересно, что демоны накликаются на конкретную пластинку (так как все пластинки с одинаковыми записями в целом носят название “альбом”), а в дальнейшем их, наверное, тиражируют на фабрике, вместе с копиями этой пластинки. До чего техника дошла!» (комментарий Алексея Кравецкого [<http://r-island.chat.ru/Articles/ArchimandriteLazar.html>]).

³⁴⁵ Для примера — строчка из Кинчева образца 80-х: «Товарищи в кабинетах заливают щеками стол, им опять за обедом стал костью в горле очередной рок-н-ролл».

В недрах шахт
И там где вода
Смоет поцелуи
С наших раскаленных тел
Смоет с наших душ
Мел
Рано не рано
Нам дают номера
Нас ведут в номера
В нас введут номера
Рады не рады
Мы гады не гады
Но мы номера номера
Номера
Рано нам покинуть дом
Раны на телах огнем
Горят горят горят горят горят
Пущенные по миру номера без номера
Номера

На языке, которым они владеют, ребята попробовали выразить ту же боль, что уже несколько лет как поселилась в церковной среде: принудительное помечивание людей номерами — ИНН...

— **Прочитую Вашу же статью: «Надо встать на защиту культуры, над ней издеваются “новаторы”...». Рокеры — не «новаторы»?**

— Люди типа Шевчука — это, скорее, постмодернисты. Это бунт против бунта. А «минус» на «минус» дает «плюс». Рок — это культура протеста, и вопрос в том, против чего этот протест. Вновь скажу: на Западе рок-музыка была направлена против идеологии отцов — может быть, лицемерного, но все же христианского уклада жизни.

— **Откуда уверенность, что против христианской стороны этого уклада, а не еретической? Ведь молодежь особенно остро чувствует лицемерие.**

— Не думаю, что они различали такие вещи.

— **Может, на подсознательном уровне?**

— Туда я не лазил, не знаю. В России рок тоже рождался как альтернатива господствовавшей идеологии, образу жизни, но эти идеология и образ жизни были атеистическими. А теперь — стали вопиюще потребительскими. Даже когда рок-музыкант не о Христе поет, а про сегодняшнюю Россию, про бессмысленность жизни в современном обществе — это лучше, чем считать: «Жить, товарищи, становится лучше, веселей» — и составлять график роста благосостояния своей семьи от полугодия к полугодию, как учила реклама «МММ».

— **Вы однажды сказали, что есть Православие, а есть мифы о Православии. И что Ваша задача — такие мифы разрушать. Это относится к тезису «рок — сатанизм и язычество»?**

— Не могу сказать, что ставлю перед собой задачу борьбы с этим мифом. Я не собираюсь навязывать Церкви дискуссию по данному вопросу. Но давайте представим ситуацию. Человек частичкой души желает прийти в Церковь, а частичкой той же самой своей души любит русский интеллектуальный рок. А ему говорят: «Или — или. Твоя молитва и твое Причастие вместе с нами — но тогда выброси все диски, которые у тебя есть, и пусть рок-музыка никогда не касается твоих ушей»^{LXXI}. Мне кажется, те, кто ставит парнишку перед таким тяжелым выбором, не правы. Уместнее было бы сказать: «Пойдем с нами. А там ты сам увидишь, что подкрепляет тебя в пути, а что тормозит».

— **Это понятно. Вы давно славитесь убеждением, что в общении пастырей с молодежью вторичными должны быть запреты. Но тем не менее. Вот Вы пишете:**

«Мы живем в языческой стране, и правила жизни Церкви в ней отличаются от правил в стране христианской». Ну а в христианской-то стране Вы призывали бы не слушать рок?

— А какой была бы рок-музыка в христианской стране? Говорю же, рок — это протест. И в православном обществе рок-протест будет направлен против Православия.

— **Значит, песни Шевчука и Кинчева — это протест против язычества?**

— Потребительства. Материализма. Банального примитивизма. Бестрагического понимания жизни. Беспросветный оптимизм — вот их главный враг, я думаю. Разумеется, моя оценка не должна быть глобальной. Я не могу сказать, что русский рок — весь из себя такой хороший, белый и пушистый. Это не так, он очень пестрый. Я вижу по интернетовским дискуссиям: люди нередко цитируют весьма и весьма антихристианские цитаты из каких-то рок-групп. Но если кто-то из писателей — сатанист, из этого было бы поспешно делать вывод, будто у Церкви конфликт с Союзом писателей. Рок — это просто средство, форма объяснения человека с человеком о том, что наболело.

— **Если на концерте, про который мы говорили в начале беседы, ребята будут не столько вдумываться в интеллектуальные тексты, сколько «колбаситься»...**

— То мне это будет непонятно. И неприятно. Как ни странно, моя задача в этом случае будет в том, чтобы помочь рокерам стать еще большими рокерами, то есть призвать их более серьезно отнестись к тому миру, который им нравится, пригласить их вдуматься в слова, в смысл песен, а не просто бездумно вибрировать.

— **А не язычество ли «колбаситься»? Кайфовать от ритмов, энергетики, «драйва»?**

— В этом смысле — да, рок имеет что-то от оргии. Когда человек какими-то путями — начиная от наркотиков или водки и кончая гипнозами, медитациями и даже вот этими фанатениями на футбольном матче, на дискотеке, на рок-концерте — отдает себя во власть тех стихий, которые он сам не контролирует, сливается со звуком, с массой, с освещением, с экстазом, когда он погружается в транс — это опасно с духовной точки зрения. Так что мое отношение к хард-року неоднозначно. Отношение не испуганного дистанцирования.

— **Хорошо. А должен ли рок-музыкант, правильно идущий к Богу, рано или поздно оставить свое занятие?**

— Думаю, что однажды это неизбежно. Однажды у человека уходят молочные зубки, появляются другие. Однажды исчезает даже любовь к Достоевскому, со временем становится скучно читать книжки по богословию... Но если нечто скучно и ненужно старцу — это еще не значит, что это не нужно никому другому. С другой стороны, вопрос еще и в том, каково призвание этого человека, каков о нем замысел Божий. Понятно, что монашество — естественная вершина христианского пути. Но далеко не перед всеми Господь ставит задачу взойти на нее.

— **А еще с какими-то рок-музыкантами, помимо Шевчука и Кинчева, Вы общались?**

— Была однажды беседа с Александром Барыкиным, но там такие вещи не обсуждались, просто вечер провели вместе. Вообще, удивительный мир — мир человека. Даже в таком своем срезе, как мир рок-культуры. Сложность и непредсказуемость. Но иногда — очень радостная непредсказуемость. Недавно мне попалось на глаза интервью Гарика Сукачева, где он говорит, что исповедуется и читает мои книги. Вячеслав Бутусов на телевизионной пресс-конференции в казахстанском городе Петропавловске в декабре 2003 года призвал ребят прийти на мои лекции, которые имели место спустя неделю...

— **Если «все не так уж плохо» — откуда он взялся, конфликт между роком и Церковью?**

— Не было никогда конфликта между роком и Церковью. Это противостояние поколений. Социалистическое брюзжание, слегка адаптированное на церковный лад, вот и все. Общесоветское неприятие — оно здесь первично. А затем еще кто-то поспешил найти

статью этого канадца, католического священника — Жан-Поля Режимбаля. Во всех православных брошюрах, в которых пишется нечто чуть-чуть содержательное о роке, все цитаты взяты из его работы. Это значит, что никто из здешних полемистов и в тему-то всерьез не погружался. Была изначальная предвзятость, уходящая своими корнями в советскую пропаганду жизни. А ведь когда-то рок-музыка и Церковь были по одну сторону... колючей проволоки. Вот дивная заметочка из «Известий» брежневской эпохи: «...Кажется, банальная вещь — модный крестик. За ним, однако, может последовать увлечение модной рок-музыкой, пропагандирующей, в частности, и идеи Церкви, потом чтение Библии, походы на богослужения из любопытства. Нельзя забывать, что в наш электронный век все изощреннее пути Церкви к душам юных. Потому-то, скажем, атеистический клуб “Истина”, действующий в Московском институте стали и сплавов, обращает на такой вроде бы “пустяк”, как крестик, внимание. Этот ныне популярный клуб играет не последнюю роль в формировании атеистического мировоззрения у студентов»³⁴⁶. Я думаю, что это к лучшему, что церковное дистанцирование от мира рока все же никогда не выливалось во что-то официальное.

Заключение

Завершая цикл статей и интервью по более чем спорным темам, я хотел бы в заключение заметить, что в этих моих суждениях нет модернизма. Модернизм — это призывы к перемене церковных преданий: начиная от догматического, вероучительного и кончая литургическим, обрядовым. В моих суждениях нет поползновения хоть на йоту изменить вероучение и литургику нашей Церкви. Более того — я всегда подчеркиваю, что они-то должны оставаться неизменными. А вот «литургия после литургии», способы вне-храмового и вне-богослужебного свидетельства о нашей вере могут и должны меняться. Это и происходит в нашей жизни: появились православный Интернет и православные теле- и радиопроповеди, миссионерские поезда и пароходы.

Разногласия по этим сюжетам естественны. Есть в Церкви люди, которые не способны объяснять свою веру — а тем более объяснять ее миссионерски, то есть на языке нецерковного мира. Среди этих людей немиссионерского склада есть люди замечательные и просто святые (а есть и просто ленивые и погасшие). Но у них есть одни дары и нет другого дара — дара миссионерства. Эта собственная неспособность кажется им всеобщей. Из «я не могу объяснить» очень легко сделать вывод «они не хотят слушать». Частную неудачу своей не слишком-то настойчивой проповеди они склонны оценивать как апокалиптическую закрытость мира от Христовой проповеди.

Мне же хотелось пояснить, что и материал современной молодежной культуры может предоставить материал для миссионерской работы Церкви.

Что в этой ситуации делать? — Да просто быть терпимыми. Не обзывать церковных людей немиссионерского склада «обрядоверами» и «мракобесами». Понять и оценить их правду. Но и миссионерам разрешить работать, освободив их от подозрений и от необходимости постоянно оправдываться перед православными же людьми.

Вот на этой немиссионерской ноте и приходится заключать книгу об отношениях древнейшей христианской Церкви и современной молодежи. Миссионер должен быть честен. Он не должен заниматься пропагандой и рекламой. Трудно молодому человеку войти в современную церковную жизнь? — Да. Но тем, кто всюду ищет только легкость, не интересны ни Евангелие, ни Апокалипсис. И они не интересны нам. Тот юноша, что испугался наших «бабушек», уж точно не устоит перед «зверем из бездны»³⁴⁷.

Так что для молодого человека это проверка его веры, его любви и его мужества: сможешь ли ради Христа встать в один строй с нашими бабульками? Тот, кто не может, — уже стар, что бы ни было написано в его паспорте. Он стар, потому что не умеет ломать свои стереотипы.

³⁴⁶ Назвали клуб «Истина» // Известия. 1981, 22 октября.

³⁴⁷ См.: Откр. 11, 7.— Ред.

Примечания

^I О том, что германцы прибегают для установления истины к «испытанию водою», римляне, впрочем, знали и раньше. Императору Юлиану (в середине IV века), по крайней мере, это было известно: «Рейн отнюдь не поступает с кельтами несправедливо, увлекая в свои стремнины незаконных детей и мстя таким образом за оскорбление супружеского ложа; а тех, кого он признаёт рожденными от чистого семени, он выносит на поверхность своих вод и возвращает в объятия трепещущей матери, давая этим спасением ребенка непреложное свидетельство чистоты и непорочности ее брачного союза» (Письмо 15, философу Максиму // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V века. М., 1964. С. 159).

^{II} По правилу митрополита Иоанна II (1077—1089) занимающихся чародейством надлежит сначала отвращать от злых дел словами и наставлениями; если же пребудут неизменными, то в отвращение зла наказывать их с большей строгостью, но не убивать и не уродовать их тел, так как этого не допускает церковное учение... А в приговорной грамоте Троице-Сергиева монастыря (в 1555 году) предписывалось изгонять из сел «волхвей и баб ворожей»; причем их можно было побить и ограбить. «Здесь рекомендуется домашняя мера против волхвов: выгнать вон, и делу конец» (*Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. Т. 1. Харьков, 1916. С. 229 и 232). «Весьма замечательно, что наши памятники епитимийного содержания совершенно не содержат указаний на колдовство в западноевропейском смысле: нет указаний на формальную связь человека с дьяволом, на контракты с ним» (Там же. С. 234).

^{III} «Не раз уже говорилось о том, что белая магия мало чем отличается от колдовской практики и что различие состоит, главным образом, в результатах, определяемых лежащими в основе всех наших действий дурными или добрыми мотивами» (*Блаватская Е. П.* Размышления об элементах // *Блаватская Е. П.* Космический разум. М., 2001. С. 119). «Все ответвления магии — черной и белой, божественной и дьявольской,— имеют единый корень» (*Блаватская Е. П.* Черная магия в науке // Там же. С. 140). Здесь важно не только признание реальности магии и колдовства, но и признание того, что источники и даже методы «белой» и «черной» магии едины.

^{IV} «Гости выпивают всю энергию. К обеду не выхожу, чтобы не сидеть с ними... Вы вдохнули порченной энергии. Порча духа людского уявлена. Чую, много энергии забрали» (*Рерих Е. И.* Страницы дневника // *Рерих Е. И.* У порога нового мира. М., 2000. С. 151). Рерихи верили, будто иезуиты предаются черной магии, колдуя над статуей (терафимом) Н. К. Рериха (Фуямы): «Можно наблюдать, как занятие иезуитов над терафимом Фуямы наполняет воздух стрелами. Теперь понимаете, почему прошу бережности... Добро, что иезуиты не могли достать предмета, принадлежащего Фуяме... Иезуиты очень активны, но пока не могли существенно повредить... Для терафима нужны волосы, или ногти, или одежда, пропитанная потом или слюною, слезами или кровью, но эти соединения трудно достать в Париже» (Агни-Йога. Высокий путь. Ч. 2: 1929—1944. М., 2002. С. 352—353).

^V Вот знаменитое письмо кардинала Беллармина Галилею: «Мне кажется, что Ваше священство и г-н Галилей мудро поступают, довольствуясь тем, что говорят предположительно, а не абсолютно; я всегда полагал, что так говорил и Коперник. Потому что если сказать, что предположение о движении Земли и неподвижности Солнца позволяет представить все явления лучше, чем принятие эпицентров и эпициклов, то это будет сказано прекрасно и не влечет за собой никакой опасности. Для математика этого вполне достаточно. Но желать утверждать, что Солнце действительно является центром мира и вращается только вокруг себя, не передвигаясь с востока на запад,— утверждать это очень опасно не только потому, что это значит возбудить против себя всех философов и всех теологов-схоластов, это значило бы нанести вред святой вере, представляя положения Святого Писания ложными... Если бы и было возможным неоспоримое доказательство того, что Солнце находится в центре мироздания, то в таком случае было бы необходимо с большой осторожностью объяснять противоречащие места в Писании, считая, что скорее всего мы не понимаем смысла слов, чем то, что доказательства являются ложными. Но я лично не могу поверить в существование подобного доказательства, по крайней мере до того, как оно не будет мне представлено. Согласитесь, что ведь не одно и то же: высказывать предположение, что Солнце находится в центре, а Земля на небе, и доказать, что именно так оно и есть на самом деле. Первое, я думаю, вполне имеет право на существование, а вот что касается второго, то у меня возникает глубочайшее сомнение. В случае же, когда возникает сомнение, не следует отходить от Священного Писания» (цит. по: *Фантоли А.* Галилей. С. 139—140).

^{VI} Даже в «деле Галилея» роль инквизиции совсем не столь проста, как повествуется на школьных уроках. «При Филиппе IV расширилась самостоятельность испанской инквизиции, она не признавала более за римской курией права запрещать в Испании чтение какой-либо книги, как об этом свидетельствует случай с Галилеем. В Риме нашли необходимым внести в индекс “Диалоги” Галилея, и папский нунций в Испании распорядился прибить к дверям церкви эдикт о запрете этой книги, не испросив разрешения великого инквизитора. Инквизиция обратилась за помощью к Филиппу IV, доказывая ему, что она в борьбе между королевской властью и абсолютистскими стремлениями римской курии всегда становилась на сторону первой и не запрещала, несмотря на требования римской курии, тех книг, которые защищали прерогативы королевской власти. Было бы поэтому справедливо, чтобы Филипп теперь принял сторону инквизиции и не допускал бы вмешательства Рима в дело цензуры книг. Филипп внял просьбе великого инквизитора, и имя Галилея действительно не фигурирует на страницах испанских индексов» (*Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. С. 306*).

^{VII} «Религиозно-нравственной оценки требует также проблема контрацепции. Некоторые из противозачаточных средств фактически обладают абортным действием, искусственно прерывая на самых ранних стадиях жизнь эмбриона, а посему к их употреблению применимы суждения, относящиеся к аборту. Другие же средства, которые не связаны с пресечением уже зачатой жизни, к аборту ни в какой степени приравнять нельзя. Определяя отношение к неабортивным средствам контрацепции, христианским супругам следует помнить, что продолжение человеческого рода является одной из основных целей Богоустановленного брачного союза. Намеренный отказ от рождения детей из эгоистических побуждений обесценивает брак и является несомненным грехом. Вместе с тем супруги несут ответственность перед Богом за полноценное воспитание детей. Одним из путей реализации ответственного отношения к их рождению является воздержание от половых отношений на определенное время. Впрочем, необходимо помнить слова апостола Павла, обращенные к христианским супругам: *Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7, 5). Очевидно, что решения в этой области супруги должны принимать по обоюдному согласию, прибегая к совету духовника. Последнему же надлежит с пастырской осмотрительностью принимать во внимание конкретные условия жизни супружеской пары, их возраст, здоровье, степень духовной зрелости и многие другие обстоятельства, различая тех, кто может *вместить* высокие требования воздержания, от тех, кому это не дано (Мф. 19, 11), и заботясь прежде всего о сохранении и укреплении семьи. Священный Синод Русской Православной Церкви в определении от 28 декабря 1998 года указал священникам, несущим духовническое служение, на “недопустимость принуждения или склонения пасомых, вопреки их воле, к... отказу от супружеской жизни в браке”, а также напомнил пастырям о необходимости “соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни” («Основы социальной концепции РПЦ»).

^{VIII} Есть еще и точка зрения церковно-политическая: давая такого рода интервью светской газете, надо было подумать над тем, как будет это заявление выглядеть с точки зрения ее нецерковных читателей. Так вот, «Аргументы и факты» сочли это заявление настолько бестактным, что с радостью поместили его на первую полосу. Антицерковный настрой этой газеты вполне сознательный. И тут они просто обрадовались тому, что священник «подставился», высказал мысль настолько странную, что и без комментариев можно было предоставить читателям «АиФ» самим судить о мере «бесчеловечности» Московской Патриархии...

^{IX} «А Иисусову молитву надо творить под руководством. Вот Вы, еще не начав ее, стоите на пороге прелести. Умно-сердечная молитва — дар Божий. Но получают ее те, кто старательно и трудолюбиво потрудится над словесной молитвой. Умно-сердечная молитва — это дар монашествующим, отрекшимся от мира... Ослабь свое молитвенное правило непременно. Ведь, когда начинают творить Иисусову молитву и одновременно сохраняют в душе и сердце страсти,— может случиться и психическое повреждение» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. Псково-Печерский монастырь, 2000. С. 112 и 118).

^X Подробнее: «Наслаждаться — значит любить что-либо ради него самого, а пользоваться — значит любить ради чего-то другого» (*Августин. О христианском учении, 14*). «Временными вещами скорее надо пользоваться, чем употреблять их для удовольствия, чтобы получить право наслаждаться вечными. Не так нужно делать, как некоторые развращенные, которые желают употреблять для удовольствия деньги, а пользоваться Богом: не деньги тратят ради Бога, а почитают Самого Бога ради денег» (*Августин. О Граде Божием. 11, 25*). «Добрые люди для того пользуются миром, чтобы наслаждаться Богом; злые же люди для того пользуются Богом, чтобы наслаждаться миром» (Там же. 15, 7).

^{XI} «Ведь все можно иметь: и телевизор, и магнитофон, но все должно быть на своем месте, и ничто не должно обладать нами» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. С. 234).

^{xii} Шабес-гой, или «шаббат-гой,— нееврей, приглашаемый в еврейские дома в субботу для выполнения различных хозяйственных работ, запрещенных евреям в этот день. Он тушит лампы и свечи в пятницу вечером и топит печи в субботнее утро зимой. Часто эти обязанности исполняет бедная женщина (шаббат-гойя), получающая за свой труд кусок халлы... В легендарной еврейской литературе имеется множество рассказов, где роль шаббат-гойя играет голем» (Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. Т. 15. М., 1991. Стб. 899).

^{xiii} «Блаженная Пелагия Рязанская пророчествовала, что Москва провалится, а на месте Санкт-Петербурга будет море. И ведь есть за что. Столица по-прежнему жирует за счет всей страны и гнет ее в три погибели. А город на Неве приютил у себя лжемощи, выдаваемые за царские» (Можно ли избежать ИНН...). Подробнее о бреднях «Пелагии Рязанской» см. в моей книге «Оккультизм в Православии». А вот суждение отца Иоанна (Крестьянкина) по поводу планов бегства из городов. «Придет время, и Шенгенское соглашение охватит весь мир, и не будет такого места, где бы оно не вступило в свою страшную по последнему этапу силу. А готовится оно еще со времен апостольских. Теперь же особенно важно — не бежать от него в пустыню или в место, где, как нам кажется, оно не достигнет нас. Нет, нет и нет. Наше бегство от этой беды должно быть в духовную жизнь во Христе... Я знаю людей, которые живут в Москве, и она для них если не рай, то преддверие его. Они живут верой деятельной, живой, и никакие “чудеса” новой Москвы их не трогают. Святые с ними, и святыни московские укрепляют дух... Если Господь пошлет Вас в затвор, уходить нужно, но своеволие как бы не обернулось для Вас катастрофой. И не будем ли все мы ответственны пред Господом, если, удалившись, отдадим Православие на расхищение инакомыслящим?» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. С. 29, 65, 176).

^{xiv} «Вы получили образование, и не грех ли забывать об этом? Ну что будет, если все вдруг возьмутся за половую тряпку и будут спокойно спасаться безответственным мытьем полов?» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. С. 72).

^{xv} А заботиться о будущем в любом случае надо. «Народная мудрость говорит: умирать собираешься, а пшеничку-то сей» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. С. 161). «Воля Божия определила Вам быть матерью четырех витязей, которых Вы, а не кто другой, должны приготовить к взрослой жизни. И если определил Господь жить нам во время “компьютерное”, то можем ли мы оградить детей наших от того, чем живут окружающие? Но вот смотрите: один на компьютере издает богослужебные книги, а другой — нечто непотребное. И разве под суд надо отдавать компьютер? Сколько ума, такта, живой любви необходимо иметь Вам, чтобы не потерять сыновей и привести их к Богу. Какая уж тут пещера? Тут в пору самой сесты за компьютер, чтобы говорить и о Боге на языке и на уровне понятий детей своих. Ведь компьютер-то тоже изобретен не без Божиего попущения. Бойтесь отдать детей телевизору и улице бесконтрольно» (Письма архимандрита Иоанна [Крестьянкина]. С. 238—239).

^{xvi} К счастью, этого не произойдет хотя бы потому, что отношение Патриарха к Интернету другое, чем у борцов с «сетью»: «Мы завершаем век, когда с помощью современных систем коммуникаций сообщения по всему миру распространяются за считанные минуты. Однако парадокс заключается в том, что при таком развитии информационных технологий решения Священноначалия становятся известны широким кругам простых верующих в лучшем случае спустя недели после их принятия. Это создает благоприятную почву для различного рода домыслов и слухов, которые, увы, успешно распространяются и без современных средств коммуникаций. Настало время подумать о создании в нашей Церкви единой системы внутрицерковного обмена информацией с использованием в ней современных коммуникационных технологий. Это требует серьезной заботы правящих архиереев о необходимости приобретения современных технических средств связи. Разве так сложно купить компьютер, подключиться к сети Интернет и получать официальные церковные сообщения по электронной почте, распространяемые Службой коммуникации Отдела внешних церковных сношений, другими синодальными учреждениями, некоторыми епархиальными управлениями?.. Не может быть признано нормальным положение, когда приход или епархия закупают дорогостоящую богослужебную утварь, строят комфортабельные дома для духовенства, устраивают обильные многочасовые трапезы и одновременно отказываются выделять средства на полноценную воскресную школу, церковную газету, интернет-страницу, подготовку кадров, работу с молодежью. Если это будет продолжаться, у пастырей возникнет опасность остаться одинокими среди великолепных стен и оград» (Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13—16 августа 2000 года [<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/s2000r03.html>]).

^{xvii} «Ненаучные концепции всегда формулируются вне связи с решением каких-либо реальных задач, существующих в той или иной конкретной области науки, а аномальные цели исследования декларируются здесь с самого начала. Это заявки на построение новых всеобъемлющих теорий, претензии на альтернативное общепринятому объяснение известных научных фактов, предложения по корректировке

хорошо установленных законов природы и тому подобное. В качестве типичного примера можно сослаться хотя бы на того же Вейника, который целенаправленно определяет как «необходимость иметь достаточно общую (единую) исходную теорию природы, охватывающую все нужные формы движения материи»» (*Дынич В. И., Ельяшевич М. А., Толкачев Е. А., Томильчик Л. М.* Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения // Вопросы философии. 1994, № 12. С. 126). То же можно сказать и о «теории густот» Дмитрия Панина: «Понятие густоты составляет универсальный принцип развиваемой автором модели мироздания. Читатель волен соглашаться или не соглашаться с автором. Лично я не очень верю в возможность получить единые средства описания природной и внеприродной реальности. Вряд ли стоило заниматься интерпретацией чудес как явлений, обусловленных целенаправленным воздействием трансфизических густот на густоты физического мира и тем более изобретать хромосомную интерпретацию непорочного зачатия. Но, уже имея универсальную концепцию мироздания, трудно удержаться от попыток ее использования повсеместно. Автор полагает, что “душа сконструирована из трансфизических частиц”, которые, по его словам, гораздо мельче частиц физического мира. Вопрос, однако, в том, годится ли пространственно-временное понятие для характеристики внеприродных феноменов? Отнюдь не бесспорны мысли и рассуждения автора о Церкви, в том числе его анализ исторических слабостей Русской Церкви и их пагубных последствий в судьбе России» (*Шрейдер Ю. А.* Рецензия // Вопросы философии. 1994, № 5. С. 158). К сожалению, рукопись Панина получила одобрение отца Александра Меня.

XVIII Грех гордости не так легко изжить.

Лишь что-нибудь приличное напишешь —
Опять с тобою эта злыдня,
Пытается тобой руководить:
Смотри на прочих искоса и сверху,
Уж как мелки они.
А ты — Орел, и равных тебе нет.
Так шепчет в ухо гордость, отнимая
И дружеские чувства, и любовь,
Рождает пустоту и скуку,
В конце концов последнее отнимет:
Не сможешь ничего писать —
Ведь все вокруг покажется так плоско,
Не будет стоять твоего таланта —
И сгинешь окончательно с тоски.
А если кто-то рядом будет весел,
Тут зависть на подмогу к ней придет,
И будут есть тебя, травить и мучать
Сестрицы эти милые вдвоем.
Две — гордость с завистью — сестрицы злые,
Две эти мерзкие змеи
Стремятся мир заляпать грязью,
Все вывернуть изнанкой, все залгать,
Все белое представить черным.
Но ты не медли! Если в первый раз
Пришла и постучала в двери гордость,
Невинной гостею зашла в твой дом
И в уголке тихонько основалась —
Гони ее пинками и взашей,
Не подпускай ее к питью и пище,
Молись усердно Богу, чтоб она
Покинула твое жилище.
Молитвы меч ей крайне неприятен,
Особенно канон ей покаянный
Досаду причиняет: словно уголь,
Попавший между телом и одеждой,—

Корежит гордость, не дает покоя.
Пусть убежит, не крикнув «До свиданья»,—
И Бога много ты благодари,
Что избежал ты этого несчастья,
Что сброшен с сердца черный камень —
На время, до счастливого стиха.
Андрей Осмоловский (osmolovskii.chat.ru).

^{xxix} «Он издевался над всем, что нам дорого и свято... Мне казалось, что я слышу бред сумасшедшего... Наконец, когда он взглянул на меня вопросительно, я сказала ему: “Мне нечего Вам ответить; скажу только одно, что, пока Вы говорили, я видела Вас во власти кого-то, кто и теперь еще стоит за Вашим стулом”. Он живо обернулся. “Кто это?” — почти вскрикнул он. “Сам Люцифер, воплощение гордости”» (цит. по: *Грузенберг С. О. Психология творчества. Минск, 1923. С. 90).*

^{xxx} Протоиерей Георгий Флоровский настаивал на том, что быть христианином — значит быть греком: «Я лично исполнен решимости защищать этот тезис, и притом на двух разных фронтах: как против запоздало возрождаемого ныне гебраизма, так и против любых попыток переформулировать догматы в категориях современных философий, из какой бы страны они ни исходили (Гегель, Хайдеггер, Кьеркегор, Бергсон, Тейяр де Шарден), или в категориях якобы особой славянской ментальности» (Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 156).

^{xxxi} «На днях я прочитал в прекрасном пуританского толка журнале: “Освободите христианство от окостеневшей догмы, и вы увидите, что оно — просто учение о Внутреннем Свете”. С таким же успехом можно освободить человека от костей» (*Честертон Г. К. Ортодоксия // Честертон Г. К. Вечный человек. С. 412).*

^{xxxii} «Конечно же, “Властелин колец” — религиозная, католическая книга. Я осознал это, только когда ее закончил, и пересмотрел впоследствии под новым углом зрения. Именно тогда я убрал из текста все упоминания о культах и религиозных ритуалах, ибо религиозный элемент растворен в самом повествовании и его символах» (*Толкиен Дж. Письмо к Р. Муррэн, 2 декабря 1953 года // Толкиен Дж. Властелин колец. С. 111).* «Валары — не более чем сотворенные духи высшего ангельского порядка, как выразились бы мы, и при них стоят сослужащие им меньшие ангелы (майяры); таким образом, валары представляют собой серьезный авторитет, но им не воздается Божественных почестей (поэтому в созданном мною мире нет храмов, церквей и часовен — по крайней мере среди “добрых” народов). В Средиземье нет “религий” в культовом смысле этого слова. В случае опасности можно воззвать к валару, примерно как католик обратился бы к святому, хотя взывающий к валару, как и любой католик, знает, что власть валаров ограничена и производна от иной, высшей власти... Наделенные способностью “малого творения” (sub-creation), валары обитают на земле, с которой связаны узами любви, ибо участвовали в ее создании, но внести кардинальных изменений в судьбу Божиего творения они не в силах» (*Толкиен Дж. Письмо к П. Хастингсу, сентябрь 1954 года // Толкиен Дж. Властелин колец. С. 1120—1121).* Единственная молитва в этой эпопее — это обращение валаров (ангелов) к Единому за помощью при падении Нуминара в «Сильмариллионе».

^{xxxiii} «Современное информационное поле активно осваивается силами, враждебными Церкви, и если мы упустим время, то будем окончательно вытеснены из этого информационного пространства. Поэтому мы просто не имеем права не использовать для проповеди новейшие информационные технологии» (*Патриарх Алексий. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 66).*

^{xxxiv} Знаю, что некоторых петербуржцев коробит такое именование их города. Но должен заметить, что это отнюдь не провинциальный или уголовный жаргон. Например, это слово употребляет профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский в своей переписке с А. Н. Бахметовой (Письмо от 29 ноября 1869 года // У Троицы в Академии. 1814—1914. М., 1914. С. 557). Встречается оно и у святителя Феофана Затворника (см.: *Свт. Феофан Затворник. Собрание писем: В 8 вып. М., 1994. Вып. 7. С. 155, 158; Вып. 2. С. 143), у которого, кстати, есть и другой топоним, кажущийся очень новым: «Хохляндия» (см.: Свт. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 320).*

^{xxxv} В отличие от русского перевода латинское слово *compellere* несет в себе оттенок понуждения. Греческий оригинал — *αναγκάζω*, в котором нетрудно услышать знакомый нам всем термин «ананкэ» (судьба, необходимость) — также несет в себе привкус активного воздействия. Тот же глагол стоит в

греческом тексте Деян. 26, 11: *И по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса* и в Деян. 28, 19: *я принужден был потребовать суда у кесаря*.

xxvi «Только лишь Господь приводит людей к Себе. Это Его дело и только Его! А никак не диакона. Дьякон должен помогать иерею служить Богу. А проповедь — так это даже и не диаконское дело. Я, горемычный, только сейчас понимать начинаю, как меня Сам Господь к Себе пытался привести. Но первое слово о Боге, о святых Его, я услышал с амвона, от священника. До тех пор и другие слова слышал, поверь мне, но не доходили они до меня. Думаю, что в этом все дело. Не может человек прийти в Церковь иначе — не может» (Сергей Гришин // <http://forum.svetilen.ru/viewtopic.php?t=234&postdays=0&postorder=asc&start=0>).

xxvii «Христианство в России, как и повсюду в мире, перестает быть народной религией по преимуществу. Народ, простецы, в значительной массе своей уходит в полупросвещение, в материализм и социализм, переживает первое увлечение марксизмом, дарвинизмом и проч. Интеллигенция же, верхний культурный слой, возвращается к христианской вере... Старый бытовой, простонародный стиль Православия кончился, и его нельзя восстановить. К самому среднему христианину предъявляют несоизмеримо более высокие требования... И простая баба сейчас есть миф, она стала нигилисткой и атеисткой. Верующим же стал философ и человек культуры» (Н. А. Бердяев. Цит. по: *Прот. Георгий Флоровский*. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 505).

xxviii Для примера — горькие строки из дневника святителя Николая Японского: «Наказывает Бог Россию, то есть отступил от нее, потому что она отступила от Него. Что за дикое неистовство атеизма, злейшее вражды на Православие и всякой умственной и нравственной мерзости, теперь в русской литературе и русской жизни! Адский мрак окутал Россию, и отчаяние берет, настанет ли когда просвет? Способны ли мы к исторической жизни? Без Бога, без нравственности, без патриотизма народ не может самостоятельно существовать. А в России, судя по ее мерзкой не только светской, но и духовной литературе, совсем гаснет вера в личного Бога, в бессмертие души; гнилой труп она по нравственности, в грязного скота почти вся превратилась, не только над патриотизмом, но над всяким напоминанием о нем издевается. Мерзкая, проклятая, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой, грубый и невежественный народ» (Запись от 3 июля 1905 года // Дневники святого Николая Японского. С. 641). Напомню, что студенческие сходки в те дни слали японскому императору поздравительные телеграммы по случаю побед японцев над русской армией...

xxix «Игумены фотинудский, ираклийский, мидикийский, милийский, иполихнийский, гулейский... даже флувутский по безрассудной простоте впали в обман... войдя в... общение с нечестивыми» (*Прп. Феодор Студит*. Послание 236. К брату, архиепископу Иосифу // *Прп. Феодор Студит*. Послания. Кн. 2. С. 362—363). «Видишь, как я философствую в это время философии? Ибо философия есть средство избежать гибели от ереси» (*Прп. Феодор Студит*. Послание 269. Григорию // Там же. С. 394).

xxx «Они отвергают необходимость для христианства всякого знания. Они говорят, что напрасное дело делают те, которые ищут каких-либо знаний в Божественных Писаниях, ибо Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел. Итак, лучше жить скорее попроще и не любопытствовать ни о каком догмате, относящемся к знанию», — передает преподобный Иоанн Дамаскин учение этой ереси (88-й в его каталоге еретиков). См.: О ста ересях, 88 // Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002. С. 148—149, а также: *Прп. Феодор Студит*. Послание 48. К Афанасию, сыну // *Прп. Феодор Студит*. Послания. Кн. 1. С. 160.

xxxi «Если бы Вы смогли прочесть историю Ефесского собора, Вы бы не стали больше никогда говорить об исключительной ценности “простых” умов и “простых” сердец!» (*Леонтьев К*. Избранные письма. СПб., 1993. С. 543).

xxxii «Консерваторы твердили, что отцы Церкви сказали всё и достаточно повторять их слова, а реформаторы испытывали живой интерес к бурному и пророческому творчеству великих религиозных мыслителей начала века, среди них — Николая Бердяева», — пишет в своей поразительно нетрезвой и предвзятой статье Оливье Клеман (*Клеман О*. Трудности и недоумения Русской Церкви // *Русская мысль*. 1998, 24 июня). Парижскому богослову хватило сплетен, собранных за три дня его пребывания в России, для того, чтобы прийти к выводу, что «многие епископы (за исключением, может быть, десяти из общего числа 120—130) — попросту говоря, тупицы».

xxxiii Ученик А. Меня журналист К. Кедров собственное богословское невежество оправдывает тем, что он, мол, вознесся выше всех богословских тонкостей: «Оставим в стороне богословские споры о том, является ли Иисус Сыном Божиим и даже Самим Богом, или это один из величайших учителей человечества... Важно то, чему Он учил. В чем новизна Его учения? Отныне личность, человек были

поставлены выше семьи, общества, государства, нации. Именно из этого горчичного зерна спустя 1800 лет выросло дерево, именуемое “Декларацией прав человека”. Многие считают, что после двухтысячного года эра от Рождества Христова закончится и начнется эпоха Водолея. Время еще большего раскрепощения личности. Может быть, для других стран это так. В России же мы и сегодня живем словно до новой эры. Новая эра в России еще и не начиналась, и мы топчемся у ее преддверия вот уже тысячу лет» (*Кедров К.* Рождество Христово в России праздновать научились. Научимся ли жить по заповедям Христа? // *Известия.* 1995, 6 января).

Недавно из Христа делали первого коммуниста, теперь — первого демократа. И даже не демократа (в демократическом представлении не может быть формулировки, утверждающей, будто «человек выше людей»), формулировки, к которой Кедров редуцировал все Евангелие), а просто — пошляка, сознание которого целиком скомпоновано российскими демгазетами 1990 года. Был уже персонаж, подобный Кедрову, в российской околочерковной журналистике. И церковное мнение о нем уже было высказано. И этой оценке, высказанной В. Розановым, можно лишь сказать: «Аминь!» и переслать ее Кедрову: «Уже по чрезвычайной каше этих мыслей можно угадать, что говорит Григорий Петров. Он пишет эти мысли двадцать лет, и читатели его невольно должны думать, что Иисус Христос основал не Свою Церковь, а основал русско-еврейскую либеральную печать, коей вестником или “ангелом” послал на землю Григория Спиридоновича... Господа, опомнитесь: Иисус Христос основал не либерализм, а Свою Церковь» (*Розанов В. В.* Об одном приеме защиты еврейства // *Розанов В. В.* Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С. 97—98).

xxxiv «Они будут нашептывать нашим детям, еще гимназистам и гимназисткам, что мать их — воровка и потаскушка, что теперь, когда они по малолетству не в силах ей всадить нож, то по крайней мере должны понатыкать булавок в ее постель, в ее стулья и диваны; набить гвоздиков везде на полу... и пусть мамаша ходит и кровянится, ляжет и кровянится, сядет и кровянится. Эти гвоздочки они будут рассыпать по газеткам. “Революция” есть “погром России”, а эмигранты — “погромщики” всего русского: русского воспитания, русской семьи, русских деревень, русских сел и городов» (*Розанов В. В.* Не нужно давать амнистию эмигрантам // *Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки.* М., 1996. С. 598—599).

«Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси. Было так в Египте — “пришествие гиксосов”. Черт их знает, откуда-то “гиксосы” взялись, “народ пастырей”, пастухи. Историки не знают, откуда и кто такие. Они пришли и разрушили вполне уже сложившуюся египетскую цивилизацию, существовавшую в дельте Нила две тысячи лет; разрушили дотла, с религией, сословиями, благоустройством, законами, фараонами. Потом, через полтора века, их прогнали. И начала из разорения она восстанавливаться; с трудом, медленно, но восстановилась. “60-е годы у нас” — такое нашествие номадов. “Откуда-то взялись и все разрушили”. В сущности, разрушили веру, Церковь, государство (в идеях), мораль, семью, сословия» (*Розанов В. В.* Из книги, которая никогда не будет издана // Там же. С. 636—637). Написано это было в 1916 году. А словно бы сегодня...

xxxv «Какова же миссия диакона Кураева? Какое место занимает он в нашей Церкви и почему ему дана зеленая улица, открываются двери любых СМИ и обеспечивается участие в богословских конференциях по вопросам, важным для церковного народа? Не для проведения ли воли тех самых сил?» (*Мамонтова Е.* Кто мы? Православные? Католики? Или православные католики? // *Русский вестник.* 2003, № 5).

xxxvi «Мы должны говорить на языке времени». Беседа с митр. Минским и Слуцким Филаретом (Вахромеевым), председателем Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви, во время проведения конференции «Образование и семья в постатеистических обществах» (Киев, 19—26 сентября 2002 года) // *Камо грядеши.* Киев, 2002, № 1 (21).

xxxvii «Живо и жизненно в религии только то, что есть в культе, а отмирает или нежизнеспособным является то, чего нет в культе» (*Булгаков С. Н.* Свет невечерний. М., 1994. С. 63).

xxxviii Впрочем, надо заметить, что такая жесткая «специализация» не одобряется церковной властью — в 1866 году было даже постановление Синода, запретившее издание народной картинки «Сказание, ким святым каковыя благодати изцелений от Бога даны и когда память их» (*Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. С. 187). Вспоминая церковную жизнь 30-х годов XX века, профессор Козаржевский говорил, что «не было злоупотребления апокрифическими преданиями. В те времена в храмах, конечно же, не висели навлекающие на Православие обвинения в языческих пережитках рекомендательные списки, какому святому в каком случае следует молиться» (*Козаржевский А. Ч.* Церковноприходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов // *Журнал Московской Патриархии.* 1992, № 11/12. С. 26).

xxxix Для сравнения — наши приходские размышления о действиях, порождаемых нашей верой: «Что такое деятельная вера? Проходишь мимо церкви — перекрестись. В автобусе зевается — перекрестись. В поезде захотел кушать — перекрести себя и пищу. Перед тем как надеть одежду — перекрести одежду при всех безбоязненно. Действовать надо смело, не стыдясь, хоть окружающие и смеяться будут, хоть и побьют. А если думаешь: “Лучше я потерплю и дома покушаю, чтобы при людях не крестить пищу”, то вера твоя не деятельная» (Живая вера. Из проповедей архимандрита Серафима (Ольховского) // Спасите наши души. Днепропетровск, 2003, № 9 [53]).

xl И еще этот святоотеческий совет: «Брат спросил старца: есть два брата, один безмолвствует в келии своей, продолжая пост до шести дней в седмицу и много налагая себе трудов, другой же служит больным. Которого дело более приятно Богу? Говорит ему старец: хотя бы тот брат, который держит пост в течение шести дней, за ноздри повесил себя, и тогда он не может сравняться с тем, который услуживает больным» (Древний патерик. М., 1899. С. 324).

xli Интересно заметить, что византийцы вели себя совершенно иначе по отношению к России. В 1393 году Константинопольский Патриарх Антоний пояснял московскому Великому князю Василию Дмитриевичу, что он не более чем подданный византийского императора, ибо «невозможно иметь Церковь и не иметь царя». «Царь имеет большое значение в Церкви: он не такой царь, как другие начальники и местные правители. Изначала цари утверждали и поддерживали благочестие по всей вселенной; они же собирали Вселенские Соборы; они же много потрудились против ересей и издавали указы о кафедрах архиереев, о разделении епархий и ограничении их пределов» (цит. по: *Митр. Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 514—515).

Какого мнения были о себе сами византийские императоры той поры, видно из тех формул, которые они произносили при назначении ими Патриархов: «Святая Троица, даровавшая мне царство, проручествует тебя в Патриарха Нового Рима». «Божественная благодать и наше от нее царство предназначает сего благоговейнейшего в Патриарха Константинополя» (цит. по: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 394). Посланник же России святитель Николай Японский при начале Русско-японской войны отказался участвовать в общественных богослужениях, чтобы не молиться за победу японского императора, но японских православных священников призвал: «Вы совершайте богослужения одни, молитесь искренне за вашего императора, его победы и прочее. Любовь к Отечеству — естественна и священна... Я же буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить богослужение» (Праведное житие... С. 188—190).

xlii «И для детей у Церкви есть венки. Подобно цирку и гимназии, она награждает ими не мужей только», — писал Климент Александрийский (Строматы. 4, 11), поясняя, что награда в Царстве Божию может быть дана даже немудрым (немудрые, подобно детям, «идут путем не тем, каким следовало бы», потому что желают от Бога получить посмертную награду, а не руководствуются в своих поступках любовью к Самому Богу).

xliii Поразительный пример миссионерской смелости отмечен в дневнике святителя Николая Японского: «Петр Ямада, катехизатор в Миядзу, пишет, что и там, как и везде, толкуют в неприязненном смысле о России и ожидаемой войне с нею, но находит, что это не только не вредит, а, напротив, может немало помогать делу проповеди, давая повод говорить о вере» (Запись от 13 октября 1903 года // Дневники святого Николая Японского. С. 320). Напомню, что Православие тогда поносилось в Японии как «русская вера», то есть — вражеская. Миссионер же от разговора о России переходил к теме русской веры и показывал, что она есть вера христианская и общечеловеческая. «Православные проповедники могут так начинать свою проповедь: “Наше учение не есть Николаево, не есть русское, как клеветают протестанты, а есть истинное Божие учение, которое, пришедши из Иудеи чрез Грецию и Россию к нам, не приняло в себя ни малейшего цвета или вкуса Иудеи, Греции и России, а блещет таким же чистым Божественным светом, каким воссияло из уст Спасителя”» (Запись от 4 октября 1903 года // Дневники святого Николая Японского. С. 317).

xliv «Сообщение CNS от 24 марта 1998 года: в Ранчи 10 мужчин в масках совершили нападение на здание католической епархии, ранив священника и несколько мирян 14 марта. Индуистские экстремисты... Священник Бек 16 лет служил в Ранчи и не имел личных врагов... Подобные новости каждый год приходят из современной Индии, веротерпимость которой столь воспевают почему-то в России. Ненависть к христианам в этой языческой стране такова, что католические епископы предлагают допускать индусов к Причастию без Крещения: “Епископ из Индии Валеран д’Соуза заявил о том, что Католическая Церковь должна рассмотреть вопрос о возможности преподавания Святых Таин верующим, которые по причинам давления на них со стороны семьи и общества не прибегают к Таинству Крещения. Индуист, принимающий другую религию, полностью лишается права наследства, рассказал монсеньер д’Соуза. Как правило, индуисты враждебно настроены по отношению к христианству. Даже те из них, кто относится к нам

достаточно дружелюбно, обязательно прокляли бы своего родственника, ставшего христианином». Отступничество одного члена семьи неминуемо повлечет тяжелые последствия для всех родственников, продолжил индийский прелат. Если, например, женщина-индустка обратится в христианство, ее сестрам будет очень трудно выйти замуж. Если же веру во Христа примет мусульманин, это будет чревато для него преследованиями и, возможно, мученической смертью» (Некрещеные верующие нуждаются во Христе // Свет Евангелия. Российская католическая газета. 1998, 10 мая).

^{XLV} Такими неудачами я считаю попытки объяснить тайну Троицы через параллель с миром обыденного опыта. Мол, в человеке есть ум, воля и память — и это отражение Троичного Бога. Есть солнце, луч солнца и свет — и такова Троица. Есть подземное хранилище вод, источник и ручей — вот так же Три составляют одно в Боге... Такие образы часты у отцов. Но богословски они опасны. В человеке есть еще и совесть, и подсознание, и рефлекс, и инстинкты, и эстетические чувства и нравственные. Можно тысячи подробностей найти в человеке — и неужели тогда и Бога придется дробить на все это множество наших антропологических изысков? А луч солнца не один с солнцем: он уже оторвался, он гаснет, он не вечен, он слабеет, и несет он в себе отнюдь не всю энергию первоисточника. Дух же Божий всегда имеет все, что есть у Отца... Так что то, что допустили отцы в своей миссионерской работе, недопустимо в догматическом богословии.

^{XLVI} «Алекс Кроули, мировой вождь сатанистов, высочайше оценил этот цикл повестей» (Без подписи. «Гарри Поттер» глазами православных // Русь державная. 2002, № 8 [98]). «Родоначальник сект современного сатанизма англичанин Алистер Кроули высоко оценивал цикл повестей Джоан Ролингз» (*Верующие Крымской епархии Русской Православной Церкви*. Не позволим сатанистам приносить в жертву наших детей! // Наш современник. 2002, № 10).

^{XLVII} В Типиконе (уставе монашеской православной жизни) о крещенской воде сказано: «Известно же буди всем о святой воде: яко нецци суть, отлучающе себе от святых воды вкушения ради, не доброе творят: ибо благодать Божия дана бысть на освящение миру и всей твари. Темже во всяких местех и скаредных, всюду кропится, яже и под ногами нашими суть. И где есть сих разум, еже не пити сея; но да увеси, яко не вкушения ради ястия нечистота в нас есть, но от скверных дел наших». «Скаредный» в переводе с церковнославянского означает «гнусный, мерзкий».

^{XLVIII} В начале VIII века они составили «“Канон об основах изначального” — христианский катехизис для китайцев. Сохранились лишь первые десять строк. В них говорится о Патриархе (фа ван — “правитель закона”) Цзин-туне (“сияние” + “проникать”), сидящем в городе Назарет в стране Да-цинъ на облачном троне Сияющего закона во Дворце гармонии и просветленности (мин). Бог Отец назван в этом тексте не применявшимся до этого именем “Императора пустоты” (кун хуан), проповедь Божественной истины сводится к “достижению (чжи чжи) отсутствия (у)”. Говорится о том, что в результате познания истинного Бога Творца можно достичь “безначальности” (у юань), “безмолвности” (у янь), “пути отсутствия” (у дао), “отсутствия связи” (у юань), “таинственного наличия” (мяо ю) и “не-наличия” (фэй ю)» (*Ломанов А.* Раннехристианская проповедь в Китае // Китайский благовестник. 1999, № 1. С. 32).

^{XLIX} Иеромонах Сергей (Рыбко) справедливо сказал, что в из-церковной критике рок-музыки слишком много лжи, несправедливых обобщений и натяжек: «Давайте теперь посмотрим на последствия такого решения. Прежде всего, это неправда. А любая ложь, даже когда человек невольно заблуждается, отвращает от всего, что он говорит, даже если остальное — правда. По причине этой лжи Церковь теряет миллионы душ, в основном молодых, которые могли бы стать подлинными ее членами, глубоко верующими людьми, могли бы проповедовать христианские убеждения своим сверстникам и тем самым ощутимо повлиять на современную молодежную среду. “Обличители” современной культуры, отталкивая молодежь от Православия, не берут ли на душу грех?». Приведя эти слова отца Сергея, несогласная с ним «православная» журналистка парирует: «Никаких последствий “гонения” Церкви на рок-музыку никто не ощущает — скорее наоборот: рок-музыка и ее адепты постепенно входят в церковную среду» (*Хорецкая В.* Современная рок- и поп-музыка с точки зрения Православия // Мир Православия. 2003, № 12; <http://www.baltwillinfo.com/mp12-03/mp-11p.html>).

Вот-вот, несколько пришедших молодых людей примечаются (и у кого-то из церковных людей вызывают чувство успокоенности: мол, видите, немножко молодежи в Церкви есть и, значит, все у нас с миссионерством и педагогикой нормально; а у кого-то — как у той же Хорецкой — даже эти немногие вызывают испуг и отвращение), а миллионы людей, отвернувшихся от Церкви, прошедших мимо нее, не замечаются.

^L «Передавал мне отец Иларий, монастырский духовник, что отец Амвросий отзывался о некрещеных младенцах так: хотя они по заслугам Господа Иисуса Христа и будут в Царствии Небесном, но останутся слепыми, то есть лишатся возможности зреть лице Господа, вследствие того, что в Таинстве Крещения с них

не смыт прародительский грех» (*Старец Варсонофий Оптинский*. Келейные записки. М., 1991. С. 24). Ср. мнение святителя Григория Богослова о людях, которые по малолетству или не по своей воле не были крещены: «Последние не будут у Праведного Судии ни прославлены, ни наказаны; потому что хотя не запечатлены, однако же и не худы, и больше сами потерпели, нежели сделали вреда. Ибо не всякий, не достойный наказания, достоин уже и чести; равно как не всякий, не достойный чести, достоин уже наказания» (*Свт. Григорий Богослов*. Слово 40. На святое Крещение // Творения. Т. 1. С. 558).

^{LI} «Одна из служащих Введенского храма чисто по-женски выразила свои ощущения и чувства, которые вызвал у нее образ Божией Матери “Аз есмь с вами, и никтоже на вы”. Она произнесла такую фразу: “Наш храм посетило немало величественных, чудотворных икон Царицы Небесной, но перед этим образом мне почему-то хочется пасть ниц и умереть у Ее ног”» («Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Повествование о чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. Свято-Георгиевский женский монастырь [Черниговская обл., Козелецкий район, с. Даневка]. Киев, 2001. С. 7).

^{LII} Говорю это, памятуя, конечно, важный контрапункт, внесенный святителем Григорием Богословом. Святитель Григорий в «Слове о любви к бедным» говорит о теле и его нуждах высокие слова — чтобы предупредить всплески аскетической мизантропии (мол, зачем заботиться о телесных нуждах ближнего, если благополучие души важнее благополучия тела; я лучше помолюсь о нем, чем дам ему материальное вспомоществование): «Должен сказать вам, братия,— увещает святитель Григорий,— что мы обязаны заботиться о теле, сем сроднике и сослужителе души (ибо хотя я и винил его, как врага, за то, что терплю от него, но я же и люблю его, как друга, ради Того, Кто соединил меня с ним), и притом — заботиться о теле наших ближних не менее, как и каждый о собственном... Это тело, когда хорошо ему, поднимает войну, а когда воюю против него, ввергает в скорбь. Его я и люблю как сослужителя, от него же и отвращаюсь как от врага; бегу от него, как от уз, и почитаю его, как сонаследника. Решусь ли истомить его? Но тогда некого мне будет употребить в сотрудники в добрых делах; а я знаю, для чего приведен я в бытие, знаю, что мне должно восходить к Богу посредством дел. Стану ли шадить его как сотрудника? Но тогда не знаю, как избежать его мятежнических нападений, и боюсь, как бы не отпасть мне от Бога, отягчившись оковами, коими влекут меня к земле или удерживают на ней. Это *ласковый враг и коварный друг!* Чего боюсь, того держусь, и что люблю, того страшусь. Что за премудрость скрывается во мне и что за великая тайна!.. Чтобы мы знали, что мы вместе и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и бессмертны, наследники света и наследники тьмы, смотря по тому, на какую сторону преклоним себя» (*Свт. Григорий Богослов*. Слово 14. О любви к бедным // Творения. СПб., б. г. Т. 1. С. 208—209).

^{LIII} Сценический «двойник» «Алисы» — подростковая группа «Король и шут». Лидера этой группы, Андрея Князева, спрашивают: «У тебя есть любимые авторы, книжки?».— «Шри Ауробиндо, Ошо» (Подробности. Екатеринбург. 2003, 18 ноября). Так что хотя бы для того, чтобы оккультные идеи не пленяли рок-музыкантов, а через них и подростков, стоит православным людям быть в контакте с рок-миром. Есть своя правда в обвинении, которое предъявил мне самарский бесцензурно-«православный» листок. Говоря о дрейфе Бориса Гребенщикова в буддизм, там задается вопрос: «Куда смотрел диакон Кураев в те годы? Если бы он занялся с БГ каким-нибудь совместным проектом, как сейчас с “Алисой”, может, Гребень сейчас бы ходил не с бородкой, а с бородой» (*А. Е. Заметки простодушного* // Благовест. Самара, 2003, № 23).

^{LIV} Знают ли наши прихожане о литургических танцах православных африканцев? Вот упоминание об этом Патриарха Александрийского и всея Африки Петра VII во время его визита в Москву в феврале 2004 года: «Влияют ли на жизнь христианских приходов в Африке культурные традиции коренных народов континента? — Если речь идет о традициях, которые складывались веками, мы позволяем и даже приветствуем их существование. Но только в том случае, если они не стремятся оказывать влияния на деятельность того или иного прихода. Скажем, для местных африканских культур весьма характерно то, что называется языком тела, языком жестов. Танец для африканских народов — совершенно естественное, многозначное, экспрессивное средство самовыражения. Соответственно, и африканец-христианин в силу своей природы и культурной традиции будет участвовать в богослужении несколько иначе, чем представитель иной этнокультурной среды. Церковь это принимает».

^{LV} «В Неделю сырную вечера... По вечерни в трапезе бывает утешение братии... В понедельник первая седмица знаменует параекклезиарх к свету коснее, вечерняго ради утешения» (ср.: Типикон, сиест Устав. М., 2002. С. 847, 848, 850).

^{LVI} «Святитель Тихон Задонский предлагал заменить молоком столь опасное для русских монахов вино Типикона» (*Свящ. Сергей Желудков*. Литургические заметки. М., 2003. С. 65).

^{LVII} «“Христианских королей больше нет. Страны, о которых ты говоришь, стали частью Британии или еще глубже погрязли в неправде”. — “Что ж, обратимся к тому, кто поставлен сражать тиранов и

оживлять королевства. Воззовем к императору”. — “Императора больше нет”. — “Нет императора?!..” — начал Мерлин и не смог продолжить. Несколько минут он сидел молча, потом проговорил: “Да, в дурной век я проснулся. Но если весь Запад отступил от Бога, быть может, мы не преступим закона, если взглянем дальше. В мои времена я слышал, что существуют люди, не знающие нашей веры, но почитающие Творца. Сэр, мы вправе искать помощи там, за Византийским царством. Вам виднее, что там есть — Вавилон ли, Аравия,— ибо ваши корабли обошли вокруг всего света”. Рэнсом покачал головой. “Ты все поймешь,— сказал он.— Яд варили здесь, у нас, но он теперь повсюду. Куда бы ты ни пошел, ты увидишь машины, многолюдные города, пустые троны, бесплодные ложа, обманные писания, людей, обольщаемых ложной надеждой и мучимых истинной скорбью, поклоняющихся творенью своих рук, но отрезанных от матери своей, Земли, и отца своего, Неба. Можешь идти на Восток, пока он не станет Западом и ты не вернешься сюда через океан. Повсюду ты увидишь лишь тень крыла, накрывающего Землю”. — “Значит, это конец?” — тихо спросил Мерлин».

^{LVIII} Странно все же бывает видеть монастыри под охраной десятков казаков и милиционеров (охраняющих не иконы в храмах, а именно братские корпуса), ведь монахи — по определению! — «живые мертвецы». Особенно эти монашеские телохранители умножились после убийства в Оптиной пустыни. До того мы забыли аксиомы церковной жизни, что от православных собраний и пастырей в Оптину посылали тогда письма и телеграммы соболезнования! Но разве подобное мыслимо было в древней Церкви? Возможно ли такое — в Карфагене узнают, что в Риме казнили несколько священников, и посылают туда гонца с выражением искренних соболезнований? Разве это не праздник для Церкви — появление новых мучеников, новых святых?

^{LIX} «Я думаю, что самое гениальное, что было у русских философов первой половины нашего века, это то, что они взяли из монашеской практики тему преображения человека и приложили ее к сферам культуры, общества, истории, чтобы показать, как реализуется в христианстве возможность преображения культуры и истории» (*Клеман О. Почему я православный христианин // Континент. Париж, 1992, № 2. С. 289*).

^{LX} И уж точно, наличие таких знаний должно пресекать привычку к легковесной идеологической превысренности. Увы, нередко приходится встречать священнослужителей, у которых один доклад заготовлен на все случаи жизни и зачитывается из всех президиумов всех конференций... На более же простом уровне вместо того, чтобы выискивать пророчества и признаки грядущих крутых перемен, надо перейти к этике малых дел. Надо попробовать навести порядок в своей душе, а не тянуться к водочному стакану с очередным гаданьем: «Что же будет с Родиной и с нами?..». Лучший шаг к возрождению России — просто бойкот винно-водочных магазинов.

^{LXI} О том, что такое монашество и зачем оно нужно, мне бы хотелось сказать словами Толкиена. Странник (Арагорн) говорит Боромиру: «Ты говорил о крепости, принимающей на себя удары Врага, но наша задача в ином. На свете немало зла, для которого ничто — крепостные стены и острые мечи. Много вы знаете о мире за границами Гондора? Там свобода, ты говоришь? Так вот, ее бы там и в помине не было, если бы не мы, северяне. Когда темные твари, которых ты и в кошмаре не видывал, вылезают из-под холмов, из темных лесов, не свобода, а страх царит на равнинах. И тогда на их пути встаем мы. Кто мог бы безопасно пользоваться дорогами, кто мог бы спокойно спать в мирных краях Среднеземья, если бы северяне-дунданы оставили свою неусыпную службу, если бы покинули этот мир? Ты говоришь, вас благодарят, но не помогают? Нам не перепадает и этого. Путники косятся, встретив нас на дорогах, селяне изощраются, выдумывая для нас прозвища. Один толстый трактирщик прозвал меня Колобродом, а между прочим, живет он в одном дне пути от чудищ, которых увидишь только — и обомрешь, а если такое наведается к нему в гости, от деревни и труб не останется. Но он спит себе преспокойно, потому что не спим мы. А по-другому и быть не может. Пусть простой фермер живет, не зная страха, я и мой народ все сделаем, чтобы он жил так и дальше. Для этого храним мы свои тайны, в этом видим свое назначение, покуда в мире еще год за годом зеленеет трава» (*Толкиен Д. Р. Р. Властелин колец: В 3 ч. Ч. 1: Братство кольца. СПб., 1992. С. 297*). Я не знаю лучшего комментария к знаменитому святоотеческому определению: «Монах — это тот, кто в одиночестве молится за весь мир».

^{LXII} «Убежден, что как раз от слабости Православия проистекают многие проблемы юного российского рынка. Православие поощряет всякий труд, в том числе и предпринимательский. Наша вера отнюдь не призывает каждого к добровольной нищете, как некоторые восточные секты. Напротив, “как может существовать общение между людьми и милосердие, когда никого не будет с достатком? — восклицал еще древний авторитетнейший церковный писатель Климент Александрийский.— Каким образом тот, кто сам ничего не имеет, насытит алчущего, напоит жаждущего, примет странника? Богатство есть орудие... Если орудие употребляют с умением и как следует, оно будет полезно”. Да, в Православии существует особый вид подвига — монашество. Но изучите историю русского монашества. Именно монахи становились первопроходцами и обживали дикие леса северо-востока Руси, где потом вокруг обителей созидались

города, возникали ярмарки, строились промышленные предприятия. «Духовная энергия подвижников перековывалась в материальное богатство края», — заметил по этому поводу протоиерей Сергей Булгаков. Но православный предприниматель не раболепствует перед тленными сокровищами, не смотрит на них как на цель своей жизни, не покупает себе замков на далеких теплых островах, он прежде всего стремится принести благо родной стране» (Доклад архиепископа Костромского и Галичского Александра, председателя Синодального отдела по делам молодежи, на открытии Съезда православной молодежи (май 2001) [<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/nr105167.html>]).

LXIII Если читатель пожелает дальше размышлять на эту тему, я предложил бы ему обязательно учесть замечательную статью священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) «О единстве идеала Христова» из его книги «Без Церкви нет спасения». Тогда будет понятно, что сказанное выше сказано не в укор монашеству и не ради снижения привлекательности монашеского идеала, а, напротив, для того, чтобы и «мирской карьерист» мог учитывать духовный опыт, накопленный монахами: как иметь, «не имея».

LXIV Прежде всего диск 2003 года — «Сейчас поздней, чем ты думаешь».

«Почему Вы так назвали альбом? — Отец Андрей Кураев сказал мне, что это слова одного американского иеромонаха, Серафима, сказанные им еще в 1975 году. В контексте того времени это означало, что движется время апокалипсиса: сейчас позднее, чем ты думаешь. Трактовать название альбома однозначно мне бы не хотелось, я уважаю свободу мнения и выбора каждого. Я лично вкладывал в это тот смысл, что, живя на земле, не стоит забывать, что все мы смертны. Это просто полезно для души» (Куранты. М., 2003, 8 октября).

LXV *Кор.*: А случалось, что люди, знакомясь с Вашими песнями, приходили в Церковь?

Кинчев: Ну, опять получится хвастовство. Дай Бог, чтобы так было. Иначе я вообще не вижу смысла в своей деятельности. Мне хотелось бы, чтобы зерно, которое бросается, хоть как-то проросло, хотя бы в одном из тысячи, и человек приходил бы в храм. Если судить по отзывам, есть такие случаи, что молодежь, благодаря нашим песням в общем-то, — ой, прости, Господи, опять гордыня начинается, — приходила к вере.

Кор.: В какой-то степени то, что Вы делаете, называется миссионерством.

Кинчев: Ну, начинается... Я, получается, такой, значит, крутой. Я, по мере возможности, стараюсь менее путано показать свою дорогу в песнях, и уж кто как это воспримет. Надеюсь, что воспримут правильно. Важно, чтобы я брал крест по себе, а то можно и сломиться. Я бы не сказал, что это миссионерство. Миссионерством занимаются более просвещенные, одаренные и талантливые люди. Такие, например, как диакон Андрей Кураев. Он богослов, он очень много знает и вообще умница.

Кор.: Когда мы с ним встречались, я помню, он обмолвился, что была какая-то идея о Вашей с ним совместной деятельности. Что-то вроде совместных выступлений.

Кинчев: Эту идею придумали одни ребята-паломники, которые пришли ко мне и позвонили от меня Кураеву. Отец Андрей воспринял это как обращение от меня. Это на самом же деле было совсем не так. Была идея хороших в общем-то людей, которые не очень понимают суть проповеди. Диакон Андрей тихо, келейно общается с вдумчивым залом, а у меня же атмосфера на концертах довольно-таки буйная. Поэтому эти вещи несовместимы. Я вообще никогда бы не дерзнул отцу Андрею это предложить. Какие-нибудь фанаты еще закидают его банками, а мне мучиться» («Главное — что Христос воскрес!» Интервью с Константином Кинчевым // Покров. Православная молодежная газета. Екатеринбург, 2001, май).

LXVI «Перед одним из Ваших концертов отец Андрей читал проповедь. Вы будете продолжать эту практику? — Мы с отцом Андреем на эту тему размышляли и пришли к выводу, что проповеди нельзя ставить на поток. Они должны быть редкими, адресными и не перед концертами. Рок-н-ролл — все-таки очень буйное действо. Надо после концерта еще на день оставаться в городе и проводить беседу с теми, кто захочет прийти к отцу Андрею» (Евангелие от «Алисы» // Известия. 2003, 29 октября).

LXVII «Моя Анна (орден) была бесплодна; но с 1 мая понесла и принесла мне уже сто рублей за полгода, а за год 200 будет приносить» (*Свт. Феофан Затворник*. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 390).

LXVIII Недалеко от Александро-Свирского монастыря в XVII веке стоял деревянный сруб, якобы срубленный самим преподобным Александром. В начале XVIII века от сруба осталось только пять нижних венцов, а верхняя часть и крыша были «новоделами». Архиепископ Феофан (Прокопович) сообщал в Синод, что «народ имеющийся в ней старые древние бревна зубами грызет для исцеления зубной болезни». По предложению Феофана Синод постановил сжечь этот сруб (см.: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. С. 224—225).

^{LXIX} «Православная Церковь всегда сторонилась политики, оставалась послушной государству во всем, что не касалось веры... Церковь повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией... Политические выступления Патриарха направлены не против власти в собственном смысле. Они относятся к тому времени, когда революция проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти в смысле организованного правительства, обладающего необходимыми орудиями управления, не существовало. В то время слагающиеся органы центрального управления не могли сдерживать злоупотребления и анархии ни в столицах, ни на местах... Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею от своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом. И в этом случае она не разошлась со своим вероучением, требующим от нее послушания гражданской власти, ибо Евангелие обязывает христианина повиноваться власти, употребляющей свой меч во благо народа, а не анархии, являющейся общественным бедствием. Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности к советскому правительству» (К правительству СССР. Обращение православных епископов из Соловецких островов. Цит. по: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж, 1977. С. 420—423).

^{LXX} Гнев дозволен христианину: *Гневайтесь, и не согрешайте* (Пс. 4, 5). *Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу* (Рим. 12, 18—19). В современных переводах послания после слова *гневу* прибавлено *Божию*, тогда как этого слова нет не только ни в одной из греческих новозаветных рукописей, но даже и в церковнославянском переводе; причем это вторжение издателей в библейский текст даже не отмечено курсивом. И хотя эта вставка предполагается контекстом, все же ее выделение не помешало бы.

^{LXXI} «Недопустимо думать, что христианину можно все-таки иногда кое-что слушать из такой музыки, выбирая более или менее “безобидное”, и тешить этим свой слух. Нет! Злое дерево не приносит добрых плодов! Дерево, корнями своими пьющее соки адовой бездны, не может приносить безвредных плодов. Можно ли христианину иногда ради развлечения и для разнообразия пообщаться с дьяволом? Или поплясать под одну дудку с бесами? Итак, даже самое “легкое” увлечение православного христианина рок-культурой есть измена своей вере, есть явное оскорбление своего Господа, удаление от Него, есть пагубная прелесть, общение с духами тьмы, заигрывание с сатаной!» (*Архим. Лазарь [Абашидзе]*. Грех и покаяние последних времен. С. 75—76).